
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12
1891.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Списокъ

членовъ И. Р. Географическаго и Неофилологическаго Обществъ, а также нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ постороннихъ,—приславшихъ сочувственныя «Живой Старинѣ» заявленія, въ отвѣтъ на предварительно разосланное Отдѣленіемъ Этнографіи предложеніе объ ея изданіи [1]).

А. Лица, заявившія о готовности внести свыше подписной платы:

				г.	к.
1.	Ламанскій, Е. И.	1	экз.	600	—
2.	Вильмсъ, З. Г.	3	»	100	
3.	Ламанскій, В. И.	1	»	90	—
4.	Бильбасовъ, В. А.	1	»	55	—
5.	Ровинскій, Д. А.	1	»	55	—
6.	Бунге, Н. Х.	1	»	50	—
7.	Толстой, графъ М. М. (Одесса)	1	»	50	—
8.	Пыпинъ, А. Н.	2	»	50	—
9.	Д. Ѳ. Самаринъ (Москва)	1	»	50	—
10.	Вахрамѣевъ, И. А. (Ярославль)	1	»	30	—
11.	Веселаго, Ѳ. Ѳ.	1	»	30	—
12.	Галкинъ-Врасскій	1	»	30	—
13.	Гротъ, К. К.	1	»	30	—
14.	Небольсинъ, П. И.	1	»	30	—
15.	Н. М. Ковалевскій (Ницца—Франція)	1	»	50	фр.
16.	Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	1	»	25	—
17.	Корниловъ, Ѳ. П.	1	»	25	—
18.	Оржевскій, П. В.	1	»	25	—
19.	Соболевскій, А. И.	1	»	25	—
20.	Будиловичъ, А. С.	1	»	20	—
21.	Подвинцевъ, Е. Е. (Кочкарь)	1	»	15	—
22.	Толстопятовъ, А. М. (Москва)	3	»	25	—
23.	Таскинъ, А. Н.	3	»	20	—
24.	Анучинъ, Д. Н.	1	»	10	—
25.	Брунneманъ, Ю. В.	1	»	10	—
26.	Глуховской, П. И.	1	»	10	—
27.	Григорьевъ, А. В.	1	»	10	—
28.	Дурново, А. В. (Вытегра)	1	»	10	—
29.	Истоминъ, Ѳ. М.	1	»	10	—
30.	Кидошенковъ, Н. В.	1	»	10	—
31.	Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	1	»	10	—
32.	Клепшъ, Э. Э.	1	»	10	—
33.	Лавровскій, Н. А. (Рига)	1	»	10	—
34.	Ламанская, М. Н.	1	»	10	—
35.	Лиліенфельдъ-Тоаль, П. Ѳ.	1	»	10	—
36.	Маркевичъ, А. И. (Одесса)	1	»	10	—

[1]) Печатаются группы А и Б, въ которыхъ произошли измѣненія и дополненія.

				Р.	К.
37.	Милютинъ, графъ Д. А. (Мисхоръ, Тавр. губ.	1	экз.	10	—
38.	Половинкинъ, Н. Н.	1	»	10	—
39.	Полѣнова, О. Н.	1	»	10	—
40.	Ровинскій, П. А. (Цетинье)	1	»	10	—
41.	Семевскій, М. И.	1	»	10	—
42.	Титовъ, А. А. (Ростовъ, Яросл. г.)	1	»	10	—
43.	Успенскій, Ѳ. И. (Одесса)	1	»	10	—
44.	Флоринскій, В. М. (Томскъ)	1	»	10	—
45.	Шидловскій, С. Н. (Ворон. г.)	1	»	10	—
46.	Шиманскій, А. Н.	1	»	10	—
47.	Друри, И. В.	1	»	8	
48.	Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3	»	20	—
49.	Софіано, Л. Н.	2	»	11	—
50.	Дондуковъ-Корсаковъ, князь Н. А.	1	»	6	—
51.	Дриновъ, М. С. (Харьковъ)	1	»	6	—
52.	Милютинъ, Ю. Н.	1	»	6	—
53.	Потебня, А. А. (Харьковъ)	1	»	6	—
54.	Чарыковъ, Н. В.	1	»	6	—
55.	Шишковскій, К. (Кочкарь)	1	»	6	—
56.	Марксъ, А. Ф.	1	»	5[1])	—

Б. Лица и учрежденія, заявившія о готовности подписаться на «Живую Старину» свыше одного экземпляра:

				Р.	К.
1.	Суворинъ, А. С.	100	экз.	500	—
2.	Бобринскій графъ, А. А.	10	»	50	—
3.	Славянское Благотв. Общество	10	»	50	—
4.	Мазингъ, М. К. (Асхабадъ)	5	»	27	50
5.	Рахманиновъ, И. И. (Кіевъ)	5	»	27	50
6.	Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. А.	5	»	25	—
7.	Смитъ, Т. С. (Москва)	3	»	16	50
8.	Батюшковъ, Ѳ. Д.	2	»	10	—
9.	Добровольскій, В. Н. (с. Даньково, Смол. г.)	2	»	10	—
10.	Кибальчичъ, Т. В. (Кіевъ)	2	»	11	—
11.	Мандельштамъ, І. Е.	2	»	10	—
12.	Ольденбургъ, С. Ѳ.	2	»	10	—
13.	Романовъ, П. М.	2	»	10	—
14.	Слюнинъ, Н. В. (Кронштатъ)	2	»	10	—
15.	Соколовъ, И. И.	2	»	10	50
16.	Струве, Н. Б.	2	»	10	—
17.	Университетъ, Имп. Варшавскій	2	»	11	—
18.	Флери, И. И.	2	»	10	—

---

[1]) Съ предложеніемъ безплатнаго помѣщенія въ журналѣ «Нива» объявленій о подпискѣ на «Живую Старину»—на 200 руб.

ОТДѢЛЪ I.

ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА М. С. КУТОРГѢ, И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ, П. О. ШАФАРИКУ, КУРШАТУ и друг.

(1836—1846).

И. И. Срезневскому.

СПБ. 26 Января 1843 года. [1])

Письмо Ваше съ посылкою, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ, отъ 9-го Декабря прошлаго года, получилъ я какъ бы Вы думали? 23-го Января сего текущаго года! Въ Университетѣ до прошлой недѣли плохо знали мою квартиру, а потому письмо ходило туда и сюда, пока наконецъ сказаннаго числа благополучно досталось въ мои руки. Въ субботу, т. е. 23-го числа, я не могъ быть тотчасъ у Сербиновича: уже было поздно. Въ Воскресенье также, по причинѣ похоронъ покойнаго Митрополита, при чемъ Сербиновичъ не могъ не быть. Наконецъ въ понедѣльникъ, 25-го, я отправился къ нему. Онъ мнѣ поручилъ сказать Вамъ, что де онъ виноватъ передъ Вами, что до пріѣзда Вашего въ Россію трудно было Вамъ переслать деньги, наконецъ, что его долгъ (сказано съ особеннымъ акцентомъ) препроводить ихъ къ Вамъ немедленно.—При всемъ томъ видно было изъ словъ его, что Вы не тотчасъ сполна получите причитающуюся Вамъ сумму, потому де, что выдача столь значительной суммы можетъ обратить на себя вниманіе. Чье вниманіе онъ подразу-

[1]) Въ началѣ письма рукою Срезневскаго написано карандашемъ: „Отвѣчать съ письмомъ къ Востокову“. Отъ М. С. Куторги мы имѣемъ переплетенную тетрадь (въ 4-ку) Прейса съ черновыми его писемъ 1843 и слѣдующ. гг. Она начинается съ этого письма къ Срезневскому, которое мы такимъ образомъ имѣемъ въ 2-хъ экземплярахъ. Они мною сличены, и можно полагать, что слѣдующія, взятыя нами изъ тетради, письма къ другимъ лицамъ также мало чѣмъ или совсѣмъ не отличаются отъ на чисто переписанныхъ и отправленыхъ, буде они были переписаны и отправлены. *В. Л.*

мѣвалъ, мнѣ неизвѣстно. Но не въ томъ дѣло. Вамъ будетъ послано въ первыхъ числахъ Февраля часть, а можетъ быть и все. Я умолялъ его поспѣшить высылкою и онъ мнѣ обѣщалъ исполнить Вашу и мою просьбу, притомъ сказалъ, что самъ будетъ писать къ Вамъ.

Получивъ въ субботу (23 Января) Ваше(го) письмо, я вечеромъ отправился къ Надеждину, но не засталъ его дома. Въ воскресенье вечеръ отняли у меня бывшіе мои ученики, посѣтивъ меня въ ту минуту, когда я уже собирался къ Надеждину. Вчера опять у него былъ и опять напрасно. Послѣ этого не смѣю уже медлить моимъ отвѣтомъ. Зачѣмъ, спросите Вы, ходилъ я къ Надеждину. Вамъ можетъ быть неизвѣстно, что онъ редакторъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ. На основаніи чего, я и полагалъ сдѣлать ему предложеніе, не захочетъ ли онъ принять въ составъ своего журнала статистическія статьи о Славянахъ, и притомъ на какихъ условіяхъ? Какъ скоро увижусь съ нимъ, то не замедлю васъ увѣдомить о результатѣ. Между тѣмъ—буде Вамъ еще—неизвѣстно—считаю долгомъ обратить Ваше вниманіе на статью, какъ мнѣ кажется, очень важную, помѣщенную въ Wiener Iahrbücher 1842. Bd. 98 p. 181—244 и заключающую въ себѣ статистическія свѣденія о преступленіяхъ въ Австріи. Эта статья написана по поводу выхода книги, которой у меня еще нѣтъ: Statistische Uebersicht der Bevölkerung der österreichischen Monarchie nach den Ergebnissen der Jahre 1834—1840, von S. Becher. 1841 Stuttgart u. Tübingen.

На счетъ книгъ, посылаемыхъ Вами Касторскому и Сахарову, я увѣдомлю Васъ въ свое время: еще никого изъ нихъ не могъ видѣть.

Вотъ Вамъ исторія трехъ дней со времени полученія Вашего письма, которое задѣло меня за-живое. Досада, что я Вамъ до сихъ поръ не писалъ, досада, что такъ поздно получилъ Ваше письмо, наконецъ содержаніе самаго письма—все это сильно меня взволновало. Въ первую минуту—признаюсь—я не зналъ, что дѣлать и на что рѣшиться. Тѣмъ тяжеле это для меня было, что я лишенъ возможности помочь Вамъ въ бѣдѣ, изъ которой Вы меня столько разъ выводили. Этого я не забылъ и никогда не забуду.

Не знаю, кстати-ли придетъ [1]) слѣдующій совѣтъ. По пріѣздѣ моемъ, какъ Ректоръ, такъ и секретарь попечителя объявили мнѣ, что я долженъ подать прошеніе о единовременной мнѣ выдачѣ на первое обзаведеніе, на основанія прежде бывшихъ примѣровъ. Сказано, сдѣлано. Министръ отъ 24 Декабря 1824 года «разрѣшилъ выдать «мнѣ» изъ остаточныхъ суммъ Университета 175 рублей

[1]) Въ чернов. «придется».

серебромъ, единовременно, на обзаведеніе и на возмѣщеніе тѣхъ издержекъ, которыя «мною» понесены отъ болѣзни при возвращеніи въ Россію.

Какъ Вы думаете? Неужели Вамъ нельзя, на основаніи этого и притомъ не перваго случая, войти съ прошеніемъ куда слѣдуетъ? Я не сомнѣваюсь въ согласіи Министра, если захотятъ Совѣтъ Университета и Попечитель.

Я очень обрадовался вѣсти объ образцахъ славянскихъ нарѣчій [1]).

Теперь просьба избавить меня отъ небольшаго затрудненія. Сербиновичъ тотчасъ послѣ моего пріѣзда просилъ меня написать разборъ книги Шафарика: Словански народопис. Я принялъ его предложеніе, на свою бѣду. Ему хотѣлось, чтобы рецензія была готова къ Рождеству, но вотъ и 26 Января; а я еще ни гугу! Причины тому будутъ слѣдовать ниже. Вчера бывши у Сербиновича, я—разумѣется—боялся и заговорить объ этомъ предметѣ. Но онъ спросилъ меня: «Не готовъ еще» было моимъ отвѣтомъ съ додаткем, что только отъ Васъ Журналъ М. Н. Просвѣщенія можетъ получить вполнѣ удовлетворительный разборъ Народописа, и что я о томъ буду писать къ Вамъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что уже почти во всѣхъ русскихъ журналахъ находятся извѣстія о книгѣ Шафарика, [2]) а въ Ж. М. Н. Пр. еще ни слова не сказано. Обративъ его вниманіе на большую разницу между рецензентомъ и референтомъ, я прибавилъ, что изъ всѣхъ славистовъ, не исключая и Шафарика, только Вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла.—Это [3]) его успокоило и онъ просилъ меня писать къ Вамъ, что я и исполняю.—Я замѣтилъ ему еще, что получивъ Вашу статью, я могу—буде окажется нужнымъ—прибавить то, что Вамъ не пришло на мысль при разсмотрѣніи столь сложнаго предмета.

Что, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ, Вы не разсердитесь на меня? Можетъ быть Вамъ это будетъ непріятно. Но дѣло сдѣлано. Таить же предъ Вами что-нибудь составляетъ для меня не возможность. Надѣюсь, что и Вы будете со мною откровенны, т. е. разругаете меня — какъ говорится — въ прахъ. Вы вѣрно не забудете Вашихъ правъ и обязанностей въ отношеніи ко мнѣ.—

Почему я отъ предложенія Сербиновича отказываюсь? спросите Вы. 1) Я въ подметки не гожусь Вамъ въ этомъ предметѣ. 2) У меня еще впереди одинъ важный разборъ, къ которому я долженъ порядочно пригото-

---

[1]) Современемъ Вы сообщите мнѣ болѣе подробностей объ этомъ предметѣ. Пока я скажу только одно: мнѣ какъ-то не нравится раздѣленіе Вашего труда на 12 книжекъ. Но объ этомъ всемъ въ свое время.

[2]) Въ подл. описка: «Шафарикѣ.»

[3]) Въ подл. описка: «этого.»

виться. Это Остромирово Евангеліе, которое вѣроятно къ Пасхѣ выйдетъ въ свѣтъ. Далѣе: можетъ быть нужно будетъ написать статью о изданномъ Востоковымъ-же каталогѣ рукописей румянцевскаго музея. 3) Я много убилъ времени на разсмотрѣніе двухъ рукописей, диссертація Магистра Григоровича въ Казани: Исторія литературы Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XIV столѣтія, и Старшаго Учителя Коншина краткаго церковно-славянскаго словаря. Обѣ рукописи получили: damnatur. Эти, хотя и лестныя, порученія Министра довольно непріятны.—Оскорбляешь самолюбіе людей.—Сколько предвижу, этимъ порученіямъ не будетъ конца, тѣмъ болѣе, что на Руси думаютъ: довольно знать русской грамотѣ для того, чтобъ писать о Славянахъ и нарѣчіяхъ славянскихъ вкривь и вкось. 4) Наконецъ: я до сихъ поръ хвораю—и вотъ причина, почему я еще не начиналъ лекцій.

Пусть это послѣднее обстоятельство будетъ поводомъ къ разсказу слѣдующей плачевной исторіи.—Вы помните, что въ Щавницѣ я былъ reconvalescent, что я думалъ даже черезъ нѣсколько дней пуститься въ дорогу. Но не тутъ-то и было. Лихорадка снова рѣшилась меня потрести такъ, что пароксизмъ продолжался около 12 часовъ. Это уже была не «загребечка грозница.» Вслѣдъ за этимъ выступила сыпь по всему тѣлу. Докторъ совѣтовалъ мнѣ отправиться въ Склено. Добрый Бранковиħ повезъ меня и прожилъ со мною тамъ три дня. Больше нельзя было. Номеръ достался намъ въ нижнемъ этажѣ. Комната наша—по заведенному здѣсь прекрасному обычаю—только что была выбѣлена. Къ этому прибавьте: дождливое, холодное время. Сырость въ комнатѣ была такая, что наше платье сдѣлалось въ два раза тяжеле обыкновеннаго. Думали, думали и наконецъ рѣшились воротиться въ Щавницу, тѣмъ болѣе, что въ Венгріи на водахъ нѣтъ постоянныхъ врачей. Впрочемъ трехдневное купаніе имѣло ту выгоду, что сыпь еще болѣе вышла наружу. Пріѣзжаемъ въ Щавницу и опять въ руки варвара-доктора, который сталъ меня лечить наружными средствами. Каково Вамъ это покажется? Между тѣмъ погода разгулялась, прояснѣла и я опять въ Склено, гдѣ и прожилъ три недѣли. Новый пароксизмъ лихорадки вновь заставилъ меня увидѣть Щавницу и вновь попасть въ руки Балиги. [1]) Наконецъ, избавившись отъ лихорадки, я поспѣшилъ въ Быстрицу, хотя и чувствовалъ ломъ въ костяхъ, на который мой докторъ вовсе не обращалъ вниманія. «Es wird schon alles gut werden» повторялъ онъ и полагалъ, что мнѣ-бы не худо было заѣхать въ Сліачъ. Воды-де [2]) отличныя и духомъ прогонятъ все. Вѣруя въ силу природы болѣе, нежели въ искусство врачей, я заѣхалъ въ Сліачъ и выѣхалъ оттуда въ Бы-

---

[1]) Въ черн. «коновала»
[2]) Въ черн. «дескать.»

стрицу съ лихорадкою и съ усиленнымъ ломомъ въ костяхъ. Являюсь на дворъ лютеранской церкви въ полной увѣренности обнять милаго Ходжу и увы! узнаю, что Ходжа въ Св. Микулашѣ, а что здѣсь пасторами: Кузмани и Крчмери. Новая бѣда. Кузмани въ Пештѣ на конвентѣ. Бросился къ Крчмери, хотя-бы и для того, чтобы узнать о лучшемъ докторѣ. Узнавши, послалъ за Малюсомъ, которому и разсказалъ весь ходъ болѣзни. Онъ ахнулъ, услышавъ о наружныхъ средствахъ противъ сыпи и о употребленіи слиацкихъ водъ, столь вредныхъ въ [1]) ломотныхъ болѣзняхъ.—Началось новое леченіе, очень продолжительное по милости щавницкаго доктора. Наконецъ выпользовавшись бѣгу опрометью домой черезъ Св. Микулашъ, Ясенову (помните-ли Вы чудака Цохіуса? Онъ женился), черезъ жилища Гораловъ въ Краковъ. Погода и дорога была ужасная. Повѣрите-ли, что я цѣлую недѣлю на венгерской границѣ въ Подвлкѣ просидѣлъ, находясь въ рукахъ жида, увѣрявшаго меня, что нѣтъ дороги. Подвлкъ—это куча нѣсколькихъ избенокъ, съ таможнею. Вотъ и все. Кромѣ того, выбираясь изъ Подвлка въ Галицію, я долженъ былъ запастись даже хлѣбомъ, имѣя на пути своемъ до Кракова только проселочную дорогу, Вамъ безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстную. Изъ Кракова съ новымъ паспортомъ въ Варшаву, гдѣ пробылъ около недѣли. Благодарю Васъ душевно за знакомство съ Евецкими, особенно съ старшимъ. Изъ Варшавы въ дилижансѣ въ Питеръ, куда и прибылъ 16-го Ноября въ качествѣ воскресшаго изъ мертвыхъ. Уже въ Варшавѣ я сильно кашлялъ, въ дорогѣ эта, обыкновенная, у меня болѣзнь еще болѣе усилилась. Къ ней присоединилась боль въ горлѣ: я потерялъ голосъ до того, что едва могъ говорить. И теперь, хотя и не въ столь сильной степени, я вовсе еще не имѣю натуральнаго голоса, почему и не могъ начать лекцій. Впрочемъ эти двѣ болѣзни не такъ сильно меня безпокоили сравнительно съ солитеромъ, повидимому, товаромъ заморскимъ. По крайней мѣрѣ до этого времени онъ не былъ въ числѣ моихъ непріятныхъ знакомыхъ.—По милости этого непріятеля меня сильно слабитъ—вотъ уже слишкомъ $1^1/_2$ мѣсяца, безостановочно. Я исхудалъ ужасно: желудокъ ничего не варитъ. Теперь глотаю лекарство, имѣющее цѣлію укрѣпить желудокъ, а потомъ примусь и за горло. Благодаря помощи врача, лекарство начинаетъ дѣйствовать. Къ числу врачебныхъ пособій принадлежитъ и движеніе: я обязанъ ходить въ день не менѣе 4 часовъ. Эта обязанность довольно непріятна при нынѣшней сырой, мокрой, ненастной погодѣ.

Но выйдемъ изъ лазарета и поговоримъ о другихъ дѣлахъ.

По поводу одной бумаги вѣнскаго двора, призывалъ меня Министръ къ себѣ и просилъ меня ничего не говорить политическаго на лекціяхъ, о чемъ

[1]) Въ чернов.: «ломотнымъ болѣзнямъ.»

увѣдомляю Васъ. Немножко досталось отъ Министра и Москвѣ, въ особенности Бодянскому. И по дѣломъ! У Москвичей только Славяне во всемъ чисты и правы, только виноваты Австрійцы и Мадьяры. Съ этимъ я вовсе не согласенъ. Москва не можетъ существовать безъ Святыхъ. Будто бы ихъ мало безъ Шафарика, Ганки и иныхъ. Я все поджидаю, что Погодинъ съ товарищи сочинитъ тропарь или кондакъ которому нибудь изъ своихъ славянскихъ пріятелей. Вѣдь это у него послѣднее, сильнѣйшее доказательство, см. его разсужденіе о Несторѣ ad calcem.

Вчера отъ Дубровскаго получилъ я коротенькое письмецо, въ которомъ между прочимъ находится выписка изъ посланія къ нему Ганки. Ганка пишетъ по русски. «Копытарь лукавецъ, знаетъ свое ремесло. Вукъ его рабъ «и такъ-бы хотѣлъ всѣхъ словить. Вамъ неизвѣстно, что онъ на меня донесъ «про реймское евангеліе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Но я «отвѣчалъ остро. Онъ теперь въ Римѣ, опять сплетни и каверзы куетъ».

Кстати о реймскомъ евангеліи. Каллиграфъ Сильвестръ facsimiroval все евангеліе и поднесъ его Государю, который подарилъ это огромное facsimile Императорской Публичной Библіотекѣ. Поговариваютъ, что Государь приказалъ его напечатать.

Мой курсъ раздѣленъ пока слѣдующимъ образомъ: Въ 1-мъ году Южные Славяне (Болгаре, Сербы, Хорваты и Хорутане). Во 2-мъ—Чехи. Въ 3-мъ—Поляки, въ 4-мъ сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, причемъ войдетъ въ разсмотрѣніе и русское нарѣчіе. Въ Петербургѣ слова: «каѳедра Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій,» толкуютъ такъ, что преподающій обязанъ изложить исторію народовъ славянскихъ, языкъ ихъ и литературу [1]).—По Высочайшему повелѣнію студенты изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній—къ какому-бы факультету ни принадлежали—обязаны слушать лекціи церковно-славянскаго языка. На безрыбьи и ракъ рыба, а потому я принужденъ взять въ руководство христоматію Пѣнинскаго. О горе!

Моя южно-русская библіотека состоитъ изъ слѣдующихъ книгъ:

1) Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. Lwów. 1833.

2) Максимовича. Народныя пѣсни. М. 1834.

3) Чари. М. 1837.

4) Енеида. Изд. 2-ое (дрянное?) СПБ. 1808.

5) Lewicki. Grammatik der russischen Sprache. Przemysl. 1843.

6) Павловскаго грамматика м(ало)р(ус)скаго нарѣчія. СПБ. 1818.

---

[1]) Въ чернов. было написано и зачеркнуто: «Основываясь на этотъ планъ, изложенный вкратцѣ. Время—безъ сомненія—многое измѣняетъ...»

7) Наськы украиньскы казкы. М. 1835.
8) Козырь дивка. СПБ. 1838.
9) Гребенки Полтава. СПБ. 1836.
10) Его-же. М(ало)р(ус)скія приказки. СПБ.
11) Lozinskoho ruskoje wesile. Przemysl. 1835.
12) Lutskay gram. Slavo-ruthenica. Budae. 1830.

Къ этому слѣдовало бы прибавить: Наталку Полтавку, которую Вы мнѣ подарили въ Кенигсбергѣ, но я ее въ свою очередь уступилъ Мронговіусу въ Данцигѣ. Изъ этого Вы видите, что моя м(ало)р(ус)ская Вивліотика не полна, и нижеподписавшійся съ особенною благодарностію приметъ все, что Харьковъ ни пришлетъ Петербургу. Современемъ я займусь м(ало)р(ус)скимъ нарѣчіемъ основательно, и тогда запросамъ не будетъ конца.

До сихъ поръ я получилъ тѣ только книги изъ-за границы, которыя мною отправлены были изъ Загреба. Прежде Мая не могу получить того запаса, который хранится въ Прагѣ, Лейпцигѣ, Кенигсбергѣ. Скоро, можетъ быть, придутъ мои книги изъ Кракова.

Недостатокъ нужнѣйшихъ пособій дѣлаетъ меня безрукимъ.

На счетъ законовъ полицкой общины слѣдуетъ замѣтить, что въ здѣшней Импер(аторской) Публичной Библіотекѣ—по словамъ Библіотекаря М. С. Куторги—находится богатый запасъ матеріяловъ для исторіи Венеціи. Тѣмъ лучше для насъ!

Когда получу всѣ мои книги, то поспѣшу доставить принадлежащее между ними Вамъ.

Въ Іюнѣ постараюсь также доставить Вамъ роспись всѣмъ моимъ книгамъ. Того-же прошу и отъ Васъ.

Съ пріѣзда моего въ Россію я еще никому не писалъ: это первое письмо и притомъ такое длинное, что пора кончить. Разберете-ли мою руку? Разберете-ли смыслъ написаннаго? Спѣшу, а потому ни на что не обращаю вниманіе.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей маменькѣ и поблагодарите ее за участіе, которое она принимала во мнѣ недостойномъ. Будьте здоровы до слѣдующаго письма.

Вашъ *П. Прейсъ.*

P. S. Мой адресъ: На Мойкѣ между Пѣвческимъ и Полицейскимъ мостомъ, въ домѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ. Живу у брата [1]).

Надеждинъ мнѣ говорилъ какъ-то о томъ, что Копитаръ писалъ ему о находкѣ, довольно интересной, относящейся къ апостольству Кирилла и Меѳодія.

[1]) Братъ Прейса былъ экзекуторомъ въ этомъ М—вѣ. *В. Л.*

[illegible] вамъ надоѣдала въ Шибеникѣ. [illegible] — этою находкою подтверждаются [illegible]

[illegible] вамъ подробно. Теперь одно ясно, что [illegible] вышего, вновь воцарится. Боже мой, [illegible] будутъ выкупить спокойствіе Сербіи [2]).

Шафарику.

[illegible] с. (6 Іюля н. с.) 1843.

[illegible] меня, теперь только посылаю Вамъ, не- [illegible] ложныхъ и истиныхъ книгахъ. [illegible] графа Толстова № 312 (Калайд. и Стр. [illegible] Румянцовскаго [3]) Музея IV° 447 и [illegible] замѣтить, что я списывалъ столбецъ [illegible] слово. Надѣюсь, что описокъ важныхъ [illegible] пропущено удареніе или знакъ надъ глас- [illegible] ставилъ прописныя буквы въ именахъ, [illegible] подчеркнуто, то въ подлинникахъ писано [illegible]: разберете ли Вы мою руку?

[illegible] Толстова № 312, очевидно, писана борзописцемъ [illegible] и можетъ быть и пропусковъ. Отъ этого [illegible] хотя сличеніе 4-хъ списковъ, находящихся [illegible] (sic) многое и у меня кое-что собрано [illegible] хорошо сдѣлалъ, что до сихъ поръ не сооб- [illegible] ожидаю полнаго критическаго комментарія. [illegible], что Вы вновь занялись составленіемъ [illegible] Никто живѣе не можетъ чувствовать [illegible] какъ мы, преподающіе. Матеріялъ разбро- [illegible] Вы первый начали сосредоточивать этотъ ма- [illegible] конецъ хаотическому нестроенію и начало спе- [illegible]

[illegible] Конечно это относится къ предъид. замѣткѣ о [illegible]

[illegible]

[illegible] Румянцовская.

[illegible] греческаго подлинника, котораго до сихъ [illegible] не удалось открыть. Впрочемъ...»

[illegible] «по части знанія Славянства».

Получили ли Вы отъ г. Колара «постанакъ словенски слова или письменность каква е и каква треба да е у Србском језику од Адама Драгославльевића. У Београду. 1840». Въ проѣздъ мой въ прошломъ (т. е. году) черезъ Пестъ я просилъ г. Колара доставить одинъ экземпляръ Вамъ, другой Копитару.— Если къ кому нибудь будете писать въ Петербургъ, то не забудьте упомянуть о томъ, возвратился ли Копитаръ изъ Италіи.

Прошу покорнѣйше также доставить намъ Ваше объясненіе—«географическаго отрывка», какъ называлъ его Карамзинъ. Вы—твердо помню—намѣревались его прислать сюда. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать.

Я, какъ Вамъ вѣрно уже извѣстно, началъ мои чтенія, не безъ нѣкотораго успѣха, благодаря новости предмета и снисходительности судей.—Теперь начались каникулы—и слѣд. у меня болѣе досуга, хотя и пропасть работы.—

Книги, оставленныя мною у Васъ, прошу усерднѣйше переслать или въ Лейпцигъ къ Leopold Voss'у или прямо въ Петербургъ. Въ томъ и другомъ случаѣ на имя г. Степана Куторги (Herrn Stephan Kutorga Professor an der Universität zu St. Petersburg).

Я часто подумываю о томъ, не издать ли отличный списокъ Вашего Георгія Амартола. Если не ошибаюсь, это самый лучшій кодексъ. Къ нему можно было-бы присоединить варіанты изъ болгаро-сербскаго списка румянцевскаго музея и другихъ.—Я бы охотно занялся этимъ трудомъ: археографическая коммисія или «инъ кънто?» дали-бы средства къ напечатанію. Теперь отъ Васъ будетъ все зависѣть: рѣшитесь ли Вы довѣрить мнѣ или здѣшнему Университету Вашу рукопись на извѣстное время.

Полагая, что письмо мое, посланное мною Вамъ изъ Подгорже (близъ Кракова) не дошло до Васъ, почитаю долгомъ написать Вамъ еще разъ нѣчто о Кириллѣ и Меѳодіи. Въ Фрушкогорскомъ монастырѣ Кувеждинъ нашелъ я одну сербскую рукопись 1560 г.

(Бѣлое мѣсто).

Теперь я благодаря Бога здоровъ, потому что на сѣверѣ. Вы вѣрно улыбнетесь, прочитавъ эти строки. Смѣйтесь надъ нами сѣверянами, но я здоровѣе, нежели на югѣ, гдѣ лихорадки, простуды, ревматизмы на каждомъ шагу. Какъ я ни пристрастенъ къ сѣверу, при всемъ томъ очень бы хотѣлъ еще разъ побывать въ Склено или въ Слначѣ, которыя мнѣ много помогли, поправивъ мой желудокъ, разстроенный въ конецъ.

Востоковъ доканчиваетъ Остром. Евангеліе, Прибавленіе къ Румянц. Музея Каталогу.

[illegible] Рига.

24 Іюня 1843.

[illegible] d. J. enthaltend:

[illegible] Lief. 26 Bog. 31—45.

[illegible] 1. 2. 3. 4. 5.

[illegible] Ihnen folgendes zu melden: [illegible] vollständig nur Bd. 1. 2. 3. 4., von [illegible] 33 Bogen inclusive. Und nun zu mei- [illegible] plötzlich die 26 Lieferung (Bog. 31—45), [illegible] XXIV XXV. d. h. das Ende des V-ten Bandes und [illegible] nicht zugekomnen sind.

[illegible] Kenntniss, dass ich von Wolny Mähren mit den [illegible]

[illegible] Band bestehend	aus	4	Heften.		
[illegible] 1 Abth.	»	4	»		
2 »	»	5	»		
[illegible] Band bestehend	»	5	»		
[illegible] » »	»	4	»		
[illegible] » »	»	7	»		
[illegible] » »	»	5	»	(also noch nicht vollständig).	

[illegible] Anfange dieses Jahres bekam ich den III Bd. der Monumenta [illegible] den Rest vom 2-ten—auf den ich bis jetzt vergeblich [illegible] haben. Ich besitze nämlich vom 2-ten. Bande nur Nachtrag [illegible] Franz Nyenstädts livl. Chronik und Handbuch (Bog. [illegible]

[illegible] aber am meisten in Verwunderung setzt, ist dieses, dass ich [illegible] Abtheilung von F. H. Müller's der ugrische Volksstamm auch [illegible] haben, obgleich ich dieselbe schon bei meiner Durchreise im 1839, [illegible] habe.

[illegible] hinzufüge, dass einige von diesen Büchern, laut der Rech- [illegible] von mir bezahlt sind, ohne dass Sie erhalten habe(n), bitte [illegible] Vergleich (ung) mir zu melden: welche Bücher Sie mir [illegible] 1843 incl. geschickt haben. Schliesslich bemerke ich, das dieses [illegible] Bekannte bis jezt Zurückhält Ihnen neue Bestellungen zu ma- [illegible]

С. И. Барановскому.

Іюня 30-го.

Чувствительнѣйше благодаренъ Вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Ивановичъ, за письмо Ваше [1]). Оно послужило мнѣ пріятнымъ свидѣтельствомъ, что связь наша не прекратится за предѣлами престольнаго города. Вы и въ дали помните обо мнѣ. Повторяю еще разъ: душевно благодарю Васъ за память, вовсе не заслуженную мною.—

Радуюсь, что Вы богаты досугомъ; со мною—безъ сомнѣнія—порадуется и наука.

Вы пишете, что Вы застали предметъ Вашъ въ жалкомъ состояніи. Это напомнило 1828 годъ, когда я началъ свое учительское поприще въ Дерптѣ [2]). Не знаю, до какихъ Вы убѣжденій дошли по этому случаю; я же—признаюсь—и теперь виню не жителей Остзейскаго края, а учителей русскаго языка, людей, большею частію, необразованныхъ, мало приготовленныхъ къ назначенію своему, слѣд. людей, которые не въ состояніи ни поддержать своего предмета, ни возбудить къ нему вниманія.

Давно собираюсь я въ Финляндію, но къ сожалѣнію и нынѣ—по многимъ обстоятельствамъ долженъ отложить надежду вдаль.—И такъ мы не свидимся скоро, не ранѣе—какъ Вы пишете—святокъ. Кажется и Александръ Васильевичъ не собрался еще въ путь дороженьку.—

Ваше замѣчаніе на счетъ рукописей въ Финляндіи совершенно справедливо: часть ихъ дѣйствительно сгорѣла въ Або. Спрашивается однако-же: не найдется ли чего въ дворянскихъ архивахъ и другихъ собраніяхъ?

Вы не сказанно порадовали меня извѣстіемъ о «точномъ facsimile съ Слова о полку Игоревѣ!». Какая бы это была драгоцѣнность! Дѣйствительно покойный Графъ не мастеръ былъ издавать памятниковъ (sic) старины. Заключаю объ этомъ между прочимъ и по изданному имъ Поученію Владиміра Мономаха.

Въ библіотекѣ графа Толстова нѣтъ безцѣннаго нашего Слова. Вѣроятно она [3]) осталась у Графа и не поступитъ въ Императ. Публичную Библіотеку.

Есть еще третій списокъ, списокъ Московскаго Профессора Тимковскаго, сколько извѣстно по слухамъ [4]) превосходный. Говорятъ, что Тимковскій приготовлялъ новое изданіе Слова съ учеными примѣчаніями и прибавляютъ, что ему остались только три мѣста темными.—Послѣ смерти Тимковскаго, бумаги его—Богъ вѣсть—куда пропали. Злые языки разсказываютъ, что Снегиревъ

---

[1]) Зачеркн. «отъ 3-го Іюня».
[2]) Зачеркн. «для обученія русскому языку».
[3]) Она знач. Прейсъ какъ будто разумѣлъ тутъ рукопись, а не списокъ, не копію; можно предполагать, что упомянутый Барановскимъ facsimile Слова принадлежалъ, по словамъ письма Б—аго, графу Толстому.
[4]) Зачеркнуто: «снятый хорошо».

...ародне пјесме, скупио ихъ и на свјет издао Вук Стефановић Ка-
...ва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу. 1841.
...ч части. Когда выйдутъ остальныя двѣ—единому Богу

...чо сочиненій Мицкевича должно поручить Ком-
...ь Лейпцигъ.

...отвѣчалъ Вамъ, какъ говорится, по всѣмъ пунк-
...оны почти ничего новаго не могу сообщить. Переписка
...л славянскими пріятелями идетъ довольно туго, частію по соб-
...ой винѣ. Изъ писемъ Шафарика узнаю, что онъ крѣпко зани-
... приготовленіемъ новаго изданія своей Исторіи Славянскихъ литературъ, которая, разумѣется, выйдетъ на чешскомъ языкѣ.—Изъ новостей славянскихъ почти ничего не получено мною до сихъ поръ, хотя и выписано довольно много.—Присланы мнѣ двѣ, три сербскія брошюрки, но объ нихъ говорить не стоитъ, это только макулатура. Изъ Загреба здѣшній книгопродавецъ ничего еще не могъ достать, а это мнѣ всего непріятнѣе.

Теперь позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбою. До меня дошли слухи о томъ, что Проф. Готлундъ издалъ карту финскихъ нарѣчій. Нельзя-ли меня увѣдомить, гдѣ ее можно получить и что стоитъ? Мнѣ нужны 2 экземпляра: одинъ для себя, другой для Шафарика.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу Васъ покорнѣйше узнать у Готлунда или Ленрота, какія понятія соединяютъ Финны съ двумя птицами: tarhopöllö и tia? Что они разсказываютъ объ этихъ птицахъ? Не осталось-ли какой памяти о нихъ въ народныхъ пѣсняхъ? или повѣрьяхъ? Названіе первой птицы tarhopöllö, очевидно, двусложное и первое изъ нихъ tarha заставляетъ меня думать, что и въ Финляндіи двери хлѣва украшаются птицами (какими?) для отогнанія домовыхъ. Такъ-ли? А вотъ и другой финскій вопросъ: нельзя-ли сообщить мнѣ извѣстіе о томъ, что Финны или ихъ пѣсни разсказываютъ о созданіи міра—на русскомъ и финскомъ языкѣ? Исполненіемъ этихъ двухъ просьбъ моихъ несказанно обяжете меня.—Впрочемъ, если есть что напечатано по этимъ статьямъ, то достаточно будетъ одного указанія: у Академика Шегрена я можетъ быть найду искомое [1]).

Извините меня, что я пишу безъ комплиментовъ и безъ соблюденія нѣкоторыхъ общепринятыхъ условій. Вы вѣрно дозволите мнѣ быть съ Вами запросто, безъ чиновъ.

Желаю Вамъ здоровья и поручаю себя Вашей пріязни. Засвидѣтельству(йте) м(ое) поч(теніе) Гроту.

---

[1]) Зачеркнуто: «по Вашимъ указаніямъ».

Сухачеву.

30-го Іюня. (1843) [1]).

Стыжусь, принимаясь за перо, чтобы поблагодарить тебя за сохраненіе книгъ, оставленныхъ мною въ 1839 году, и за доставленіе брошюрокъ, изъ которыхъ многія были для меня истинною находкою. Деньги (10 р. с.) я получилъ отъ Свѣшникова. Порученіе твое на счетъ хрестоматіи Галахова было мною тотчасъ исполнено и, судя по увѣреніямъ Свѣшникова, оная книжица уже давно доставлена Попечителю.

Михалковъ-старикъ дѣйствительно приказалъ долго жить. Василій Михалковъ—въ проѣздъ свой черезъ Петербургъ—былъ у меня и подтвердилъ это извѣстіе. Жаль веселаго старика!

Относительно Благовѣщенскаго долженъ замѣтить то, что къ Иноземцову нечего и писать: онъ—сколько мнѣ извѣстно—не Богъ знаетъ, въ какомъ ладу съ Строгановымъ.—Сверхъ того сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ рѣшился рекомендовать, тѣмъ болѣе, что—по слухамъ—Строгановъ любитъ самъ выбирать. Друго (sic) дѣло, если бы Благовѣщенскій могъ лично явиться къ Строганову, тогда, предварительная рекомендація Иноземцова или Погодина (къ обоимъ я бы написалъ для В. Т. письма)—надѣюсь—будетъ не безъ успѣха. Если Благовѣщенскій рѣшится ѣхать въ Москву, то не худо-бы предупредить меня о томъ заблаговременно, т. е. я бы въ такомъ случаѣ Погодину что нибудь приготовилъ, для возбужденія въ немъ надлежащей готовности служить Василію Тимоѳеевичу.

Вотъ мое мнѣніе, а вотъ и другое на счетъ Корваля.—Отъ него надобно узнать, какого именно мѣста онъ желаетъ. Учительскія мѣста едва-ли будутъ содѣйствовать его цѣли: быть уволену съ бо̀льшимъ окладомъ. Остается одно: искать мѣста гувернера въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ окладъ хорошій, при томъ еще и казенная квартира. Вблизи Петербурга одно только заведеніе: Царскосельскій Лицей, но объ немъ я еще нигдѣ не могъ собрать надлежащихъ справокъ.

Отъ Buraschi узналъ о кончинѣ супруги Корваля: бѣдныя дѣти. Изъ новостей, относящихся къ нашему кругу только вотъ что: Лапшинъ и Куторга младшій съ женою уѣхали въ Ревель; на этой недѣлѣ въ пятницу свадьба Густхенъ.

Тебѣ не безъизвѣстно, что Оленинъ помре, Библіотека поступила въ вѣдѣніе Бутурлина, который не на шутку принялся за нее [2]). Поговариваютъ о увеличеніи жалованья Библіотекарямъ и помощникамъ Библіотекарей. Пока

[1]) Годъ вставленъ нами по соображенію. *В. Л.*

[2]) Оленинъ † 17 апр. 1843 г. Бутурлинъ назначенъ 24 апр. 1843 г. *В. Л.*

еще одинъ только помощникъ слетѣлъ съ мѣста. Вѣроятно на этой перемѣнѣ дѣло не станетъ.

Министръ, благодаря Бога, пока благоволитъ ко мнѣ: хочетъ, чтобъ я читалъ въ Педагогическомъ Институтѣ; приказалъ для переговоровъ сходить къ Миддендорфу, но я—признаюсь—еще не былъ. Очень не хочется отрываться отъ Университета.—Также Министръ желаетъ, чтобы я читалъ въ будущемъ году публичныя лекціи. Вотъ уже это не по моей части! Авось онъ забудетъ и тѣмъ дѣло кончится.

Розбергъ получилъ Орденъ. Ich ersterbe in Verwunderung! Издалъ книгу (трудъ студентовъ) съ предисловіемъ еще болѣе достойнымъ удивленія. И сахарный, сладкій паче меда Мюльбергъ здѣсь.

Вотъ все, что съ пера скатилось въ этотъ разъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе супругѣ и порадуй вѣсточкой о...

Впредь намѣренъ быть аккуратнѣйшимъ корреспондентомъ.

Твой *П. Прейсъ.*

Куршату.

d. 30 Iuni a. St.
12 Iuly n. St..

Eine Ewigkeit haben wir uns nicht gesehen, uns nicht geschrieben, lieber theuerer Freund. Sie hielten mich gewiss für verlohren. Da bin ich! Viele Gründe hielten mich vom Schreiben ab; jetzt sind die Hindernisse nicht mehr vorhanden.

Sonder Zweifel, werden Sie wünschen die Geschichte meiner Abentheuer seit unserer Trennung zu hören.—Ich bin bereit—Ihren Wunsch zu erfüllen: aber so kurz als möglich.

Nachdem ich Königsberg verliess, ging ich—wie Sie sich vielleicht erinnern—nach Danzig, um die Sprache der Kašuben genauer zu erforschen. Mittelst Nachfragen und Hülfe von Seiten der Sachkenner gelang es mir davon einige nicht unwichtige Notizen zu sammeln. Von Danzig ging ich nach Thorn u. Posen, von wo Sie ohne Zweifel meinen Brief und durch Vermittelung des dortigen Buchhändlers Stefansky einige Bücher, um dieselben zu den Uebrigen beizulegen, von mir erhalten haben werden. Nach kurzem Aufenthalt im Posen ging die Reise nach Berlin (wo ich vergeblich 3 Monate auf Ihren Brief wartete, desswegen in Sorgen war), Halle, Dresden, Prag. In der letzteren Stadt lebte ich ein gewisse halbe Iahr durch mit grossen Gewinn für meine Studien.—Später wandte ich mich ueber (sic) Wien, Steyermark, Krain nach Triest mit einem Absteher nach Venedig. Nichts kann leichter sein als eine Reise nach Venedig

von Triest aus. Um 10 Uhr Abends geht das Dampfschiff ab: der Reisende legt sich schlafen u. den andern Morgen früh erwacht man in Venedig, ohne zu wissen, wie man dazu kam.—Da ist doch eine ungewöhnliche Fahrt, eine Zauberfahrt! Uebrigens nicht ueberall reist man so leicht, bequem und schnell.— Man braucht nur von Venedig nach Triest zurück zu kommen, man braucht nur von hier die Reise durch Istrien per pedes apostolorum zu unternehmen und statt Zauber begegnet man ueberall der nackter, trostlosen Wirklichkeit! Den einzigen Reichthum der Einwohner dieses Ländchens machen aus Weinberge, Oehlbäume, für einige Personen die Sprache und noch—für mich, den Fussgänger gewiss nicht—die Steine und Felsen.—Dieses arme Ländchen ist regelmässig jedes Iahr der Dürre ausgesetzt. Nachdem ich Istrien auf allen Richtungen zu Fusse durchkreuzte, nachdem ich Pola mit deren schönen römischen Denkmälern besuchte, ging ich über Fiume nach der Militär-Grenze, machte Ausflüge nach den grösseren Inseln (Veglia, Pago), bestieg die Höhen des Welebit-Berges und auf diese Weise immer weiter mass ich ganz Dalmatien durch bis Montenegro. Ungeachtet einiger nur in der Ferne grossen Schwierigkeiten bestieg ich den Schwarzen Berg, machte eine recht interessante Bekanntschaft mit den Montenegrinern und deren Wladika.—Ich fand in diesem Haupte des zweiten Kirchen-Staates in Europa einen recht gebildeten jungen Mann, kaum 30 alt, der aber in die traurige Nothwendigkeit versetzt ist seine Feinde zu schlagen, wo er nur ihnen beikommen kann.—Aus Montenegro ging die Rückreise (meist auf einem andern Wege, in grösserer Entfernung von der Seeküste, mehr nach der türkische [sic] Gränze zu) nach Agram u. Croatien, wo sich, was auch Ihnen wahrscheinlich schon bekannt ist, der Sitz des unschuldigen Illyrismus befindet, des Illyrismus, der den Papier-Politikern Deutschlands so viel zu schaffen macht. Hier befiel mich ein heftiges Fieber und quälte lange genug.—Aus Kroatien über Slavonien, Syrmien nach Belgrad in Serbien (sic). Unter andern Bekanntschaften, die ich in Serbien machte, war auch die Bekanntschaft mit dem Fürsten Michael und mit denjenigen Männern, die jetzt an der Spitze der serbischen Angelegenheiten stehen. Aus Serbien die Donau aufwärts auf einem Dampfschiffe nach Pest (sic). Die Zeit meiner Heimreise war nahe; ich musste eilen. Zum Unglück erkrankte ich vom neuen in Schemnitz (Ober-Ungarn) an dem WechselFieber und musste sehr daran lange leiden, wie auch an den Folgen einer sehr schlechten Behandlung eines barbarischen Artztes.—Kaum zu Kräften gekommen ging es ohne weitere Hindernisse über Galizien, Polen nach Russland.

Ietzt ist mein Nomadenleben zu Ende; ich sitze hübsch zu Hause, arbeite und nur in Mussestunden mach ich meine Rechen zu den Freunden im Auslande, denke und schreibe an sie.—Da erhalten Sie auch einige Zeilen.

Nun, was machen Sie gutes? Wie steht mit Ihrer Gesundheit? Haben Sie noch immer so viel zu thun? Haben Sie etwas für das Litauische gesammelt ? O gewiss, recht viel! Ich hoffe in St.-Petersburg auch einiges von meinen Bekannten aus dem russischen Littauen zu sammeln; ferner in den hiesigen Bibliotheken werde ich alles, was auf Littauen Bezug hat, excerpiren und veröffentlichen. In zwei, drei Iahren glaube ich fertig zu werden, früher nicht. Ich muss noch viel zu lernen, muss eine Reise nach dem russ. Littauen machen, mit eigenem Auge sehen und mit eigener Ohren hören. Sie ahnen kaum, wie ich skeptisch geworden bin, nachdem ich so oft die Wirklichkeit mit den Beschreibungen der Reisenden zu vergleichen und zwischen beiden eine zu grosse Verschiedenheit zu finden Gelegenheit hatte.

Sie werden dann und wann von meinen Nachforschungen und Studien Nachrichten bekommen.

Der Nothwendigkeit folgend, muss ich mich schon wieder von Ihnen, theuerer Freund, trennen. Doch noch vorläufig werde ich meine Bücher, die sich bei Ihnen befinden, Gericht erhalten: sie sind zur Deportation nach Russland verurtheilt! Auf welchen Wegen, fragen Sie? Zufolge den Erkundigungen, die ich hier machte, wäre das rathsamste zuerst und so bald als möglich ein Spediteur in Königsberg zu finden, dem Sie die Bücher nebst einem vollständigen Verzeichniss übergeben mit dem Auftrage dieselben gut einpacken und sie an welches immer Handelshaus in St. Petersburg unter der Adresse An Herrn Stephan Kutorga Professor an der Universität zu St. Petersburg — auf dem Seewege zu übersenden. Auf diese Weise werden Sie, glaube ich, keine weitere Sorgen haben, ausser einen verlässlichen Spediteur zu finden.—Sollten Sie einige Lituanica von Interesse in duplo besitzen, so bitte ich solche zu den uebrigen Büchern beizulegen. Sie sollen mit der Zeit auch einiges zum Gegengeschenk erhalten.

Leben Sie wohl und gedenken Sie meiner!

Ihrer P. Preiss.

Grüssen Sie Her. Sartorius, Voigt. Der arme Rhesa ist nicht mehr da.' Wo blieb seine Bibliothek.

Meine Adresse. . (пробѣлъ).

Северину (книгопродавцу).

Hochgeehrter Herr Severin.

16-го іюля 1843 г.

Ich beeile mich mit der umgehender Post Ihnen, hochgeehrter Herr, zu antworten.

Ich muss zuerst die Rechnung von 28 Juny 1843 durchgehen. Alles, was auf derselber unter dd. v. Febr. 8, Juny 7, Aug. 22; Octob. 10 d. J. 1839, so wie auch unter d. November 15 (1842 Jahr verzeichnet steht), habe ich vollständig erhalten. Von dem aber, was unter d. December 11 (1837 J.) angegeben ist, habe ich mit Ausnahme, der mit dem letzten Briefe von 28 Juny 1843 gesandten [1]) Büchern, noch nicht erhalten.

Voigt's Geschichte Preussens Bd 9, auch die ich mit Ungeduld warten werde.

Hiezu kommt noch die Lief. 23—25 incl. des Graffschen Sprachschatzes von dem ich früher schrieb.

Diese (sic) Vorsehen schreibe ich keinesweges Ihnen zu, meine jahrelange Verbindung mit Ihnen dient zum Beweise; jedoch ich hielt es für meine Pflicht Sie in Kenntniss davon zu setzen.

Da die in den von Ihnen mir gütigst zngeschickten schriftlichen Verzeichniss stehende neue Bücher zum Theil nicht in mein Fach eingreifen, zum Theil von der Universität verschrieben oder mir von den Verfassern zugeschickt worden sind, so bitte ich nur die folgenden 2 Bücher mir zuzusenden.

Mickiewicz Vorlesungen falls dieselben Herr Suchatscheff noch nicht von Ihnen genommen hat, worüber ich schon in dem letzten Briefe schrieb.

Bechstein Deutsche Musen. Bd 1. 2.

Die gedruckten Cataloge habe ich mit Dank erhalten, aber noch nicht die Zeit gehabt dieselbe durchzusehen.

Mit Hochachtung habe ich die Ehre

Ihr gehorsamer

Pr.

---

[1]) D. L. Müller's Ugrischer Stamm. Bd 2.
Monumenta Livoniae von 2 Bande Bog, 27—67.

Вазаровичу (книгопродавцу въ Бѣлградѣ).

Много поштовани Господине!

Iюля 21-го 1843.

Оддавна ни сам Вам писао. Томе ни сам крив: были (sic) су врло важни узроци. Сад треба, да се хитим, док има још воднога пута изъ Хамбурга до нашега Петрограда.

Пишем на кратко и има(м) предложити Вам, драги Господине, само мобе и питања.

1) Молим мени писати, где су, ако њи познаете (sic), Милош Поповић (што бијо (sic) у уредничству (sic) Илир. нов. и Ђорђа Бранковић, што је био у Шемницу у Маџарској и учио тамо рударство. Има-ли га још у Шемницу или се већ вратио у Србију. Ш њим заједно били су Божић и Павловић, син старог Проте у Шабцу.

2) Молим такођер поздравити Г. Милутиновића и његову супругу са Драгишом. Имам још г. Милутиновићу казати, да његов песмотвор «Оговор илирскога гроба и духа, такођер на Павла Штооса позив у коло» ни пошто не може се овде наштампати, на превелику жалост моју.

3) Чуо сам, да послѣ мог одлазка у Фебруарију 1842 године, доста књига изишло је у Београду. Молим све то мени послати и не само књиге, које изишле су 1841—1843 године, него и мале листићи (објавленија, прокламације, стихове и т. д.) једном речу: све, што се тиче историје и књижства србског, особито што се тиче послѣднихъ догађаја.

4) Ево сад поименце књиге, којих још немам:

— Голубица год. 1842, 1843.

— Давидовића забавник (Од овога забавника имам само год. 1815, 1816, 1818, 1819, 1821, 1833, 1834, 1836).

— Народни славонски огласитељ (Књигу прву већ имам, немам осталих).

— Арнота магазин за художество, књижество и моду год. 1838—1839.

— Грлица (За год. 1838 и 1839 имам).

— Београдске новине с додатком од 1842 год. до ове (1843) год(ин)е, колико засад изишло. Коњац (sic) од ове године можете послати други пут.

— Врло мало могао сам добити од Пештанског Народ. листа и Пешт. Народн. Новина. Iављам, что (sic) се налази у моима руцима:

Имам: Пешт. Нов. 1838 (само од Iул. до Декем.).
1839 (» Iануар. » Iунија).

1840 (само од Іул. до Декем.).
1841 (» Іануар. » Іуніа).
Срб. народ. нов. 1836 (само од Іулија до Декемб.).
1837 (од Іануар до Декемб).
1839 (» Іануар » Декем.).
1840 (само од Іул. до Декем.).

Чега немам, молим Вас покорно, ако можете, послати мени шта пре узможете. Радо платим, само да имам.

Г. Тирол издао је једну историчку књигу о Ерцеговини. Молим и ону не заборавити.

5) Сад ћу казати Вам како можете мени шиљати преко Лајпцига у Петрог(р)ад. Ви имате у овој вароши познаника Георга Виганда. Пошлите дакле њему све ове књиге, да он преда њи «Rudolph Hartmann in Leipzig für Eggers et Comp. in St. Petersburg. Hartmann платиће сам одмах преко Георга Виганда свое трошкове.

6) Ако књиге веће буду на путу, молим послати мени письмо по пошти и к нему додати рачун књига, што свака кошта (Новце, молим, метнути аустријанске, форинте). Адрес мој: Herrn Peter Preis in St. Petersburg. (Russland). Отдать въ зданіи Университета.

Драго ће мени бити, ако што брже примем од Вас, незаборавлени Господине, писмо, особито ако се извѣстим, да сте жив и здрав. Поклон од мене Вашој многопоштованој супруги и свим, кога сам имао срећу познати у Београду. Са сгодном приликом имамъ Вам нешто послати и за Голубицу.

Желећу Вамъ доброга здравља. Остаем

Ваш покорни слуга *П. Прејс.*

И. И. Срезневскому [1]).

16-го Декабря 1843 г. СПБ.

Стыжусь и поклониться Вамъ, стыжусь сказать: здравствуйте, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ! Виноватъ, кругомъ виноватъ предъ Вами. Вы такъ кротки, даже не корите меня зѣло заслуженнымъ упрекомъ. Въ доказательство того, что умѣю не только медлить, но и спѣшить, отправляю къ Вамъ сегодня Остромирово Евангеліе, переплетенное и запакованное по крайнему моему

[1]) Это письмо сохранилось въ тетради черновое и начисто переписанное на почтовой бумагѣ. Ни въ чернѣ, ни начисто не кончено, вѣроятно и не было отправлено: у Срезневскаго въ бумагахъ этого письма нѣтъ. Въ тетради черновыхъ писемъ оно слѣдуетъ за вторымъ письмомъ къ Куршату. Послѣ него въ толстой тетради Прейса нѣтъ ни одной записки. *В. Л.*

разумѣнію. Чтобы не терять времени, я взялъ свой экземпляръ и тотчасъ отнесъ его къ переплетчику. Фасонъ и платье для старика-евангелія предоставленъ былъ заботливости М. С. Куторги, который, свидѣтельствуя свое почтеніе, посылаетъ свои брошюрки и проситъ принять ихъ sine ira et studio и раздать всѣмъ и каждому. Я-же съ своей стороны шлю Вамъ не очень то давно полученныя мною

1) Бочка вина, ч. даръ Іоанновића;

2) Časopis—особенные оттиски Вашихъ статей;

3) Календарь Словацкій—даръ Fejerpatak;

4) Лаперузъ;

5) Денница Дубровскаго;

6) Бој змаја;

7) семь fac-simile руки Жижки—послано отъ В. В. Ганки 8 экземп., 8-й, по Вашему распоряженію, я удержалъ за собой. Увы! сколько и сколько мнѣ надобно писать къ Вамъ, чтобы хотя нѣсколько очистить старыя дѣла. Не знаю, какъ и приняться. По неволѣ станешь въ тупикъ. Пожалуйста, только не думайте, чтобы я имѣлъ какую-нибудь причину не писать къ Вамъ, ровно никакой, кромѣ бѣдовой страсти: откладывать до завтра. А потому, если я—отъ чего Боже сохрани—опять приду въ азартъ и въ теченіе 10 мѣсяцевъ не буду писать ни слова, то Вы знайте, что самое лучшее средство заставить меня отвѣчать состоитъ въ repetitio est mater studiorum.

Это апробованное средство, буде мое упорное молчаніе не произвело уже въ Васъ убѣжденія, что я позабылъ Васъ, quod absit! Нѣтъ, этому не бывать.

Оканчиваю, потому что почта не будетъ ждать моего прихода.

Говорятъ, что Вы можете получить посылку 27 числа сего мѣсяца. Какъ-бы я былъ радъ!

Будьте здоровы и засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей матушкѣ.

Вашъ П. Прейсъ.

Извините за почеркъ: Spěcham до того, что едва въ состояніи прочесть еще разъ написанное.

Одному молодому Сербу (племяннику I. Хаджича).

(Писано въ 1844 г., раньше втораго письма къ Куршату и послѣ письма къ Вазаровичу.

Ако сте мислили, драги и незаборавлени Господине, да сам већ погинуо—ето Вама књиге из бела града—Петрограда! Цела је истина, да сам г

ћутио, да сам ни један пут не одговорио на три драгоценна Ваша писма. Грехота пред Богом и срамота пред људма! Але ето Вама и узрока! Прву годину мог посла код Университета имао сам толико труда, да само једно могу казати: веħ грлом иде крв. Добио сам болест, која овде на северу обична т. е. haemorrhoidus. То је један узрок, други пак у том састои, да ни сам хтео Вама писати, док не нађем средства преселити Вас у Петроград. Але та моја жељна жеља не испаде ми за руком! Ако би сам имао неколико стотина форинти, не би било о томе и разговора. Чудим се, како је прошасте године дошао у Петроград један Михаил Іовановиħ из Београда (Србскога). Не само да је дошао, овамо, него још добио овде новаца за повратак у Србију. Овај Іоановиħ (sic)—пазите добро—је човек без свакс науке, шта више, он не ма и спољашне изображености. Све то ради среħа јуначка!

Ви пишете, да сте извештени, да имам у Министеріуму (каквом?) доста пријатеља. Тко је Вама могао то казати? Може бити људи, које мисле да сам путовао као увода, као агент мог правительства у интересу панславизма! Кажете овима људма, да то је лажа и врло смешна лажа. Не само код министеріума иностраних посала, него и код мог министеріума (т. е. попечительства просвете) јесам—н и ш т а! Знам један начин видети Вас у Петрограду, а то је—о моме трошку. Але шта ħу радити, кад овога средства немам. У Загребу толико пута сам говорио Вама то исто, да се не можете у мене надати пре, него исто дођете амо. Навалице све ово Вама говорио, да се не преварите у мом пријательству и поштењу. Сад, ако се на мене сердите—можем смело реħи—ни сам крив. Опростите, љюбезни (sic) господине, да сам морао говорити о предмету, који не може (бити) ни Вама ни мени угодан бити.

Сад о другима стварма. Од срдца зафаљуем Вама на љепом Вашем дару, добио сам књиге, које сте ми послали. П е ш т а н с к о - б у д и м с к о г с к о р о т е ч у 1842 год. веħ сам имао; у Вашем экземпляру фали № 16. Издаје се ли и сад овај часопис? Од Н о в и н а С р б с к и х 1842 год. добио сам читаву годину, осим № 34, 40, 42; у Д о д а т ц и м а исте године фале № 38, 41, 49. Не можете ли са временом, ако буде могуħе, ове № мени добавити. Од Н о в и н а С р б с к и х 1843 год. имам № 1—71 inclusive, од П о д у н а в к е № 1—36 incl. Од Србског. Улака № 1—26 incl. Све остало добио сам подпуно. С р б с к и л е т о п и с имам с а в.

Іош јаданнут зафаљуем Вам на дару и молим о продуженьу Ваше д о б р о т е. Од мое пак стране молим Вас указати мени пут, којом (sic) би могао шиљати новце, које сте потрошиле (sic) на књиге за мене. Такођер кажите мени, како би се могле шиљати Вама руске књиге, але тако, да не би Вама од тога било трошка и штете. Не може се ли то учинити преко Новосадског

Стојановића књиготрговца или преко Букурешта? Молим Вас добро распитати за овај важан посао и мени—шта брже—явити.

Такођер молим Вас мене известити, што коштају с поштом Србске Новине и Подунавка од Земуна до Петрограда.

О преводу старожитности Шафарика на србски ја мислим ово, да се трудите забадава. Іер бо 1) ова књига ни је за Србље по својој форми 2) да је већ у многом остарила: треба врло много стране овога великога труда исправити полаг најновијех истраживани. Извадити језгру у кратком прегледу из старожитности била би велика Ваша заслуга!

Мој превод саставка Г. Палацкога о старих законих Сербских и Чешских пропао ја, дакле ни је наштампан. Други пут преводити не мам ни воље, ни времена.

Чекајте с женидбом, то ни је шала. Вашега ујака Хаџића врло добро знам.

Што се тиче мојих пределекци, то морам казати, да не могу њи Вам послати. Овде се прелекціе само говоре, дакле не мам ни једне речи написане.

Сад питања:

1) Тко је код Вас попечитељ просвете?

2) Гди је Ђорђи Бранковић, који је био у Шчавницы (Schemnitz) у Мђаарској.

3) Што је стало с Monumenta Serbica Шафарика и с песмама Вука? Већ се штампају? (Конца нѣтъ).

Попечителю Спб. Округа Князю Волконскому.

В. Св.

М. Г.

Рѣшеніе Его Высокопревосходительства г. Министра Нар. Просв. о необходимости держать мнѣ экзаменъ на степень Доктора установленнымъ порядкомъ заставляетъ меня представить Вашей Свѣтлости слѣдующія обстоятельства на благосклонное вниманіе.

Вызванный въ 1838 г. изъ Дерпта для приготовленія себя къ каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій съ обязанностію выдержать экзаменъ на степень кандидата и магистра, я имѣлъ честь тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ представить Начальству трудности такого экзамена, на что и получилъ въ отвѣтъ позволеніе продолжать заниматься избраннымъ предметомъ. Что же касается до пріобрѣтенія упомянутыхъ ученыхъ степеней, то распоряженіе о семъ отложено было до возвращенія моего изъ заграничной поѣздки, причемъ г. Министру угодно было присовокупить, что при с-

вленіи новыхъ правилъ испытанія на ученыя степени онъ будетъ имѣть меня въ виду.

Возвратившись изъ путешествія, я былъ допущенъ къ чтенію лекцій по каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Чтенія предмета новаго, необработаннаго, многосложнаго и лежащаго на отвѣтственности одного лица, при совершенномъ недостаткѣ ученыхъ пособій, требовали и будутъ требовать столь усиленнаго труда, что занятія предметами, чуждыми каѳедрѣ, внѣ всякой возможности. Таковы были трудности при четырехъ лекціяхъ; онѣ еще болѣе увеличатся, когда въ слѣдующемъ академическомъ году я принужденъ буду читать, по крайней мѣрѣ, шесть.

Представляя сіи обстоятельства на благоусмотрѣніе Вашей Свѣтлости, я осмѣливаюсь просить милостиваго содѣйствія Вашего къ пріобрѣтенію требуемой степени посредствомъ ученаго труда. Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшаюсь обратить вниманіе Вашей Свѣтлости на положеніе мое въ Университетѣ. Положеніе сіе, какъ Вашей Свѣтлости извѣстно, весьма неопредѣленное въ отношеніи къ дальнѣйшей службѣ, тѣмъ болѣе, что по сущности ввѣреннаго мнѣ предмета, я нахожусь въ необходимости посвятить все мое время исключительно только Университету, такъ что, руководствуясь этимъ, я не могъ принять нѣкоторыхъ постороннихъ обязанностей, предложеніемъ которыхъ само Высшее Начальство благоволило меня почтить.

Я тѣмъ болѣе осмѣливаюсь утруждать Вашу Свѣтлость моею покорнѣйшею просьбою, что Высшее Начальство, — какъ Ваша Свѣтлость изъ вышеизложеннаго усмотрѣть изволите, — во время приготовительныхъ занятій моихъ постоянно обнадеживало меня облегченіемъ пріобрѣтенія требуемой степени, поставляя мнѣ всегда на видъ исключительное занятіе главнымъ предметомъ.

Честь имѣю пребыть и пр.

П. Прейсъ.

Спб., 16 февраля 1844 г.

В. Т. Благовѣщенскому.

19-го мая 1844. С.-Петербургъ.

Незабвенный Василій Тимоѳеевичь!

Принимаясь за перо, не знаю, съ чего и начать: Я такъ виноватъ передъ Вами! Въ продолженіе цѣлаго полугода не отвѣчалъ на пріятное письмо Ваше. Не смѣю и думать, чтобы занятія по предмету, требующему всѣхъ, очень ограниченныхъ, моихъ силъ могли послужить оправданіемъ столь долгаго молчанія. При всемъ томъ я рѣшился писать, приговаривая: сознаніе вины, хотя бы и позднее, если и не половина, то можетъ быть четверть исправленія,

Очень сожалѣю, что судьба Васъ занесла въ Ригу, а еще болѣе сожалѣю! что Вы ею не можете быть довольны. — О страданіяхъ Вашихъ душевныхъ

и тѣлесныхъ я слышалъ въ прошломъ году отъ Сергія Елисеевича. Онъ вѣроятно передалъ Вамъ причины, которыя должны были остановить вопросъ о перемѣщеніи Вашемъ въ Московскій округъ.

Представляю Вамъ ихъ теперь самъ. Для исполненія Вашего плана, нужно бы было имѣть надежнаго человѣка въ Москвѣ, такого, который бы не только безпрестанно стоялъ на стражѣ у Строганова и былъ его будильникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого, который бы умѣлъ предупреждать въ Строгановѣ перемѣну въ расположеніи къ лицу, которому онъ обѣщалъ покровительство. Надобно знать, что Строгановъ, при добротѣ своего сердца, не имѣетъ и не можетъ имѣть собственнаго мнѣнія: все зависитъ у него отъ минуты, отъ послѣдняго человѣка, съ которымъ онъ говорилъ. — Вотъ точный портретъ Строганова, нарисованный мнѣ человѣкомъ, достойнымъ полной вѣры — бывшимъ его секретаремъ. Зная эту весьма невыгодную черту характера Строганова и не имѣя надежнаго человѣка, я принужденъ былъ отложить всякую надежду на исполненіе Вашего желанія. Я всего болѣе боялся того, чтобы Строгановъ, уступивъ просьбамъ моихъ знакомцевъ московскихъ, и давъ слово перемѣстить Васъ, при первомъ вѣтрѣ или другой сильнѣйшей просьбѣ, не измѣнилъ бы своему обѣщанію. Каково бы Вамъ было быть обманутымъ!

Размысливъ все это, я призадумался и увѣдомилъ тотчасъ Сергія Елисеевича. Я еще болѣе убѣдился въ справедливости своей мысли въ прошломъ году во время пребыванія здѣсь Погодина: онъ, столь сильный ловецъ предъ Господомъ, обѣщалъ мнѣ и то и се и ничего не сдѣлалъ, даже не удостоилъ меня отвѣта, когда я выполнилъ нѣкоторыя изъ его ученыхъ порученій. Словомъ, безъ могучей руки и личнаго предстанія Вашего предъ особу (sic) его Сіятельства ничего нельзя ожидать и надѣяться.

Относительно же себя замѣчу одно: началъ я свою новую дѣятельность при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ — самою лестною благосклонностію министра, которая дай Богъ чтобы продолжалась и впредь. Но я опасаюсь, что эта благосклонность минутная при неловкости моей въ дѣлахъ міра сего. Я даже сомнѣваюсь, пользуюсь ли я въ настоящую минуту благосклонностію министра и не удивительно! Сглуповалъ, по мнѣнію столичныхъ людей, отказавшись отъ двухъ мѣстъ, предложенныхъ мнѣ самимъ министромъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я занялъ мѣсто какъ въ Педагогическомъ Институтѣ, такъ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Я затруднился соединить эти два

[1]) Мѣсто библіотекаря въ Публ. Б—кѣ предлагалъ Уваровъ Прейсу вѣроятно въ 1843 г., но уже по см. Оленина (17 апр. 1843), когда Директоромъ былъ назначенъ (24 апр. 1843) Бутурлинъ. Вѣроятно на Прейса указывалъ и Востоковъ, какъ на лучшаго своего замѣстителя въ Отдѣленіи рукописей. Прейсъ отказался отъ этого мѣста еще до 19 мая или даже до 16 февр. 1844 г., вѣрнѣе еще во вторую половину 1843 г. А. Ѳ. Бычковъ подалъ прошеніе въ Б—ку 6 янв. 1844 г. и былъ назначенъ на это мѣсто 9 марта того-же года. *В. Л.*

мѣста съ главною моею дѣятельностію при Университетѣ и лишился такимъ образомъ не только тысячь пять жалованья сверхъ университетскаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ вѣроятно и милости Его Высокопревосходительства. Что дѣлать! Прежде всего надобно быть честнымъ человѣкомъ, а потомъ уже думать о богатствѣ. Этотъ образъ мыслей въ сильномъ разладѣ съ столичнымъ образомъ мыслей: надо мною смѣются. Пусть себѣ смѣются!

Въ письмѣ Вашемъ супруга и Вы предлагаете мнѣ четвертую должность — должность семьянина; но и отъ ней я принужденъ буду по всей вѣроятности отказаться навсегда, о чемъ — безъ сомнѣнія — болѣе имѣю причинъ сожалѣть, нежели о министерскихъ предложеніяхъ. Видно такъ уже мнѣ на роду написано: родиться вольнымъ казакомъ и умереть вольнымъ казакомъ.

Вотъ на первый случай два-три извѣстія о моей преважной особѣ. — Если увѣрюсь, что вины мои предъ Вами будутъ судимы судомъ дружбы, а не обыкновеннымъ судомъ людей, то я утѣшаю себя надеждою скораго свиданія съ Вами, хотя въ письмахъ. — Поручаю себя Вашей дружбѣ, прошу съ тѣмъ вмѣстѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе Вашей супругѣ и поблагодарить за желаніе добра мнѣ упрямцу.

Вашъ *П. Прейсъ.*

Если Вы знакомы съ гг. учителями Фрономъ и Фельдманомъ, то потрудитесь имъ поклониться (повторено по ошибкѣ: «имъ») отъ меня и поблагодарить ихъ за незабвенный, радушный ихъ пріемъ въ проѣздъ мой черезъ Ригу. При мысли о нихъ невольно поднимается со дна души горькое воспоминаніе о потерѣ Юргенсона. Я все еще не могу привыкнуть къ мысли, что достойнаго нѣтъ![1]).

Куршату.

10 авг. (28 іюля) 1844.

Nach langen, langen, zwar nicht zu entschuldigenden, doch erklärbaren Schweigen ergreife ich die Gelegenheit Ihnen, lieber Freund wieder zu schreiben. Die Ferien machen eben die Gelegenheit aus. Ihren lieben Brief von Anno 1843 (horribile dictu) habe ich empfangen und danke Ihnen dafür herzlich.

Erfreulich war es mir zu erfahren, dass es mit Ihrer Gesundheit besser stehe; Gott bewahre Sie von allen schweren Arbeiten! Ich fühle schon die guten Folgen desselben: vor einem Monath(e), nach vorher gegangenen heftigen Kopfschmerzen, zeichen sich bei mir die Haemorrhoiden verbunden mit Blutspeien.

---

[1]) Письмо это на почтовой бумагѣ въ 8-ку въ нѣкот. мѣстахъ перемарано и потому вѣроятно было потомъ переписано Прейсомъ. *В. Л.*

Daher bin ich jetzt verurtheilt zum Nichtsthun, vieler Besorgung u. strenger Diäte.

«Das Littauische—sagen Sie, liegt brach». Diese Nachricht war für mich ein Schlag! Suchen Sie wenigstens in dem littauischen Seminar eis neu(e)s Leben zu begründen. Ihr Eifer für die Sache wird Vieles leisten.

Eine littauische Phraseologie der Präpositionen, die Sie deut(sc)h herausgegeben haben, kenne ich nur aus Ihrem Briefe. Auch die neue Ausgabe der Lieder gelangte nicht hiecher.—Ueber Bohlen's Sammlung derselben habe ich im I. 1840 in Leipzig mit einem Buchhändler unterhandelt,—aber ohne Erfolg [1]), und wie ich aus Ihrem Briefe ersehe, zum Glück ohne Erfolg. — Die Vocallehre und den littauischen Accent möchte ich in meinen Händen haben. Wie gross ist die Abhandlung und wie viel möchte der Druck derselben zu stehen kommen?

Da mein Fach-die Slavica-ein ganz neuer Gegenstand ist, so können Sie sich denken, wie viel die Voerbereitungen mir Zeit rauben und von der Feder mich fern halten. Kein Wunder, wenn ich so selten schreibe und so oft Vorwürfe dafür von meinen Freunden bekomme.

Mit Ungeduld warte ich auf die Ankunft meiner Bücher, die Sie die Güte hatten so lange bei sich aufzubewahren. Eine Frage,—haben Sie aus Posen von dem Buchhändler Stefanski folgend(sic) Bücher erhalten(,) von denen ich Ihnen am 2-te(sic) April 1840 schrieb. Hier folgt das Verzeichniss. So weit war ich mit meinem Brief fertig, als ich den 24 August Jhren erfreulichen Brief vom 31 Iuli erhalten habe. Herzlichen Dank dafür! Sie beschämen mich. Wie vie(l) Freude haben Sie mir gebracht durch diesen Brief! Welche schöne Nachrichten enthält er. Nun darf das Littauische nicht mehr brach liegen, dank sei es der grossherzigen Fürsorge des Königs! Ich theile mit Ihnen die Freude ueber diese seine herrliche That und Sie bitte von Ih(n)en umständliche Nachricht darüber.—Meine Antwort auf Ihre Fragen lautet kurz: geben Sie heraus ein littauiches Volksblatt (enthaltend respect. Verfügungen der Regierung, Aufsätze religiösen, moralischen, historischen, oeconomischen etc. Inhalts, 1 mal wöchentlich) und gründen Sie 2) eine littauische Gesellschaft mit der Bedingung, dass dieselbe Ihre Verhandlungen drucke. Das wird hinlänglich den von Ihren Magazin er.... . Die Statuten sind nicht schwer auszuarbeiten. Preussen besizt so viele literarische Vereine. Suchen Sie denn die Norm für die äussere Einrichtung. Der Zweck der Gesellschaft, wi(rd) wie bei der ehstnischen Gesellschaft: „die Kenntniss der Vorzeit und Gegenwart

---

[1]) Затѣмъ зачеркнуто: «Sie liegt bei Pott in Halle. Er wird sie hoff. un. vielleicht auch Ihrer Disposition»,

des littauischen Volkes, seiner Sprache und Literatur, sa wie des von ihm bewohnten Landes zu fördern. Iedes Mitglied muss Arbeiten liefern und beistehen mit einem jahrlichen Beytrage von einigen Thalern. Die ausser Preussen wohnenden Mitglieder zahlen ein mal für alle mal einen gewissen grösseren Beytrag; denn jährliche Beiträge für die Ausländer sind wegen der Post sehr unbequem. Was weiter zu thun ist, wird die Erfahrung lehren. — Ietz(t) lässt sich nicht Alles voraus sehen. Nur müssen die Statute allgemein gehalten werden, nicht zu tief in einzelne Bestimmungen hereingehen.

Noch [1]) habe ich zu bemerken:

1). So viel als möglich dahin zu streben das littauische nicht mit deutschen, sondern mit lateinischen Lettern zu schreiben. Denn--wie Grimm sagt—wer die sogenannte deutsche Schrift braucht, schreibt barbarisch, wer grosse Buchstaben für den Anlaut der Substantive schreibt, pedantisch (Gram. 3 Au(s)g. 1840 p. 29). Mit der Zeit muss die jetzige Orthographie modificiert werden.

2). Sie müssen, so bald als möglich nach Preuss. Littauen einen Ausflug machen, um Mitarbeiter zu gewinnen[2]) u. Material zu sammeln.

3). Dito polnisch lernen.

4). Eine littauische Sprachkarte für den Preussischen Antheil des littauischen Volkes.

Dieses Alles mit der Zeit und zwar nach und nach. Die Verhandlungen werden bestehen in

1). Sammlung von topographischen Namen, für die der (sic) Littauer eigene Benennungen haben (sic).

2). Gram. lexikalische Aufsätzen.

3). Volkssagen, Lieder — Sprichwörtern und Gebräuchen.

4). Historisch-geographischen Nachrichten(sic) und Abhandlungen.

5). Bibliographische Mittheilungen u. Correspondenzen. u. s. w.

М. С. Куторгѣ.

СПБ. 1846 года 2-го Апрѣля.
5 часовъ утра.

На прошлой недѣлѣ, въ Среду, былъ Степанъ [2]) у меня. Отъ него только узналъ я обстоятельно о болѣзни твоей. Это было для меня непріятною вѣстію: моя болѣзнь—подумалъ я—сдѣлалась причиною твоей. Навѣщая меня въ самыя страшныя непогоды, ты долженъ былъ что-нибудь схватить.

---

[1]) Все слѣдующее, начиная съ этого слова, написано на маленькомъ клочкѣ бумаги.
[2]) Слѣдующее прибавлено карандашемъ.
[2]) Степанъ Семеновичъ Куторга.

Въ послѣднее свиданіе съ тобою я былъ уже встревоженъ: ты просилъ, если еще помнишь, закрыть трубу. Дурной знакъ! сказалъ я самому себѣ и не ошибся.

Послѣ ухода твоего брата у меня тотчасъ родилась мысль навѣстить тебя. Ожидалъ слѣдующаго утра съ нетерпѣніемъ, чтобы попросить на то позволенія у доктора. Но онъ, къ крайней досадѣ моей, съ 26-го числа по сей день не являлся, потому что ему нечего со мною дѣлать, пока не установится порядочная погода. Между тѣмъ, на бѣду, разошлась Нева и еще болѣе разстроился мой чудесный планъ. Но я не теряю надежды, что на этой еще недѣлѣ наведутъ мостъ и тогда я явлюсь къ вамъ послѣ обѣда около 5 или шести. Эта мысль приноситъ мнѣ много удовольствія.

Мое положеніе неутѣшительно: продолжительное тюремное заключеніе и недостатокъ движенія нѣсколько ослабили меня и особенно подѣйствовали на желудокъ. Одно, что меня радуетъ, это то, что дрожь, какъ кажется, оставила меня. Впрочемъ, подробности при свиданіи. Докторъ сегодня непремѣнно долженъ быть, не то пошлю за нимъ. Александрѣ Герасимовнѣ [1]) meinen herzlichen Gruss. Прощай и выздоравливай не по моему.

Твой П. Прейсъ.

М. С. Куторгѣ.

6-го Апрѣля. 1846 года.

Увы! во вторникъ, когда посылалъ тебѣ записку, я былъ полонъ надежды, что увижу тебя. Въ этотъ самый день дѣйствительно былъ у меня докторъ, но позволенія не далъ, говоря, что при моей слабости дурная мостовая растрясетъ меня до того, что не буду радъ жизни. Собственными разъѣздами увѣрялъ меня въ опасности ѣзды даже и въ возкѣ. Нечего дѣлать! Надобно было согласиться съ нимъ и оставить планъ посѣтить тебя и зятя.

Вотъ уже опять болѣе недѣли, я ничего не слышу о тебѣ, не знаю о состояніи твоего здоровья. Лучше-ли тебѣ? Поправляешься-ли? Это меня безпокоитъ.

Мое здоровье и выздоровленіе зависитъ отъ погоды. Въ эти два дня я выходилъ, но вѣтеръ довольно холодный, очень чувствителенъ, не смотря на то, что я выхожу вооруженный шубою и проч. Съ желудкомъ я все еще въ разладѣ: лекарства и прогулки, надѣюсь, помирятъ меня съ нимъ. Тиранка моя въ продолженіи шести мѣсяцевъ—дрожь,—болѣе недѣли уже не является. Опухоль съ ногъ спала такъ, что я не нуждаюсь болѣе въ великанскихъ сапогахъ, въ которыхъ до сихъ поръ долженъ былъ выходить. Хотѣлъ-бы я знать навѣрное, будутъ-ли послѣ Святой лекціи у Филологовъ I, II и III курса.

[1]) Женѣ М. С. Куторги.

Ни отъ кого узнать не могу, потому, что, какъ кажется, не во всѣхъ факультетахъ одинаковыя распоряженія [2]).

Поздравляю съ наступающимъ праздникомъ и желаю здравствовать и веселиться съ супругою и со всѣми домочадцы.

Твой П. Прейсъ.

Письма П. И. Прейсу.

Письмо П. О. Шафарика Прейсу.

W Praze 1845 Ríjna 10 n. s.

Welectený Príteli!

Čeho bych se byl nenadál, stalo se, totiž že ste na Prahu a na swé přately w Praze docela zapomněl. Lita minula, a od Wás ani slowíčka — ještě předce odjinud z Ruska wždy nějaké zpráwy nás docházeji, a snížené porto welice nám dopisowání ulehčuje.

Posílám Wám zwlaštní wýtisk mé staročes. gramm. která wlastně wyšla, jako Uwod k 1 dílu Wýboru české literatury, wydáwaného od naší Matice a Sboru. To jen na důkaz, že ještě žiw a na Was pamětliw sem.

Jaké drahocennosti — rukopisy i listiny — Grigorowič w Turecku sebral, již snad lépe wíte, než ja slyším, že do 15 pergam. rpp. a 50 listin, mezi oněmi spis Konstantina č. Cyrilla z řeckého na slowensko přelozený, typikon wlastnoruční sw. Sáwy, i glagol. rpp., listiny bulh. i ze Srbska 2 XI stol. atd.

Miklosich wydal: Jo. Chrysost. Homilia in ramos Palmarum Slov. lat. et gr. Vindob. 845. 8° (z rp. Supraslského).

Já toho léta mnoho stonal: i ještě sotwy perem wládnu.

Mau úctu pp. Wostokowu a Keppenu.

Bud'te zdráw. Wáš upř. př.

Šafařik.

Отъ И. И. Срезневскаго Прейсу.

Какъ-то давно послалъ я Вамъ съ Тихановичемъ одну статью для Ж. М. Н. П.; но она вѣрно или Вамъ показалась недостойною напечатанія, или скучною для редакціи. Посылая ей «Богъ съ тобою», Вамъ посылаю другую статью тоже для Ж. М. Н. П. Потрудитесь посмотрѣть ее и, если что найдете, вычеркнуть или исправить. Если она, по вашему мнѣнію, будетъ стоить печати, то передайте ее Сербиновичу. Мнѣ хочется, чтобы она была напечатана для того, чтобы имѣть возможность дополнить списокъ книгъ болгарскихъ и пріобрѣсть ихъ по возможности; а съ другой стороны и сдѣ-

[2]) Не прошло и шести недѣль, какъ Прейсъ скончался, 10-го—11-го Мая 1846 г.

лать извѣстнымъ то о Болгар. письменности новой, что мнѣ удалось узнать. Если моя статья не будетъ годиться для печати въ такомъ видѣ, какъ есть, то увеличивши свой запасъ книгъ Болгарскихъ, я исправлю и увеличу ее современемъ.

Письмо мое передастъ Вамъ П. П. Кулѣшъ, который собирается издавать Южно-русскія пѣсни, и желаетъ, чтобы я принялъ въ этомъ изданіи участіе. Я очень радъ, если только изданіе будетъ дѣльное. Поговорите съ нимъ объ этомъ изданіи. Мнѣ кажется, или лучше сказать, я увѣренъ, что Вы можете ему служить добрымъ совѣтомъ,—а не ему, такъ мнѣ, если я найду возможнымъ принять часть его на себя. Я уже правда и нашелъ это возможнымъ, обѣщавши заняться пѣснями историческими, думами и пѣснями обрядными, но начну заниматься не иначе какъ съ лѣта, когда и свободенъ буду, и увижу яснѣе, что изъ изданія должно быть.

Если увидите Н. И. Надеждина, то скажите ему, что я не пишу ему потому, что никакъ не вырву отъ Борисяка того, что онъ мнѣ для него обѣщалъ.

Что то еще хотѣлъ написать, но теперь не вспомню. Прощайте.

Вашъ Срезневскій.

8 марта 1846.

Отъ В. В. Ганки.

Милостивый Государь

Петръ Ивановичъ!

Пользуясь отосланіемъ письма къ Николаю Герасимовичу Устрялову спѣшу доставить Вамъ экземпляръ Сазаво-Еммаузскаго Евангелія и началъ священнаго языка Славянъ съ просьбой чтобъ Вы приняли ихъ отъ меня въ память благосклонно. Есть но послѣ почти полчетверти вѣка ужь другая книга напечатанная кирилловскими буквами въ Чешской Прагѣ. Но какъ по слухамъ довѣдываютъ вмѣсто привѣтствія раскритиковалъ ее одинъ изъ адъютантовъ Академіи, незнаю если основательно, однакожь недоброжелательно. Мнѣ бы очень было непріятно если-бы такимъ образомъ должно было ждать столько же времени до появленія третьей печати кирилловскими буквами въ Прагѣ. Можете ли совѣстно драгоцѣнный Петръ Ивановичъ принять на себя заступничество сей книги, Вы бы одолжились въ побужденіи ревности къ Славянщинѣ у насъ у западныхъ Славянъ: въ это время бы было это кстати, когда Вамъ извѣстно какими мѣрами стремится германскій западъ вкоренить ненависть противъ восточныхъ Славянъ и въ самыхъ западо-славянскихъ племенахъ. Ваша статья о глаголической письменности въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія понравилась мнѣ очень.

Я теперь намѣреваю напечатать всѣ эти по переплетамъ разбросанные жалкіе отрывки изъ Еммаузскаго монастыря въ Актахъ нашего Общества

наукъ. Моихъ Několiк objasnenі nowých obdob slowes. Вы вѣроятно получили въ особыхъ отпечаткахъ изъ Časopisa českého Museum.

Поручая себя Вашему благорасположенію имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашъ покорнѣйшій сл.

Вячеславъ Ганка.

Шафарикъ кланяется.

Прага 7 мая 1846.

Приложенія.

Письма о П. И. Прейсѣ, объ его трудахъ и бумагахъ.

Письмо В. В. Ганки Мин. Нар. Пр. С. С. Уварову.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивѣйшій Государь!

Прошедшей зимою мы имѣли удовольствіе видѣть въ кругу нашемъ двухъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Одинъ изъ нихъ Г. Прейсъ, другой Г. Срезневскій. Оба съ одинаковою жаркою любовію къ ученымъ занятіямъ, къ ихъ великому Отечеству и Славянамъ, они не могли не внушить къ себѣ наше общее уваженіе и не увеличить нашего глубокаго сознанія въ томъ, съ какимъ искусствомъ Ваше Высокопревосходительство изволите избирать людей на службу Отечеству по Вашему министерству. Каждый имѣетъ, правда, свое направленіе, свой взглядъ на предметъ своихъ занятій; но это еще болѣе намъ нравилось; отъ частнаго разнообразія направленій, наука можетъ только выигрывать. Г. Прейсъ глубоко зная языкъ древнеславянскій церковный, разсматривая его въ отношеніи не только съ другими славянскими нарѣчіями, но и съ языками лит. и германскими, и всегда критико-исторически, занимается преимущественно Славянскою древностію, всю свою ученость направляетъ къ тому, чтобъ объяснить со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и все любопытное, наблюдаемое имъ въ настоящемъ, разсматриваетъ какъ пособіе для объясненія прошедшаго и какъ матеріалъ для показанія историческаго хода развитія. Г. Срезневскій, напротивъ, предполагая, что знаніе историческое должно быть предупреждено знаніемъ настоящаго, какъ послѣдняго пункта движенія, тѣмъ болѣе важнаго, что въ немъ сохраняется болѣе или менѣе и прошедшее всѣхъ вѣковъ, посвятилъ себя преимущественно изученію славянскихъ нарѣчій, нравовъ и обычаевъ, преданій, литературы народной, въ ихъ современномъ состояніи, во всѣхъ ихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ. Одинъ археологъ, другой этнографъ, одинъ за древней хартіей, другой въ народѣ. И потомъ сходятся, повѣряютъ другъ другу свои наблюденія, взаимно

уважая направленіе другъ друга. Говоря съ ними о ихъ дальнѣйшихъ путешествіяхъ, я и Шафарикъ не разъ замѣчали имъ, какъ бы полезно было для нихъ лично и вообще для славянской филологіи путешествовать вмѣстѣ, одинъ помогалъ-бы другому и при раздѣленіи труда дѣло-бы шло и скорѣе и лучше. Совѣты наши они слушали, но опредѣлительно не рѣшились ни на что, и только увѣдомляли насъ о своихъ путешествіяхъ и предположеніяхъ каждый отдѣльно слѣдуя своей спеціальной цѣли. Теперь я получилъ письмо отъ Г. Прейса, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о томъ, что онъ вмѣстѣ съ Г. Срезневскимъ предполагаетъ путешествовать по Истріи, Далмаціи, и Далматскимъ островамъ, Черногоріи и Сербіи. Между прочимъ высказываетъ свое сожалѣніе, что не можетъ продолжать путешествія съ Срезневскимъ по Болгаріи, Галиціи и Венгріи, потому что самъ еще имѣетъ годъ времени для путешествія, а Срезневскому въ Сентябрѣ мѣсяцѣ оканчивается двухлѣтній срокъ назначенный ему Харьковскимъ университетамъ на путешествіе. Это извѣстіе немогло насъ не огорчить. Немогу сомнѣваться, что Г. Срезневскій ободренный увѣренностію въ покровительство оказываемое наукамъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, не преминетъ самъ обратиться къ Вашему Высокопревосходительству со своею просьбою; я однако немогу также присоединить къ его просьбѣ и мою собственную. Въ любви къ успѣхамъ славянской филологіи, исторіи и этнографіи, я нахожу себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что рѣшаюсь употребить пріятельское извѣщеніе Г. Прейса на пользу, какъ думаю, общую. Чувствую, что поступаю смѣло, безпокоя Ваше Высокопревосходительство, но вмѣстѣ немогу позволить себѣ таковой смѣлости, будучи вполнѣ увѣренъ, что дарованія и усердіе этихъ двухъ молодыхъ ученыхъ совершенно отвѣчаютъ ожиданіямъ Вашего Высокопревосходительства, и что отъ ихъ общаго дружественнаго стремленія къ цѣли можно надѣяться болѣе, нежели отъ нѣсколькихъ другихъ отдѣльныхъ путешественниковъ. При томъ-же нигдѣ болѣе не нужна взаимная помощь какъ въ путешествіе по такимъ странамъ, каковыя не только Болгарія, но даже и Галиція и Венгрія: одному путешествовать тамъ отчасти тоже опасно, неговоря уже о неудобствахъ, которыя переносятся легко только въ сообществѣ и могущей приключиться путешественнику болѣзни и т. п. Г. Прейсъ путешествуя одинъ будетъ даже отчасти отвлеченъ отъ своей главной цѣли-памятниковъ письменныхъ, и все же будетъ на нее употреблять столько времени, что другая не менѣе важная цѣль славянскаго путешественника-изученіе народа останется имъ не вполнѣ обнятою. А между тѣмъ всѣ эти страны тѣмъ любопытнѣе для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, что очень мало извѣстны: лучшія описанія Венгріи написаны Чапловичемъ и Майлатомъ, но ни одинъ изъ нихъ ни филологъ, ни ученый; и книги ихъ сколько ни любопытны, но представляетъ ученому только случайные, і

частью очень неудовлетворительные отвѣты на лингвистическіе и этнографическіе вопросы. О Галиціи не сдѣлано и того; Булгарія и въ новѣйшемъ описаніи Буета изображена только по слухамъ, безъ знанія дѣла, чего нельзя и ожидать отъ иностранца, которому не былъ извѣстенъ языкъ страны, не былъ понятенъ характеръ жителей. Все это внушило мнѣ смѣлость обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ усердною просьбою, исполненіе которой важно для всѣхъ насъ, посвятившихъ жизнь свою на изученіе Славянъ, вниманіе къ которымъ въ нашъ вѣкъ было возбуждено Вашимъ Высокопревосходительствомъ. Къ тѣмъ безчисленнымъ услугамъ, кои Вы изволите оказать на поприщѣ познанія славянскаго міра, соизвольте присоединить еще одну, соизвольте дать средство продолжать Срезневскому и Прейсу ихъ путешествіе вмѣстѣ, продолживъ срокъ путешествія Г. Срезневскаго. Запасы, которые соберутъ они во время своего путешествія, будутъ принадлежать не однимъ имъ, но и всѣмъ намъ, и Ваше Высокопревосходительство, указавши имъ путь и средства собирать ихъ, обяжете всѣхъ насъ, сколько ни желающихъ узнать Славянъ во всемъ ихъ пространствѣ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣдныхъ средствами путешествовать. Всего лучшаго мы ждемъ только отъ Вашего великаго отечества и отъ просвѣщеннаго покровительства Вашего Высокопревосходительства; только въ Россіи, только учеными, находящимися подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ Вашего Высокопревосходительства, можетъ быть исполнено то, что для насъ безъ этого останется еще надолго неисполнимымъ желаніемъ. Имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Прага, 16-го (28-го) Мая 1841. *Вячеславъ Ганка.*

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вашему Высокопревосходительству (которое, можетъ быть, еще не дошло) я забылъ доложить, что при немъ приложенные три экземпляра Вендицкой грамматики присылаю отъ имени сочинителя — моего ученика Г. Іордана, который готовъ быть кандидатомъ на Славянское отдѣленіе, и что у меня маленькая библіотека важнѣйшихъ сочиненій старой и новой литературы чешской, которую я готовъ уступить съ радостію упомянутому отдѣленію. Г. Проф. Погодинъ хотѣлъ ее пріобрѣсть для Московскаго Университета (каталогъ ея еще у него, и отъ сихъ поръ она нѣкоторыми книгами умножилась), но теперь уже три года и я не получаю въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ. Слѣдовательно, мнѣ возможно съ нею опять располагать. Сіе повторяю, не зная, если догнало письмо мое г-жу Кралицкую, которая упомянутыя Грамматики изволила взять собою (sic) въ Россію. На сихъ дняхъ Правительство наше дало Г. Шафарику, чтобъ его не отпустить въ Берлинъ, куда его на Славянскую катедру призвало, къ его жалованію 400 гул. сер., какъ цензору, еще 800 гул. сер. съ титуломъ сверхкомплектнаго кустода. Это — доброе знаменіе! Небывалое.

Письмо И. И. Срезневскаго О. М. Бодянскому.

13 Апрѣля 1847 г. Спб.

Письмо, которое теперь посылаю Вамъ, чувствую самъ, будетъ совершенно пусто. Не того мнѣ хотѣлось, потому что я все думалъ удосужиться и прислать Вамъ хоть что нибудь въ благодарность за присылку Чтеній; но что дѣлать со временемъ и съ своимъ неумѣньемъ распоряжаться имъ! То одно, то другое, а тамъ смотришь и недѣля и другая—какъ не бывало. Мало по малу освобождаюсь отъ занятій по лекціямъ. Нева грозитъ розливомъ, Май приближается... со дня на день ждемъ, что лекціи прекратятся. Что касается до моихъ, то я долженъ былъ разбить ихъ на три отдѣла: 1-му и 2-му курсу читалъ обще обозрѣніе Славянъ и по ихъ длинности сокращалъ послѣднія лекціи; рекомендовалъ студентамъ Вашъ переводъ Narodopis'а Шафарика; 1-му курсу продолжалъ объясненія церковно-славянскаго нарѣчія, начатое Касторскимъ; 3-му курсу началъ исторію древней письменности славянской по памятникамъ и кончу началомъ, едва-ли перейду въ XII вѣкъ.

Благодарю Васъ душевно за присылку Чтеній; ожидаю и 7-й книжки, въ которой вѣрно есть для меня интереснаго не менѣе какъ въ предъидущихъ. Часто думаю о томъ, чтобы для Васъ годилось болѣе и дѣло останавливается на этомъ выборѣ и на мысли, что ничто не годится. Этимъ разумѣется однимъ могу оправдывать мое молчаніе, нѣсколько продолжительное. Прерываю его теперь по пословицѣ: «дѣти не плачутъ, мать не слышитъ», воображая, что Вы, не получая отъ меня никакого отзыва, подумаете, что меня и въ живыхъ нѣтъ и не пришлете Чтеній, а между тѣмъ временемъ они могли выйти,

Я видаюсь иногда съ Куникомъ и чѣмъ болѣе узнаю его, тѣмъ болѣе вижу, какъ онъ на мѣстѣ. Неравнодушный ни къ одному изъ интересовъ своего предмета, онъ слѣдитъ за Русью и Славянствомъ со всѣмъ пристрастіемъ всесторонняго ученаго и подаетъ о себѣ большія надежды. Для исторіи Славянства онъ хочетъ напечатать исторію Пелопонезскихъ Славянъ по новымъ источникамъ. Нѣкоторые изъ нихъ сообщилъ онъ мнѣ: я разбираю ихъ въ смыслѣ филологическомъ, чтобы добраться—какимъ нарѣчіемъ говорили эти Славяне. Добраться въ нѣкоторой степени можно, но не того, что мнѣ хотѣлось-бы, не церковно-славянскаго нарѣчія. Жду между тѣмъ съ нетерпѣніемъ Григоровича, чтобы распросить его о Забалканскомъ нарѣчіи Турлацкомъ, отдѣльномъ отъ обыкновеннаго болгарскаго. Можетъ быть онъ поработаетъ собрать о немъ свѣдѣнія и можетъ быть объяснитъ кое-что.—У Куника познакомился съ Билярскимъ. Это молодой гриммистъ, чрезвычайно основательно

изучающій языкъ Старославянскій и посвятившій себя почти исключительно ему одному. Надобно надѣяться, что онъ сдѣлаетъ много дѣльнаго. Теперь онъ занятъ Манассіей и приготовляетъ къ изданію.

Отъ Неволина въ скорости получится его розысканіе о церковныхъ судахъ русскихъ, розысканіе очень важно, въ которомъ въ первый разъ, кажется, будутъ подробно разобраны, какъ слѣдуетъ, наши древніе церковно-юридическіе памятники.

Библіотека покойнаго Прейса куплена Университетомъ; оставшаяся затѣмъ часть продается въ разбивку. Я пересматривалъ его бумаги. Кое-что надобно издать. Куторга и Куникъ принимаютъ въ этомъ участіе. Я съ своей стороны готовъ сдѣлать все, что могу. Въ нихъ нѣтъ ничего доконченнаго, но матеріалы, имъ собранные, будучи изданы, облегчатъ труды другихъ во многомъ. Мнѣ говорили, что онъ окончилъ совершенно свои изысканія о богумилахъ, но въ бумагахъ я не нашелъ ихъ.

Посылаю Вамъ при этомъ экземляръ моего сочиненія для общества Соловьева, Колычева, Ундольскаго, Бѣляева. Тутъ-же и брошюра о безсмертіи души. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ И. Срезневскій.

PS. 17 Апр. Душевно благодарю за присылку № 7 Чтеній. Пѣсни, оставшіяся отъ Кулѣша, не посылаю Вамъ теперь, потому что не было времени отыскать ихъ; но будьте увѣрены, я пришлю ихъ немедленно, или по крайней мѣрѣ не долго спустя: я ихъ только долженъ переписать.

(Съ подлиннымъ вѣрно: А. Титовъ).

(Изъ книгохр. извѣстнаго Ростовск. любителя и собирателя А. А. Титова, которому и свидѣтельствую мою глубокую признательность).

Письмо О. М. Бодянскаго И. И. Срезневскому.

Жаль, очень жаль, что изслѣдованія покойнаго Прейса о Богумилахъ не отыскались въ его бумагахъ. И я слышалъ о немъ кой отъ кого, т. е., что онъ занимается ими и готовитъ особое сочиненіе. Смерть его невознаградима для насъ въ нѣкоторомъ отношеніи.

Память его изданіемъ сдѣланнаго и собраннаго имъ. Хоть это пусть оставитъ о немъ память въ потомствѣ. Я его незналъ, какъ Вамъ извѣстно, лично, но вполнѣ вѣрилъ и вѣрю отзывамъ о немъ Вашимъ и многихъ другихъ. Точно также не знакомъ лично и съ Куникомъ. Сердечно радуюсь, что онъ обѣщаетъ собой такого хорошаго дѣятеля на нашемъ ученомъ поприщѣ, и что всѣ прежніе не выгодные о немъ отзывы другихъ я теперь долженъ промѣнять на Ваше свидѣтельство. Васъ въ этомъ случаѣ нельзя ослѣпить поверхностью: Вы далеко и глубоко видите въ человѣкѣ и предметѣ вообще.

Въ лицѣ Билярскаго открываете мнѣ ученаго, совершенно для меня бывшаго неизвѣстнымъ. Слава Богу, что подобныя лица нечувствительно прибываютъ къ нашему, такъ молвить, полку. Изслѣдованія г. Неволина о такомъ важномъ предметѣ жду съ любопытствомъ. Онъ вѣдь, большой мастеръ! Вы вѣдь, часто видаетесь съ г. Устряловымъ. Нельзя-ли напомнить ему объ отвѣтѣ, который онъ мнѣ долженъ на мое письмо къ нему еще прошлой осенью. Если-бы это было не такое дѣло, я бы не обратилъ никакого вниманія на такую его вѣжливость и общительность. Вѣрно, что онъ очень занятъ, но, вѣдь, и мы не безъ заботы о томъ-же, а все-же, кому нужно, отвѣчаемъ? Пожалуйста, хоть Вы передайте мнѣ его слова о томъ, что я ему писалъ тогда.

Вамъ преданнѣйшій О. Бодянскій.

Москва 29-го апрѣля 1847 г.
Универс. типографія.

Печатные отзывы о П. И. Прейсѣ.

(Изъ журнала Мин. Народн. Просв. Іюнь 1846 г.)

10-го мая скончался въ С.-Петербургѣ Экстр. профессоръ Импер. С.-Петерб. Университета по каѳедрѣ Славянскихъ литературъ Петръ Ивановичъ Прейсъ. Онъ принадлежалъ безспорно къ числу первыхъ Славянистовъ нашего времени, и преждевременная кончина его весьма ощутительна для науки славянскаго міра, которая возлагала на него лучшія свои надежды. Профессоръ Прейсъ оставилъ много трудовъ въ рукописи; нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ приведены въ порядокъ и не останутся безъизвѣстными для ученаго міра.

П. И. Прейсъ [1]).

Нельзя сказать, чтобы Россія изобиловала учеными, тѣмъ болѣе утрата каждаго изъ нихъ для нея тяжка. Безъ всякаго сомнѣнія университетъ есть главный представитель учености; въ этомъ разсадникѣ молодые люди, полные жизни и стремленій къ знанію, черпаютъ изъ обильнаго источника глубокихъ свѣдѣній своихъ наставниковъ.—Опытный руководитель, безкорыстно проникнутый своимъ предметомъ и передающій его со всей энергіей благороднаго сознанія: вотъ идеалъ профессора.—Въ короткое время С.Петербургскій Университетъ не досчиталъ въ средѣ такихъ наставниковъ двухъ даровитыхъ ученыхъ, пользующихся извѣстностью европейской. О нихъ мы намѣрены сказать

---

[1]) Въ 1819 г. въ журн. «Иллюстрація», по поводу выхода Проф. Порошина изъ нашего Университета, была напечатана статья: «П. И. Прейсъ и В. С. Порошинъ». Опускаю вторую ея половину (о Порошинѣ) и перепечатываю первую о Прейсѣ. Статья эта вѣроятно написана однимъ изъ близкихъ друзей и товарищей того и другаго, можетъ быть М. С. Куторгою или П. Д. Калмыковымъ. Куда дѣвались бумаги этихъ заслуженныхъ, достойныхъ дѣятелей П. Д. Калмыкова и В. С. Порошина? Въ нихъ много бы должно найтиться важнаго и любопытнаго, могутъ быть и письма дружески связаннаго съ ними П. И. Прейса. Еще не зная этой статьи, я высказалъ догадку о чешскомъ происхожденіи Прейса. Въ статьѣ Иллюстраціи близко его знавшій авторъ говоритъ объ этомъ утвердительно. *В. Л.*

нѣсколько словъ, по довольно близкому знакомству и съ ихъ учеными убѣжденіями, и съ ихъ лекціями.—Весьма недавно Россія начала ученыя изслѣдованія свои объ одноплеменникахъ Славянахъ, недавно языкъ нашъ началъ объясняться чрезъ сравненія съ другими нарѣчіями одного и того-же корня, еще новѣе учрежденіе каѳедры славянскихъ нарѣчій при нашихъ университетахъ; а между тѣмъ мы уже обрѣли въ числѣ дѣятелей на этомъ поприщѣ человѣка знаменитаго. Петръ Ивановичъ Прейсъ, по происхожденію Чехъ, по сердцу чисто Русскій, въ дали отъ ученаго міра, въ одной изъ дерптскихъ гимназій трудился надъ языкомъ русскимъ..... и какъ трудился онъ! Глубоко изучивъ славянскія нарѣчія, онъ старался черезъ сравненія рѣшить до него нерѣшенное. Гриммъ, славный нѣмецкій ученый, былъ образцемъ для ученаго Русскаго, съ чувствомъ и любовію говорилъ о немъ Прейсъ и часто совѣтовалъ самоучкамъ—Славянофиламъ изучать его изслѣдованія о языкѣ нѣмецкомъ. Труды Прейса обратили на себя вниманіе просвѣщеннаго начальства, а умные сотоварищи призывали его къ дѣятельности, болѣе обширной и славной. Скромный ученый долго отказывался; онъ не совсѣмъ еще разрѣшилъ задачу, самимъ себѣ предложенную, касательно языка русскаго и нарѣчій славянскихъ и, какъ человѣкъ положительный, не хотѣлъ вѣрить похваламъ, расточаемымъ друзьями. Онъ лучше другихъ сознавалъ важность трудовъ своихъ и это именно внушало ему благородную боязнь. Онъ, казалось, предчувствовалъ еще, что жизнь его будетъ коротка и не хотѣлъ сдѣлать гласнымъ того, надъ чѣмъ съ любовію просиживалъ ночи въ тиши своего кабинета.

Отвергнувъ просьбы друзей своихъ, онъ не могъ однако-же воспротивиться желанію г-на Министра Народ. Просвѣщенія и былъ отправленъ въ славянскія земли. Съ этой минуты начинается публичная дѣятельность Петра Ивановича. Въ бытность его въ Прагѣ онъ особенно любилъ посѣщать извѣстнаго славянскаго ученаго Шафарика, спорилъ съ нимъ горячо, доказывалъ несправедливость многаго въ Старожитностяхъ Славянскихъ, книгѣ, изданной этимъ ученымъ.—Шафарикъ иногда сердился, но всегда соглашался съ мнѣніемъ Прейса, удивляясь проницательному, ясному взгляду русскаго ученаго и его глубоко-основательнымъ познаніямъ. Отчеты о трудахъ Прейса за границею внесены въ книжки журнала М. Н. П.; всѣ его статьи отличаются строгимъ анализомъ; ничего въ нихъ не сказано на угадъ, или вслѣдствіе неясныхъ предположеній. Возвращаясь въ Петербургъ, Прейсъ встрѣтилъ въ Москвѣ [1]) многихъ приверженцевъ и почитателей; они умоляли его остаться въ древней столицѣ, обѣщали спокойствіе, все возможное содѣйствіе въ дальнѣйшихъ тру-

[1]) Изъ Варшавы Прейсъ больной прямо проѣхалъ въ Петербургъ, но въ Москвѣ онъ дѣйствительно кажется былъ. Мнѣ сказывалъ почтенный покойный П. Н. Петровъ, что онъ гдѣ то видѣлъ упоминаніе, что Прейсъ занимался въ Москвѣ лѣтомъ рукописями. Вѣрнѣе, что это было въ 1844 или 1845 г., если еще не въ 1839 г. передъ отъѣздомъ за границу. *В. Л.*

дахъ, но вѣрный друзьямъ своимъ, не менѣе уже извѣстнымъ ученому мiру, профессорамъ Спб. Университета В. С. Порошину и братьямъ Куторгамъ, вспоминая свои молодые годы, проведенные въ этомъ Университетѣ, гдѣ онъ окончилъ курсъ кандидатомъ, Петръ Ивановичъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ продолжительной болѣзни, принялъ, въ исходѣ академическаго 1843 г., каѳедру славянскихъ нарѣчій въ здѣшнемъ Университетѣ.

Ясно представляется онъ мнѣ на каѳедрѣ XII аудиторіи въ зданіи этого Университета, въ присутствіи Его Сіят. Мин. Нар. Просвѣщенія и всѣхъ профессоровъ философскаго факультета, читающій вступительную свою лекцію.— Огромный залъ, построенный въ видѣ амфитеатра, былъ полонъ; студенты жаждали услышать новаго ученаго. Тихій голосъ его, часто прерываемый небольшимъ сухимъ кашлемъ, не достигая до слуха всѣхъ присутствовавшихъ, терялся въ огромномъ пространствѣ; а потому не слышали эту замѣчательную рѣчь. Она была обширна и заключала описаніе мѣстъ жительства Славянъ, очеркъ занятій ученыхъ по этой части, взглядъ на жизнь ихъ, — наконецъ проэктъ преподаванія славянскихъ нарѣчій въ Россіи, согласно желанію Верховной воли. Памятно, какъ ученый ревнитель просвѣщенія, Министръ поздравлялъ его съ успѣшнымъ началомъ; какъ послѣ всѣ ученые Университета спѣшили принять Прейса въ среду своихъ собратій.

Петръ Ивановичъ не отличался ничѣмъ особеннымъ въ наружномъ видѣ; онъ былъ небольшаго роста, имѣлъ довольно длинный греческій правильный носъ, большіе сѣрые его глаза свидѣтельствовали о жизненной энергіи въ болѣзненномъ тѣлѣ. Портретъ, который мы здѣсь представляемъ, очень хорошо напоминаетъ черты его лица, хотя сдѣланъ послѣ его смерти; признательные студенты, такъ сказать, воскресили черты любимаго профессора. Лекціи Прейса были любопытны только для желавшихъ заниматься его предметомъ, онѣ были не многорѣчивы. П. И. старался кратко передавать свое знаніе, особенно останавливаясь на критикѣ предлагаемыхъ мнѣній и на объясненіи языка русскаго. Исторія народовъ болгарскаго, чешскаго, польскаго была имъ передана и въ сжатости съ достаточною отчетливостью; въ объясненіяхъ Краледворской рукописи онъ изложилъ правила языковъ польскаго и чешскаго; сербскій былъ изучаемъ въ пѣсняхъ, изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ; особенное вниманіе было обращено имъ на языкъ церковно-славянскій. Прейсъ любилъ говорить о немъ и при этомъ выражалъ всегда глубокое уваженіе къ трудамъ академика Востокова, сожалѣя, что его небольшія сочиненія не были замѣчены Славянофилами.

Петръ Ивановичъ умѣлъ увлекать слушавшихъ его интересомъ предла-

---

[1]) Въ томъ то и дѣло, что не кандидатомъ, а дѣйствительнымъ студентомъ, такъ какъ оставилъ Университетъ до выпускныхъ экзаменовъ, по случаю болѣзни матери. *В. Л.*

гаемыхъ къ разрѣшенію вопросовъ и самымъ способомъ разрѣшенія ихъ. Г-нъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, Графъ Строгановъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, рядомъ съ студентами безъ малѣйшаго утомленія слушалъ Прейса и всегда выходилъ довольный его лекціями. Обширныя свѣдѣнія Петра Ивановича не лишали его милой ласковости и сообщительности. Онъ любилъ, когда посѣщали его молодые люди изъ Университета; онъ дружески давалъ имъ драгоцѣнные совѣты, снабжалъ книгами изъ своей богатой библіотеки и охотно дѣлилъ съ ними вечера. Два студента были вхожи къ нему преимущественно; не видя одного изъ нихъ, покойный Прейсъ обыкновенно спрашивалъ о немъ у другаго и выговаривалъ за отсутствіе. Самая искренность бесѣдъ уже, казалось, свидѣтельствовала, что Прейсъ торопился жить жизнью, которой посвятилъ себя, и заботился о скорѣйшей передачѣ своихъ мыслей, своихъ знаній; впрочемъ, какъ всегда въ этихъ болѣзняхъ, онъ до послѣдней минуты не терялъ надежды на выздоровленіе, хотя ясно обнаруживалась близость смерти. Передъ кончиной онъ переѣхалъ на дачу на Новыхъ Мѣстахъ, не далеко отъ Кушелевки; судьбѣ угодно было особеннымъ случаемъ сократить его страданія. Однажды въ ясный день онъ просилъ, чтобъ перенесли его въ креслахъ на балконъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; лишь только больной былъ поставленъ, полъ балкона подломился и Прейсъ опустился внезапно болѣе нежели на аршинъ. Съ трудомъ внесли его въ комнату;—сотрясеніе было чрезвычайное и, странно, онъ почувствовалъ облегченіе.... а на другой день умеръ.

Друзья и любившіе его слушатели лекцій отдали послѣдній долгъ уважаемому профессору, проводивъ его тѣло на Смоленское кладбище; покойный былъ католическаго исповѣданія. Нѣтъ сомнѣнія, что труды и жизнь этого ученаго будутъ подробно описаны; у одного изъ его друзей, М. С. Куторги, хранятся его бумаги и записки, которыя, кажется, были приготовляемы, для появленія на свѣтъ. Рано окончилъ свое земное ученое поприще этотъ прекрасный и полезный человѣкъ, одна изъ звѣздъ русской учености. Другъ и сотоварищъ Прейса, совершенно оцѣнившій труды его, Викторъ Степановичъ Порошинъ такъ отзывался о немъ въ письмѣ къ Ректору Университета, П. А. Плетневу: «О покойномъ Прейсѣ мнѣ кажется мало сказано. Тутъ безъ всякихъ гипербол можно сказать, что потеря безмѣрна и невознаградима. Мало сказать, угасъ человѣкъ, памятный дружбѣ и Университету; нѣтъ цѣлая вѣтвь познаній усохла, можетъ быть навсегда. Не обижая никого изъ ученыхъ, я вѣрю, что Прейсъ былъ человѣкъ единственный. Его рукописи теперь въ рукахъ у одного изъ товарищей его: можетъ быть, изъ нихъ его узнаютъ со временемъ, но узнаютъ, какъ въ тускломъ стеклѣ, завѣтную тайну своихъ мыслей онъ конечно унесъ съ собою».

«Иллюстрація» 1849 г. № 3 (17 января).

Прим. Наконецъ о Прейсѣ сохранилось прекрасное воспоминаніе И. И. Срезневскаго—«На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ». Спб. 1878. *В. Л.*

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ГЛАВА V.

Религіозныя вѣрованія Якутовъ. Существующія въ литературѣ воззрѣнія на происхожденіе шаманства у Якутовъ. Отношенія Якутовъ къ православію. Несогласіе между дѣятельностію шамана и тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Посвященіе въ шаманство, заклинанія, костюмъ, мистерія. Перечень добрыхъ и злыхъ духовъ, ихъ вліянія на людей; приносимыя имъ жертвоприношенія. Языческая присяга и повѣрье о происхожденіи земли.

Обращаясь къ описанію религіозныхъ воззрѣнія Якутовъ, слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что по офиціальнымъ даннымъ всѣ или почти всѣ они православные. Такъ изъ имѣющихся у насъ подъ рукой памятныхъ книжекъ по Якутской области за 1862, 1866, 1870 и 1882 годы, изъ первыхъ двухъ слѣдуетъ, что всѣ инородцы православные; изъ третьей, что на 231,076 человѣкъ жителей Якутской области приходится лишь три язычника, безъ объясненія, какого именно вѣроисповѣданія (огнепоклонниковъ-ли, ламаитовъ, или шаманствующихъ); въ послѣдней-же вовсе не обозначено распредѣленіе жителей по религіямъ.

Частныя свѣдѣнія ученыхъ изслѣдователей и лицъ вообще посѣщавшихъ Якутскую область не вполнѣ согласуются съ приведенными офиціальными извѣстіями, увеличивая число язычниковъ, при чемъ свѣдѣнія эти въ свою очередь не всегда одинаковы. Такъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ, Якуты значутся шаманствующими, по другимъ-же даже вовсе отрицается существованіе какой-либо шаманской религіи.

«Шаманство, читаемъ мы въ Сборникѣ обычнаго права, изданномъ профессоромъ Самоквасовымъ, не есть вѣра, или религія Якутовъ, но дѣйствіе частное, производимое въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, а именно: 1) надъ больными всякаго рода; 2) для отвращенія скотской заразы и особенно гибели телятъ; 3) для увеселенія, ибо шаманы въ семъ случаѣ дѣлаютъ фокусы и прорицанія о будущемъ; 4) надъ бѣснующимися».

Также упорно отрицаетъ существованіе шаманской религіи Н. С. Щукинъ въ изданной имъ, въ 1833 г., книгѣ «Поѣздка въ Якутскъ». «Шаманъ, говоритъ онъ, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть почтенъ

за жреца; онъ просто колдунъ, призыватель духовъ и приглашается или во время болѣзни, когда полагаютъ, что больнаго мучитъ духъ, или въ другихъ важныхъ случаяхъ, когда надо узнать о будущемъ. У насъ напрасно говорятъ и пишутъ, продолжаетъ далѣе Щукинъ, что такой-то народъ имѣетъ шаманскую религію. Теперь нѣтъ шаманской религіи; да и была-ли она когданибудь?».

Съ другой стороны наше законодательство признаетъ шаманскую религію. То-же дѣлаютъ гг. Шашковъ, Федоръ Соловьевъ, учитель Припузовъ и почтенный сотрудникъ нашего общества, извѣстный своимъ трудомъ по геологіи и этнографіи Сибири, Агапитовъ въ своихъ сочиненіяхъ по этому вопросу. Г. Агапитовъ въ образцовой статьѣ своей: «Шаманство у Бурятъ Иркутской губерніи» блистательно доказалъ существованіе шаманства у названныхъ Бурятъ, которыхъ гг. Самоквасовъ и Щукинъ считаютъ ламаитами. Первые три утверждаютъ тоже и по отношенію къ Якутамъ.

Гг.-же Припузовъ и Федоръ Соловьевъ говорятъ, что сами Якуты объясняютъ, будто у нихъ не было вовсе никакой религіи до посѣщенія ихъ края первымъ шаманомъ, что, конечно, доказываетъ коренную связь ихъ вѣроученія съ мистеріями шамановъ. Извѣстіе это получаетъ еще большое значеніе, если сопоставить его съ сообщеніемъ Миддендорфа о томъ, что Якуты около двухъ сотъ лѣтъ назадъ поклонялись явленіямъ природы. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ взятыя, позволяютъ предполагать, что космическій эпосъ аборигеновъ Якутской области преобразовался въ антропоморфическій подъ вліяніемъ ученія нѣкоего пришлаго шамана, пришедшаго, можетъ быть изъ страны Бурятъ. Спѣшимъ, однако, оговориться, что высказанная нами гипотеза о чужеземномъ происхожденіи якутскаго шаманства крайне гадательна и требуетъ еще подтвержденія своей достовѣрности со стороны ученыхъ и опытныхъ изслѣдователей, могущихъ заняться сравнительнымъ изученіямъ якутскаго и бурятскаго шаманствъ.

Боги имѣютъ кредитъ у дикарей, лишь пока приносятъ имъ матеріальную пользу. Исторія кишитъ примѣрами, когда проигранныя битвы были причиной отрицанія прежнихъ божествъ. Старые боги не помогли, надо слѣдовательно искать новыхъ—вотъ логика дикаря. Многимъ изъ насъ приходилось слышать, что Монголы мажутъ ротъ пищею своимъ идоламъ при удачномъ исходѣ предпринятыхъ ими дѣлъ и наказываютъ тѣхъ-же идоловъ розгами въ случаѣ неудачи.

Разъ мы усвоимъ ту точку зрѣнія, что некультурный человѣкъ уважаетъ своихъ боговъ лишь настолько, на сколько они ему приносятъ пользу, то яснымъ станетъ, что при нанесеніи удара авторитету этихъ боговъ догматическая сторона вѣроученія дикарей несравненно болѣе пострадаетъ, нежели практическая.

Разгромленіе якутскаго государства горстью смѣлыхъ пришельцевъ и рядъ административныхъ мѣръ, принятыхъ православными завоевателями должны

были, конечно, сильно понизить въ глазахъ Якутовъ значеніе ихъ боговъ. Они стали забываться. Дѣятельность миссіонеровъ способствовала такому повороту вещей. Боги почти совсѣмъ были забыты. «Я не могъ не замѣтить, говоритъ Миддендорфъ, что на распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и названіе которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны объясняли, что такъ было нѣкогда. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и предо мной являлись только обломки, развалины прежняго ученія».

Теперешнее представленіе о богахъ, говоритъ около 30 л. спустя Федоръ Соловьевъ въ статьѣ своей «Остатки язычества у Якутовъ», перемѣшаны съ понятіями христіанскими. Христіанскій монотеизмъ послужилъ основою всѣхъ представленій ихъ, Настоящая статья изображаетъ, вѣроятно, послѣдній фазисъ отживающаго шаманства.

Между тѣмъ, условія жизни и по подчиненіи Якутовъ Русскими остались почти прежнія. Та-же необезпеченность существованія, тѣ-же неудовлетворительныя санитарныя условія, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Жрецы-же всегда и всюду соединяли въ себѣ обязанности священнослужителя, врача и предсказателя. Мы видимъ такое положеніе вещей и у древнихъ Индусовъ, и у Египтянъ, и у современныхъ намъ сѣверо-американскихъ дикарей и обитателей Полинезіи, Патагоніи; должно предполагать то-же и у Якутовъ.

За неимѣніемъ-же врачей Якуту по неволѣ приходилось и по утратѣ прежняго довѣрія къ богамъ своимъ, по старому, обращаться къ шаману за помощью при всякомъ случаѣ заболѣванія членовъ своей семьи или принадлежащей ему скотины. Отдѣльные случаи исцѣленія поддерживали вѣру въ чудотворную силу шамановъ и препятствовали паденію ихъ авторитета.

При полной необезпеченности средствъ къ существованію, Якута, конечно, постоянно интересуетъ вопросъ о томъ, будетъ-ли достаточенъ результатъ предстоящей охоты или рыбной ловли для прокормленія себя или семейства. Для разрѣшенія этого вопроса является съ предложеніемъ своихъ услугъ шаманъ. Какъ-же не воспользоваться ими человѣку въ силу низкой степени своего развитія, весьма склоннаго къ суевѣрію? Въ особенности-же когда грозныя и непонятныя явленія природы, въ родѣ пурги, или сѣвернаго сіянія постоянно поражаютъ дикаря и держатъ его въ безпрестанномъ страхѣ за его жизнь.

Постоянное-же одиночество позволяетъ Якуту нерѣдко углубляться въ себя. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями; понятно, что духовная дѣятельность его сильно напряжена, фантазія разыгрывается, появляется жажда таинственнаго, требованія мистическаго, что и удовлетворяется шаманами.

Такимъ образомъ, на шамана является спросъ, какъ на врача, прорицателя,

представителя таинственныхъ знаній, а отнюдь не какъ на жреца или теолога. Самъ онъ естественно спѣшитъ, съ предложеніемъ, лишь только въ немъ замѣчается потребность въ средѣ народонаселенія и мало-по-малу теряетъ свой прежній характеръ священнослужителя.

Слѣдовательно шаманство и тѣ обломки язычества, о которыхъ въ состояніи еще сообщить Якуты любознательнымъ изслѣдователямъ, не представляютъ изъ себя двухъ совершенно различныхъ областей религіознаго міровоззрѣнія аборигеновъ Якутской области, а суть лишь разныя части, а именно практическая и догматическая ихъ вѣроученія, при томъ въ различныхъ стадіяхъ своего упадка—шаманство въ меньшемъ, а прочее въ большемъ.

Независимо отъ изложеннаго, шаманскія врачеванія, прорицанія и прочее постоянно сталкиваясь съ жизнію, съ ея видоизмѣненіями именно должны были войти въ извѣстный компромиссъ съ христіанствомъ, болѣе или менѣе усвоеннымъ большинствомъ Якутовъ и подвергнуться подъ вліяніемъ православія извѣстнымъ видоизмѣненіямъ, между тѣмъ, какъ теоретическая часть прежняго вѣроученія, не приходя въ непосредственное прикосновеніе съ дѣйствительною жизнію и, сохраняясь лишь въ видѣ преданія, конечно, дошла до насъ въ болѣе первобытномъ видѣ.

Такимъ образомъ, прежніе боги переродились въ шаманскихъ мистеріяхъ въ дьяволовъ, или духовъ тьмы. Та-же метаморфоза, которой подвергались наши русалки, лѣшіе или домовые, а также богъ Панъ, передавшій свой обликъ христіанскому дьяволу.

Сказаннаго будетъ, я думаю, достаточно, чтобъ сдѣлать яснымъ нѣкоторымъ несогласія между дѣятельностію шамана и тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Сперва займемся первымъ изъ этихъ вопросовъ, а затѣмъ перейдемъ ко второму, но прежде всего для большей ясности нижеслѣдующаго предпошлемъ краткій очеркъ отношенія Якутовъ къ православію.

Въ Якутской области всѣ Якуты, за рѣдкимъ исключеніемъ, крещены въ православіе или родились отъ православныхъ родителей, но трудно поручиться за любого православнаго Якута, одинаково какъ Тунгуса или Юкагира, чтобъ онъ пересталъ вѣрить въ шаманство, не прибѣгалъ къ нему, и мнѣ лично были знакомы два шамана, одинъ, жившій около г. Якутска, а другой—на островѣ Кытахъ, у устья Лены, которые оффиціально считались православными. Инородцы видятъ рѣдко православнаго священника, который по громадности своего прихода, по разбросанности инородческихъ жилищъ, при необыкновенной трудности путей сообщенія, былъ-бы въ состояніи хоть разъ въ годъ посѣтить каждаго православнаго, а посѣщая, не въ состояніи пробыть въ стойбищѣ болѣе двухъ, трехъ дней, спѣша воспользоваться удобнымъ путемъ, чтобы проѣхать далѣе. Можно съ большою достовѣрностію сказать, что 0,8 инород-

ческаго населенія никогда не видало храма Божія, а какъ я лично слышалъ отъ бывшаго якутскаго епископа преосвященнаго Діонисія, бывали не рѣдко случаи, что сами священники умирали безъ напутствованія, оставляя записку, въ которой каялись въ своихъ грѣхахъ предъ смертію. При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что инородцы, считаясь христіанами, имѣя въ переднемъ углу своей юрты иконы и всегда поставленныя передъ ними восковыя свѣчи, обращаются къ шаманамъ, ожидая найти чрезъ ихъ посредство удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей, но для меня рѣшительно остается необъяснимымъ [1]) случай, бывшій въ 1880 году съ однимъ священникомъ въ г. Якутскѣ, который, заболѣвъ, самъ прибѣгалъ къ помощи шамана, ища въ его мистеріяхъ своего исцѣленія. Не утверждая положительно, сколько помню, фамилія этого священника была Поповъ. Увѣренъ, что такой случай не единичный и вѣроятно повторялся не разъ. Послѣ этого не будетъ ни для кого удивительнымъ, что зажиточный Якутъ, живущій въ городѣ, хорошо говорящій по-русски, имѣющій награды за жертвованія на церковь, или даже постройку ихъ, призываетъ помощь шамана при какомъ-либо домашнемъ несчастіи: при болѣзни кого-либо изъ семьи, при падежѣ скота и пр.

Трудно допустить, что якутскій инородецъ, консервативный во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, не измѣнившій себѣ въ своихъ вѣковыхъ обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, сдѣлалъ-бы легко уступку въ дѣлѣ религіи. Если якутскій инородецъ принимаетъ христіанство только потому, что начальствующіе исповѣдываютъ эту вѣру, что эти начальники утверждаютъ выборныхъ на сельскія должности только православныхъ и только для христіанъ является въ перспективѣ надежда получить медаль отъ бѣлаго царя, который сидитъ гдѣ-то далеко, въ своей стеклянной юртѣ такъ далеко, что и представить себѣ трудно, если, говорю, инородецъ изъ честолюбія желаетъ быть среди своихъ начальникомъ и крестится, то такія практическія соображенія нисколько не убѣждаютъ его въ необходимости оставить свои вѣрованія въ шаманство и не обращаться къ нему по мѣрѣ своей душевной потребности, тѣмъ болѣе, что онъ не находитъ такого удовлетворенія въ христіанствѣ.

Я помню хорошо, что когда мнѣ пришлось уговорить одного завѣдомаго шамана (православнаго) выполнить мистерію просительную, т. е. такую, которая

---

[1]) Не тоже ли почти самое повторяется въ Европ. Россіи, гдѣ множество людей грамотныхъ, отчасти образованныхъ, прибѣгаетъ въ «минуты жизни трудныя» къ знахарямъ и знахаркамъ, къ разнымъ фокусникамъ, лѣчащимъ отъ всѣхъ болѣзней какимъ нибудь однимъ средствомъ, иногда просто невскою водою. Въ Якутской области легко ли раздобыть порядочнаго врача? Измученному страданьями больному или его близкимъ право извинительно ухватиться за шамана, какъ утопающему за соломинку. Никому не ставя въ образецъ бѣднаго батюшки Попова, можемъ понять и объяснить себѣ подобные случаи въ этомъ удивительномъ краю нашей Руси, такъ живо изображенномъ высокоуважаемымъ и даровитымъ авторомъ этихъ очерковъ. *Ред.*

совершается, когда чего-нибудь просятъ отъ духовъ, то онъ, войдя въ юрту, набожно три раза перекрестился передъ образами, потомъ, обратившись задомъ къ нимъ, усѣлся передъ каминомъ на полу, сталъ призывать своихъ духовъ. Объ этой мистеріи подробно я буду говорить ниже. Скажу больше: на сѣверъ отъ Якутска по пролегающимъ трактамъ нѣтъ холма, горки, особнякомъ стоящаго дерева, озера, рѣки, ручейка, чтобы они не имѣли своего духа-покровителя, почему болѣе значительные изъ нихъ называются не иначе, какъ эбя-хотунъ (госпожа-бабушка) и на ряду съ природными якутами русскіе купцы, для умилостивленія мѣстнаго духа, приносятъ жертвы: всякій даетъ, что можетъ; одни отрываютъ полоску отъ своего платья, вырываютъ нѣсколько волосковъ изъ конской гривы и привѣшиваютъ къ дереву или колу при дорогѣ, нѣкоторые кладутъ деньги, а у кого ничего нѣтъ, то хоть камень, конскую голову, конскую кожу, свой посохъ. Такая жертва называется дельбигря салака. Я помню хорошо возвышенность Верхоянскаго хребта, который приходилось переваливать, и громадное дерево на самой его возвышенности, увѣшанное разноцвѣтными тряпочками. Сопровождавшій меня при этой поѣздкѣ пятидесятникъ якутскаго казачьяго полка П. Н. Калинкинъ, смѣясь разсказывалъ, что казаки, сопровождающіе почты, всегда роются около этого дерева и не безъ успѣха отыскиваютъ деньги, которыя пропиваютъ при первомъ удобномъ случаѣ. Тѣ-же самые казаки, которые пропиваютъ принесенныя духамъ въ жертву деньги, отправляются въ тайгу на промыселъ за звѣремъ или птицей, желаютъ встрѣтить въ своемъ предпріятіи такой-же завидный успѣхъ, какой видятъ у природнаго инородца, и подражая промышленнику во всѣхъ его пріемахъ, также приносятъ духу, покровительствующему охотѣ, соотвѣтствующую жертву, но вмѣсто причитаній, употребляемыхъ на каждый промыселъ особое, бормочутъ какой-то наборъ словъ, иногда перемѣшивая эту тарабарщину словами не твердо знакомой имъ православной молитвы. Не только Якутъ, но даже Русскій изъ мѣстныхъ уроженцевъ никогда не рѣшится сѣсть отдохнуть подъ тѣнь одинокаго дерева, убѣжденный, что на немъ живетъ духъ: лучше скорѣе миновать его. Помню также случай, когда сопутствовавшіе по Верхоянскому округу Якуты, отчаявшись дождаться хорошей погоды, прекращенія пурги, сначала бормотали молитвы, призывая на помощь Тангару (Бога) и Николая Угодника (и здѣсь покровителя странствующихъ), стали, наконецъ, шаманить. Вызванный на объясненіе такого рѣзкаго перехода, шаманствующій спокойно отвѣтилъ: «не поможетъ Богъ, духи могутъ услышать и помогутъ». Такое безразличіе, на мой взглядъ, объясняется просто: не пристали къ берегу, а отстали отъ другаго; не усвоили вѣры въ Бога, потерявъ довѣріе въ силу и мощь прежде чтимыхъ духовъ.

Якуты (вообще инородцы Якутской области) въ большинствѣ очень

нервны, въ особенности женщины и между ними не рѣдкость встрѣтить подверженныхъ мерячѳнью. Г. Щукинъ въ своей книгѣ «Поѣздка въ Якутскъ» называетъ меряковъ—имеряками, производя это названіе отъ Якутскаго слова имерехъ, что значитъ вздрагивать, бѣсноваться. Онъ-же сообщаетъ, что меряченье не есть единственный видъ нервно-истерическихъ болѣзней, встрѣчающійся въ Якутской области, но что въ его время въ Колымѣ и Зашиверскѣ существовали еще кликуши (стр. 172 сборн. «Сибири»). Припадокъ меряченья выражается обыкновенно въ безсознательномъ моментальномъ подражаніи другому. Стоитъ только при такомъ субъектѣ вскрикнуть, какъ припадочный вздрогнетъ и повторяетъ какое-либо рѣзкое движеніе другого,

Мнѣ много разъ пришлось видѣть, какъ очень почтенные люди приводили въ замѣшательство меряка; проѣзжая черезъ г. Верхоянскъ для обозрѣнія округа, я остановился въ домѣ фельдшера Климовскаго, человѣка лѣтъ 60, очень почтеннаго и тамъ уважаемаго. Ко мнѣ явились мѣстные исправникъ и протоіерей. Провожая ихъ, я вышелъ въ переднюю, гдѣ мой почтенный хозяинъ помогалъ имъ одѣваться. До того времени я никогда не видалъ припадковъ меряченья и какъ будто предугадавъ это, и желая меня потѣшить, протоіерей бросился на исправника, дѣлая видъ, что срываетъ на немъ шапку. Климовскій моментально бросился тоже на исправника и сталъ ругаться ужасными словами, но вскорѣ пришелъ въ себя и очень сконфузился.

Другой разъ мнѣ пришлось видѣть меряка на пароходѣ между Благовѣщенскомъ и Хабаровкой. Весь праздный людъ на пароходѣ преслѣдовалъ этого несчастнаго: куда-бы онъ ни пошелъ по палубѣ, всюду встрѣчали его неожиданнымъ хлопаньемъ въ ладоши; больного корчило, и онъ мгновенно бросался на проходящаго съ ругательствомъ, но быстро приходилъ въ себя и стыдливо прятался въ сторону, гдѣ его встрѣчали тѣмъ-же. Стоитъ при менякѣ бросить что-нибудь объ полъ, и онъ безсознательно повторяетъ тоже; такъ этотъ мерякъ (повидимому купеческій прикащикъ) бросалъ въ воду свой картузъ, на палубу свой стаканъ съ чаемъ и тоже въ воду кошелекъ съ деньгами, который держалъ въ рукахъ. Послѣднее обстоятельство его возмутило въ особенности, какъ вызванное помощникомъ капитана парохода, крикнувшаго и бросившаго въ рѣку какую-то щепку. Видѣлъ я также въ г. Олекминскѣ на Ленѣ женщину, обыкновенно очень степенную и даже стыдливую, которую пріисковые рабочіе рабочіе заставляли продѣлывать самыя возмутительныя вещи, крикнувъ, и затѣмъ сказавъ, что она должна сдѣлать, и она исполняла.

Въ нашей научно-медицинской литературѣ мнѣ всего разъ пришлось встрѣтиться съ меряченьемъ (иначе ольгинджей) chorea imitatoria, именно въ Архивѣ судебной медицины 1868 г. № 2 и отчетѣ доктора Кашина, наблюдавшаго эту болѣзнь; болѣзнь состоитъ, по опредѣленію названнаго доктора,

въ подражательности и отчасти конвульсивныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя больные производятъ безъ всякаго сознанія, копируя дѣйствія и движенія другихъ. Разъ доктору Кашину пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Одно изъ отдѣленій роты 3-го баталіона забайкальскаго казачьяго войска, составленное изъ мѣстныхъ уроженцевъ, во время ученья повторяло командныя слова. Командиръ, конечно, разсердился, сталъ браниться, кричать, грозить и съ удивленіемъ услышалъ, что отдѣленіе повторяетъ все это за нимъ. Между Якутками болѣзнь эта принимаетъ иногда такую форму, что несчастныя исполняютъ приказанія, отъ кого-бы они не исходили и въ чемъ-бы они не состояли, чѣмъ не рѣдко пользуются негодяи изъ мѣстной молодежи.

Я потому остановился, повидимому, долго на этого рода больныхъ, что шаманами становятся болѣе нервные изъ инородцевъ, болѣе склонные къ раздраженію, приходя во время мистерій въ экстазъ, или расположенные къ нему, или вызывая его въ себѣ искусственно раздирающими душу дикими выкрикиваніями, круженіемъ на одномъ мѣстѣ и раскачиваніемъ головы въ стороны. Инородцы вѣрятъ, что шаманъ, во время мистеріи, проявляетъ случаи пророчества, будучи одержимъ самимъ дьяволомъ, духомъ темнаго, подземнаго царства. Эти-то одержимые, или по собственному призванію, или по избранію (шаманами-же) становятся шаманами. Посвященіе въ шаманы совершается публично: шаманъ возводитъ посвящаемаго на высокую гору, или выводитъ на открытое поле, одѣваетъ его въ куму, вручаетъ ему талину, увѣшанную конскимъ волосомъ; ставитъ по правую его сторону 9 юношей, а по лѣвую 9 дѣвицъ; самъ становится позади посвящаемаго, произноситъ въ слухъ шаманское заклинаніе, которое посвящаемый обязанъ повторять за нимъ.

«Обѣщаюсь быть покровителемъ несчастныхъ, отцемъ бѣдныхъ, матерью сиротъ; буду чтить демоновъ, живущихъ на вершинахъ высокихъ горъ и клянусь служить имъ тѣломъ и душой. Буду почитать, поклоняться и служить верховнѣйшему, сильнѣйшему изъ нихъ, демону надъ демонами, повелителю трехъ родовъ демоновъ, живущихъ на вершинахъ горъ, именуемому шаманами Состуганахъ Улу-Тоёнъ (грозному, гордому), его старшему сыну Уйгулъ-Тоёнъ (сумасшедшему), его женѣ Уйгулъ-Хотунъ (сумасшедшей), его меньшему сыну Кякя-Чуранъ-Тоёнъ (звонкоговорящему), женѣ его Кякя-Чуранъ-Хотунъ и ихъ многочисленной семьѣ и служителямъ, черезъ которыхъ посылаютъ на людей болѣзни, припадки, ломоту костей, судорогу въ ногахъ. Обѣщаю отъ болѣзней этихъ избавлять страждущихъ, принося въ жертву кобылу масти каря (соловой).

Буду знать, почитать, поклоняться и служить меньшему брату Улу-Тоёна демону Хара-Сурунъ-Тоёну (черному ворону), его сыну Албанъ-Бурай-Тоёну (изворотливому удальцу), его дочери Кысъ-Сатылай (пѣшкомъ

ходящей дѣвѣ), склоняющихъ людей къ убійству, самоубійству и ябедамъ. Обѣщаюсь избавлять людей отъ этихъ наклонностей, принося за нихъ жертву этимъ демонамъ коня масти хара (вороной).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Алтанъ-Собирай-Тоену (мѣдному тазу), женѣ ега Алтанъ-Собирай-Хотунъ (съ большой мѣдной лапой) ихъ дочерямъ: Тимирь-Кутурукъ (желѣзный хвостъ) и Кеюль-гань-Дарханъ (важная, великая, подсѣкающая), насылающихъ на людей хроническую язву. Страдающихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву водку (арагы) и буду пускать на волю въ честь демоновъ наряженную чайку (хопто).

Буду знать, почитать и поклоняться прародительницѣ этихъ демоновъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кюнь-Желерюмя Саркылъ-Хотунъ (дырявая пропасть солнца), въ ней 52 дырявыхъ стола и 52 служителя. Она посылаетъ на людей страсть къ картамъ, пьянству, разбою, грабежу, худымъ дѣламъ и самоубійству. Людей, одержимыхъ этими пороками, буду исцѣлять. Я убью красно-чубарую кобылицу, иноходью ходящую, сердце и печень этой кобылицы обмотаю вокругъ шеи своей, буду шаманить и умилостивлю гнѣвъ ея.

Я буду знать, почитать и поклоняться демону надъ демонами 6 родовъ; живущихъ тамъ, куда отправляются души грѣшниковъ, буду поклоняться тому, который извѣстенъ шаманамъ подъ именемъ Талырдахъ-Танъ-Тарала-Тоенъ (дерущій въ пропасти), его дочерямъ Сороха-Хотунъ (вѣтряной красавицѣ) и Санъ-Хотунъ и его многочисленнымъ служителямъ, которые посылаютъ на людей и скотъ повальную смертность; для умилостивленія ихъ буду приносить въ жертву кобылу масти турагасъ-элямясь (рыже-пѣгая).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Архахъ-Тоенъ (больному) и женѣ его Архахъ-Хотунъ, насылающихъ на людей чахотку; страждующихъ этой болѣзнью буду исцѣлять, принося въ жертву корову масти кюрьжугясь (бурую).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Боръ-Малахай-Тоенъ (земля, безобразный) и женѣ его Боръ-Малахай-Хотунъ, насылающихъ на людей разныя болѣзни и преимущественно смертность Если у кого не живутъ дѣти, я буду просить у этихъ демоновъ умилостивленія и принесу имъ въ жертву черную корову съ головой на половину бѣлой (хара-магасъ).

Буду знать, почитать демона Нясь-Елю (кляча, смерть), жену его Ыэрыкъ-Хотунъ (больная), насылающихъ на людей падучую болѣзнь и сибирскую язву. Страждующихъ этою болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву налима (сыэлысаръ) и тайменя (биль).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Кытай-Баксы-Тоенъ (не переводимо), который даруетъ Якутамъ искусныхъ кузнецовъ и могущественныхъ шамановъ. Если Кытай разгнѣвается на кузнеца, то пошлетъ на

него болѣзнь, а я велю убить въ честь его корову масти кугасъ (красную), кровью ея вымажу (окроплю) всѣ кузнечные инструменты, а сердце и печень испепелю въ горнѣ. Если я самъ заболѣю отъ этого демона, то другой шаманъ принесетъ за меня умилостивительную жертву.

Буду знать, почитать и поклоняться дочери демона Тамыкъ-Хотунъ (надменная). Она посылаетъ на людей разнаго рода сумасшествіе. Одержимыхъ этою болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву 9 горностаевъ, 9 ласокъ 9 хорьковъ, 9 голубей, которыхъ велю поймать живыми и, нарядивъ ихъ, отпущу на волю.

Буду знать и поклоняться, буду почитать шаманку Таяктахъ-нячай (слабосильную съ тростью), мужу ея Атыръ-Хахай (орелъ) и ихъ многочисленному роду и потомству, насылающему на людей стѣсненіе въ груди; страдающихъ этой болѣзнію буду избавлять, принося въ жертву однорогую корову красной масти (агаръ-мостахъ-кугасъ).

Буду знать, почитать, поклоняться небесному шаману Кубилыръ-Оюнъ (бѣлому лебедю), сестрѣ его Кыталыктыръ-Кырбыкы (стерхъ острокрылый) и матери ихъ Соруктахъ-Содоръ (щедрой повелительницѣ), насылающихъ на людей глухоту и всякую ушную болѣзнь. Страждущихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву однорогую корову красной масти (агаръ мостахъ кугасъ).

Память о первомъ шаманѣ восходитъ къ давнимъ временамъ; имя его было Анъ-Аргылъ-Оюнъ. Онъ былъ могуществен и дѣлалъ великія чудеса: онъ воскрешалъ мертвыхъ, возвращалъ слѣпымъ зрѣніе. Слухъ о такихъ чудесахъ дошелъ до Аи-Тоена (Господа Бога). Онъ послалъ спросить шамана, именемъ какого бога онъ дѣлаетъ чудеса и вѣритъ-ли въ него? Анъ-Аргылъ-Оюнъ (важный шаманъ) три раза отвѣтилъ, что въ Бога онъ не вѣритъ, а чудеса творитъ собственною властью и силою. Разгнѣванный Аи-Тоенъ велѣлъ сжечь шамана, но такъ какъ тѣло Оюна состояло изъ массы гадовъ, то изъ пламени спаслась одна лягушка и поселилась на высочайшей горѣ. Отъ этой-то лягушки произошли могущественные демоны, которые и понынѣ снабжаютъ Якутовъ шаманами. Однимъ изъ главныхъ демоновъ почитается сынъ Анъ-Аргылъ-Оюна Кюнь Кягись-Оюнъ (солнце — ненасытный обжора); у него въ рукахъ огромный желѣзный посохъ, на который надѣвается голова посвящаемаго въ шаманы; этой головѣ съ высоты показываютъ весь міръ; самое-же тѣло посвящаемаго разрѣзаютъ на части и разбрасываютъ внизъ злымъ духамъ, которые, подобравъ эти кусочки, чрезъ то самое становятся служителями посвящаемаго. Посвящаемые въ шаманство въ припадкахъ своего изступленія, полныхъ галюцинацій, осязательно испытываютъ всѣ мученія отрѣзанія ихъ головы и разрѣзанія ихъ тѣла на мелкія части.

Не всякій шаманъ имѣетъ костюмъ, въ которомъ долженъ отправлять свои мистеріи. Шаманы обыкновенно люди очень бѣдные, не имѣющіе собственнаго хозяйства; они пробиваются изо дня въ день, прокармливаясь подаяніемъ за свои мистеріи. Костюмъ шаманскій стоитъ очень дорого, такъ какъ всѣ украшенія его должны быть выкованы изъ желѣза съ рѣзьбой по желѣзу; количество, размѣръ и форма всѣхъ украшеній костюма должны быть соблюдены съ пунктуальной точностію, установленной временемъ и обычаемъ. Выковать всѣ желѣзныя принадлежности къ костюму можетъ не всякій кузнецъ и за эту работу не охотно возьметъ даже 40 рублей. Сколько мнѣ извѣстно, шаманскихъ костюмовъ въ Якутской области осталось очень мало, можно сказать на перечетъ. Земская полиція и духовенство, провѣдавъ про шамана, отбираютъ отъ него шаманскій костюмъ и сжигаютъ его при Якутской консисторіи, но лишеніе костюма не лишаетъ его возможности продолжать отправленіе мистерій. Весь костюмъ шамана при его мистеріи состоитъ изъ кафтана, сшитаго изъ ровдуги, или кожи, бубна съ колотушкой и палки. Кафтанъ носитъ названіе к у м ӯ; онъ увѣшанъ до 40 желѣзными украшеніями, изображающими: ящерицу, гагару, дырявое солнце, половину луны, демона, желѣзную цѣпь, или же ровдужный хвостъ. Эти украшенія должны напоминать шаману и шаманствующимъ, что царство духовъ, куда отправляется шаманъ во время мистерій, населено тѣми-же животными, птицами, рыбами, а дырявое солнце и половина луны, что въ мѣстѣ, гдѣ заселены духи, царитъ полумракъ. Хвостъ означаетъ, что шаманство вѣрно и крѣпко, какъ самая цѣпь и служитъ путеводителемъ въ царство духовъ. Разныя подвязки и желѣзныя-же колѣнцы, въ видѣ суставовъ, изображающія кости рукъ и рэберъ, служатъ шаману щитомъ въ его странствіяхъ по царствамъ духовъ, и въ борьбѣ съ непріязненными духами. Рукава и полы кумӯ увѣшаны длинной ровдужной бахрамой. Бубенъ называется е ю г ю р ь. Онъ бываетъ продолговатый, деревянный и обтягивается телячьей кожей безъ шерсти. Ко внутренней его сторонѣ прикрѣпляется крестообразная поперечина, за которую и держатъ бубенъ во время мистерій. Эта рукоятка называется б ы э р ы к ъ. Внутренняя сторона бубна увѣшана желѣзными побрякушками, не имѣющими символическаго значенія и опредѣленнаго рисунка. Колотушка въ бубенъ называется б ы л а я х ъ—костяная или деревянная палка, вершковъ пяти, обшитэя кожей, шерстью наружу. Бубенъ служитъ символическимъ изображеніемъ животнаго, на которомъ шаманъ спускается въ преисподнюю, въ царство духовъ; а палочка—погонялкой, бряцаньемъ его и стукомъ въ него онъ увѣдомляетъ, что находится въ пути. Палку (какая попадется въ руки) шаманъ употребляетъ, лишь когда нѣтъ у него бубна и, на нее опираясь, онъ даетъ понять, что странствуетъ. Гиканьемъ и дикими возгласами онъ также замѣняетъ бряцанье

бубна, когда его нѣтъ. Приготовленіе куму̀ и бубна сопровождается мистеріями шамана.

Перейду къ болѣе подробному перечню украшеній шаманскаго костюма: на передней части куму̀, отъ шеи къ низу по борту пришиваются три изображенія стерха (кыталы)—эмблема полета шамана. Когасъ—гагара— эмблема того-же полета.

На мѣстѣ сердца три фигуры чорта (эмягять, абасы) — эмблема вѣчнаго присутствія демона въ сердцѣ, два изображенія желѣзнаго сердца дьявола—сюряхъ-тимиря.

На мѣстѣ ключевыхъ костей двѣ желѣзныя полоски, изображающія эти кости (хамарганъ-тимиря).

Тяргянь-беря—изображеніе почекъ дьявола.

Ойгосъ-бельгюня—двѣ боковыя подвздошныя кости.

Ойгосъ-умохтаръ—четыре ребра дьявола съ каждой стороны.

Восьмиугольная фигура съ 7 дырочками, пришитая у горла. Объ ней шаманы отказываются дать какое либо объясненіе, говоря, что ни одинъ человѣкъ не рѣшится назвать и объяснить ея значеніе.

На рукавахъ: двѣ плечевыя кости—бюльгюль-тимиря.

Двѣ локтевыя кости—акымалъ-хаппага.

Запястья рукъ—двѣ кости—бегальчахъ-сюсіега.

Кости ладони—двѣ—акымалъ-улюга.

Двѣ кости, изображающія крылья птицъ—табыталъ-тимиря.

Бахрама на рукахъ означаетъ крылья коршуна—эліе

На спинѣ: кельтягяй хобота, круглыя погремушки, абасѣ семяга — дьявольскія украшенія, необходимыя для сниcхожденія въ преисподнюю.

Абасы балыга—дьявольская рыба.

Кѐдѐй-кэхана—дьявольскія украшенія.

Кюляръ-кюсянатъ—веселое, радостное солнце; на немъ двѣ желѣзки; балыкъ-кыгана, кандей-сысана означаютъ хвостъ солнца—кюгянъ кутурука.

Ойбонъ тимиря—желѣзная прорубь, куда скрывается гагара послѣ того, какъ поглотитъ шамана. При этой желѣзкѣ внизу привязана эмяга, изъ которой пьетъ гагара.

Хататъ тимиря—огниво дьявола.

Батырысъ—бахрама на подолѣ.

Двѣ желѣзки на подобіе рогъ сохатаго—значеніе неизвѣстно.

Какъ я упомянулъ выше, когда шаманствующій не въ состояніи самъ помочь своей бѣдѣ, онъ зоветъ шамана, надѣясь черезъ его посредство получить отъ демоновъ ожидаемое облегченіе. За сотни верстъ ѣздятъ за шаманомъ и вѣсть объ ожидаемомъ пріѣздѣ шамана быстро разносится по окрест-

ности; любопытные и жаждующіе избавленія отъ своихъ несчастій массами стекаются туда посмотрѣть на шамана, спросить о своемъ будущемъ, и шаманъ никогда не отказывается отъ отвѣтовъ, утверждая, что при мистеріяхъ они въ особенности проявляютъ даръ пророчества.

Шамана встрѣчаютъ съ почетомъ усаживаютъ въ почетный уголъ, угощаютъ водкой и лучшимъ съѣстнымъ и излагаютъ передъ нимъ свою просьбу. Шаманъ не стѣсняется требовать убоя быка или лошади, смотря по значенію просьбы и того духа, къ которому придется обращаться въ мистеріи. Якуты безпрекословно исполняютъ его требованіе, и мясомъ угощаются вмѣстѣ съ шаманомъ всѣ присутствующіе. Извѣстная часть убитаго животнаго идетъ, по ученію шамановъ, на жертвоприношеніе. Наѣвшись и выпивши, шаманъ надѣваетъ куму̀, если у него она есть, подходитъ къ камину съ передней его стороны, бросаетъ въ огонь масло, которое бросаетъ духамъ, горстями ловитъ пары отъ масла, подноситъ ко рту, показывая видъ, что глотаетъ ихъ, пріобщаясь, такъ сказать, духа, къ которому намѣренъ обратиться съ ходатайствомъ. Беретъ бубенъ, садится передъ каминомъ-же на подостланную лучшую шкуру оленью, бычью, отороченную по краямъ бахрамой изъ конскаго волоса, цвѣтныхъ тряпочекъ, или окрашенныхъ ольховой корой хвостиками мелкихъ звѣрей. Шкурка кладется головой къ камину, бьетъ по бубну долго и громко, привлекая на себя вниманіе духовъ протяжнымъ крикомъ «аы», зѣваетъ дьявольскою зѣвотой, три раза вскрикиваетъ голосомъ гагары «чекъ, чекъ, чекъ», три раза кричитъ, какъ стерхъ, три раза кукуетъ и три раза кричитъ ворономъ. Потомъ взываетъ къ косому (инистягасъ), кривому (кельтягай) хромому (доголонъ): дьяволу (югюкъ эмягять), проклинаетъ себя, увѣряя сатану въ своей къ нему преданности, обѣщая быть вѣрнымъ его слугой и умоляетъ взойти въ него. Потомъ встаетъ, полагая, что онъ сообщился съ дьяволомъ, что дьяволъ вошелъ въ него и онъ сталъ обладателемъ его власти, силы и могущества, взываетъ бѣлой птицей юрюнь-асъ): пусть будетъ это моимъ мѣстомъ, пусть поростетъ оно зеленой травой; къ твоему тѣлу и крови пріобщился я, дьяволъ! Корень всѣхъ золъ и несчастій (ытыкъ е́лю те́рдѐ), продолжаетъ онъ, ты, осминогій уродъ алджарай), я соединился съ тобой, а ты помоги исполненію желанія, я пришелъ отъ Сюрьдяхъ-кяптяхъ Сюгя-Тое́нтонъ — страшнаго бога топора и Кини-Сюрьгю-Ютянянь сюрьгюя, чтобы спасти его спасительнымъ орудіемъ, а потому шаманки съ огненными бичами, живущія въ преисподней, не выходите вверхъ состязаться со мной и проклинать меня; я сѣлъ на пупъ земли, чтобъ защитить страждающихъ; я знаю, у меня много недостатковъ, но вы почтите, какъ-бы ихъ не было у меня и попятьтесь назадъ. Три черныя тѣни твои, дьяволъ, сообщились со мной, поэтому, прошу тебя, помоги мнѣ. Та-

кую-то скотину дамъ я тебѣ, ты помоги бѣдѣ моей! Шаманъ своимъ завывающимъ голосомъ поетъ, что сатана пришелъ къ нему, что онъ уговорилъ сатану передать свою просьбу объ исцѣленіи больнаго его предкамъ въ аду, или главному сатанѣ. Приходъ дьявола и обратное путешествіе его въ адъ шаманъ передаетъ въ пѣснѣ, которая всегда означаетъ разговоръ; онъ поетъ и за себя и за духовъ, которыхъ вызываетъ и путешествія ихъ представляетъ жестами, переступая на мѣстѣ, защищая глаза ладонью, какъ будто высматривая мѣстность, сопровождая ударами въ бубенъ. Часто, если ожидается исцѣленіе больнаго, сатана не сразу соглашается исполнить просьбу шамана, или требуетъ, чтобы шаманъ самъ заискалъ покровительства главныхъ духовъ, и тогда шаманъ пѣсней и бубномъ даетъ понять, что онъ, очень трудно ступая, отправляется по крутой горѣ, на небо, съ непосредственнымъ ходатайствомъ о помощи. Также бываетъ, что шаманъ, не вызывая духовъ изъ преисподней, спускается въ адъ къ своимъ предкамъ и сатанѣ и передъ ними въ унылой протяжной пѣснѣ заявляетъ свои желанія и упованія, которыя выражаются такъ: «я пришелъ защитить, имѣя въ рукѣ бичемъ небесную молнію, возвратите мнѣ душу чада моего, берите взамѣнъ ея другую жертву и обращаясь къ старшей старухѣ (хоттутторга), говоритъ: если болѣзнь причинила ты, то дай знакъ. Послѣ чего шаманъ, возвращаясь изъ преисподней (ойбонъ тимиря) на крыльяхъ гагары (когасъ) поднимается на небо, гдѣ, ублажая верховныхъ духовъ (ердяргя), говоритъ: солнце-мать согласилась на выздоровленіе больнаго, и вы согласитесь, за что получите подарки, и, яко-бы получивъ разрѣшеніе пользовать больного и узнавъ вѣрное средство для его спасенія, возвращается. Чѣмъ болѣе благопріятны вѣсти при возвращеніи изъ преисподней или съ неба, тѣмъ воодушевленнѣе присутствующіе поощряютъ его и довольные просятъ поспѣшить шамана исцѣленіемъ больного. Шаманъ, однако, не торопится исполненіемъ просьбы и, поломавшись достаточно, уступаетъ упрашиваніямъ. Исцѣленіе бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ, или шаманъ подходитъ къ больному, осматриваетъ больного и, плюнувъ себѣ на ладонь, натираетъ больное мѣсто и затѣмъ увѣряетъ домашнихъ, что если жертвоприношеніе будетъ угодно духамъ, то больной поправится непремѣнно, но если духи не удовлетворятся жертвой, то не въ его силѣ измѣнить ихъ рѣшеніе.

Въ другомъ случаѣ, шаманъ подходитъ къ постели больного, три раза кричитъ надъ его головой «тебѣ какую скотину надо, только скажи мнѣ, лишь оставь больного?» Духъ, сидящій въ больномъ, черезъ шамана отвѣчаетъ: «если ты мнѣ дашь саджагай (корову съ бѣлой спиной), или булуръ (буланую лошадь), то я оставлю больного». Требуемую скотину даютъ. Для чего берутъ 10 цѣлыхъ маленькихъ лиственницъ (уонъ-кербяна) и одну березу;

ставятъ одну лиственницу и березу рядомъ около юрты; на первой дѣлаютъ девять зарубокъ, остальные 9 деревьевъ ставятъ полукругомъ около первыхъ двухъ, на южной сторонѣ, и обвязываютъ веревкой, украшенной цвѣтными лоскутками и конскимъ волосомъ. Къ дереву съ зарубками (салама) привязываютъ жертвуемое животное, при чемъ шаманъ, возносясь на небо, обращается къ Аи-Тоёну съ просьбой о помилованіи, говоря, что люди соболѣзнуютъ больному, старухи (хотутторъ) возвратили его душу (кутъ), такъ возьми вмѣсто души это животное. Крикнувъ три раза и три раза плюнувъ на животное (больной тоже плюетъ), отпускаютъ его въ стадо. Шаманъ продолжаетъ: «вотъ стоитъ она, возьми ее, держи, но спаси!» «я взялъ, отвѣчаетъ дьяволъ черезъ шамана, и черезъ 7, 8, 9 дней больной поправится». Шаманъ поетъ, что дьяволъ вмѣстѣ съ гагарой проваливаются въ преисподнюю (ойбонъ-тимиря) гдѣ отдаетъ принесенную скотину на убой, а для образности беретъ дощечку (которая должна изображать собой столъ), дѣлаетъ въ ней круглое отверстіе, на дощечку кладетъ кусочекъ мяса и бросаетъ въ огонь. Затѣмъ три раза зажигаетъ гриву отъ чернаго коня вдыхаетъ въ себя этотъ чадъ просить кого-либо изъ окружающихъ высѣчь надъ его головой огня и дать ему напиться смѣси воды съ кислымъ молокомъ (умданъ), воды того міра. Затѣмъ, беретъ три вѣтки и ими стуча въ бубенъ, выгоняетъ остатки дьявола: «сверху упавшіе — вверхъ подите; снизу пришедшіе — внизъ ступайте, вы, дьяволы! «Затѣмъ, обезсиленный завываніемъ, метаньемъ изъ стороны въ стороны, закружившись, потный садится на землю, иногда отъ утомленія не въ состояніи снять съ себя своей куму́».

Животное, такимъ образомъ принесенное въ жертву богамъ, не употребляютъ въ работу, а въ случаѣ смерти замѣняютъ другимъ, такой-же масти, иначе къ больному можетъ возвратиться таже болѣзнь. Бываетъ и такъ, что въ жертву старухамъ (хоттутторга) убиваютъ животнаго. Языкъ, сердце и печень, сваривъ, ставятъ на особенный для этого случая сдѣланный столъ объ одной ножкѣ; столешница его имѣетъ по срединѣ круглое отверстіе.—Остальное мясо съѣдаютъ Якуты, послѣ чего кости и другіе остатки сжигаются, чѣмъ и выполняется жертвоприношеніе.

Трудно поручиться за душевное состояніе инородцевъ, которое они испытываютъ во время мистерій; я не могъ прочесть опредѣленнаго выраженія на ихъ лицахъ, вообще, подвижныхъ, но про себя скажу, что я отъ души желалъ, чтобъ поскорѣе кончилъ шаманъ свою мистерію. Окружающая обстановка: маленькая юрта съ пылающимъ каминомъ, передъ огнемъ мечущійся фанатикъ, котораго едва могутъ удержать двое выбранныхъ молодцевъ, чтобы онъ въ пылу своего экстаза не бросился въ огонь, или по меньшей мѣрѣ не разбилъ себѣ голову; эти дикія завыванія, выкрикиванья не могутъ оставлять

человѣка даже съ здоровыми нервами въ полномъ спокойствіи. Шаманъ до того входитъ въ свою роль, что совершенно забываетъ себя, онъ видимо увѣренъ въ своемъ общеніи съ мощными, злыми духами, которыхъ нельзя не страшиться, противъ злой, капризной, иногда неумолимой воли которыхъ приходится дѣйствовать только жертвой собственной личностью, которую онъ отдаетъ всецѣло въ ихъ распоряженіе. Во всякомъ случаѣ, если не допускать вѣру въ шаманство со стороны инородцевъ, хотя и принявшихъ крещеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать въ нихъ боязнь, страхъ къ нему почти всѣхъ безъ исключенія; люди, которымъ я не могу отказать въ полномъ довѣріи, утверждали, что они знали одного священника, который ударилъ шамана, а послѣдній отмстилъ ему тѣмъ, что священникъ сошелъ съ ума.

Шаманъ не отказывается отъ исповѣди и Св. Причастія, онъ кается искренно въ своемъ общеніи съ дьяволомъ, но не въ силахъ потомъ отказаться отъ совершенія мистерій. Во всякомъ случаѣ не корысть и не какой-либо иной разсчетъ мѣшаетъ ему разъ на всегда покончить съ тѣмъ дѣломъ, въ которомъ онъ раскаивается; мнѣ не приходилось слышать о зажиточности шамановъ, напротивъ, шаманъ весьма часто получаетъ за свой заговоръ больного глаза по 5 к., а что значутъ эти деньги къ сѣверу отъ Якутска, когда лично отъ меня Якуты отказывались брать по двугривенному за рябчика, объясняя, что имъ некуда дѣвать монету, что, если-бы она была съ ушкомъ, то онъ пришилъ бы ее какъ пуговицу. а безъ ушка онъ проситъ мои двугривенные взять обратно. Меньшая денежная единица—рубль! Страшное нервное потрясеніе, которое испытываетъ шаманъ послѣ мистеріи, обезсиливаетъ его по крайней мѣрѣ на цѣлый день. По поводу шаманства мнѣ приходилось говорить съ инородцами на устьяхъ Лены и по Янѣ, — шаманы сами признавались, что семьи шамановъ, по общимъ замѣчаніямъ, никогда не бываютъ счастливы: болѣзни и несчастія преслѣдуютъ ихъ и ихъ семьи, но что ужъ судьба ихъ такова, и отъ нея-то не уйти при ихъ безотрадномъ безъисходномъ положеніи.

Кромѣ шамановъ, есть еще и шаманки (удаганъ), тоже служительницы духовъ преисподней, но онѣ, какъ-бы славны не были, не пользуются авторитетомъ, равнымъ своимъ соперникамъ-мущинамъ, къ нимъ обращаются лишь за неимѣніемъ по близости шамановъ, или когда нужно отыскать вора и покраденное. Численъ шаманокъ болѣе, нежели шамановъ. По мнѣнію инородцевъ, шаманки лечатъ удачнѣе душевно-больныхъ и только въ этихъ случаяхъ онѣ предпочтительнѣе передъ шаманами. Когда шаманъ или шаманка умретъ, тѣло ихъ, одѣтое въ куму̀, кладутъ въ деревянную колоду; въ головахъ кладутъ деревянное изображеніе сокола, въ ногахъ — кукушку, а по бокамъ по идолу—въ знакъ того, что душу шамана духи уносятъ въ свое царство,

Тѣло шамана не предаютъ землѣ, а ставятъ на высокихъ столбахъ въ открытомъ мѣстѣ, или помѣщаютъ на дерево. Такая гробница называется хорчàхъ. Въ сѣверной части Верхоянскаго округа мнѣ самому пришлось видѣть такую гробницу и сохранить изъ нея желѣзныя украшенія отъ перегнившаго куму̀. Вообще умершаго одѣваютъ въ лучшее его платье, иногда въ нѣсколько его шубъ, въ шапку; въ руки даютъ трубку и кисетъ съ табакомъ; въ ноги ставятъ деревянную чашку съ пищей. Въ нѣкоторыхъ могилахъ я видѣлъ желѣзные инструменты, употреблявшіеся покойнымъ для выдѣлки ровдуги (замши) изъ оленьихъ шкуръ, луки со стрѣлами, мѣдвѣжьи рогатины. По словамъ г. Припузова, обычай этотъ впрочемъ, нынѣ выводится, и шамановъ хоронятъ по христіанскому обычаю.

Обращаясь къ якутской миѳологіи, повторимъ опять, что имѣющіяся у насъ о ней свѣдѣнія крайне скудны, какъ въ виду разрушающагося характера этого вѣроученія, о чемъ было сказано во вступленіи къ настоящей статьѣ, такъ и въ виду малаго знакомства по этому предмету самихъ адептовъ этой религіи, сообщавшихъ намъ о ней свѣдѣнія, а, слѣдовательно, и въ виду скудости могшихъ быть собранными нами по означенному вопросу матеріаловъ.

Якутскія божества живутъ или на вершинахъ горъ, на небѣ—Еся абасыларъ (горніе духи) и у подошвы земли въ преисподней — Алларя абасыларъ (низовые демоны) и дѣлятся на добрыхъ духовъ, имѣющихъ общее названіе Аи, тангара (Богъ) и злыхъ или демоновъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ:

Ю т ь - т а с ъ о л б о х т а х ъ Ю р ю н ь - а и - т о е́ н ъ, онъ-же Айбытъ-Ага (создавшій отецъ), бѣлый богъ на молочно-каменномъ престолѣ) живетъ на небѣ, онъ господствуетъ надъ всѣми отдѣльными богами, дѣлаетъ только исключительно доброе всему живущему во вселенной. Онъ создатель міра, почему къ нему на ысэхахъ (весеннихъ религіозныхъ торжествахъ) обращаются съ поднятымъ къ нему чарономъ (точеный изъ дерева кубокъ) и просятъ его благословенія на весь людъ и скотъ его; поднимая къ небу чаронъ, чтущіе Юрюня увѣрены, что онъ отпиваетъ кумысъ, почему оставшееся въ чаронѣ дѣлится между Якутами, какъ цѣлительный напитокъ, освященный устами юрюна. Шаманъ увѣряетъ, что Ютъ-тасъ олбохтахъ-аи-тое́нъ, при поднесеніи ему чарона, является на небѣ, сидящимъ на молочномъ престолѣ и благословляетъ Якутовъ и ихъ стада. Выше Юрюня нѣтъ бога, по ученію шамановъ.

А н с ы т ъ (подательница благъ)—богиня эта живетъ на небѣ, она благодѣтельствуетъ людямъ, посылая имъ дѣтей, облегчая роды женщинъ; вообще проявляетъ много добра, въ особенности для женщинъ, не покидаетъ въ це-

ріодъ послѣ родовъ. Ей приносятъ жертвы послѣ благополучныхъ родовъ; объ обрядѣ этомъ я буду говорить особо. Аисытъ нѣкоторые называютъ иначе, именно: Кюбяй-хотунъ. Этимъ добрымъ божествамъ не приносятъ кровавой жертвы, а только отъ своей пищи.

Второстепенные добрые боги (орольжуттаръ) — Анъ-дойду итчитя Анъ-дарханъ-хотунъ (богиня, покровительствующая землѣ), живетъ на лучшихъ деревьяхъ, ниспосылаетъ злакъ и тукъ растеніямъ; она, по увѣренію шамановъ, иногда является людямъ, которые во всю жизнь послѣ того не встрѣчаютъ нужды и вполнѣ благоденствуютъ. Жертвы ей приносятся различныя, по указанію шамановъ.

Сюгя-тоёнъ, хара-беги-тоёнъ — (богъ скота); онъ посылаетъ людямъ дѣтей, также телятъ: по увѣреніямъ шамановъ, онъ даетъ белеляхъ-кулуну и мяньяхъ-огону, т. е. жеребенка съ лысиной и ребенка съ родинкой (лысина и родинка—признакъ счастья). Размѣръ и свойство жертвы опредѣляется шаманомъ.

Уордахъ-джюсюгяй-Аи—богъ сердитый, наказывающій людей за преступленія. Умилостивительная ему жертва—лошадь или быкъ.

Учитель Припузовъ сообщаетъ, что этотъ богъ даруетъ людямъ отважныхъ мужчинъ, ретивыхъ лошадей и тяглыхъ быковъ.

Тотъ-же Припузовъ упоминаетъ про Хотай-Аи, который даруетъ людямъ физически слабый приплодъ, но за то въ большомъ количествѣ, среди коего преобладаетъ женскій полъ.

Эехситъ — богиня, неотступно сопутствующая человѣку и помогающая ему въ добромъ его намѣреніи, пользуется большой любовью и уваженіемъ Якутовъ, охотно приносящихъ ей жертвы. По увѣренію шамановъ, если Эехситъ оскорбится на человѣка и отступится отъ него, то послѣдній остается внѣ всякой защиты отъ искушеній злыхъ духовъ — это якутскій ангелъ-хранитель; кто спасается отъ какой-либо опасности, говорятъ — при немъ была Эехситъ. Ей приносятъ кобылицу.

Бай-Баянай — богъ звѣроловъ; онъ сопровождаетъ промышленника повсюду и невидимо помогаетъ въ ихъ промыслахъ. Якутъ, отправляющійся въ дальнюю дорогу за добычею звѣриныхъ шкурокъ, вырѣзаетъ изъ дерева идола, обмазываетъ его кровью животнаго, которое убиваетъ въ его честь. Мясомъ убитой скотины угощаютъ шамана и гостей, а статую Бай-баяна ставятъ въ передній уголъ на почетный оронъ (почетная нара въ лѣвомъ переднемъ углу). Иногда Бай-баянай остается въ своемъ углу многія лѣта.

Укуланъ—богъ рыбаковъ, живя въ водѣ, способствуетъ успѣшному лову рыбы; въ жертву ему приносятъ 2-хъ лѣтнюю телку.

Изъ боговъ и другихъ добродѣтельныхъ существъ можно назвать еще:

Кисьтангара — богъ соболь. Изображеніе его представляетъ видъ человѣка, одѣтаго въ соболью шкуру. Это изображеніе хранятъ въ ровдужномъ мѣшкѣ, расшитомъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Въ важныхъ случаяхъ къ нему обращаются за заступничэствомъ, причемъ бросаютъ въ огонь масло; а также Анъ-дарханъ-тоёнъ или Алъ-отъ-иччитя—демонъ огня; какъ жертвоприношеніе—ему бросаютъ въ огонь часть пищи, которую ѣдятъ.

Анъ-дарханъ — маститый старецъ, онъ посредникъ между людьми и злыми духами. Никакая жертва не совершается безъ жертвы богу огня. Онъ дверь, черезъ которую можно войти съ жертвою къ другому духу.

Богъ огня—самое благодѣтельное существо въ жизни человѣка, во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни; онъ оказываетъ самое близкое и живое участіе, потому-то ему первому и при всякомъ случаѣ бросаютъ въ огонь часть пищи, которую хотятъ ѣсть. Это маститый, почтенный старецъ и его величаютъ: Выряхя-бытыка-кырылъ-тюсюмятъ, т. е. сѣдая борода, слѣдящая особа.

Демоны, или злые духи, суть:

Жохеогонъ-оюнъ-кинясь—сатана князь бѣсовъ: причиняетъ людямъ зло, болѣзни, падежъ скота, безсѣнницу; для умилостивленія приносятъ въ жертву жертву жеребца каурой (суръ-жагылъ) масти.

Бологуръ-хотуна, Дохсунъ-дуянъ и Бахсы-тоёна-альляхай — демоны, первый мужчина, второй женщина; какъ увѣряютъ шаманы, оба они были люди, но за грѣхи обращены въ злыхъ духовъ—демоновъ; они лишаютъ людей разсудка; въ жертву имъ приносятъ кобылу чубарой (чугуръ) масти. Джахтанъ-быдадай или Юрюнь-огустахъ былъ когда-то шаманомъ и имѣлъ бѣлаго быка, котораго у него украли, отчего онъ обозлился, и его за наказаніе послѣ смерти сдѣлали демономъ. Онъ причиняетъ болѣзнь, въ особенности дѣтямъ въ груди, которая оканчивается смертію, если ему не принесутъ въ жертву бѣлую 3-хъ лѣтнюю телку.

Сордахъ-Чонахъ, при жизни была шаманкой, она виновница разныхъ эпидемій. Шаманы передаютъ, что она видомъ отвратительна, объ одной рукѣ, объ одной ногѣ и единственный ея глазъ у нея во лбу. Въ жертву ей приносятъ корову красно-пеструю (кéхъ-эбирень).

Мангыны-кысы-тынгырахтахъ-кяджяй, бывшая шаманка, причиняетъ людямъ сумасшествіе и другія болѣзни. Въ жертву ей приносятъ корову съ прозрачными рогами и копытами, съ лысиной на лбу, съ пестрымъ хвостомъ, шерстью красноватой (дженкирь-мостахъ-туяхтахъ, торатосахталахъ, ала-кутуруктахъ-кугасъ). Въ честь ея дѣлаютъ идола, украшая его горностаевой шкуркой; въ этого-то идола, по понятіямъ шамановъ, и можетъ быть безвыходно заключена эта фурія. Идолъ этотъ получаетъ названіе кысъ-тангара — дѣвица богиня; ставятъ его въ уголъ средней балки, отъ камина на

лѣво, т. е. на сѣверъ, и оставляется изъ рода въ родъ и на столько почитаемъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нему можетъ вызвать гнѣвъ этой фуріи.

Бухаръ-додаръ—демонъ смерти, онъ ѣздитъ на быкѣ Боръ-кюрюнь, т. е. на барсѣ земляннаго цвѣта; живетъ въ аду (эдянь-тюгяря), гдѣ совмѣстно проживаютъ восемь главныхъ демоновъ, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ.

Сыры-кыса—происхожденіемъ шамана, она искушаетъ людей на разныя преступленія, жалобы и тяжбы. Ей жертвы не приносятъ, и шаманъ безъ всякаго труда прогоняетъ ее.

Сюллюкютеръ—обитатели водъ; они живутъ подобно людямъ, разводя стада. Въ водѣ много мха, который, будучи вынесенъ на сушу, превращается въ деньги, но послѣ трехъ дней снова превращается въ мохъ.

Содека—маленькая, уродливая дѣвочка, съ огромнымъ животомъ, живетъ въ хотонѣ (хлѣвѣ) и портитъ скотъ.

Кромѣ упомянутыхъ демоновъ и фурій, Якуты вѣрятъ еще въ менѣе значительныхъ, какъ напримѣръ: торбосъ-абысыта (демонъ телятъ), кялямя (демонъ сластолюбія), котораго довольно оригинально изображаетъ шаманъ; онъ описываетъ этого демона крайне не привлекательнымъ и вдобавокъ заикой. Когда шаманъ является въ образѣ кялямя, Якуты не могутъ удержаться отъ смѣху, шутятъ съ нимъ и разспрашиваютъ, откуда онъ пріѣхалъ, на что шаманъ отъ лица этого демона отвѣчаетъ, что пріѣхалъ онъ издалека, на разстояніи одной кривой сосны, переночевавъ въ дорогѣ 9 дней; нѣтъ-ли здѣсь хорошихъ дѣвокъ, спрашиваетъ демонъ далѣе, и при удовлетворительномъ отвѣтѣ, охорашивается, кривляется, что очень забавляетъ Якутовъ. Кялямя шаманъ представляетъ больше для шутки.

Шаманы учатъ, что всею вселенною управляетъ Ють-тасъ, или, какъ его еще называютъ, Айбытъ-ага (создавшій отецъ), Аи-тоёнъ (господь). Незримый и непостижимый, живетъ онъ на седьмомъ небѣ и сносится съ землей чрезъ посредство боговъ, живущихъ на низшихъ небесахъ. Всѣхъ небесъ семь. Въ преисподней тоже есть свой глава—князь тьмы. Добрые духи (Аи, боги), а равно демоны (абасы), души умершихъ, которыя за добродѣтели или за грѣхи превращены въ геніевъ или демоновъ, по мѣрѣ ихъ добродѣтели и пороковъ, и занимаютъ разныя мѣста и должности, какъ въ той, такъ и другой имперіи, подчиняясь безпрекословно волѣ того, кому служить обязаны.

По ученію шамановъ, есть такимъ образомъ три міра: міръ небесъ (хал-[illegible]), средній —земля (орто-дойду) преисподній — или адъ (ѐдянь-тюгяря). Первый царство свѣта; низшій — царство тьмы, а земля до времени отдана Творцомъ (Ють-тасъ-олбохтахъ Юрюнь-Аи-Тоёномъ) на волю дьявола—

соблазнителя, и души людей, по смерти ихъ, смотря по заслугамъ, будутъ отсылаться въ то или другое царство. Когда-же кончится земной міръ, то души обоихъ царствъ будутъ вести войну, и побѣда должна остаться за добрыми душами, души-же грѣшниковъ будутъ преданы вѣчному мученію ада.

Создатель, предоставивъ временный земной міръ на искушеніе дьявола, въ то-же время послалъ на землю Эехсыть, ангела хранителя и души праведныхъ, которые обязаны защищать людей отъ нападеній дьявола; дьявола сила ограничена на столько, что онъ не имѣетъ напр. права лишать человѣка жизни. Дьяволъ есть только мечъ божій, орудіе, черезъ которое наказываются грѣшные люди, и дьяволъ не можетъ помиловать кого-либо, освободить отъ наказанія, но черезъ демона шаманъ можетъ обратиться съ ходатайствомъ къ создателю.

Шаманъ есть слуга дьявола и самъ будущій дьяволъ, но покуда душа его не разлучена съ тѣломъ, онъ пользуется дьявольскими дарами: ясновидѣнія, духовѣдѣнія, исцѣленія, злотворенія и проч., а какъ живущій на землѣ, между небомъ и преисподней, пользуется удобствомъ сношенія съ обоими; онъ, по мѣрѣ надобности, нисходитъ въ преисподнюю самъ, или вызываетъ оттуда нужныхъ демоновъ; если-же демонъ самъ чего сдѣлать не можетъ, то посылаетъ шамана въ горній міръ просить разрѣшенія Творца, и шаманъ, какъ видѣли, восходитъ на небо. Когда-же шаманъ захочетъ сдѣлать зло, то вызываетъ изъ ада того духа, который необходимъ для него, и вызванный духъ исполняетъ желаніе шамана. Злой духъ не охотно уступаетъ просьбамъ шамана—оказать кому-нибудь доброе дѣло и, лишь получивъ какое-либо жертвоприношеніе, разрѣшаетъ шаману подняться на небо за непосредственнымъ ходатайствомъ передъ Творцемъ.

Болѣе славные шаманы ведутъ свою родословную изъ глубокой древности, и нерѣдко цѣлое поколѣніе служитъ аду, и послѣдній потомокъ, при испрашиваніи помощи по своей профессіи, прежде всего обращается къ своимъ предкамъ шаманамъ, чтобы они, болѣе заслуженные, способствовали скорѣйшему исполненію его просьбы.

Какъ видно изъ предъидущаго, душа (кутъ, тынъ) человѣка способна превратиться въ добраго духа или демона, смотря по дѣламъ при жизни человѣка; такъ еще и при жизни человѣка душа не рѣдко разстается съ нимъ, напр. во время сна. Человѣкъ заболѣваетъ отъ того, что душу его поймалъ дьяволъ, и если онъ продержитъ ее долѣе возможнаго, то человѣкъ долженъ умереть; по просьбѣ больного или его окружающихъ, шаманъ можетъ возвратить больному его душу; если-же душа не возвратится и человѣкъ умретъ, значитъ гнѣвъ демона не могъ быть умилостивленъ, по причинамъ отъ шамана не зависящимъ. Бываетъ и такъ, что душа, отлучившись отъ тѣла на

имѣется почти въ каждой юртѣ и имъ окуриваетъ юрту кругомъ, произнося: Жам(н)ъ-Бурай-жасыпда, сюгя-тоенъ-сюльгяйдя, арчы, арчы, т. е. удалой ревунъ ревнулъ, топоръ—господинъ зашевелился, прочь, прочь! Съ окуриваніемъ нечистый духъ, скрывавшійся въ юртѣ отъ преслѣдованія неба, выгоняется и люди избавляются отъ болѣзней, которыя съ собой приносятъ эти злые духи.

Осколокъ бросается въ поле, далеко отъ юрты, чѣмъ устраняется ударъ молніи. Якуты находятъ въ полѣ послѣ грозы круглые камни или продолговатые, какъ долото, ихъ считаютъ упавшими съ неба—громовыми стрѣлами. Они употребляются какъ цѣлебное средство (напр. скоблятъ ихъ и порошекъ въ водѣ даютъ пить для извлеченія дѣтскаго мѣста или противъ задержанія мочи). Также, какъ говоритъ Припузовъ, такой камень хранятъ, увѣренные, что онъ избавляетъ отъ опасности грозы.

Припузовъ говоритъ, что у Якутовъ существуетъ повѣрье, что внутри животныхъ можно найти каменныхъ идоловъ, которые имѣютъ такую силу, что только стоитъ вынести на открытый воздухъ въ лѣтній день, какъ произойдетъ вѣтеръ. Камни эти называются сата. О такомъ повѣрьи мнѣ не приходилось слышать, но не отрицая его, добавлю, что я видѣлъ такіе камни, что они не болѣе какъ послѣдствіе болѣзни животнаго, у котораго внутренность почечной лаханки пополняется камнемъ; животное заболѣваетъ, его прирѣзываютъ, мясо ѣдятъ, и тутъ-то обнаруживается каменная фигура въ родѣ уродливой индюшки.

Съ распространеніемъ христіанства шаманство мало-по-малу, какъ уже не однократно сказано раньше, видоизмѣняется, поступаясь старинными обычаями, такъ точно и приводимая ниже языческая присяга отошла въ прошлое и въ настоящее время едва-ли гдѣ имѣетъ свое первобытное значеніе: «я униженно стоящій человѣкъ передъ существующими на славныхъ семи небесахъ: Юрюнь-аи-тоенъ, Сюгя-тоенъ, Бай-баянной-тоенъ, Ордахъ-аи, передъ солнцемъ, умѣющимъ столько-же сіяній и передъ закономъ бѣлаго царя моего, стоя на колѣняхъ передъ огнемъ, клянусь и обѣщаюсь показать самую истину безъ всякаго лицепріятія, но только то, что лично самъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякой лжи и утайки; если же въ нарушеніе сей моей клятвы, что покажу ложно или отрекусь отъ истины, то заклинаю себя, чтобъ языкъ мой притянутъ былъ къ затылку, глаза мои обратились въ ледъ и лишиться мнѣ языка и движенія рукъ и ногъ моихъ, да буду ползать на сѣдалище. Господь Богъ не покажетъ мнѣ добра въ женѣ и дѣтяхъ моихъ и земнаго богатства, да отвернется лице мое къ заду и брошенъ буду лицемъ на черную землю. Создатель неба и земли поразитъ меня пронизывающимъ взоромъ, да не буду ходить на землѣ и не увижу своихъ ближнихъ; да получу себѣ смерть раз-

время, заблудившись, долго не возвращается на свое мѣ
черезъ долгій промежутокъ находитъ свою оболочку уж
пріятію ея, тѣло разложилось и душа съ грустью от
тѣло близкаго родного бывшаго своего храма; много по
селенія разсказываютъ шаманы своимъ вѣрующимъ.

Шаманы утверждаютъ, что послѣ смерти человѣ
ются на время слѣды его души, вѣрнѣе, душа продо
своего прежняго обиталища, потому-то до погребенія.
сутствія души около тѣла, трупъ продолжаетъ сл
исходящее вокругъ него, и Якуты стараются быть ост
Со смертью человѣка, душу его беретъ дьяволъ и
при жизни своей бывалъ покойный и наказываетъ
шилъ. Такое мытарство продолжается одну ночь
душу покойнаго, гдѣ стоитъ крестъ (въ позднѣ
чтобъ избавить своего сородича отъ лишнихъ на
деревянные кресты. Якуты обыкновенно хоронят
привести за собой демона смерти, возвращаясь
дорогѣ домой костры, которые перепрыгиваютъ
боясь огня, не послѣдуетъ за ними, и они т
преслѣдованій ненавистнаго имъ духа смерти,
ваютъ платье покойника, чтобы вытрясти из
малъ туда забраться. Хоронить стараются
покойника къ небу; курганы обыкновенно не
могилу, чѣмъ въ солонцеватыхъ низменност

Какъ сказано было раньше, Якуты
поклонялись явленіямъ природы, почему н
обитателей Якутской области на эти явле
могонической миѳологіи.

Громъ (этингъ) и молнію (чагылга
ства! Жам(н)ъ-бурай (удалой ревунъ
Припузовъ говоритъ, что они посыла
злыхъ духовъ; я же слышалъ, что, к
землю отъ разныхъ болѣзней, иногда-
который, обиженный кѣмъ либо, проситъ
или то, что ему дорого.

Затѣмъ, соглашаясь вполнѣ с
за нимъ остальное: къ оживленію
бляютъ никакихъ средствъ. Живо
загремитъ громъ, Якутъ достает

…деждою,
…исподнюю,
…омъ про-
…вду. Затѣмъ
… дѣла нечистые
… унъ-чонахъ (Сор-
… ленчаго по закону
… мнѣ подъ оный.
…вую жилу. Вся это
… насъ на вѣки вѣковъ.
… ютъ меня, какъ камень,
… свидѣтелями въ ложномъ
… царскимъ наказаніямъ».
… легенду: теперь видимая
… обширное, безконечное
… летѣлъ надъ этимъ мо-
… кто ты и откуда? Пу-
… которая подъ водой.
… земля, то достань мнѣ
… которое время выплылъ съ
… его и легъ на него.
… тянуть этотъ кусокъ
… она растягивалась къ его
… образовалась земля, на

В. Л. Приклонскій.

…1).

м.	ж.	Итого.
[illegible]	123.541	251.778
112	17	129
12	3	15
834	593	1.427
260	229	489
1.167	666	1.833
130.622	125.049	255.671

… Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Здѣсь … почтеннаго автора. *Ред.*

Древняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ.

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

(Продолженіе).

Занятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.—Знакомство ихъ съ рогатымъ скотомъ, овцами, лошадьми.—Собаки.—Пища Остяковъ: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли.—Посуда.—Хлѣбъ.—Питье Остяковъ.

Занятія прежнихъ Остяковъ тоже состояли исключительно въ охотѣ, рыбной ловлѣ и оленеводствѣ.

Охота производилась главнымъ образомъ при помощи лука и стрѣлъ; добыча состояла въ крупныхъ животныхъ, лѣсной и водяной птицѣ. Остякамъ была вѣроятно извѣстна и значительная часть нынѣшнихъ ловушекъ на пушнаго звѣря и птицу. Такъ, въ былинахъ встрѣчаются «слопцы» (сêсе), «перевѣсъ» для утокъ (вâса пит', катт) и др. Наше предположеніе находитъ подтвержденіе и въ томъ, что большая часть этихъ ловушекъ, равно какъ и рыболовныхъ снастей, имѣла до прихода Русскихъ и имѣетъ въ настоящее время свои туземныя названія, чего бы очевидно не могло быть, если бы онѣ были заимствованы извнѣ.

Главныя старанія Остяковъ конечно были направлены на то, чтобы добыть оленей и лосей, доставлявшихъ имъ значительный запасъ пищи. Замѣтимъ, что прежде они встрѣчались въ бо̀льшихъ количествахъ, чѣмъ теперь. Охота за лосемъ считалась занятіемъ благороднымъ и достойнымъ князей и даже ихъ божества, какъ Тунк-пох и Паірâхт'â, не гнушались испытать при этомъ свою ловкость. Способы ея были тѣ же, что и въ настоящее время въ здѣшнихъ краяхъ, почему мы и не станемъ ихъ описывать.

Не менѣе важнымъ средствомъ для пропитанія служило имъ рыболовство. Изъ способовъ его, которые имъ были знакомы, въ былинахъ упоминается ловъ при помощи прутяныхъ «мордъ» (пун), сѣтей изъ крапивной пряжи (хо̂дып, со̂јеп), жердяныхъ запоровъ (вар). Вѣроятно они знали и другія ловушки.

Остяки умѣли добывать рыбу не только въ озерахъ и рѣчкахъ, но и морскую рыбу въ крупныхъ рѣкахъ, Иртышѣ и Оби, гдѣ ловъ требуетъ бо̀льшаго искусства и болѣе крупныхъ снастей. Такъ, въ былинахъ нерѣдко поминается осетръ, «струна» котораго употреблялась богатырями на «рыбій клей» (âjем), напр. для склеиванія обѣихъ половинокъ лука, для покрытія струнъ «домры» и т. д. и мясо и жиръ котораго составляли ихъ любимое лакомство. Упоминаются въ нихъ и нельма, налимъ и стерлядь, которые также являются обитателями названныхъ двухъ потоковъ, не говоря уже объ озерной и рѣчной рыбѣ, какъ чебакѣ, окунѣ, ершѣ, щукѣ, которая составляла и составляетъ обыденную пищу Остяковъ всѣхъ временъ и мѣстностей.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о лодкахъ, безъ которыхъ въ этой сѣверной странѣ немыслимо никакое сообщеніе въ лѣтнее время. Онѣ одинаково необходимы для охоты и рыболовства, въ мирное и военное время. Лодки (хоп, ріт) тогда употреблялись исключительно долбленыя и поэтому толстыя осины, а также другія деревья, годныя для этой цѣли, назывались хоп-jух, ріт-jух (jух-дерево). Крупныя лодки для плаванія по большимъ рѣкамъ назывались рôт (у Вог. рӯт), терминъ, который еще по нынѣ сохранился по р. Салыму. Эпитетомъ остяцкой лодки было выраженіе jінет-пуіпе н'âгат рôт—«грузная лодка съ водянымъ задомъ», самоѣдской также и jâгарсей-пуіп рôт—«лодка съ раздвоенной кормой», такъ какъ лодки Самоѣдовъ имѣли корму нѣсколько другого устройства. Оно, по словамъ Остяковъ, еще и теперь сохранилось отчасти у этихъ обитателей крайняго сѣвера.

Лодки нѣкоторыхъ богатырей, предназначенныя для войны, были изукрашены изображеніями звѣрей и птицъ (тегет-вôjе ханg̓'еп рôт.

Имѣлись также и «крытыя» лодки (хорей ріт), причемъ на крышу употреблялась береста, какъ это мѣстами ведется и теперь. Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, что кромѣ деревянныхъ лодокъ въ данной мѣстности были въ ходу и берестяныя. Ихъ напр. употребляли Самоѣды во время своихъ походовъ вглубь остяцкой страны. Черезъ волока ихъ легко перетаскивали на себѣ. Нѣкоторые дѣлаютъ еще предположеніе, что у Самоѣдовъ прежде были и лодки изъ кожъ [1]).

Большій интересъ для насъ представляетъ оленеводство. Оно теперь значительно слабѣе развито, чѣмъ прежде. Во времена, описываемыя былинами, область оленеводства простиралось гораздо далѣе къ югу, чѣмъ теперь. Нынѣ въ нижней части Оби оленей держатъ не южнѣе Березова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и въ нижнемъ

---

[1]) Замѣтимъ къ слову, что тѣ и другія еще и понынѣ въ употребленіи у обитателей сѣвера Америки: первыя — у Индѣйцевъ Аляски и Британскихъ колоній, вторыя — у Эскимосовъ.

теченіи Иртыша, почти до р. Демьянки т. е. всего 250 верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, а можетъ быть и южнѣе. Олени въ то время были въ описываемой мѣстности единственными домашними животными. Они доставляли Остякамъ мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили въ качествѣ перевозочныхъ животныхъ. Безъ нихъ не обходилось ни одно жертвоприношеніе и ни одинъ пиръ. Ни одинъ зимній походъ не могъ состояться безъ нихъ: благодаря ихъ легкости, всюду, гдѣ лежалъ снѣгъ, для Остяка была открыта дорога.

Для упряжи употреблялись повидимому только оленные быки (х ô р). Это соблюдается и теперь на сѣверѣ. Санки (ôгот) были легкой постройки и прикрѣплялись къ животнымъ при помощи ремней. Болѣе зажиточные князья покрывали себя при ѣздѣ на санкахъ пестрымъ одѣяломъ или ковромъ (і т і й ланк, х а н g'е й н а р).

Безбѣдное существованіе Остяковъ было связано съ обладаніемъ этимъ животнымъ. Размѣры оленеводства въ тѣ времена намъ не извѣстны, но, судя по всему, ихъ держали въ достаточномъ количествѣ, а у князей были даже значительныя стада. Изъ нихъ они обыкновенно отпускали животныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Рогатый скотъ лишь въ послѣдствіи сдѣлался извѣстенъ Остякамъ, отчего и не имѣетъ туземныхъ названій, а именуется заимствованными изъ татарскаго: корова—с â г а р, быкъ—ŷ г е с [1]). Въ моихъ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ о немъ, какъ и объ овцѣ (ô ш), совершенно не упоминается. Впрочемъ, эти животныя, какъ болѣе южныя и требующія помѣщеній и заготовки сѣна на зиму, не могли для безпечнаго Остяка замѣнить оленей: послѣдніе доставляли имъ пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лошадь (т а у) была извѣстна Остякамъ вѣроятно раньше, чѣмъ коровы и овцы, и иногда упоминается въ былинахъ. Она однако, повидимому, не была домашнимъ животнымъ Остяка уже по той причинѣ, что въ здѣшней болотистой мѣстности, изрѣзанной рѣчками и озерами и на добрую половину покрытой лѣсомъ, лѣтомъ не можетъ производиться сообщеніе на коняхъ, а зимой, въ виду глубины снѣговъ и отсутствія дорогъ, только съ трудомъ. Къ тому же онѣ также требуютъ извѣстнаго ухода. Впрочемъ въ одной былинѣ разсказывается, что трое князей изъ города К а р ы - п ô с п а т-ŷ р д а т-в о ш отправились въ походъ на полуденную сторону и привезли оттуда по «с л а в н о м у к р ы л о н о г о м у ж и в о т н о м у» (т ô х т е й-к у р п е ј е м в ô ј е) и по красавицѣ полуденной страны. Далѣе описывается, какъ они пустились на этихъ крылоногихъ животныхъ настигать

[1]) Есть еще другія названія: м î с —корова; к â р - м î с—быкъ, которыя сродны съ алтайск. мŷŷсъ (слов. Турецк.—тат. нар. Л. Будагова).

Эмдерскихъ богатырей, догнали ихъ и изрубили. Здѣсь „крылоногія животныя полуденной страны“ безъ сомнѣнія—кони.

Въ другой былинѣ изъ области р. Демьянки встрѣчается даже „крылатый конь“ (понтій тау), который поднималъ всадника подъ облака. Однако эта послѣдняя былина носитъ нѣсколько иной характеръ и поэтому кое-что въ ней могло быть заимствовано у сосѣднихъ кочевыхъ племенъ.

Употреблялись кони въ тѣ времена вѣроятно главнымъ образомъ для жертвоприношеній. Обычай этотъ, судя по Гр. Новицкому, заимствованъ ими у сосѣднихъ Татаръ и поэтому соблюдался вѣроятно только въ южныхъ мѣстностяхъ; сохранился онъ между Остяками и по настоящее время.

Другимъ домашнимъ животнымъ прежняго Остяка, кромѣ оленя, была собака (ӑмп, лӧңа): ее держали ради охоты и отчасти въ качествѣ перевозочнаго животнаго. Судя по одному героическому разсказу, видно, что у Самоѣдовъ собака служила и жертвеннымъ животнымъ, что̀ мнѣ подтвердили и нѣкоторые старые Остяки [1]). Напр. голова Самоѣда Сос Тӯрума, избѣгнувъ меча остяцкаго богатыря, говоритъ послѣднему между прочимъ: „что̀ же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоѣдской земли принесутъ сюда предназначенные мнѣ чаши и туяси, пусть приведутъ въ качествѣ кровавой жертвы хвостатыхъ и шерстистыхъ собакъ“.

Пища Остяковъ состояла изъ продуктовъ оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо повидимому не всегда употреблялось Остяками въ сыромъ видѣ въ противоположность Самоѣдамъ, за это и получившимъ отъ Остяковъ прозвище: н'ара нӧга тӧда хӧр јаранет—„Сырое мясо ѣдящіе оленные Самоѣды“[2]). Его чаще варили въ большихъ котлахъ (саран, пут). Послѣдніе вѣрно были изъ мѣди. Въ былинахъ упоминаются котлы съ желѣзной ручкой (карт-нурпе нурый пут)[3]) и большіе котлы съ 7 ушками (тӑбет пыдеп саран)[4]). Рыба же употреблялась въ сыромъ, сушеномъ и вареномъ видѣ. Оленье и лосиное сало и осетровый жиръ считались большими лакомствами и подавались гостямъ. Помѣщалось то и другое въ берестяныхъ корзинахъ, лукошкахъ, туясяхъ, какъ и сухая рыба и жидкости. Эти берестяныя корзины были разныхъ фасоновъ и величинъ (куч, кучум, сойен, хаінт,

[1]) То же самое мы встрѣчаемъ у племени Чукчей «Намолло».

[2]) Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателямъ крайняго сѣвера Америки, Эскимосамъ, ихъ болѣе южными сосѣдями, Индѣйцами. Именно, слово «эскимосъ» произошло изъ словъ индѣйскаго племени Алгокиновъ «эскимантсикъ», что значитъ «ѣдящіе сырое мясо».

[3]) Въ 1888 году, въ бытность мою въ Самаровской вол., въ д. Торопкахъ, мнѣ удалось извлечь изъ древней могилы средней величины котелокъ изъ красной листовой мѣди и съ желѣзной ручкой. Возможно, что онъ русскаго происхожденія.

[4]) Слово саран значитъ также «зырянинъ», что наводитъ на мысль, что Остяки получали котлы при посредствѣ этого народа.

jiйет, кiт'). Употреблялась также и глиняная посуда, которая въ былинахъ именуется просто словомъ âна — чашка, тарелка, блюдо [1]). Ѣли почти всякую пищу руками, за исключенiемъ жидкой; для нея предназначались большiя и малыя деревянныя ложки (тыi, н'âл'а), которыя выдѣлывались при помощи инструмента кайрас. Рыбiй жиръ обыкновенно не ѣли ложками, а въ него мокали куски рыбы. Въ видѣ лакомства ѣли также и разнаго рода ягоды, изобильныя въ ихъ странѣ: бруснику, чернику, морошку, черемуху, ягоды шиповника и боярышника и т. под., ихъ запасали также на зиму.

Слово тант, часто употребляемое въ остяцкомъ эпосѣ, можетъ насъ ввести въ заблужденiе относительно знакомства Остяковъ съ продуктами земледѣлiя, такъ какъ въ настоящее время тант означаетъ всякiй хлѣбъ въ зернѣ, главнымъ образомъ рожь, ват'-тант—ячмень. Въ этомъ же смыслѣ употреблено оно въ эпитетѣ Иртыша: Тантый Тайат ноува jiнк—«хлѣбородный Иртышъ, бѣлая (мутная) вода». Прежде же это слово, повидимому, имѣло болѣе широкое значенiе и примѣнялось для разнаго рода пищи, преимущественно для наиболѣе употребительной—рыбы. Выраженiя сôрмый тант, тêбын тант [2]), часто встрѣчающiяся въ былинахъ и сказанiяхъ и означающiя вѣроятно «сухое и мягкое жито», могутъ поэтому означать и сухую и мягкую (свѣжую) рыбу, какъ и полагалъ одинъ изъ инородцевъ, мой учитель остяцкаго языка.

Слѣдующiя сложныя слова: вата-тант—«оленiй мохъ» и тâда-тант—«голодъ» тоже могутъ быть легко объяснены при этой гипотезѣ. Первое выраженiе состоитъ изъ словъ вата—«олень» и тант—пища. Тâда-тант изъ тâда—«пустой», «отсутствующiй» и того же слова тант.

Но съ другой стороны есть и иныя, болѣе существенныя, указанiя на то, что Остякамъ отчасти было знакомо жито—это постоянно упоминаемыя въ былинахъ «чаши и берестяные туяси съ пѣнящимся отверстiемъ» (н'âурый ойып âна, н'âурый ойып jiйет), подъ которыми можно подразумѣвать только сосуды, наполненные остяцкой брагой. Въ настоящее время она приготовляется изъ ячменной или ржаной муки съ примѣсью хмѣля или растенiя atragene и носитъ названiе пусса. Возможно, что то же было и въ прежнее время, если не предположимъ, что они имѣли другiе суррогаты для ея приготовленiя, напр. березовый сокъ, который однако въ настоящее время значенiя не имѣетъ.

---

[1]) Въ городкахъ въ изобилiи находятъ черепки отъ глиняной посуды, изукрашенной разными узорами и рисунками.

[2]) Сôрмый—мертвый, сухой; тêбый—можетъ быть есть синонимъ слова тêбет—мягкiй. Это слово мало понятно нынѣшнимъ Кондинскимъ Остякамъ, такъ какъ вѣроятно оно—архаизмъ.

Если Остяки были знакомы съ хлѣбомъ, то можно допустить, что они получали его [1]) отъ болѣе южныхъ племенъ, жившихъ напр. около Тобольска, гдѣ дѣйствительно при раскопкахъ [2]) находили въ землѣ остатки земледѣльческихъ орудій и приборовъ, служившихъ для дробленія зерна. Въ виду того, что эти предметы повидимому татарскаго происхожденія, возможно, что Остяки получали хлѣбъ отъ татаръ и что понятіе о брагѣ было внесено въ былины уже въ послѣдствіи, когда земледѣліе, при ихъ владычествѣ, сдѣлало значительные успѣхи въ Тобольской губерніи. Именно, изъ исторіи мы знаемъ, что и сѣверные Татары, жившіе о бокъ съ Остяками, сѣяли отчасти хлѣбъ; такъ атаманъ Брязга, предпринявъ въ 1581 г. походъ въ страну Остяковъ, уже въ Аремзянской волости, т. е. въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Тобольска, засталъ хлѣбопашество.

Что же касается до нынѣшняго слова «пусса, пӯса», то оно татарскаго происхожденія и въ былинахъ не употребляется. Примѣнялась брага при жертвоприношеніяхъ и пилась на слѣдовавшихъ за ними пирахъ. Въ другихъ разсказахъ и преимущественно въ сказкахъ она именуется словомъ сар-јінк. Въ сказкахъ же встрѣчается еще другой напитокъ маг-јінк—«медъ» или вѣрнѣе «медовая вода». Водились ли пчелы въ прежнее время въ Тобольскомъ округѣ, не извѣстно, вѣроятно нѣтъ, потому что иначе онѣ водились бы и теперь. Скорѣе предположить, что Остяки получали медъ отъ Зырянъ, въ странѣ которыхъ водятся пчелы и которые въ прежнее время играли до извѣстной степени роль цивилизаторовъ С.-Зап. Азіи. Это предположеніе подтверждается и сходствомъ названій слова «медъ» на обоихъ языкахъ (по зыр: ма).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ напиткѣ, который прежде былъ въ ходу среди финскаго населенія тобольскаго округа и который отчасти и понынѣ еще употребляется въ глухихъ углахъ сѣверо-западной Сибири—это, наваръ изъ березоваго нароста: уш-јінк. Онъ же имѣлъ значеніе и въ народной медицинѣ.

Слово «водка» (віна, пыгде-јінк), встрѣчающееся въ одной былинѣ, есть ничто иное, какъ рѣзкій анахронизмъ, и дальнѣйшаго разъясненія не требуетъ. Она вошла во всеобщее употребленіе у Остяковъ лишь въ XVIII столѣтіи, такъ какъ еще Гр. Новицкій, писавшій въ началѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ, что вода есть единственное питье Остяковъ. Не упоминаетъ онъ ничего и о брагѣ, безъ которой въ настоящее время не обходится ни одно жертвоприношеніе.

---

[1]) Возможно, что Остяки впервые познакомились съ хлѣбомъ отъ Зырянъ, такъ какъ у нихъ общее слово для выраженія понятія «хлѣбъ»—н'а н'; тоже у Вотяковъ. Оно сродно съ перс. нан.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду раскопки, производившіяся на мѣстѣ бывшаго городка Искера (Сибири) любителемъ археологомъ Знаменскимъ.

Роль водки въ прежнее время, какъ отчасти и теперь на глубокомъ сѣверѣ, игралъ мухоморъ (панх), который, съѣденный въ достаточномъ количествѣ (отъ 7 до 21, и даже болѣе, штукъ), производитъ временное возбужденіе и вызываетъ сильныя галлюцинаціи. Ѣдятъ мухоморы обыкновенно въ сухомъ видѣ, запивая ихъ водой, или предварительно намазавъ ихъ масломъ или жиромъ.

ГЛАВА V.

Князья—военное сословіе.

Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени. — Богатство князей.—Отношенія простыхъ людей къ князю.—Отношенія князей между собой.—Совмѣстное правленіе нѣсколькихъ князей. — Дробленіе княжествъ и сліяніе нѣсколькихъ въ одно. — Образъ правленія.—Народныя собранія и пиры.—Князья—военная каста.—Воинскія упражненія.—Ристалища.—Доказательства силы и отваги князей. — Плачъ князей.—Рогъ—символъ радости.—Другія качества, характеризующія князя-богатыря: соблюденіе клятвы, благородство въ манерахъ, жестокость и великодушіе къ врагамъ.—Кровавая месть.—Умственное превосходство богатырей надъ простыми людьми.—Способность ихъ принимать образъ животныхъ.—Общечеловѣческія чувства.

Относительно происхожденія князей мы ничего не можемъ сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своимъ особымъ доблестямъ и силѣ. Случилось это вѣроятно въ эпохи, предшествовавшія той, въ которую слагались былины, такъ какъ въ нихъ мы во всякомъ владѣніи застаемъ не только главу-князя, но и цѣлую родовую аристократію изъ лицъ княжеской фамиліи. Въ описываемый періодъ княжеское достоинство было наслѣдственно и не доступно для простыхъ людей.

Своимъ богатствомъ остяцкіе князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Оно выражалось не только въ болѣе дорогихъ одеждахъ и доспѣхахъ, но и во всей ихъ домашней обстановкѣ. Ихъ помѣщенія были хотя того же типа, но нѣсколько больше и лучше устроены: судя по былинамъ, полъ у нихъ былъ изъ деревянныхъ половицъ, соединенныхъ между собою желѣзными и жестяными скобками. Они имѣли особыя помѣщенія, гдѣ у нихъ хранились разныя цѣнныя вещи (вâгат ŷдем, тâшат ŷдем тага) [1]) пушной товаръ, сукно, шелкъ, металлы, оружіе [2]) и т. д.

---

[1]) Буквально: «мѣсто, гдѣ находился металлъ и товаръ».

[2]) Напр. историкъ Мюллеръ (стр. 201) приводитъ слѣдующій перечень имущества, награбленнаго въ 1594 г. Русскими и Остяками у князьца Кондинскихъ Вогульцовъ: «2 вѣнчика серебряныхъ, 426 соболей, 13 чернобурыхъ и бурыхъ и красныхъ лисицъ, беръ, 1000 бѣлки, завѣса дорогинена, а опушенна камчишкою двоелишнею и т. д.

Амбары (кыма, кама) ихъ домашнихъ боговъ были переполнены соболиными и другими дорогими мѣхами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконецъ они имѣли возможность содержать нѣсколько женъ, напр. про богатыря Сонгхуша въ былинѣ говорится: „съ семи концевъ свѣта онъ взялъ въ жены семь дѣвицъ“ [1]), что̀ несомнѣнно указываетъ на значительное довольство. Этотъ обычай и теперь еще отчасти сохранился на языческомъ сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ болѣе зажиточные Остяки и Самоѣды имѣютъ по 2 и по 3 жены. Но все же разница въ образѣ жизни князя и простаго народа у Остяковъ не походила на различія между властителями и подданными болѣе цивилизованныхъ народовъ востока.

Какъ и простой народъ, князьки ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этимъ болѣе для своего удовольствія, чѣмъ по необходимости. Всѣ они имѣли извѣстное число слугъ и служанокъ, вѣроятно рабовъ, на обязанности которыхъ лежали не только всѣ домашнія работы, но и снабженье ихъ пищею и обереганье ихъ стадъ оленей и т. д. Кромѣ того о нуждахъ ихъ заботился и простой народъ, который ихъ чуть не боготворилъ.

Почти одинаковымъ съ ними почетомъ пользовалось все княжеское сословіе, не взирая на ступени родства. Также и отношенія лицъ княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшаго и были основаны на патріархальныхъ началахъ или на подчиненіи младшихъ старшимъ. Самые старшіе въ роду считались главами народа (ȳх), независимо отъ числа ихъ. Поэтому мы нерѣдко встрѣчаемъ въ остяцкихъ городкахъ 2 и 3-хъ князьковъ одновременно. Въ виду такой сравнительно равноправности лицъ княжескаго достоинства, мы не находимъ въ остяцкомъ героическомъ эпосѣ какихъ-либо указаній на сильныя столкновенія сыновей князя между собой или съ другими родственниками изъ за власти; напротивъ, въ одной былинѣ мы встрѣчаемъ въ городѣ двухъ правящихъ князей—братьевъ, въ другой тоже двухъ: дядю и племянника. Во всѣхъ случаяхъ, когда народъ начиналъ говорить, онъ обращался со своей рѣчью ко всѣмъ имъ, считая ихъ такимъ образомъ равноправными главами, и не только къ лицамъ мужескаго пола, но и къ лицамъ женскаго пола. Къ послѣднимъ, впрочемъ, только для формы, чтобы увеличить красоту стиля, что̀, какъ мы видѣли выше, отчасти достигается повтореніемъ однозвучныхъ или близкихъ по смыслу словъ. Женщины же ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ княжества активнаго участія не принимали.

Сами же князья часто уступаютъ первенство старѣйшему изъ своей среды, называя его «главой города» (воч-ȳх), но только въ виду его возраста и предполагаемой бо̀льшей опытности. Если же происходило какое-нибудь недо-

---

[1]) См. вып. III, стр. 94.

разумѣніе между ними, то они дѣйствовали, какъ лица равноправныя. Иногда случалось, что они дѣлили все владѣніе и всѣхъ подданныхъ на два особыхъ маленькихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжества. Такимъ образомъ въ одной изъ былинъ, гдѣ правилъ городомъ дядя и племянникъ, они, повздоривъ, рѣшили раздѣлить свой городъ на двѣ части и привели это въ исполненіе. При этомъ они раздѣлили поровну и людей.

Подобное дробленіе владѣнія могло быть тѣмъ легче произведено, что въ городкахъ, гдѣ имѣлось двое и болѣе князьковъ, каждый изъ нихъ повидимому управлялъ извѣстною областью его и былъ начальникомъ надъ извѣстнымъ числомъ воиновъ, даже въ томъ случаѣ, если они жили въ одномъ городкѣ. Такимъ образомъ въ одномъ сказаніи, при описаніи вербовки воиновъ, говорится: «младшій мужъ всталъ, взялъ полѣно изъ за чувала (очага), срѣзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей области, и старшій мужъ взялъ полѣно изъ за чувала, срѣзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей стороны» [1]), Въ дальнѣйшемъ изложеніи каждый изъ братьевъ является начальникомъ надъ своимъ отрядомъ, хотя только старшій изъ нихъ имѣетъ званіе «главнокомандующаго войсками» (т'ат'-ўх). Аналогичный примѣръ мы встрѣчаемъ въ исторіи: въ Демьянской волости, при завоеваніи ея Русскими, считалось два городка и имѣлось двое князей: Нимньянъ и другой, котораго историкъ называетъ христіанскимъ именемъ Романомъ.

Иногда, на оборотъ, одинъ какой-нибудь князекъ являлся главой двухъ и болѣе городковъ, причемъ въ послѣднихъ въ этомъ случаѣ уже не было своихъ начальниковъ. Возможно, что каждый изъ этихъ городковъ прежде составлялъ отдѣльную небольшую волость—въ исторіи нерѣдко упоминаются крошечныя волости въ 3—5—10 платежныхъ душъ или около 12—20—40 душъ обоего пола—и что въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ соединились по 2—3 вмѣстѣ ради самозащиты. Такимъ образомъ Кодскій князекъ Лугуй правилъ 6-ью городками [2]). Другой вліятельный князекъ, Самаръ, господствовалъ надъ низовьями Иртыша и надъ смежной частью Оби. Еще болѣе, въ отдѣльныхъ случаяхъ, усилилась власть князей при русскомъ владычествѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ, напр. Алачевъ, были поставлены правителями надъ многими волостями, но за то весьма многіе другіе были при этомъ сравнены съ простыми людьми.

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Цингалинской волости, расположенной по обоимъ берегамъ Иртыша, въ виду чего весьма вѣроятно, что каждый изъ князей управлялъ однимъ берегомъ. Это подтверждается и преданіемъ, которое сохранилось у Цингалинскихъ Остяковъ о 2-хъ князьяхъ, братьяхъ Санхазе, которые жили на высотахъ обоихъ береговъ Иртыша и, имѣя всего одинъ топоръ, перекидывали его въ случаѣ надобности другъ другу черезъ рѣку.

[2]) Куноватъ, Ильчма, Ляпинъ, Мункосъ, Іуилъ и Березовъ (Милл. ibid. стр. 159).

Верховныхъ властителей надъ болѣе или менѣе крупными областями, подъ властью которыхъ группировались бы вышеупомянутые мелкіе князьки, въ описываемый періодъ въ данномъ краѣ не существовало, не говоря уже о царяхъ, понятіи, повидимому, чуждомъ Остякамъ того времени и вошедшемъ въ ихъ языкъ лишь въ послѣдствіи, при ихъ столкновеніяхъ съ Татарами. Въ виду этого слово «царь»—хон, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе татарскаго слова «ханъ».

Итакъ мы видимъ крайнюю децентрализацію власти у остяцкаго народа, если его разсматривать какъ одно цѣлое. Стремленіе къ національному единству никогда не проявлялось не только у всего остяцкаго народа и у отдѣльныхъ его племенъ, но, какъ мы видѣли, даже у составлявшихъ племена родовъ.

Образъ правленія въ мелкихъ остяцкихъ княжествахъ имѣлъ нѣкоторое отдаленное сходство съ монархическимъ деспотическимъ. Всѣ дѣла вѣроятно рѣшали сами князья; при наиболѣе важныхъ дѣлахъ, они однако созывали народное собраніе, на которое, хотя и собиралось все населеніе города и селеній, однако правомъ голоса повидимому пользовались только старѣйшіе въ родѣ, къ какому-бы званію они ни принадлежали. Съ ними князья только и совѣщались.

Всякое народное собраніе начиналось жертвоприношеніями богамъ и общимъ пиромъ, на который созывался народъ однимъ изъ рабовъ князя. Насытившись пищей, старики открывали собраніе, обратившись съ рѣчью къ князьямъ и прося ихъ выяснить причину настоящаго сборища и пира. Или, такъ какъ такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики нерѣдко прямо ихъ спрашивали, въ какую сторону будетъ направленъ походъ и, узнавъ куда, разсуждали, сколько шансовъ имѣетъ за себя данное предпріятіе и стоитъ-ли его его вообще начинать. Князья, выслушавъ совѣты стариковъ, все-таки обыкновенно рѣшали дѣло по-своему, въ виду чего собранія продолжались недолго и оканчивались вербовкой воиновъ для похода.

Для большей наглядности приведемъ образецъ такого совѣщанія князей со стариками: „«Княгини нашего города и князья нашего города! начинаютъ они, на какой край земли сосредоточили вы ваше вниманіе, рѣчи вашей начало, слова вашего начало, вы намъ откройте, въ какой край земли вы желаете направить воиновъ [1]) со стриженными головами, сватовъ со стриженными головами»? Младшій мужъ (князь) отвѣчалъ: «Мы снаряжаемся въ городъ Кроваваго богатыря, старика Нангхуша, ради младшей дочери Нангхуша, дѣвицы». Многочисленные сѣдоголовые старцы сказали: «Въ городъ Кроваваго богатыря стараго Нангхуша, отправлялось много мужей. Какъ они опрокинули свои грузныя лодки съ водяной кормой, въ которыхъ сидѣли, на вилковатые сучья,

---

[1]) Эпитетъ воиновъ и сватовъ сарыñ мнѣ непонятенъ, почему и выпущенъ.

подобные ногамъ журавлей, такъ онѣ и поросли оленьимъ мохомъ высотой въ пядь». Младшій братъ сказалъ: «Мы-же, сыновья Јâветта-кêтпе хуі и Тяпарской женщины, (все таки) отправимся въ городъ Кроваваго богатыря, стараго Нангхуша. Если мы и опрокинемъ нашу глубокосидящую лодку съ водяной кормой, въ которой мы ѣхали, на виловатые колья, подобные журавлинымъ ногамъ, то какъ это приведется, чтобы она поросла оленьимъ мохомъ высотой въ четверть!»". Послѣ этихъ словъ богатыри считаютъ походъ уже рѣшеннымъ и приступаютъ къ вербовкѣ воиновъ.

Прибавимъ здѣсь еще, что народныя собранія совершались въ особыхъ крупныхъ общественныхъ зданіяхъ (см. выше), сооруженныхъ для этой цѣли. Несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, они во время пиршествъ наполнялись биткомъ или, какъ говорится въ былинѣ, народъ набивался въ нихъ въ такихъ массахъ, «какъ окуни и плотва въ морды».

Князья представляли изъ себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну отъ внѣшнихъ враговъ. Они участвовали въ войнахъ не только въ качествѣ полководцевъ, но, благодаря своимъ военнымъ качествамъ, они, не взирая на свою сравнительную малочисленность, имѣли рѣшающее значеніе въ столкновеніяхъ съ врагами. И въ связи съ этимъ все воспитаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ закаленныхъ бойцевъ. Предоставивъ домашнія дѣла женщинамъ и слугамъ, они значительную часть своего времени посвящали физическимъ упражненіямъ, развивающимъ силу и ловкость. Ихъ любимымъ занятіемъ была охота, преимущественно за крупными звѣрьми, лосемъ и оленемъ. При этомъ они упражняли силу своихъ ногъ бѣгомъ на лыжахъ и руку въ натягиваніи тугаго лука.

Если время не благопріятствовало охотѣ, они устраивали состязанія и военныя игры на особыхъ чистыхъ площадкахъ около города, на такъ называемыхъ јâнтта-хар, јâкта-хар, что въ переводѣ значитъ: «площадь для игръ» и «площадь для пляски». Въ сказкахъ народная фантазія рисуетъ подобныя ристалища богатыхъ князей изъ мѣди и серебра. На эти игрища сходились конечно только князья-богатыри, простой же народъ, которому не приличествовало вступать въ поединки со знатью, только созерцалъ потѣхи своихъ князей. Иногда кромѣ своихъ князей въ происходившихъ тутъ состязаніяхъ принимали участіе и сосѣдніе, даже чужеземные, богатыри, пришедшіе сюда ради пріобрѣтенія жены или изъ простаго желанія помѣряться силою съ тѣмъ или другимъ славнымъ богатыремъ.

Эти игры состояли въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ прыганьѣ черезъ натянутые между двумя столбами ремни, въ борьбѣ, въ бѣгѣ въ перегонку на лыжахъ, въ метаніи другъ въ друга каменныхъ глыбъ при помощи ноги и — тому подобныхъ упражненіяхъ.

Отсутствіе тяжелаго труда, обильная пища и физическія упражненія сдѣлали изъ князьковъ людей гораздо болѣе приспособленныхъ къ войнѣ, чѣмъ были прочіе Остяки. Своимъ ростомъ и своей силой они ихъ значительно превосходили. Когда богатырь шелъ, земля дрожала; когда онъ ступалъ на половицы пола, онѣ гнулись подобно кружку изъ тонкаго прута и, прибавляетъ остяцкій бардъ, «не укрѣпи ихъ хорошій плотникъ во время постройки при помощи желѣзныхъ и жестяныхъ скобокъ, не выдержали бы онѣ». Попадая стрѣлой въ толстые кедры, богатырь ихъ пробиваетъ насквозь; онъ перепрыгиваетъ черезъ ремни, натянутые на высотѣ нѣсколькихъ саженъ. Онъ безъ труда могъ засунуть цѣлое весло въ твердую землю. Когда онъ гребетъ, то однимъ взмахомъ весла проѣзжаетъ три поворота рѣки и оставляетъ позади себя такіе валы, что ими выбрасываются на поверхность воды всѣ нельмы и осетры, находившіеся на днѣ.

Про легкость ногъ нѣкоторыхъ богатырей мы узнаемъ слѣдующее: въ одномъ сказаніи передается, что богатырь Салханъ, желая показать врагамъ быстроту своего бѣга, привязалъ къ своему поясу лопату на длинномъ ремнѣ. Когда онъ пустился бѣжать на лыжахъ, то лопатка перестала волочиться по землѣ и приняла горизонтальное направленіе. По мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ свой бѣгъ, лопатка все выше и выше поднималась на воздухѣ и подконецъ витала надъ нимъ въ вертикальномъ положеніи—признакъ огромной быстроты, по остяцкой кинетикѣ, недостижимой для простаго смертнаго.

Богатырь, особенно отличившійся въ какомъ нибудь изъ этихъ воинскихъ упражненій, нерѣдко получалъ особое прозвище; оно, такимъ образомъ, увѣковѣчивало его подвиги, напр. одинъ Эмдерскій князь прозывался такъ: Х ŷ с а с ы л т е м т а в - д а н ч е м ј ŷ т м а й ŷ р т, что значитъ по русски: «богатырь, разломавшій долго сушеное конское бедро». Онъ отличился при слѣдующемъ случаѣ. Однажды богатыри на сходѣ заспорили между собою, можетъ ли кто изъ нихъ переломить на колѣняхъ долго сушеное конское бедро и, когда никто не былъ въ состояніи этого исполнить, нашъ богатырь «со свирѣпыми руками и ногами», схватилъ конское бедро въ свои сильныя ладони и быстро раздробилъ его на семь кусковъ.

Пріобрѣтенная князьями физическая сила и крѣпость организма передавалась по наслѣдству ихъ сыновьямъ и поэтому укрѣпляла въ простыхъ людяхъ мнѣніе объ ихъ превосходствѣ надъ ними и объ ихъ божескомъ происхожденіи. Отсюда происходило благоговѣніе Остяковъ передъ своими князьями. Улучшенію ихъ расы вѣроятно отчасти способствовали и ихъ обыкновенно экзогенетическіе браки. Аналогическіе случаи физическаго превосходства властителей надъ подданными встрѣчаются весьма часто на востокѣ, напримѣръ въ Индіи.

Въ виду выше приведеннаго, въ описываемый періодъ времени слово «князь» было у Остяковъ тождественнымъ со словомъ «богатырь», и поэтому выраженіе ӯрт [1]) употребляется въ былинахъ въ томъ и другомъ смыслѣ.

Увѣренные въ своей силѣ, они смѣло шли на встрѣчу врагамъ и любили опасности, преодолѣніе которыхъ доставляло имъ новую славу. Иные изъ наиболѣе славныхъ богатырей совершали отдаленные походы въ чужія земли, напр. на сѣверъ—въ страну Самоѣдовъ (јаран пȏлек), на югъ—въ теплыя страны, куда осенью улетаютъ гуси и утки (морда-мыг). Другіе даже спускались въ подземное царство (пȏтлім ȏмдер), чтобы вести войну съ чертями (кул'), такъ напр. про могучаго богатыря Сонгхуша говорится, что во время своихъ походовъ онъ посѣтилъ всѣ 7 концевъ земли и что едва осталась площадь земли или воды имъ неизвѣданная. Онъ также спускался въ подземное царство и нанесъ «двулицымъ рукастымъ чертямъ», обитателямъ его, большой уронъ.

Несмотря на всю свою силу и свое мужество, богатыри въ случаѣ бѣды или неудачи часто падали духомъ и начинали плакать, что̀ однако вовсе не считалось предосудительнымъ или несовмѣстимымъ съ ихъ достоинствомъ. Самый плачъ ихъ былъ впрочемъ богатырскій: «онъ проливалъ изъ глазъ 6—7 пядей (сурт) слезъ», говорится въ знакомомъ намъ героическомъ сказаніи про богатыря Нангхуша. Иногда величину ихъ плача, какъ и многое другое. авторы былинъ сравнивали съ городскими воротами.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что символомъ радости у прежнихъ богатырей былъ «рогъ» (ȏнет). Выраженіе «у меня выростетъ золотой рогъ» означало: «я буду счастливъ» и наоборотъ, выраженіе: «у меня сломался рогъ» значило: «у меня приключилось большое несчастіе!» Напримѣръ вотъ что кричитъ младшій сынъ Тяпарскаго князя своему врагу, сыну князя Нангхуша, когда тотъ не могъ пробить своими стрѣлами его кольчугу: «если бы я почувствовалъ твою стрѣлу, подобную волоску или былинкѣ, когда она меня поразила въ легкое груди, то на моей головѣ выросъ бы золотой рогъ!» [2]). Другой героическій разсказъ передаетъ, что однажды Сатыжинскій князекъ Китворъ-ȏтеръ плылъ по Иртышу съ семью лодками. Когда онъ проѣзжалъ мимо нынѣшнихъ Романовскихъ юртъ, мѣстный князекъ сталъ его вызывать на бой, но Китворъ крикнулъ ему: «Я сбилъ у тебя правый рогъ», намекая на то, что его люди въ недав-

---

[1]) Кастренъ приводитъ еще другое слово, означающее богатыря: ȏдап, которому соотвѣтствуетъ вогульское ȏлып и татарск. алѣп.

[2]) «....Ва̂рес н'отен, пу̂м н'отен, мегет торыйсмівет пітмен, уімем ат, ӯгема с ȏнет едȏт!».

ней схваткѣ убили его сына. Тотъ понялъ намекъ и, застонавъ, схватилъ себя за голову. О войнѣ онъ болѣе не помышлялъ.

Остяцкіе князья не были чужды и другихъ рыцарскихъ доблестей, такъ они свято соблюдали данное ими слово или клятву (н'ут, шар), даже по отношенію къ такимъ клятвопреступникамъ, какими были въ ихъ глазахъ Самоѣды. Это хорошо видно изъ слѣдующей фразы, произнесенной однимъ остяцкимъ богатыремъ, когда ему совѣтывали не церемониться съ Самоѣдами и убить ихъ, не смотря на клятву: «клятву мою я не нарушу; если Самоѣдъ желаетъ ее нарушить, то пусть нарушаетъ!».

Изъ другихъ ихъ качествъ бросается въ глаза извѣстное благородство въ ихъ привычкахъ, напр., сами они не исполняли никакихъ черныхъ работъ; на пирахъ они «брали концами пальцевъ одинъ-два кусочка (пищи) и уходили», предоставляя ее своимъ болѣе голоднымъ подданнымъ, которые пировали цѣлый мѣсяцъ. И, наконецъ, они по пустому словъ не тратили, а гдѣ можно, отдавали приказанія движеніемъ руки или глазъ.

Жизнь человѣческая въ тѣ времена столь мало цѣнилась, что почти всякое недоразумѣніе, даже самаго легкаго свойства, обыкновенно кончалось кровопролитіемъ. Не говоря уже о томъ, что убивали мужей, богатыри, разсердившись, не останавливались и передъ убійствомъ беззащитныхъ женъ и дѣтей, такъ, напр., въ одной былинѣ описывается, что остяцкіе богатыри, совершая походъ на сѣверъ, останавливались кое-гдѣ на берегу для отдыха и, если въ этомъ мѣстѣ имъ не оказывали должнаго гостепріимства и не боготворили ихъ, они оставляли послѣ себя «площади, усѣянныя изрубленными тѣлами мужей и женъ». Побѣдивъ врага, они старались его искоренить, но стоило послѣднему изъявить покорность, пасть передъ побѣдителемъ на колѣни и просить о пощадѣ, какъ у богатыря-побѣдителя великодушіе брало верхъ надъ жестокостью, и онъ, полюбовавшись нѣкоторое время униженіемъ врага, поднималъ, обнималъ и оставлялъ его невредимымъ. На большемъ пиру, который послѣдній устраивалъ, принимали участіе воины обѣихъ сторонъ, празднуя такимъ образомъ миръ.

Къ представителямъ своего рода остяцкіе князья выказывали нѣжную привязанность. Мы уже видѣли, что они не оспаривали другъ у друга власти. Если кого-нибудь изъ нихъ убивали на войнѣ, то остальные о немъ сильно горевали и плакали и давали клятву отомстить за его кровь, даже если это имъ самимъ будетъ стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священнымъ долгомъ каждаго богатыря. Если почти весь родъ какого-нибудь остяцкаго князя истребленъ на войнѣ, то малыя дѣти и внуки его, когда подростали и дѣлались мужами, узнавъ отъ стариковъ объ обидахъ, нанесенныхъ ихъ отцу или дѣду, собирали войско и шли войной на враговъ. Такое

распространеніе кровавой мести вѣроятно слѣдуетъ приписать вѣрованію, что душа убитаго не имѣетъ покоя и мучается до тѣхъ поръ, пока не будетъ искуплена кровью врага, на что есть нѣкоторые намеки въ былинахъ.

Еще одна черта характеризуетъ остяцкаго богатыря—его умственное превосходство надъ прочими людьми. Согласно народному преданію, подтверждаемому самой формой героическаго эпоса [1]), богатырямъ мы обязаны дошедшими до насъ былинами и героическими сказаніями, превосходящими по своимъ идеямъ и красотѣ стиля всѣ прочіе виды остяцкой поэзіи. Они не только были хорошими бойцами, но и трубадурами въ то же время. Тѣ изъ нихъ, которымъ суждено было вернуться невредимыми изъ похода, слагали пѣсни про подвиги свои и своихъ убитыхъ братьевъ и родственниковъ и этимъ самымъ увѣковѣчивали ихъ для потомства. Оно еще теперь съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ прославляетъ ихъ.

Богатыри считались людьми вѣщими: имъ были доступны многія тайны природы, скрытыя отъ простыхъ смертныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли чуять приближеніе врага на далекое разстояніе. Они были способны принимать видъ различныхъ животныхъ, птицъ, гадовъ и рыбъ, если это имъ было необходимо, чтобы догнать врага или уйти отъ него, иначе говоря, они были оборотнями.

Также и неодушевленные предметы они были въ состояніи превращать въ животныхъ, напр., стоило имъ бросить свою шапку вверхъ, какъ она принимала видъ кукушки [2]), которая и могла исполнять для нихъ разныя порученія. Наконецъ, по сказкамъ, они обладали еще способностью воскрешать мертвыхъ и исцѣлять раненныхъ при помощи имѣвшихся у нихъ „живой воды“ (х а т т а ј і н к) и „живаго прута“ (х а т т а н'е р е м), добытыхъ изъ подземнаго царства.

Не смотря на свою жестокость, остяцкіе князья не были лишены и общечеловѣческихъ чувствъ. Такъ въ одномъ, упомянутомъ выше, героическомъ сказаніи разсказывается, что двое богатырей во время своего похода на лодкахъ натыкаются на плотину изъ мамонтовъ (в е с') и другихъ морскихъ чудовищъ-юровъ (ј у р), возведенную поперекъ рѣки Оби. Сами они, какъ богатыри, разогнавъ лодки, проѣзжаютъ сквозь эту преграду, простые же люди опрокидываются вмѣстѣ съ лодками и морскія чудовища ихъ поѣдаютъ. Видя это, богатырямъ стало жаль безпомощныхъ простыхъ людей: «братъ, говоритъ младшій изъ нихъ старшему, разгородимъ эту плотину изъ мамонтовъ и юровъ, иначе какой мужъ и какая женщина будутъ въ состояніи проплыть по катящей гальку каменистой Оби?» И, войдя въ воду, они изрубили морскихъ чудовищъ мечами и уничтожили плотину.

---

[1]) Главное дѣйствующее лицо очень часто воспѣваетъ свои подвиги въ первомъ лицѣ.
[2]) Называется такая кукушка ў х-т е і-к о в а, т. е. «кукушка съ маковки головы».

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы.

О простыхъ людяхъ мало упоминается въ былинахъ. — Ихъ вооруженіе и военныя качества.—«Рабы» героическаго эпоса.—«Холопы» историковъ.

Простые люди (мыгдат jах) составляли главную массу населенія каждаго маленькаго княжества, но упоминается о нихъ почти всюду мало; во многихъ былинахъ о нихъ даже и рѣчи не было. Происходитъ это отъ того, что подвиги ихъ представляли сравнительно съ богатырскими слишкомъ мало интереса. Впрочемъ эта черта остяцкаго эпоса характерна и для былинъ другихъ, даже болѣе культурныхъ народовъ, напр. въ Иліадѣ дѣйствующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полнымъ молчаніемъ.

Народъ жилъ въ селеніяхъ около городковъ и долженъ былъ поставлять военныхъ людей. Но, если богатыри, съ малолѣтства пріученные къ воинскимъ упражненіямъ и опасностямъ, и охотно шли на войну, гдѣ они могли пріобрѣсть богатство и славу, простой народъ, не обезпеченный дома, подчинялся этой необходимости, какъ неизбѣжному злу, и поэтому при вербовкѣ солдатъ и въ землянкахъ прежнихъ Остяковъ происходили тѣ же сцены, какія еще недавно имѣли мѣсто въ любой деревнѣ при наборѣ рекрутъ. Авторъ одного героическаго сказанія описываетъ слѣдующій эпизодъ при вербовкѣ: «Гдѣ отецъ былъ плохъ, былъ зарубленъ [1]) его сынъ, гдѣ сынъ былъ плохъ, зарубался отецъ. Гдѣ отецъ былъ зарубленъ, сынъ плачетъ, гдѣ сынъ былъ зарубленъ, отецъ плачетъ»! И дѣйствительно они гибли въ большомъ числѣ во время всякаго похода, о чемъ, впрочемъ, богатыри не очень заботились, такъ какъ жизнь ихъ не цѣнилась высоко.

Вооруженіе ихъ было хуже, чѣмъ у богатырей, и, вѣроятно, состояло изъ одного лука. Можетъ быть, они имѣли еще еловыя и лиственичныя дубинки, о которыхъ нерѣдко упоминается въ былинахъ. Кольчугъ же они не имѣли и мечи по всему вѣроятію тоже составляли преимущественно принадлежность лицъ привилегированнаго сословія князей-воиновъ. Въ виду того они могли вступать въ состязанія только другъ съ другомъ и валились, какъ снопы, при столкновеніи съ богатырями. И обратно, быть убитымъ простымъ воиномъ считалось весьма оскорбительнымъ для богатыря. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ богатырь, уставшій въ бою, взываетъ (къ Богу): «неужели Золотой свѣтъ, мой Отецъ,

[1]) Какъ мы видѣли выше, каждаго завербованнаго воина зарубали на деревяшкѣ.

опредѣлилъ, чтобы простые воины содрали съ меня мою радужную головную кожу?»

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ совершались браки у простыхъ людей и откуда они брали женъ. Судя по сохранившемуся отчасти у Остяковъ обычаю избѣгать взаимные браки между членами одного рода, можно предположить, что то же было и прежде; относительно князей же это достовѣрно извѣстно. Нѣкоторые, можетъ быть, добывали себѣ невѣстъ во время походовъ ихъ князей, хотя объ этомъ ничего не говорятъ остяцкіе барды, не удостаивающіе этихъ низкихъ людей своимъ вниманіемъ. Съ лицами княжескихъ фамилій они въ бракъ не вступали, какъ мы это покажемъ ниже.

Рабы и рабыни (теу, орт; теу-нен̆, орт-нен̆) составляли третье и, повидимому, самое малочисленное сословіе остяцкаго населенія. О нихъ мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о простомъ народѣ. Происхожденіе ихъ намъ неизвѣстно, но вѣроятно ихъ добывали на войнѣ.

Они производили всѣ домашнія работы въ княжескихъ домахъ; прислуживали князьямъ, готовили кушанье, заготовляли для дома дрова, ловили рыбу, смотрѣли за оленями, исполняли роль глашатаевъ при народныхъ собраніяхъ и т. д.

Число ихъ у отдѣльныхъ князей было не велико и потому на каждомъ изъ нихъ лежало нѣсколько обязанностей. Имъ тоже были присвоены прозвища, которыя часто имѣли отношеніе къ ихъ дѣятельности, напримѣръ одинъ изъ слугъ князька города Тâпар-вош назывался: Анет ôтый, сойнет ôтый âттада хуі, что значитъ: «мужъ, несущій край блюда и край туяса», такъ какъ его главнымъ занятіемъ было прислуживать за столомъ. Довольно употребительный эпитетъ рабыни есть: Хôт вêр курдем (или вêрантем) орт-ней-іма т. е. «рабыня, исполняющая домашнія работы».

Обращеніе съ рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были какъ бы младшими членами одной и той же семьи. Ни изъ одного сказанія, ни изъ одной былины не видно, чтобы ихъ господа обижали или притѣсняли.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли съ ними распоряжаться, какъ хотѣли, такъ напр. ихъ иногда давали въ счетъ калыма отцу невѣсты.

Историки тоже упоминаютъ о «холопахъ» и «холопкахъ» остяцкихъ князей. Эти холопы были освобождены отъ платежа ясака въ пользу государственной казны и работали исключительно на своихъ господъ—князей. Въ иныхъ мѣстахъ это крѣпостничество усилилось при Русскихъ. Такъ, остяцкій князекъ Игичей Алачевъ вмѣстѣ съ Русскими неоднократно дѣлалъ набѣги на землю Кондинскихъ Вогульцевъ, грабилъ ее и уводилъ оттуда женъ, дѣтей и мужей въ холопы. Кромѣ того иногда и Московскіе государи дарили преданныхъ имъ князей холопами изъ ихъ подданныхъ, которые въ качествѣ крѣпостныхъ съ этихъ

поръ переставали платить казенный ясакъ и становились подсудны исключительно имъ, такъ напр., царь Θеодоръ Ивановичь пожаловалъ вышеупомянутаго князя Игичея Алачева и Оншу Юрьева, его двоюроднаго брата, двумя волостями Васпакульскою и Калпакутскою въ 11 платежныхъ душъ мужескаго пола, причемъ послѣднія съ этихъ поръ стали ихъ крѣпостными.

ГЛАВА VII.

Положеніе женщинъ.

Затворничество дѣвицъ.—Занятіе дѣвицъ: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женихи—князья изъ др. городовъ.—Князья избѣгаютъ неравные браки.—Калымъ.—Невѣста устраняетъ недоразумѣнія между отцемъ и женихомъ.—Сватовство.—Переговоры и обманы со стороны отца невѣсты—Остяцкая княжна въ видѣ филина отыскиваетъ себѣ жениховъ.—Внѣшнее сходство богатыря съ рыцаремъ и отличія ихъ.—Свадебные обряды.—Т а н т а-н е й.—Подарки отца невѣсты.—Пріѣздъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сравненіе остяцкой княжны съ древне-финской дѣвицей.

Положеніе женщинъ у прежнихъ Остяковъ было сходно съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ у древнихъ Славянъ. Когда дѣвица подростала и достигала брачнаго возраста, ее удаляли отъ взоровъ взрослыхъ мужчинъ. Съ этихъ поръ она до самаго замужества, а можетъ быть и до болѣе поздняго періода, вела затворническую жизнь. Но, такъ какъ въ тѣ времена у Остяковъ даже княжескія хоромы вѣроятно состояли изъ одной комнаты, то въ ихъ распоряженіе не могли дать терема или особой свѣтлицы, какъ это было въ Москвѣ, а имъ просто отводили одинъ изъ угловъ общаго жилища, отдѣленный посредствомъ занавѣса или полога (с а і), сдѣланнаго, смотря по достатку хозяина, изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такой пологъ изъ шелка и украшенный изображеніемъ солнца и мѣсяца, въ другомъ онъ весь увѣшанъ бубенчиками (к ô у л і й с а і, п ô н х л і й с а і): они пріятно звенѣли при всякомъ его движеніи, наконецъ историкъ Миллеръ передаетъ намъ, что у одного вогульскаго князька съ Конды была «завѣса дорогинена, опушенная камчишкою двоелишнею» [1])

Когда дѣвицамъ случалось показываться на улицѣ, онѣ по всей вѣроятности покрывали свое лицо платкомъ, чтобы скрыть его отъ непосвященныхъ взоровъ, что̀ и понынѣ отчасти водится среди инородцевъ Березовскаго округа. У простаго народа вѣроятно этотъ обычай менѣе соблюдался: оно было затруднительнѣе по ихъ относительной бѣдности. Это обстоятельство послужило причиной слѣдующаго эпизода, описаннаго въ одной былинѣ: Богатырь,

[1]) «Ист. Сибири» Г. Миллера, стр. 201.

собравшійся на войну, при выѣздѣ изъ своего города, встрѣчаетъ толпу дѣвицъ, очевидно изъ простаго народа, долго ими любуется и впадаетъ въ размышленіе о томъ, какъ въ сущности безразсудно вести своихъ воиновъ на погибельную войну или, какъ онъ фигурно выражается, «въ пасть мамонтовъ,» чтобы добыть себѣ невѣсту, когда передъ нимъ цѣлая толпа красивыхъ дѣвицъ. Впрочемъ его размышленія не были продолжительны. Братъ его пристыдилъ въ малодушіи и онъ, покрывъ лицо свое платкомъ,—признакъ стыда,—погналъ оленей впередъ.

Освобожденныя вслѣдствіе своего затворническаго образа жизни отъ многихъ домашнихъ работъ, дѣвицы однако не проводили время въ праздности. Однимъ изъ главныхъ ихъ занятій было вышиваніе и шитье,—искусство, въ которомъ онѣ достигали значительной степени совершенства. Такъ о рукавицахъ, сшитыхъ одной остяцкой княжной, говорится: «гдѣ шовъ былъ шитъ, незамѣтно; какъ онѣ были сдѣланы, не видно, или ужъ онѣ въ такомъ видѣ и произошли». Богатырь остяцкій гордится, если у него есть «рукодѣльница дочь, держащая иглу въ концахъ пальцевъ». Этимъ же искусствомъ остяцкая княжна прельщаетъ и молодыхъ князей. Однимъ словомъ и у этого дикаго народа трудолюбіе играло не послѣднюю роль въ достоинствахъ невѣсты, хотя конечно первое мѣсто занимала красота.

«Златоглазая, бровастая дочь мужа полуденной страны» (Морда-мыг хоі[1]) сорні-сêм хут'мет-наі) есть весьма распространенный эпитетъ остяцкой княжны, причемъ послѣднія слова этого выраженія здѣсь употреблены въ смыслѣ: «подобная красавицамъ полуденныхъ странъ». Значеніе другого эпитета красавицъ: ўдед-ŷх сівeтым наі мнѣ не вполнѣ понятно. Красоту дѣвицъ сравниваютъ также съ восходящимъ солнцемъ и состоящимъ на небѣ мѣсяцемъ.

Не менѣе цѣнилась и молодость невѣсты, поэтому самой красивой изъ нѣсколькихъ сестеръ всегда считалась младшая.

Выдѣленію красоты остяцкихъ княженъ безъ сомнѣнія не мало способствовали и красивыя дорогія одежды, которыя онѣ носили [2]). Изъ нихъ упо-

[1]) Морда-мыг южныя страны, куда на зиму улетаютъ утки и гуси. Въ сѣв. Сибири онѣ извѣстны подъ названіемъ: «теплыя воды».

[2]) Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ медвѣжьей пѣсни, гдѣ описывается дорогая женская одежда прежнихъ Остяковъ, хотя прибавимъ, что эта пѣсень не носитъ столь древняго характера, какъ былины:

„Пах лен̆еја хатаја ман те-чуg'ем.
„Пах лен̆а-ја, хатаі, хатаі ŷсен!
„Нуй̆ анкенна јôкеâјем,
„Тіт'ем—вâхта сâлын̆а јôкеâјем.
„Нуй̆ анкенна јôкеâјем,
„Танкем пŷну сыкый̆ нујат јôкеâјем.
„Нуй̆ анкенна јôкеâјем,
„Танкем кунg'а кевый̆ н'ірат јôкеâјем.

минаются рубашки (ј і р н а с) съ пестрой вышивкой, [1]) вѣроятно приготовленныя изъ крапивной пряжи; дорогія платья и сапоги, украшенные металлическими подѣлками и бисеромъ (к е у) [2]) и суконные кафтаны (н у і). Употребляли онѣ также на свои наряды и цѣнный шелкъ (ј е р м а к) и камку (х а м х а). Особенно роскошно наряжались невѣсты. Болѣе зажиточныя изъ нихъ одѣвали въ день свадьбы и отъѣзда изъ родительскаго дома семь рубашекъ и семь суконныхъ кафтановъ, одни поверхъ другихъ.

Относительно душевныхъ качествъ остяцкой женщины мы знаемъ, что она была любящей дочерью, покорной женой и нѣжной матерью, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Какъ и у весьма многихъ другихъ некультурныхъ народовъ, для заключенія брака не требовалось, ни согласія дѣвицы, ни ея матери и, разъ женихъ (в е й-х о і) былъ на лицо, все дѣло рѣшалъ съ нимъ одинъ ея отецъ, а за отсутствіемъ его—старшій братъ ея. Въ виду того, что въ каждомъ городкѣ княжилъ всего одинъ родъ, между сородичами не допускалось взаимныхъ браковъ.

Въ качествѣ жениховъ остяцкихъ боярышень, если такъ можно выразиться, являлись сыновья другихъ остяцкихъ и самоѣдскихъ богатырей, пріѣзжавшіе свататься за той или другой красавицей, слухъ о которой широко разносился. Такъ, о славномъ богатырѣ Сонгхушѣ въ былинѣ говорится, что онъ въ молодости «семь концевъ земли посѣтилъ, чтобы сватать косатыхъ дѣвицъ за хорошій калымъ».

„Нуй анкенна jôкcâjем,
„Тегет-вöjе ханg'en jiрнас jôкcâjем.
„Нуй анкенна jôкcâjем,
„Орый-вöjе ханg'en тâгат jôкcâjем.
„Іемсаі пêлка кêдем вег хôттат тâтна,
„Пыйаі пêлка ўнтый кêт ман тот ведем“!

„Къ бѣдному мальчику, мертвому (отъ страха), я подошелъ.
„Мальчикъ бѣдняжка! ты покойникъ!
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Со звенящимъ серебромъ она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ суконномъ кафтанѣ, пушистомъ, какъ бѣличій мѣхъ, она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ сапогахъ, украшенныхъ бисеромъ, подобнымъ ноготкамъ бѣлки, она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ рубашкѣ, украшенной рисунками птицъ, она для меня плясала.
„Твоя мать для меня плясала,
„Въ платкѣ, украшенномъ лѣсными звѣрьми, она для меня плясала.
„Если сила правой руки у меня кончится,
„Я своей лѣвой рукой тогда за нее (т. е. за люльку) возьмусь“.

[1]) т е г е т—в ö j е х а н g'е п j і р н а с—„рубашка съ рисункомъ птицъ“.
[2]) к е у собственно значитъ „камень“.

Вступить же въ бракъ съ дѣвицей изъ простаго званія, не говоря уже о рабынѣ, не рѣшался ни одинъ остяцкій князекъ, до того это считалось предосудительнымъ и въ то же время унизительнымъ для его княжескаго достоинства. Эту разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Такъ, дѣвица, которую старый Нангхушъ обманнымъ образомъ передалъ жениху вмѣсто своей дочери, уклоняясь отъ его ласокъ, говоритъ: «я женщина, носящая простое платье, я женщина, носящая простую обувь» и прибавляетъ, что его невѣсту, княжну, отдали замужъ на самоѣдскую сторону. Этихъ словъ было достаточно, чтобы моментально расхолодить жениха. Онъ идетъ къ своему брату и, жалуясь на происшедшее, прибавляетъ: «Какихъ рукодѣльницъ-рабынь у насъ нѣтъ въ нашемъ Тяпарскомъ городѣ мужа Іаветта-кѣтпе-хуі. Жилъ ли я, мужъ, обладающій силою въ славныхъ суставахъ рукъ, съ рукодѣльницей-рабыней»?

Аналогично этому, весьма вѣроятно, что и знатныя дѣвицы могли сдѣлаться женами только лицъ княжескаго званія.

За красивыхъ дѣвицъ отцы ихъ требовали большіе выкупы (на югѣ тан; на сѣв. калым), и хорошій женихъ обыкновенно немедленно выплачивалъ просимый калымъ. Онъ состоялъ въ холопахъ, оленяхъ, дорогихъ шелковыхъ матеріяхъ, въ оружіи, въ цѣнныхъ металлахъ, котлахъ и тому под. Размѣръ калыма зависѣлъ главнымъ образомъ отъ богатства и знатности отца невѣсты: чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ требовательнѣе онъ являлся по отношенію къ своему будущему зятю. Напр. за одну дѣвицу отецъ ея получилъ металломъ и товаромъ цѣну 100 рабовъ, 100 кольчугъ, 100 мечей, 100 топоровъ, 100 ножей и 100 котловъ, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отецъ говоритъ своему будущему зятю: «нанесите когтистой бѣлки, красной и черной рухляди, чтобы съ головой покрыть сидящаго человѣка, тогда я отдамъ мою дочь безъ всякаго выкупа». Послѣднія слова прибавлены очевидно въ видѣ шутки.

Но далеко не всегда дѣло кончалось уплатой калыма. Часто отецъ, по мѣрѣ уступчивости жениха, становился все требовательнѣе, и нерѣдко свадебные переговоры оканчивались кровопролитіемъ, такъ какъ всякій богатырь, отправляясь свататься, для бо̀льшей удачи своего предпріятія бралъ съ собой войско. Въ былинѣ, изъ которой мы только-что привели размѣръ калыма, такимъ образомъ описывается подобное столкновеніе между отцемъ невѣсты и его зятемъ: „когда отецъ ея вышелъ на улицу, чтобы ее (невѣсту) проводить, онъ потребовалъ отъ зятя золотую, блестящую кольчугу. «Я присутствовалъ на 177 свадьбахъ, и нигдѣ отъ меня не требовали золотой, блестящей кольчуги, сказалъ тотъ. Будемъ сражаться топоромъ и мечемъ.

Они повернули свои большія лодки съ раздвоенной кормой и стали сражаться».

Нерѣдко также случалось, что отецъ, получивъ калымъ, передавалъ жениху не дочь свою, а какую-нибудь дѣвицу изъ простаго званія и часто некрасивую и старую. Женихъ скоро открывалъ обманъ и съ угрозой требовалъ возстановленія своихъ правъ, причемъ въ случаѣ отказа или вторичнаго обмана съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ отправлялся отыскивать свою невѣсту (**мен'-ней**) и не щадилъ никого изъ попадавшихся ему на пути. Но такъ какъ отецъ невѣсты прибѣгалъ къ подобнымъ обманамъ обыкновенно лишь тогда, когда надѣялся на свою силу, то сватовство часто оканчивалось битвой.

Впрочемъ, если дѣвица любила жениха, то она старалась не доводить ихъ спора до кровопролитія, а если это все-таки случалось, то своимъ присутствіемъ и своими нѣжными рѣчами старалась смягчить гнѣвъ побѣдителя и тѣмъ спасти жизнь отцу или жениху. Вотъ какимъ образомъ знакомая намъ младшая дочь богатыря Нангхуша успокаиваетъ гнѣвъ свата [1]) своего жениха, побѣдившаго ея отца и брата и готовившагося ихъ умертвить. «Она обнимаетъ его руки и ноги и говоритъ: «Сынъ Іаветта-кётпе-хуі и Т'âпарской женщины и деверь мой! Хотя я тебя и не кормила молокомъ изъ моей груди (и тебя вскормили при помощи рожка) [2]), скажу-ли я одно слово или два, выслушай меня, вѣдь я происхожу изъ рода князей и богатырей. Когда ты отправишься въ Т'âпарскій городъ мужа Іаветта-кётпе-хуі, и у тебя одежда, украшенная металлическими бляхами и бисеромъ, износится, разъ ты сдерешь съ отца и брата моего ихъ радужно-отливающуюся головную кожу и сдѣлаешь меня круглой сиротой, то кто одѣнетъ твоихъ 300 воиновъ въ дорогія одежды и дорогую обувь и мнѣ, чтобы нарядиться, какъ подобаетъ невѣстѣ, кто доставитъ мнѣ платья?»" Эти слова ея имѣли такой успѣхъ, что сватъ поднялъ съ земли стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ богатырей, обнялъ ихъ, и миръ былъ возстановленъ.

Сватовствомъ руководилъ самъ женихъ и его ближайшіе родственники мужскаго пола. Они его всегда сопровождали въ подобныхъ предпріятіяхъ. Называются они въ былинахъ обыкновенно татарскимъ словомъ ханым, что въ данномъ случаѣ означаетъ «сватъ». Они выставляли отъ себя 2—3 людей, пословъ, при помощи которыхъ и вели переговоры съ отцемъ невѣсты. Послѣдніе были извѣстны подъ именемъ ворт-jах (sing. ворт-хуі), и часто были вооружены посохами (сеу, сў). Обыкновенно поступали такимъ образомъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ ставили они изъ своихъ людей, другихъ выбирали изъ

---

[1]) Онъ же его братъ.

[2]) Эта фраза нѣсколько неясна.

подданныхъ отца невѣсты. Переговоры были необходимы даже въ томъ случаѣ, если отецъ невѣсты былъ согласенъ на бракъ, такъ какъ достоинство его требовало, чтобы онъ не выказывалъ особой готовности отдать свою дочь. По этой же причинѣ онъ иногда не принималъ первыхъ двухъ пословъ и высказывалъ свои условія только третьему.

Чтобы нагляднѣе показать, какимъ образомъ велись эти переговоры и къ какимъ изобрѣтеніямъ прибѣгалъ отецъ невѣсты, чтобы обмануть жениха, приведемъ отрывокъ изъ одного героическаго сказанія: «Когда стало свѣтать, они (т. е. два богатыря, пришедшіе сватать невѣсту) позвали одного изъ здѣшнихъ людей и поставили одного изъ своихъ, чтобы передавать вѣсти. Они пришли къ старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Относительно младшей дочери твоей, дѣвицы, какая у тебя вѣсть, какое слово, эту вѣсть, это слово ты намъ выскажи». Старикъ сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшую дочь стараго богатыря Нангхуша, дѣвицу, съ землянымъ тѣломъ въ чистомъ одѣяніи я уже давно похоронилъ. Въ страну столь отдаленную, что добраться туда не по силамъ даже звѣрю, кто отнесъ бы къ вамъ мою вѣсть, мое слово и вашу вѣсть, ваше слово, кто бы доставилъ ко мнѣ? Эту рѣчь, эти слова, отнесите имъ!» Они вернулись и тамъ сказали: «Младшей дочери Кроваваго богатыря Нангхуша обратившееся въ прахъ тѣло уже давно погребено въ чистыхъ одѣяніяхъ». Сыновья богатыря Іâветта-кêтпе-хуі сказали: «Если ея землистое тѣло онъ похоронилъ въ чистыхъ одѣяніяхъ, то пусть намъ дадутъ 10 людей съ лопатами и 10 людей съ топорами, чтобы ее вырыть. Принесенное для нея золото и серебро, предназначенные для нея шелкъ и камку мы ей положимъ. Пусть тогда пропадутъ славные суставы ея тысячи костей (въ такомъ видѣ), какъ ихъ мать родила! Эту вѣсть отнесите Кровавому богатырю, старику Нангхушу!» Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, опустивъ голову, сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшая дочь богатыря Нангхуша, дѣвица, еще сосетъ материнскую грудь». Эта рѣчь была туда передана. Сыновья богатыря Іâветта-кêтпе-хуі отвѣчали: «Въ нашемъ городѣ мужа Іâветта-кêтпе-хуі мы имѣемъ много сѣдоголовыхъ женщинъ, много бѣлоголовыхъ женщинъ, пусть она тамъ сосетъ молоко изъ груди, пусть она тамъ питается молокомъ изъ рожка. Рѣчь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Онъ сказалъ: «У младшей дочери Нангхуша, дѣвицы, ростущіе суставы рукъ еще не выросли, ростущіе суставы ногъ еще не выросли!» Оба сына богатыря Jâветта-кêтпе-хуі отвѣтили: «Ея ростущіе суставы рукъ, ея ростущіе суставы ногъ мы сами выростимъ»“.

Видя такую рѣшимость жениха, отецъ невѣсты какъ бы уступилъ и пригласилъ сватовъ придти, чтобы вести переговоры, а самъ приказалъ своимъ людямъ столпиться на дорогѣ и не пропускать ихъ. Сваты-богатыри, однако,

съ обнаженными мечами проложили себѣ путь сквозь толпу. Ихъ встрѣтилъ отецъ невѣсты, они обнялись, условились о цѣнѣ за невѣсту и устроили свадебный пиръ. Когда народъ ушелъ, женихъ приблизился къ пологу и, бросивъ старухѣ, стерегшей входъ въ помѣщеніе невѣсты, серебряныя и золотыя деньги, вошелъ туда. Невѣста остается нѣма къ его ласкамъ и когда онъ, разсерженный, грозитъ разрубить ее на двѣ части, она ему открываетъ, что она дѣвица изъ простаго званія и что княжна, ради которой онъ сюда пріѣхалъ, уже недѣлю, какъ отдана отцемъ одному самоѣдскому богатырю и притомъ безъ калыма. Женихъ негодуетъ. На разсвѣтѣ другого дня оба брата-богатыря собираются нагнать Самоѣдовъ, а отцу невѣсты грозятъ разорить на возвратномъ пути его городъ [1]).

Какъ же сама невѣста относилась къ своимъ женихамъ? Было-ли ей безразлично за кого выдти замужъ, разъ она не имѣла возможности видѣть ни одного богатыря? Этотъ довольно интересный вопросъ имѣетъ въ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ Остяковъ вполнѣ опредѣленный и притомъ отрицательный отвѣтъ. Остяцкая невѣста среднихъ вѣковъ не могла согласиться, чтобы ея чувствами торговали, какъ товаромъ, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, и сама дѣлаетъ свой выборъ. Запертая дома въ одной комнатѣ съ родителями и отдѣленная отъ постороннихъ глазъ пологомъ, она все же находила средство отыскать себѣ жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа къ роду вѣщихъ князей, она тоже умѣетъ превращаться на время въ разныхъ животныхъ. Любимый образъ, чаще всего ею принимаемый, образъ филина. Глухой ночью, когда вся семья покоится въ глубокомъ снѣ, она въ видѣ филина покидаетъ свое убѣжище, взявъ съ собой образцы своего рукодѣлья, и летитъ въ городъ, гдѣ, по слухамъ, живетъ тотъ или другой славный богатырь. Здѣсь она садится на вершину кожуристой лиственницы,—она обыкновенно растетъ среди города—и поджидаетъ богатыря. Тотъ выходилъ на улицу, и филинъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Въ одной былинѣ невѣста прямо открывается богатырю, показываетъ ему свое рукодѣлье и проситъ освободить ее отъ предстоящаго ей ненавистнаго брака. Вотъ ея слова: «Князь, носящій внушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, (т. е. кольчугу) въ тотъ день, когда ты родился, я родилась, въ тотъ день, когда я родилась, ты родился. Небесный Отецъ и Небесная Мать предопредѣлили намъ быть вмѣстѣ.

---

[1]) Скажемъ къ слову, что къ подобнымъ обманамъ при сватовствѣ прибѣгали нерѣдко и у древнихъ народовъ. Вспомнимъ хотя бы разсказъ о сватовствѣ Іосифа за Рахилью. И еще недавно подобныя дѣла производились на Кавказѣ, причемъ прибѣгать къ обманамъ, чтобы выдать дѣвушку за мужъ, не считалось дѣломъ предосудительнымъ.

Если ты имѣешь намѣреніе меня взять, то не мѣшкай, пока вскипитъ кипящій котелъ, не жди, пока будетъ готовъ долговременный котелъ [1]). Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, мой отецъ, желаетъ отдать меня безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли». Богатырь проводитъ безсонную ночь, а на другой день отрядъ воиновъ съ князьями во главѣ направляется на сѣверъ къ городу стараго Нангхуша. Съ происходившимъ тамъ сватовствомъ мы уже знакомы изъ предъидущаго.

Въ другой былинѣ филинъ-княжна говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Появленіе филина и разговоръ его съ молодымъ княземъ здѣсь весьма поэтичны, но къ сожалѣнію въ русскомъ переводѣ теряются многія изъ особенностей остяцкаго поэтическаго языка. Филинъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: „«Выбранный изъ среды 80 мужей съ оленьими ногами, съ опущенными косами, косатый Ягъ [2]), до какихъ поръ ты будешь вставать (такъ рано) [3]), какъ встаютъ одинокія вдовицы?». Онъ отвѣчаетъ: «Красавица дѣвица, которую я бы взялъ въ жены, еще не родилась». Но филинъ сказалъ: «Про красавицу по твоему выбору я своимъ долгимъ ухомъ хорошую вѣсть слышалъ». Я отвѣчалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?» Филинъ отвѣчалъ: «Текутъ богатырскія воды инейнаго Эмдера съ незамерзающими берегами [4]). Въ усѣянной мелкой галькой, чистой Оби широкія воды онѣ пали. Потекли впередъ усѣянной галькой чистой Оби обширныя воды. Въ священныя воды потока, раздвоеннаго на подобіе разбѣгающихся песцовъ, онѣ пали. Развилистаго потока священныя воды впередъ потекли. Въ богатырскія воды красноводнаго (потока) онѣ пали. Красноводнаго потока богатырскія воды впередъ потекли. Въ священный соръ, куда опустился божественный туманъ, онѣ пали. На полуденномъ берегу священнаго сора, куда опустился божественный туманъ, на славной сторонѣ, стоитъ богатырскій городъ Кары-поспат-вош. Власть въ немъ дер-

[1]) Промежутокъ времени, необходимый для того, чтобы вскипѣлъ котелъ, считался у Остяковъ небольшой единицей времени.

[2]) Хôрум-курпс нітсôт ŷрт кудіва пірijідем, сêвет патйем сêвей Jаг.

[3]) «Н'от перай jôгот хар хуна-ванта нуй кіттен?» Значеніе первой половины этой фразы не вполнѣ ясно, въ виду чего и выпущено. Оставлены безъ перевода и отдѣльныя слова дальнѣйшаго изложенія, темныя по смыслу.

[4]) Здѣсь филинъ описываетъ систему рѣкъ южной части Березовскаго и сѣверной части Тобольскаго округа, по которымъ надо проѣхать изъ города Эмдера въ г. Карыпоспатъ. Путь начинается съ Эмдерской протоки, которая впадаетъ въ Обь, отсюда ѣдутъ вверхъ до впаденія Иртыша. По Иртышу поднимаются до Конды и отсюда въ ея нижнее теченіе или такъ называемый «Кондинскій соръ,» который весной и лѣтомъ представляетъ изъ себя огромное водное пространство, длиной въ 60 верстъ и шириной въ отдѣльныхъ мѣстахъ до 8 верстъ. На южномъ берегу этаго сора, въ 7 верстахъ къ низу отъ Камовыхъ юртъ, видны слѣды прежняго городка Карыпоспата.

житъ трехсотлѣтній, дряхлый богатырь-старикъ [1]). Онъ строгаетъ черенъ стрѣлы. Въ пѣсенномъ домѣ 7 сыновей здѣсь укачивали. Главные въ домѣ три старшихъ сына; имя имъ дано: «Въ воду идущіе и рыбу крючащіе богатыри». Среднему сыну имя было дано: «На пиры поздно приходящій и саблей раны наносящій богатырь». Послѣ семи богатырей въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой кого пинали (укачивали)? Полуденныхъ странъ златоглазую, бровастую красавицу здѣсь пинали. Здѣсь я слышалъ своимъ долгимъ ухомъ про красавицу по твоему выбору. Если вы имѣете желаніе, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу». Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ, взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли». И, какъ въ первомъ случаѣ, богатырь немедленно отправляется по указанному филиномъ пути добывать свою невѣсту.

Дѣлая самое дѣвицу виновницей походовъ князей, остяцкая народная фантазія тѣмъ самымъ облагораживаетъ, какъ личность богатырей, такъ и цѣли ихъ походовъ. Они являются передъ нами уже не грубой силой, которая знаетъ только свои личные интересы и пользуется для достиженія своихъ цѣлей золотомъ и мечемъ, а въ видѣ защитниковъ красавицъ, освобождающихъ послѣднихъ отъ произвола отца и братьевъ и отъ ненавистныхъ жениховъ. Они, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ нѣкоторое сходство съ средне-вѣковыми рыцарями, которые совершали разные трудные подвиги, чтобы освободить своихъ возлюбленныхъ отъ опасностей. Это сходство тѣмъ нагляднѣе, что и остяцкіе богатыри совершали во время своихъ походовъ много подвиговъ, которые имъ въ средніе вѣка могли бы доставить прозвище «рыцарей безъ страха и упрека».

Есть впрочемъ не мало и отличій въ характерѣ и взглядахъ рыцарей и остяцкихъ богатырей, именно, что, несмотря на внѣшнее сходство, послѣдніе были значительно грубѣе: придя въ гнѣвъ, они не щадили ни женщинъ, ни дѣтей и, кромѣ того, имѣли смутное понятіе о возвышенной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имѣли. Именно ни въ одной былинѣ не встрѣчается слово «любовь». Но и здѣсь почти во всѣхъ былинахъ бракъ по склонности увѣнчивалъ подвиги богатырей.

Если дѣвицу отдавали другому, пока успѣвалъ придти ея избранникъ, она всѣми мѣрами старалась отсрочить свой отъѣздъ изъ отцовскаго дома. Если это не удавалось, она употребляла всѣ усилія, чтобы дольше сохранить свою дѣвственность и дать возможность выручить ее жениху. Это случилось, напримѣръ, съ дочерью стараго богатыря Нангхуша, которую отецъ противъ воли отдалъ на самоѣдскую сторону. Всѣ ея старанія отстоять свою свободу

---

[1]) Имя его приведено выше.

остались тщетны и, отправляясь со своимъ женихомъ въ его сторону, она на гладкомъ пескѣ, намытомъ водой рѣчнаго разлива, написала: «Къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли меня увезли, ломая мнѣ руки, ломая мнѣ ноги. Если сыновья богатыря Jâветта-кêтпе-хуі сюда придутъ, то пусть не мѣшкаютъ, пока вскипитъ кипящій котелъ, пока поспѣетъ долговременный котелъ». Далѣе мы застаемъ ее въ пологѣ (ўдап) вмѣстѣ съ ея мужемъ-Самоѣдомъ на полпути въ его городъ. Остяцкіе богатыри въ это время настигаютъ Самоѣдовъ, и ея нареченный подкрадывается къ ихъ общему пологу и прислушивается. Въ пологѣ между тѣмъ происходитъ борьба между Самоѣдомъ и его женой. Она устраняется отъ его ласокъ. Она говоритъ: «Какъ мать родила, мой дѣвственный поясъ я не дамъ тебѣ развязать среди темнодревеснаго урмана. Когда мы пріѣдемъ въ священный городъ, жилище самоѣдскихъ мужей, тогда развяжи мой дѣвственный поясъ; многочисленныя сѣдоголовыя и бѣлоголовыя старухи поднесутъ мнѣ чашу съ пѣнящимся отверстіемъ и дадутъ мнѣ серебряныя и золотыя деньги».

Самоѣдъ не соглашается съ ея доводами и, они опять борются. Женихъ ея слѣдитъ за борьбой и въ удобный моментъ наноситъ ему ударъ саблей, отрубаетъ ему ноги по колѣна и освобождаетъ свою невѣсту.

Этотъ эпизодъ для насъ въ томъ отношеніи интересенъ, что показываетъ, что у Остяковъ въ тѣ времена цѣломудренность была необходимымъ качествомъ невѣсты. Къ сожалѣнію, это не правило настоящаго времени.

Въ чемъ состояли самые свадебные обряды, до насъ не сохранилось. Извѣстно только, что невѣста не принимала участія въ общемъ пиршествѣ, а сидѣла въ своемъ углу за занавѣсомъ. Жениха же подчивали, какъ могли, и когда онъ, по окончаніи пира, входилъ въ помѣщеніе невѣсты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо съ славными яствами, такъ по крайней мѣрѣ описывается въ одномъ сказаніи. Какую роль играетъ мать при заключеніи брака, мы не знаемъ, но былъ обычай, чтобы женихъ, кромѣ платы за дѣвицу ея отцу, выкупалъ ее еще отъ старухи, которая охраняла входъ за занавѣсъ. Женихъ давалъ ей денегъ, послѣ чего она отходила, и роль ея кончалась. Въ данной былинѣ этотъ эпизодъ описывается такимъ образомъ: «Отверстіе занавѣса охраняется сѣдоголовой, бѣлоголовой старухой. Онъ схватилъ отверстіе занавѣса и пошевелилъ его три раза. Старуха отстранилась (отъ отверстія занавѣса), онъ далъ старухѣ серебряныя и золотыя деньги и вошелъ за занавѣсъ».

Судя по имѣющимся у насъ фактамъ, видно, что послѣ свадьбы женихъ съ невѣстой проводили нѣкоторое время въ домѣ родителей ея, и потомъ уже они уѣзжали на саняхъ или на лодкѣ въ городъ жениха. При этомъ конечно молодую провожалъ ея отецъ. Выраженіе «выдать замужъ»

передается на остяцкомъ языкѣ черезъ слово ӧмдем (fut. ӧмыттам), что собственно значитъ «посадить» [1]). Можетъ быть отъ того, что отецъ, передавая ее жениху, усаживалъ ее въ сани или лодку.

У нынѣшнихъ же Остяковъ южнаго племени существуетъ оригинальный обычай: — послѣ свадьбы невѣста остается 2 — 3 недѣли въ домѣ отца, а женихъ проживаетъ дома, причемъ продолжаетъ свои обычныя занятія. Въ объясненіе этого страннаго обычая Остяки замѣчаютъ, что невѣста пользуется этимъ временемъ, дабы приготовить себѣ приданое.

Чѣмъ больше за дѣвицу давали калыма, тѣмъ болѣе почета ей было; это правило остается справедливымъ и по настоящее время. Съ другой стороны, женихъ старался безъ торга выплатить требуемую сумму, чтó считалось въ свою очередь долгомъ чести, но, конечно, если мѣра не превзойдена и если онъ не видѣлъ въ чрезмѣрной цѣнѣ средства отдѣлаться отъ него. Иногда, впрочемъ, случалось, что остяцкихъ княженъ отдавали и безъ калыма, напр., если отецъ ея почему-либо нуждался въ женихѣ, боялся-ли его силы, или искалъ въ немъ союзника. Можетъ быть и въ томъ случаѣ, если дѣвица себя скомпрометировала и не могла разсчитывать на выгодную партію, какъ это бываетъ у Остяковъ въ настоящее время. Но, какъ-бы то не было, [illegible] дѣвица обыкновенно была этимъ не довольна. Въ словахъ вышеупомянутой остяцкой княжны, дочери Нангхуша: «мой отецъ хочетъ меня отдать [illegible] къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли» мы не только [illegible] ея на своевольное распоряженіе ея чувствами, но и обиду, что [illegible], какъ недостойную невѣсту, безо всякаго выкупа. Дѣвица, за которую [illegible] цѣны, называется въ остяцкой поэзіи; танта-ней, пунт-[illegible] [2]).

[illegible] обратнаго дара отецъ невѣсты тоже кажется дѣлалъ молодымъ [illegible] при ихъ отъѣздѣ, не говоря уже о томъ, что если сватовство [illegible], на которой бралъ верхъ женихъ, онъ требовалъ отъ него [illegible] въ видѣ возмездія. Иногда, для бóльшей убѣдительности, [illegible] своей невѣстѣ т. е. его дочери, которая умѣла его [illegible] къ [illegible]икамъ. Вотъ какую комедію разъиграла извѣстная [illegible] дочь стараго Нангхуша по совѣту своего мужа. [illegible]: „Насталъ день возвращенія воиновъ, на[illegible]. Жена его, схвативъ себя за волосы, бросила

1) [illegible] и [illegible]жить». Для выраженія «выдать за мужъ» есть и [illegible]

2) [illegible], окончанія caritiv'a-та и ней—женщина. [illegible]приданница». «Танта-ней» могло бы соот-[illegible]

себя на половицы дощатаго пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться къ хлѣбороднымъ источникамъ чужеземной страны, къ рыбнымъ источникамъ чужеземной страны. Буду-ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду въ городъ богатырей Jâветта-кётпе, то сѣдоголовыя женщины и бѣлоголовые старцы будутъ меня спрашивать: младшая дочь князя Нангхуша, молодица! то, что ты привезла изъ отцовскаго дома, дай сюда! Батюшка! что я тогда дамъ? Дай мнѣ серебряный листъ, подъ которымъ могутъ укрыться 300 человѣкъ, тогда я пойду; если не дашь, не пойду, и пусть меня разрубятъ на двѣ части и я буду плавать въ крови!»“

Эти слова, разсчитанные на то, чтобы разжалобить отца, какъ можно было себѣ представить, вполнѣ достигли своей цѣли. Видя такое отчаянное положеніе своей дочери, чадолюбивый отецъ расплакался отъ умиленія и исполнилъ ея желаніе. Подобнымъ же образомъ она выпросила у него большой мѣдный семи-ушковый котелъ, изъ котораго могли ѣсть 300 человѣкъ.

Когда молодые пріѣзжали въ домъ мужа, послѣдній въ свою очередь устраивалъ большой пиръ. Пріемъ молодухѣ былъ весьма радушный. Старыя женщины, вѣроятно въ томъ числѣ и мать мужа, угощали ее разными яствами, подносили ей пѣнящуюся чашу и дѣлали подарки. Съ этихъ поръ роль женщины въ былинахъ героическихъ сказаніяхъ почти прекращалась. Вся остальная жизнь ея проходила въ заботахъ по дому и въ воспитаніи дѣтей, занятіяхъ, не воодушевлявшихъ остяцкую музу.

Если сравнить теперь положеніе дѣвицы у древнихъ Остяковъ съ таковымъ у прежнихъ Финновъ по Калевалѣ, то мы замѣтимъ значительную разницу между тѣмъ и другимъ. Финская дѣвица стоитъ въ духовномъ и нравственномъ отношеніи гораздо выше Остячки. Она не является бездушной вещью въ рукахъ продавца-отца и покупателя-жениха, какъ молодая Остячка, и не имѣетъ необходимости тайно ото всѣхъ сноситься съ избранникомъ своего сердца и умолять его выручить ее, напротивъ она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этимъ, даетъ претендентамъ на ея руку почувствовать, что она знаетъ себѣ цѣну.

Если остяцкій богатырь борется съ внѣшними врагами, увѣренный, что, выдержавъ успѣшно эту борьбу, сдѣлается обладателемъ своей нареченной, финскій юноша долженъ былъ, благодаря прихоти своей невѣсты, совершить массу разныхъ трудноисполнимыхъ подвиговъ и то не былъ увѣренъ, увѣнчается ли успѣшное исполненіе ихъ ея согласіемъ на бракъ. Часто безсердечная красавица опять придумывала новые подвиги и опять женихъ ея долженъ былъ подвергать свою жизнь опасности. Впрочемъ она мало и заботилась, придетъ ли ея женихъ обратно или нѣтъ, такъ какъ ихъ у хорошихъ невѣстъ всегда имѣлось достаточно.

ГЛАВА VIII.

Способы веденія войны.

Причины войнъ.—Сборы къ походу.—Обряды при отправленіи.—Остановки.—Первыя встрѣчи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ клятву болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишеніе убитаго врага доспѣховъ и скальпа.—Богатыри съѣдали иногда сердца враговъ.—Засады противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Исправленіе укрѣпленій.—Осада городковъ и взятіе ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

Остановимся теперь на способахъ веденія войны у прежнихъ Остяковъ. Главной причиной войнъ было, какъ мы знаемъ, желаніе князей добыть себѣ женъ, которыхъ они не могли искать среди жительницъ своего города. И этой одной причины, помимо другихъ, было достаточно, чтобы въ странѣ Остяковъ велись почти безпрерывныя войны между отдѣльными князьками, если принять во вниманіе, что между представителями каждаго остяцкаго княжескаго рода числилось нѣсколько лицъ мужскаго пола и что богатыри имѣли часто нѣсколько женъ.

Разъ князья рѣшили между собою походъ, они устраивали общественныя жертвоприношенія и пиръ для всѣхъ жителей города и селеній. Тутъ они объявляли народу о своемъ рѣшеніи и, посовѣщавшись со стариками, производили наборъ воиновъ извѣстнымъ намъ образомъ. При этомъ они руководились не столько возрастомъ своихъ подданныхъ, сколько ихъ годностью къ военной службѣ (см. выше). Передъ тѣмъ, что распустить народъ по домамъ, князья дѣлали свои послѣднія распоряженія, именно, выбраннымъ воинамъ приказывали быть готовыми къ походу на зарѣ слѣдующаго дня, а остающимся дома, преимущественно старикамъ, явиться утромъ на «жердяную» пристань для проводовъ.

Послѣ всего этого князья отходили ко сну, чтобы утромъ съ бодрыми силами снарядиться въ путь. Но, какъ себѣ легко представить, рой мыслей, кружившійся въ ихъ головахъ въ виду столь опаснаго предпріятія, часто разгонялъ сонъ и у этихъ суровыхъ людей, что̀ остяцкій бардъ весьма фигурно выражаетъ словами: «хоть онъ и легъ на цвѣтные ковры, (какъ будто) на ручкѣ топора, на ручкѣ ножа онъ лежалъ» или такъ: «будто онъ лежалъ на блошиномъ и вшивомъ мѣстѣ». И только къ утру усталость брала верхъ, и князь впадалъ въ глубокій сонъ. А между тѣмъ воины, согласно наказу, собирались на разсвѣтѣ за стѣнами города и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній снаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали въ

нихъ разный товаръ и цѣнныя вещи, предназначенныя для калыма и въ дары родственникамъ невѣсты: красное и черное сукно, шелкъ, серебряную утварь, кольчуги и т. д.

Богатырь вставалъ, одѣвалъ свои доспѣхи и, выйдя на улицу, клалъ 7 поклоновъ передъ «священнымъ столбомъ съ божескимъ ликомъ» (т ȳ р у м в â н'м а п j е м ы й j у х). Когда отрядъ былъ готовъ выступить въ путь, остающіеся дома старики, пришедшіе ихъ проводить, троекратно громко вскрикивали, какъ того требовалъ обычай. Въ былинѣ говорится: „Громкій крикъ, который принято кричать при отчаливаніи воиновъ, они крикнули. До вершины низкаго дерева и до середины высокаго онъ достигъ. Второй крикъ достигъ до пути пестрыхъ облачковъ; третій крикъ достигъ до Золотаго свѣта, Отца. Младшій мужъ сказалъ: «послушай, братъ, выступимъ теперь съ нашими воинами, съ нашими сватами со стриженными головами: до Отца нашего, Золотаго Свѣта, онъ достигъ, не наступитъ для насъ день пораженія и смерти»“.

Послѣ этого трогались въ путь, причемъ лѣтомъ они гребли сильными взмахами одного весла, которое опускали въ воду у носа лодки и вынимали изъ воды у кормы, зимой ихъ уносили быстроногіе олени, запряженные по два въ легкія санки.

Когда они проѣзжали мимо высокихъ мысковъ, жившій тамъ народъ ставилъ имъ, какъ богамъ, пѣнящіяся чаши въ жертву и приводилъ жертвенныхъ животныхъ. Кое-гдѣ и сами они дѣлали привалы, чтобы приносить жертвы богамъ и просить у нихъ «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались обыкновенно не менѣе дня и служили въ то же время и отдыхомъ для уставшихъ гребцовъ.

Первыя встрѣчи съ людьми того княжества, въ которое былъ направленъ походъ, не всегда имѣли враждебный характеръ. Часто переговоры, которые велись обѣими сторонами относительно отдачи невѣсты и касательно размѣра калыма имѣли столь благопріятный исходъ, что все предпріятіе кончалось бракомъ пріѣзжаго князя съ дочерью мѣстнаго, и воины того и другого праздновали это событіе общимъ пиромъ. Подобные случаи, хотя и упоминаются въ героическихъ разсказахъ, но по своей обыденности не служили имъ темой, какъ другіе, не менѣе рѣдкіе случаи, когда никакіе переговоры не приводили къ желаемымъ результатамъ и когда мечъ долженъ былъ рѣшать споръ. Кровопролитіе во время сватовства было дѣломъ столь обычнымъ, что въ былинахъ слова «свадьба» (м о і) и «сватъ», «поѣзжанинъ» (м о і-х о і) очень часто употребляются рядомъ со словами «война» (т'а т') и «вóинъ» (т'а т'-х о і), какъ бы въ качествѣ синонимовъ послѣднихъ, и, какъ слово «война», такъ слово «свадьба», имѣютъ одни и тѣ же эпитеты: ȳ х-т а, п і р-т а, чтò значитъ «безголовая», «безвозвратная». Это намъ и объясняетъ, почему женихъ, отпра-

вляясь сватать дѣвицу, не могъ ограничиться немногими людьми, а бралъ съ собой цѣлый отрядъ.

Возвратимся однако къ прежнему и опишемъ первоначальную встрѣчу двухъ князей, по одному героическому разсказу, гдѣ этотъ эпизодъ довольно подробно изложенъ. Когда воины послѣ продолжительнаго плаванія были вблизи вражескаго города, «ихъ увидѣли дальнозоркіе и услышали чуткіе ухомъ». Князь съ сыномъ вышли на пристань встрѣчать гостей, а пріѣхавшіе богатыри, между тѣмъ, подъѣзжая къ берегу, показывали все свое умѣнье править лодкой, заставляя ее извиваться по водѣ подобно выдрѣ и въ знакъ бодрости духа своего «свистѣли изъ толстаго и тонкаго горла». На разстояніи выстрѣла изъ лука они остановили лодки и, уперевъ конецъ лука въ дно, выпрыгнули на берегъ, не боясь могущихъ быть козней. Князь пригласилъ ихъ въ большой домъ, предназначенный для сбора воиновъ и сватовъ, и далъ имъ двухъ женщинъ воду носить и кушанье варить и человѣка, чтобы дрова рубить. Кромѣ того, ихъ снабдили пищей и питьемъ. Несмотря на такой, повидимому радушный, пріемъ со стороны мѣстнаго князя Нанг-хуша, всетаки обѣ стороны остерегались другъ друга, такъ какъ взаимныя отношенія ихъ еще не выяснились. Тѣ и другіе выставили ночью караульныхъ, чтобы слѣдить за противниками. На разсвѣтѣ они начали вести переговоры.

Способы веденія войны были различны въ зависимости отъ характера противниковъ и отъ занимаемой ими позиціи. На малочисленнаго врага Остяки обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этомъ тучами стрѣлъ. Если ихъ нападеніе бывало отбито, они разбѣгались, но вскорѣ собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабѣйшая сторона скоро падала духомъ и обращалась въ бѣгство. Только лучше организованные и вооруженные отряды Татаръ и Русскихъ могли съ успѣхомъ выдерживать аттаки Остяковъ, превосходящихъ ихъ численностью.

Если приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ, расположившимся въ неукрѣпленномъ мѣстѣ, то остяцкая военная тактика того времени требовала не вступать съ нимъ въ открытый бой, а, улучшивъ минуту, застать его врасплохъ и произвести на него внезапное нападеніе. Чтобы этого вѣрнѣе достигнуть, нападающіе посылали впередъ развѣдчиковъ. Они должны были подкрасться къ непріятельскому стану и все вывѣдать. Въ качествѣ этихъ лазутчиковъ въ остяцкихъ былинахъ иногда выступаютъ кукушки. Въ ихъ образъ вѣщіе князья умѣли обращать свои шапки, бросая ихъ вверхъ. Ихъ же посылали въ качествѣ вѣстницъ, если требовалась скорая помощь отъ какого-нибудь союзнаго князя. Если сообщеніе кукушки было благопріятно нападенію, то весь отрядъ двигался впередъ, но столь осторожно, «чтобы ни

соринка, ни былинка не шелохнулась», какъ говорится въ былинѣ, и кровопролитіе кончалось истребленіемъ враговъ.

Но конечно такія столкновенія не всегда оканчивались столь благопріятно для нападающихъ. Располагаясь на ночевку въ неукрѣпленномъ мѣстѣ и притомъ въ военное время, отрядъ для обезпеченія себя отъ внезапныхъ нападеній выставлялъ караульныхъ. Они постоянно смѣнялись. Тѣ же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось дѣлать стоянку во вражеской странѣ. Въ нашемъ разсказѣ это такъ описывается: «если на одной сторонѣ какой-нибудь мужъ ложился, на другой сторонѣ какой-нибудь мужъ бодрствовалъ, и когда спавшій пробуждался, бодрствовавшій ложился. Въ чужой землѣ, на чужихъ водахъ ими въ слѣдствіе неизвѣстности овладѣваетъ страхъ». Эти караульные иногда замѣчали лазутчиковъ или самихъ подкрадывающихся воиновъ, будили своихъ, и тогда нерѣдко нападавшіе несли большой уронъ.

Сраженіе Остяки всегда начинали стрѣльбой изъ луковъ, при чемъ старались нанести врагу побольше вреда и потомъ уже мало по малу сходились и вступали въ рукопашную. Какъ всѣ дикіе народы, они не умѣли сражаться сомкнутыми рядами, а дрались въ разсыпную, причемъ каждый выискивалъ себѣ противника, чтобы съ нимъ схватиться.

Если въ числѣ враговъ имѣлись и князья, закованные въ кольчуги, то ихъ противники выжидали обыкновенно случая, когда разгоряченный боемъ богатырь снималъ ее, чтобы свободнѣе подышать и тогда мѣткая стрѣла пронзала его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость безъ кольчуги, былъ тоже на сторожѣ и нерѣдко спасался отъ стрѣлы тѣмъ, что, услышавъ шумъ тетивы, присѣдалъ или подпрыгивалъ къ верху. Такъ дважды избѣгъ смерти въ одной былинѣ Іевръ-богатырь, но въ третій разъ стрѣла его пронзила, когда онъ одѣвалъ кольчугу черезъ голову и не слыхалъ шума вражескаго лука. При подобныхъ же обстоятельствахъ остяцкій богатырь Салханъ, герой Демьянской области, убилъ самоѣдскаго князя, осаждавшаго остяцкій городокъ на мысу К а т т и д а в а̂ н д а [1]). Остяки, преслѣдуемые Самоѣдами, засѣли въ городкѣ, и самоѣдскій князь во главѣ своихъ сталъ рубить палисады. Ему сдѣлалось жарко, онъ откинулъ назадъ верхъ своей кольчуги и обнажилъ при этомъ свой лобъ. Слѣдившій за нимъ Салханъ, пустилъ въ него стрѣлу сквозь прорубленное имъ отверстіе и тотъ палъ, пораженный въ переносье. Нападеніе Самоѣдовъ послѣ этого было отбито.

Иногда, если вражескій богатырь ни при какихъ условіяхъ не снималъ своего «душу спасающаго одѣянія», его противники молили Бога, чтобы онъ послалъ сильный жаръ, что Онъ обыкновенно, по своей милости, и исполнялъ

[1]) Находился около нынѣшней дер. Готиловой (Дем. вол.), которая отъ него и получила свое имя.

7*

и богатырь легко пронзалъ своего беззащитнаго врага. Поразить богатыря даже при подобныхъ условіяхъ считалось все же большимъ подвигомъ.

Мечами остяцкіе богатыри повидимому не часто рубились на поединкахъ, а употребляли ихъ или для своей защиты или въ сраженіи съ простыми людьми, не имѣвшими подобнаго оружія. Богатырей же они рубили мечемъ почти только въ томъ случаѣ, если имъ удавалось захватить ихъ въ расплохъ, напр. подкравшись сзади. Къ такому выводу по крайней мѣрѣ можно придти на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ героическимъ эпосомъ.

Состязаніе двухъ богатырей не всегда впрочемъ кончалось смертью одного изъ нихъ. Случалось, что, если оба противника не могли нанести другъ другу смертельной раны въ продолженіи долгаго времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впредь другъ съ другомъ, пока будутъ живы, «а, если кто изъ насъ нарушитъ эту клятву, говорили они, то пусть съ него сдерутъ его радужноотливающуюся головную кожу». Это тоже нѣсколько напоминаетъ западныхъ рыцарей, которые въ подобныхъ случаяхъ имѣли еще обыкновеніе мѣняться оружіемъ. Какой обрядъ они совершали при заключеніи клятвы здѣсь, въ этомъ разсказѣ, не упоминается, но изъ другихъ мы знаемъ, что при этомъ цѣловали щучій носъ и огонь [1]). При соблюденіи этого обряда вогульскій князекъ Китвор-ôтер заставилъ побѣжденныхъ имъ Самоѣдовъ поклясться,что они впредь не будутъ дѣлать набѣговъ на его землю. Можетъ быть при этомъ цѣловали и медвѣжью морду или разрѣзали ее ножемъ, какъ оно нынѣ водится у Сибирскихъ Угровъ, какъ у язычниковъ, такъ и у крещеныхъ.

Убитаго врага лишали его доспѣховъ и побѣдитель бралъ ихъ себѣ. Иногда побѣжденный богатырь, умирая, самъ бросалъ ихъ врагу, чтобы не быть ограбленнымъ послѣ смерти, такъ, напр., поступилъ Іевръ-богатырь.

Чтобы доставить себѣ больше славы, а врагамъ униженія, побѣдители имѣли обыкновеніе снимать съ нихъ ихъ головную кожу (ŷх-сôх). Ея эпитетъ въ остяцкихъ былинахъ—«радужнымъ цвѣтомъ отливающаяся»—вѣроятно зависѣлъ отъ чернаго цвѣта ихъ волосъ, имѣющихъ дѣйствительно на солнцѣ радужную игру. Впрочемъ, дословный переводъ остяцкихъ словъ этого эпитета: соі вôлпай [2]) мнѣ неизвѣстенъ. Лишеніе головной кожи вѣроятно имѣло еще и другой мотивъ, именно основанный на своеобразномъ вѣрованіи Остяковъ въ загробную жизнь. Есть основаніе предполагать, что по ихъ понятіямъ душа человѣка, лишеннаго скальпа, окончательно умирала. Эти кровавые трофеи такъ же высоко цѣни-

---

[1]) Вѣроятно въ знакъ того, чтобы вода и огонь истребили клятвопреступника.

[2]) „Подобная «зеркальцу» гагары (соі)"—по словамъ Остяковъ, есть точный переводъ этого выраженія. Соі, по Кастрену, anas clangula.

лись въ тѣ времена у Остяковъ, какъ еще отчасти теперь среди нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ Индійцевъ Сѣв. Америки. Уваженіе къ князю росло по мѣрѣ накопленія у него непріятельскихъ скальповъ. Съ другой стороны побѣжденный богатырь, если еще не терялъ сознаніе, всячески старался помѣшать своему противнику лишить его головной кожи. Вотъ какими словами обратилась къ остяцкому богатырю голова самоѣдскаго князя Сосъ-Турума— ей удалось спастись отъ него въ рѣчку: «Богатырь, носящій внушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, зачѣмъ пришелъ ты въ страну, куда не добраться даже звѣрю? Убѣгая отъ тебя и укрывая мою радужно-отливающуюся головную кожу, я прибѣгалъ къ сотнѣ уловокъ, ко всевозможнымъ уловкамъ. Если ты взойдешь сюда въ воду, то ты мужъ, живущій въ свѣтломъ міру, войдешь на много, много лѣтъ... Когда ты повернешь къ дому твою косатую, славную [1]) голову, то среди дома полнаго мужей и женъ не говори, что тебѣ удалось содрать со стараго Сосъ-Турума его радужно отливающуюся головную кожу». Въ этихъ словахъ мы видимъ какъ бы торжество побѣжденнаго врага; они какъ бы говорятъ: «если все пропало, то хоть честь спасена».

Обычай скальпировать убитыхъ враговъ былъ въ прежнее время распространенъ не только у Остяковъ, но и у Вогульцевъ, о чемъ сообщаетъ г. Гондатти [2]), а также и у Самоѣдовъ, на что имѣются намеки въ героическихъ разсказахъ Остяковъ.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что богатыри иногда съѣдали сердца своихъ побѣжденныхъ враговъ, причемъ они въ данномъ случаѣ руководились скорѣе желаніемъ, чтобы сила послѣдняго перешла къ нимъ, чѣмъ чувствомъ мести. Въ былинахъ подобнаго случая мы не встрѣчаемъ, а въ одномъ героическомъ разсказѣ Остяковъ Темлячевской волости. По этому преданію въ отдаленное время на мѣстѣ теперешнихъ юртъ В. Атлымскихъ (Берез. окр.) проживалъ богатырь Сенгеповъ. Онъ чинилъ постоянные набѣги на ихъ землю и на страну по нижнему Иртышу. Однажды мѣстные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, придя туда, не застали его въ живыхъ. Имъ передали, что онъ умеръ въ слѣдствіе того, что сквозь него пролетѣла птица въ родѣ гагары, (tôp-wôje); образъ ея, по ихъ мнѣнію, принялъ злой духъ. Тогда они отправились на кладбище, гдѣ онъ недавно былъ похороненъ, вырыли его и, вырѣзавъ у него сердце, крѣпкое какъ камень, разрубили его на части и съѣли. Этотъ единичный фактъ не имѣлъ бы самъ по себѣ значенія, какъ вообще всѣ единичные случаи, если бы о подобныхъ обычаяхъ древнихъ Угровъ не

---

[1]) Здѣсь пропущенъ эпитетъ головы tăбый, смыслъ котораго теменъ и для инородцевъ.

[2]) «Тр. Этн. Отд. О. люб. ест., антр. и этн.», кн. VIII, 88, стр. 61.

передавали намъ и другіе изслѣдователи ихъ. Напр. г. Гондатти [1])—о прежнихъ Вогулахъ и лѣтописецъ Регинонъ [2]) относительно древнихъ Мадьяръ. И каждый изъ нихъ даетъ этому обычаю свое объясненіе: мнѣніе перваго изъ нихъ, согласное съ нашимъ предположеніемъ, приведено выше, а второй полагалъ, что сердца убитыхъ враговъ употреблялись Мадьярами, какъ лѣкарство.

Защитою укрѣпленныхъ мѣстъ служили валы, рвы, палисады, но такъ какъ и они не могли бы оказать большой помощи въ случаѣ нападенія въ расплохъ, то горожане заблаговременно ставили дозорныхъ, для предупрежденія объ опасности. Иногда помѣщали ихъ на помостахъ, устроенныхъ на высокихъ столбахъ, поставленныхъ въ городѣ, какъ о томъ повѣствуетъ одно сказаніе. Эта предосторожность оказывалась не лишней въ мѣстности съ невполнѣ открытымъ кругозоромъ.

Употреблялся еще другой способъ для свѣдѣнія о приближеніи враговъ: поперекъ рѣки или воднаго бассейна, гдѣ былъ расположенъ городъ, протягивали бичеву или проволоку (сӯгом). Конецъ его находился въ городѣ. Враги, ничего не подозрѣвая, наѣзжали на него и расшевеливали или даже умышленно перерѣзывали его, а граждане тотчасъ выступали противъ пришельцевъ. Въ одной изъ записанныхъ мною былинъ такая «вѣстовая» проволока была изъ золота (сорній сӯгом) и имѣла толщину «мясистаго пальца». Г. Гондатти описываетъ шнуры съ навѣшенными на нихъ бубенчиками: по звону ихъ въ городѣ узнавали объ опасности.

Противъ людей, ѣдущихъ на лодкахъ, устраивали своего рода мины, втыкая въ воду не далеко отъ поверхности поперечный рядъ кольевъ, обращенныхъ остріемъ въ ту сторону, откуда ожидались враги [3]). Послѣдніе, наѣзжая на нихъ сильными взмахами веселъ, ломали и опрокидывали свои лодки и дѣлались добычей стерегшихъ ихъ воиновъ. Особенно гибельны были подобныя засады для берестяныхъ лодокъ. Онѣ при этомъ неминуемо тонули, а люди, сидѣвшіе въ нихъ, часто изувѣчивались. Противъ этихъ берестяныхъ ладій также дѣйствовали лукомъ и стрѣлами. Славные богатыри впрочемъ пробивали съ легкостью и осиновки и топили ихъ.

Передъ началомъ войны горожане укрѣпляли свой городъ, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Такъ надо понимать тѣ преда-

---

[1]) L. c. «Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ».

[2]) Regino 889 (P. ss, I, 600) «...corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant». (въ «Зап. Ист.-Фил. фак.» ч. IX, стр. 318).

[3]) Объ этомъ способѣ обороны мнѣ сообщили Ачирскіе Татары, которые, безъ сомнѣнія, суть потомки отатарившихся Вогульцевъ. Они живутъ въ сѣверной части Эскалбинской волости (Тоб. окр.).

нія о нѣкоторыхъ городкахъ, напр., про Вош-јега-вош [1]): онъ въ военное время выросталъ на 7 копьевищъ или 7 саженъ,—и о другомъ городѣ Јам-вош—онъ имѣлъ «бабье сердце» и при открытіи войны уходилъ въ землю.

Укрѣпленныя мѣста Остяки брали, смотря по обстоятельствамъ, или приступомъ или же голодомъ. Первый случай имѣлъ мѣсто, если приходилось воевать съ несильнымъ противникомъ или если городъ не былъ хорошо укрѣпленъ. Рвы и валы,—на сѣверѣ обыкновенно незначительныхъ размѣровъ,—оказывали лишь слабое сопротивленіе подступающему врагу. Лишь палисады, если они имѣлись, останавливали его настолько, чтобы дать возможность защитникамъ собраться съ силами и отбить приступъ. Добравшись до этихъ стѣнъ, богатыри выхватывали изъ за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, не смотря на силу богатырей, врядъ ли подвигалась быстро впередъ. Кажется, не всѣ простые люди имѣли топоры и бо̀льшая часть изъ нихъ была обречена на бездѣйствіе. Защитники въ свою очередь не зѣвали и осыпали ихъ сверху градомъ стрѣлъ и валили на нихъ бревна. Скатываясь по откосу укрѣпленія, они увлекали съ собою внизъ и взбиравшихся воиновъ. По мнѣнію Остяковъ, отъ седьмаго бревна не могъ уйти и самый проворный Самоѣдъ. Иногда же жителями, спрятавшимися въ городѣ, овладѣвалъ такой страхъ при видѣ многочисленныхъ враговъ, что они почти не были способны что либо предпринять, и тогда спасеніе всецѣло зависѣло отъ храбрости князя. Улучшивъ моментъ, онъ пронзалъ вражескаго вождя стрѣлой и тѣмъ производилъ временное смятеніе въ средѣ враговъ. Такимъ образомъ былъ спасенъ отъ нападенія Самоѣдовъ остяцкій городокъ на мысу Каттида ва̂нда, какъ мы видѣли раньше. Когда самоѣдскій князь палъ пронзенный, стрѣлой Салхана, ободренные этимъ Остяки сдѣлали вылазку и нанесли врагамъ сильное пораженіе. Едва небольшая часть изъ нихъ спаслась бѣгствомъ. Крови было пролито такое количество, что, по словамъ мѣстнаго преданія, земля здѣсь окрасилась въ красный цвѣтъ, и этой красной землей Остяки долгое время красили свои лодки. Напротивъ, городъ князя Нанг-хуша былъ взятъ приступомъ сыновьями князя Ја̂ветˌта-кѐтпе-хуі, такъ какъ стрѣлы защитниковъ его не могли причинить вреда богатырямъ, защищеннымъ кольчугами, и тѣ ворвались въ городъ.

Когда городъ былъ сильно укрѣпленъ и, вообще, если разсчитывали встрѣтить сильное сопротивленіе, его обыкновенно не рѣшались брать приступомъ, а окружали его и принуждали сидѣвшихъ въ немъ къ сдачѣ, что̀ обыкновенно происходило скоро, такъ какъ Остяки запасовъ на случай войны не дѣлали. Иногда въ подобныхъ же случаяхъ осаждающіе брали городъ хитростью,

[1]) Расположенъ около р. Вош-јега, въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ (М. Конд. вол.)

напр., дѣлали видъ, что уходятъ, а сами устраивали засаду, въ которую попадали вышедшіе изъ города люди. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается осада крѣпкаго города князя Іевра (Харда-вош). Эпизоды ея столько интересны, что мы ихъ здѣсь вкратцѣ передадимъ. Трое князей изъ города Карыпôспат-ўрдат-вош, опасаясь кровавой мести со стороны двухъ эмдерскихъ князей,—у нихъ они убили отцевъ,—бросаютъ свой слабо укрѣпленный городъ и плывутъ по Кондѣ къ своему союзнику, богатырю Іевру. У него былъ на рѣкѣ Іеврѣ крѣпкій «мѣдный городъ»,—съ устройствомъ его мы уже знакомы. Эмдерскіе князья преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Когда тѣ заперлись вмѣстѣ съ мѣстными жителями въ крѣпости, они расположились за ея стѣнами и прервали всякое ихъ сообщеніе съ окружающей мѣстностью, гдѣ имѣлись озера, обильныя рыбой, и лѣса, полные дичью. Вскорѣ въ оградѣ, гдѣ скопился народъ изъ двухъ городовъ, появился сильный голодъ. Когда осажденные, находясь въ крайности, не знали, что предпринять, надъ ихъ головами пролетѣлъ воронъ, державшій во рту рыбку. Тогда голодные жители не вытерпѣли и рѣшили, не смотря на присутствіе враговъ, выдти изъ за стѣнъ и отыскать рыбную рѣчку, а эмдерскіе, въ свою очередь, чтобы имъ не мѣшать, приняли образъ змѣй и легли у воротъ города. Тѣ вышли изъ за палисада, наловили въ Іеврѣ рѣкѣ массу рыбы и главный богатырь этой области, Іевръ, сталъ ее дѣлить. Но когда, вспотѣвъ, онъ снялъ кольчугу, его пронзила стрѣла одного изъ враговъ. Какъ только палъ ихъ самый сильный противникъ, они бросились на своихъ личныхъ враговъ, князей города Карыпôспат-ўрдат-вош, и убили младшаго изъ нихъ. Старшіе же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Городъ же и прочій народъ остались невредимы, такъ какъ вся война была ими ведена лишь изъ кровавой мести къ названнымъ тремъ князьямъ.

Этотъ разсказъ имѣетъ для насъ еще другой интересъ. Онъ показываетъ, что остяцкіе князья иногда заключали между собою союзы или коалиціи, чтобы противостоять болѣе сильнымъ врагамъ. Изъ одного разсказа мы видимъ, что и Остяцкіе городки: находившійся на мысу Каттида вâнда и Вош-јега-вош были союзниками, заключившими между собою оборонительный и отчасти наступательный союзъ. Въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, сторона, подвергавшаяся нападенію, выставляла на высокихъ шестахъ куски краснаго сукна въ видѣ флаговъ. Она тѣмъ давала знать своему союзнику объ опасности, ей угрожавшей. Вѣсть о появленіи красныхъ флаговъ быстро передавалась разсѣянными всюду рыболовами и охотниками съ одного мѣста въ другое и доходила до ихъ союзниковъ. Они тогда спѣшили на помощь утѣсненнымъ. Говорятъ, что и теперь горный берегъ Иртыша, гдѣ находится мысъ Каттида-вâнда, отчасти видѣнъ въ ясные дни съ Конды, такъ что извѣстіе объ открытіи войны весьма скоро могло достигнуть до на-

ходившагося здѣсь городка, расположеннаго сравнительно недалеко отъ этой рѣки.

Эти союзы имѣли особенное значеніе при войнахъ съ Самоѣдами, а въ послѣдствіи съ Татарами и Русскими.

Самоѣды часто дѣлали набѣги большими ватагами въ 200—300 человѣкъ, и остяцкіе князья не всегда могли имъ противопоставить соотвѣтственное число воиновъ. Кромѣ того нападенія свои они производили иногда столь стремительно, что часто заставали Остяковъ въ расплохъ и не давали имъ времени собраться. Если же Самоѣды встрѣчали сильное сопротивленіе, то столь же быстро пропадали, захвативъ съ собою награбленное имущество и женъ Остяковъ и уводя ихъ стада оленей. Это особенно касалось зимняго времени, когда замерзшія озера, рѣки и болота открывали повсемѣстно пути и когда жители, даже предваренные объ опасности, не знали, съ какой стороны произойдетъ нападеніе. При такихъ походахъ Самоѣды всегда брали съ собой стада оленей. Съ ними они быстро переносились съ одного мѣста на другое и въ тоже время имѣли всегда пищу во время пути. Благодаря этому, Самоѣды были въ состояніи вести продолжительныя осады городковъ и принуждать ихъ жителей, не обезпеченныхъ въ провіантѣ и отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго, къ сдачѣ.

Набѣги свои Самоѣды производили и лѣтомъ, причемъ поднимались тогда на своихъ легкихъ, часто берестяныхъ, лодкахъ вверхъ по рѣкамъ. Пользуясь тѣмъ, что въ это время года все мужское населеніе занято рыбнымъ промысломъ, они незамѣтно подплывали къ стоянкамъ, грабили жилища Остяковъ и уводили съ собой ихъ женъ и дѣтей. Въ томъ же случаѣ, если ихъ встрѣчали Остяки въ превосходномъ числѣ, они бросались въ лодки и быстро исчезали, оставляя своихъ противниковъ позади, такъ какъ по суши перебѣгали черезъ всѣ перешейки и волоки, унося съ собою свои легкія ладьи, чего не могли сдѣлать Остяки, имѣвшіе сравнительно грузныя деревянныя лодки.

Своими набѣгами Самоѣды тревожили въ предѣлахъ Тобольскаго округа всю область нижняго Иртыша до Демьянки и область Конды, причемъ въ послѣдній край они спускались на ладьяхъ по р. Тапъ, впадающей въ Конду. У жителей Кондинскаго края они болѣе извѣстны подъ названіемъ «Тавдинскаго народа»: Тавда-jах (у Вог.—воі Тавдітта (?).)

Какъ мы видѣли, тактика Самоѣдовъ была тактикой многихъ другихъ кочевыхъ племенъ. Мы знаемъ, какой успѣхъ они часто имѣли при столкновеніи съ осѣдлыми народами, даже значительно болѣе образованными, чѣмъ были Остяки. Понятно, что для послѣднихъ было весьма важно имѣть союзниковъ, которые могли бы въ случаѣ необходимости увеличить ихъ военную силу и тѣмъ самымъ дать возможность во время отразить врага.

Во время завоеванія Русскими долины Иртыша и Оби казаки всюду встрѣчали значительныя скопища Остяковъ, составлявшихъ войска союзныхъ князей. Такъ князь Демьянской волости Нимньянъ собралъ въ свою обширную крѣпость до 2000 бойцовъ, причемъ въ качествѣ союзниковъ его были не только Остяки разныхъ мѣстностей, но и Кондинскіе Вогульцы. Далѣе исторія отмѣтила, что подъ Самарскимъ мысомъ казаки застали въ расплохъ спящихъ Остяковъ и изрубили ихъ. Въ числѣ убитыхъ находился мѣстный князь Самаръ и его восемь союзныхъ князей.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Былины—историческіе разсказы о подвигахъ богатырей, опоэтизированные народной фантазіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣлись богатыри?—Взглядъ Остяковъ на этотъ предметъ.

Мы не будемъ дольше останавливаться на выводахъ о жизни прежнихъ Остяковъ и ихъ міровоззрѣніи, на основаніи данныхъ былинъ и героическихъ сказаній, напримѣръ, объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на упомянутые виды Остяцкой народной поэзіи. Ихъ можно разсматривать, или какъ произведенія народнаго творчества, въ основаніе котораго легло знакомство ихъ съ окружающимъ міромъ и ихъ представленія о богахъ и прежнихъ людяхъ, или какъ историческіе разсказы о подвигахъ прежнихъ князей, опоэтизированные фантазіей ихъ авторовъ и пѣвцовъ.

Мы склоняемся рѣшительно въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Доказательствомъ можетъ служить неподдѣльный реализмъ, что̀ всюду проглядываетъ въ былинахъ. Всѣ ихъ географическія и топографическія данныя настолько вѣрны и точны, что позволяютъ намъ судить о мѣстахъ происшествія разныхъ событій. Самый типъ богатыря тоже вполнѣ реаленъ. Если мы откинемъ нѣкоторыя фантастическія черты его характера и нѣкоторыя сверхъестественныя его способности, то мы будемъ имѣть передъ собой остяцкаго князька, мало чѣмъ отличнаго отъ тѣхъ, коихъ еще застали Русскіе при ихъ появленія въ Зап. Сибири. Ихъ бо̀льшая сила и лучшее физическое развитіе зависѣли отъ болѣе изобильной пищи и отъ лучшихъ условій жизни. Это представленіе объ ихъ большой силѣ и непобѣдимости зависѣло и отъ ихъ лучшаго вооруженія, которое они могли имѣть, благодаря своему сравнительному богатству. А что кольчуги и мечи у нихъ дѣйствительно имѣлись, показываютъ многочисленныя ихъ находки, а также свидѣтельство прежнихъ бытописателей этого края. Наконецъ, образъ жизни богатырей, ихъ занятія,

домашняя обстановка, все такъ сходно съ тѣмъ, что мы еще теперь застаемъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ остяцкаго и вогульскаго края и съ тѣмъ, что еще недавно имѣло мѣсто въ теперь обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, что̀ нѣтъ никакой необходимости приписывать все это фантазіи народа.

Не безинтересно будетъ знать читателю, какова же была судьба остяцкихъ богатырей, о коихъ въ послѣдствіи уже ничего не упоминается. Нѣтъ сомнѣнія, они могли существовать только, пока врагами ихъ были столь же слабые противники, какъ и они. Когда же на югѣ появились Тюрки завоеватели, а въ послѣдствіе и Русскіе, то слава богатырей сразу померкла. Они не были въ состояніи вступить въ борьбу съ болѣе сильными и лучше вооруженными врагами и предпочитали сражаться наравнѣ съ прочими и въ случаѣ бѣды бѣжать вмѣстѣ съ ними, такъ какъ ихъ личныя военныя качества тутъ врядъ ли могли оказать имъ большую помощь. Съ этихъ поръ князьки стали утрачивать свою славу богатырей и свое обаяніе. Исчезло мало по малу то прежнее благоговѣніе Остяковъ къ своимъ князьямъ и замѣнилось болѣе равноправными отношеніями между обѣими сторонами. Народъ по прежнему признавалъ ихъ главами и слушался ихъ, пока это входило въ его интересы, въ противномъ же случаѣ дѣйствовалъ по своему.

Въ этомъ видѣ ихъ застаетъ исторія, и историкъ Фишеръ даетъ вѣрную характеристику остяцкаго князя XVI вѣка: «такой князекъ владѣлъ не полновластно, ибо народъ имѣлъ столь же великое право на него, какъ и онъ на народъ; однако власть его въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ была больше, нежели другого». Немного времени спустя послѣ завоеванія Русскими С.-Западной Сибири большая часть остяцкихъ князей потеряла свое княжеское достоинство и сравнялась съ простыми людьми.

Сами же Остяки иначе объясняютъ исчезновеніе богатырей въ ихъ странѣ. Народъ не могъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ, допустить превращенія славныхъ боготворимыхъ богатырей своихъ въ простыхъ смертныхъ. Въ умѣ его зародились разныя болѣе поэтическія объясненія ихъ исчезновенія. Нахожденіе въ лѣсахъ незамѣченныхъ ранѣе огромныхъ обломковъ камней, занесенныхъ еще въ ледниковый періодъ въ эту страну, гдѣ совершенно нѣтъ скалъ и камней, наводило Остяковъ на мысль, что вѣрно это ихъ богатыри, спасаясь отъ новой вѣры, приняли видъ этихъ камней. По ихъ разсказамъ, это случилось такимъ образомъ: когда стала распространяться христіанская вѣра, богатыри, вѣрные прежнимъ богамъ, стали удаляться въ болѣе глухія мѣста, но когда все это не помогало, и новая вѣра все дальше и дальше проникала въ ихъ страну, они убѣжали въ лѣса и тундры сѣвера и на западъ, на Уралъ, и превратились тамъ въ каменныя глыбы.

Нѣкоторые богатыри, судя по былинамъ, были взяты Богомъ на небо и

сдѣлались святыми. Имъ Остяки и теперь приносятъ жертвы и молитвы. Къ такимъ князькамъ принадлежатъ двое старшихъ сыновей князя города Кары-посп ат-вош. Извѣстны они у нынѣшнихъ Кондинскихъ Остяковъ подъ именемъ Іега-теі-ігейен—«Старики съ вершины рѣчки», ибо настоящимъ ихъ жилищемъ считаются: старый городокъ Вош-јега-вош въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ и небольшой холмъ въ дачѣ Нюркоевскихъ, расположенные вблизи мелкихъ рѣчекъ и въ извѣстномъ разстояніи отъ Конды.

За великихъ святыхъ, живущихъ теперь на небѣ, считаются въ Кондинскомъ краѣ и прежніе Нахрачинскіе богатыри Аі-ўрт (вог. Віші-ôтер), т. е. «Малый князь» и Ене-ўрт — «Большой князь», именуемый Вогульцами Јâны-кеныт-âнчых, т. е. «Старикъ съ большой шапкой», потому что въ такомъ видѣ его изображаютъ. Какъ при своей земной жизни они были великими воителями, такъ и послѣ перехода своего на небо они не перестали принимать участіе въ битвахъ. Въ виду того, что Остяки и Вогулы въ настоящее время войнъ не ведутъ, они являются союзниками Русскихъ въ ихъ войнахъ, истребляя въ видѣ «желѣзныхъ волковъ» (карт јевра) ихъ враговъ [1]). Но, вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другіе просто умерли въ разныхъ мѣстахъ, дома или сражаясь съ врагами. Но, гдѣ бы и какимъ бы образомъ они не погибли, души ихъ и понынѣ витаютъ надъ страной Остяковъ, посылаютъ имъ удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ [2]) и, будучи любимицами Бога, устраняютъ отъ нихъ многія бѣдствія, за что благодарные потомки молятся имъ, какъ добрымъ духамъ, и приносятъ имъ кровавыя жертвы и дары.

С. Паткановъ.

---

[1]) Кондинскіе Остяки увѣрены, что именно за эти услуги ихъ богатырей русскіе цари освободили ихъ отъ воинской повинности.

[2]) Въ сказаніяхъ: јінк хут' тêдын аітта, хар тâш тêдын аітта.—букв.: «водную рыбу въ изобиліи найти, лѣсной товаръ въ изобиліи найти».

Мусульманство Рустема Дастановича.

Могучая фигура персидскаго Ильи Муромца, меднотелаго Рустема, представляющаго собою средоточие героической жизни Ирана, получила въ художественной обработке тусскаго певца, Фирдоуси, на основании народныхъ преданий, вполне цельный и законченный образъ. Въ такомъ виде Рустемъ вошелъ въ последовавшую за временемъ Фирдоуси жизнь Персии, которая приняла его безпрекословно, неделая решительно никакихъ попытокъ возвращаться къ действиямъ этого героя, чтобы дополнить или исправить его характеристику. Для народа Рустемъ былъ символомъ отваги, силы и молодечества, служилъ художникамъ сюжетомъ для ихъ незатейливыхъ картинокъ и вместе съ попраннымъ имъ Белымъ Сатаною (Д и в и - с э ф и д ъ) украшалъ собою неизбежно почти каждыя хорошия городския ворота и входъ въ общественныя бани. Словомъ, въ течении девяти столетий после Фирдоуси Рустемъ жилъ непоколебимо, и никто непосягалъ ни на его богатырские атрибуты, ни на веру его дедовъ и отца, пока одному досужему ремесленнику-стихотворцу не вздумалось ввести Рустема въ лоно правоверия, обратить его въ шиита.

Въ 1298 г. Г. (1880) среди лубочныхъ изданий въ Тегеране появилась книжка подъ заглавиемъ Р у с т е́ м ъ - н а м е́ — «Книга о Рустеме» съ картинками, въ стихахъ героическаго размера м у т е к а́ р и б ъ. Неизвестный авторъ ея, какъ и значительнаго большинства лубочныхъ произведений, сообщаетъ, что онъ въ царствование могущественнаго Султана, главы главарей, тени Создателя, начальника, во дворце котораго Джемшидъ и Афрасиябъ сделались бы счастливыми, а Феридунъ и Каусъ при своей справедливости были бы только его слугами [1]), сподобился по милости Создателя посетить Неджефъ, где покоится прахъ Али. Находясь въ небесноподобномъ чертоге, подъ куполомъ, блестящимъ, какъ солнце и луна, онъ среди разсказовъ «дедовъ и отцевъ» услышалъ такое сказание, которымъ можно «пристыдить многобожниковъ, возжечь светильникъ въ море сердца, о б р а д о в а т ь Персовъ и печальный монастырь сделать веселымъ местомъ». Сострадательный пиита «тотчасъ же выпустилъ на ристалище коня изложения» и преподнесъ своимъ опечаленнымъ соотечественникамъ следующий «редкостный яхонтъ».

«Когда славный Хосрой сделался въ Иране царемъ въ царяхъ землевоителемъ и въ правилахъ Джемшида и вере маговъ изволилъ онъ возсесть на тронъ кеянский, начальники мира все изъ знатныхъ и простыхъ утро и вечеръ стояли у него на службе, препоясавъ чресла. Мирской богатырь Рустемъ

[1]) Понятно, что имеется ввиду ныне царствующий Насиръ-Эддинъ-Шахъ,

Дастановичъ при его дворѣ былъ изъ людей вѣрнодоблестныхъ. Въ то время Саломонъ по приказу міросоздателя правилъ вселенной. Къ каждому государю, въ каждую страну, каждому именитому и каждому начальнику послалъ онъ письмо: «Будьте покорны, обратитесь къ истинѣ и ея неоставляйте; раззорите капища и съ гнѣвомъ залейте водою огонь; отвратитесь отъ обычаевъ и вѣры маговъ, неищите ихъ правилъ и религіи». Тогда у Хосроя устроили собраніе, прекрасное какъ рай, и сказали много хорошаго и дурнаго. «Саломонъ, де, по приказу божію всей вселенной старшина, многоразумный посланецъ посланника-Мухаммеда и надъ всѣми тварями міра глава. Состоитъ при немъ злой духъ Ифритъ, и не то онъ, что Каусъ и Афрасіябъ. Избави Богъ, стянетъ онъ войско и устремится на иранскую землю: пуститъ на вѣтеръ вѣнецъ и тронъ кеянскіе, и неостанется слѣда отъ Джема и Кейкобада». Говорили они втайнѣ въ такомъ родѣ, что «нужно отправиться знаменитому Рустему ко двору того государя своего времени, чтобы увидѣлъ онъ хорошее и дурное въ мірѣ, чтобы освѣдомился мірской богатырь о залахъ и обстановкѣ того дворца. А затѣмъ мы, де, приготовимся къ войнѣ и, можетъ быть, овладѣемъ его державой». Приняли рѣчь эту начальники и тотчасъ же вышли изъ засѣданія. Слонотѣлый герой приготовился къ отходу, и голова его богатырская касалась небесъ. Въ ту дорогу онъ воспріялъ путь вѣры и правовѣрія и былъ наставленъ Саломономъ Сельмановичемъ. Возсѣлъ на коня-Молонью (Р а х ш ъ) и отправился въ путь, а съ нимъ вмѣстѣ войсковые начальники: сорокъ мужей воинственныхъ богатырей, какъ тѣнь, шли у его стремени. Съ великою пышностью, могуществомъ и силою остановился онъ во Святомъ Градѣ. Пошло къ посланнику божію извѣстіе, что пришелъ Рустемъ, мірской староста. Саломонъ изволилъ повести такую рѣчь къ дворецкому: «Знай ты, что сей счастливый есть Залевичъ; устрой войско и разбей хоромы для этого военачальника, потому что этотъ мірской богатырь—Рустемъ, и подобныхъ ему знаменитыхъ въ мірѣ мало. Съ этимъ приходомъ онъ сдѣлается правовѣрнымъ и раскается въ магской вѣрѣ». По приказу пророка чистовѣрнаго, изукрасился міръ, какъ горній рай: разубрали небесный чертогъ, у котораго заимствовали блескъ солнце и мѣсяцъ. Верхушка его купола достигала облаковъ, отъ него получало свѣтъ солнце. Отъ взгляда на ковры, которые разостлали слуги, пурпуровые, бѣлые, лиловые и голубые, глазъ слѣпъ, а сердце исполнялось радости отъ смотрѣнія на нихъ. По срединѣ воздвигли украшенный драгоцѣнными камнями тронъ, отъ блеска котораго темнѣло въ глазахъ. Направо и налѣво бѣсы, люди и геніи образовывали непрерывное кольцо. На каждой сторонѣ построились, какъ въ день битвы, въ ряды самцы-бѣсы Кафскіе, съ каждой же стороны вытянулись рядами твари, и въ общемъ устроили засѣданіе, что твой рай. Сбоку отъ трона Саломона—везирь,

противъ котораго были безсильны и бѣсы, и люди. Усѣлся Саломонъ въ томъ чертогѣ, такъ что лицу его изумились солнце и мѣсяцъ. На главномъ затѣмъ мѣстѣ засѣданія съ необыкновеннымъ величіемъ сѣлъ везирь, могущественный, какъ царь. Около престола везиря выстроился прямой, какъ стрѣла, рядъ бѣсовъ. На креслѣ усѣлся одинъ бѣсъ, ростъ котораго былъ какъ чинаръ. Онъ былъ главою бѣсовъ-самцевъ и вожатаемъ и былъ свѣдущъ о всякой сторонѣ. Отъ страха передъ нимъ щека храбрыхъ, какъ львы, мужей иногда становилась пурпуровою, иногда желтою. Два глаза его блистали какъ факелъ издали, и бѣжали отъ него бѣсы, люди и птицы. Всѣ войсковые начальники построились, какъ рабы, въ ряды справа и слѣва. Саломонъ приказалъ, чтобы Рустемъ-богатырь пришелъ, какъ приходятъ послы. Одинъ человѣкъ отнесъ Залевичу такую вѣсть: «Встань и протри глаза рукою: Саломонъ разукрасилъ чертогъ, усѣлся на тронъ, зоветъ тебя». Заслышавъ, Рустемъ препоясалъ чресла и въ ту-же минуту сѣлъ на блестящую Молонью. Пришелъ къ небесному дворцу; народъ былъ въ нетерпѣніи посмотрѣть на него. Богатырь, вступивъ въ чертогъ, бросилъ взоръ направо и налѣво: не было мѣста, гдѣ бы ему сѣсть,—сердце его отъ выжиданія омрачилось; нетронулся съ своего мѣста никто, а Рустемъ въ сердцѣ облюбовалъ кресло бѣса. Онъ приблизился къ тому бѣсу-самцу; отъ прочихъ бѣсовъ изошло волненіе и крикъ. Рустемъ закричалъ: «Ахъ ты негодный бѣсъ! Какое тебѣ дѣло до мѣста вельможъ?! Первое мѣсто въ каждомъ засѣданіи—мое, а не твое, о Ахриманъ съ безумной головой!» Нетронулся съ мѣста ни бѣсъ тотъ; никто. Бѣсъ сказалъ: «Никто еще незаявлялъ такого, какъ ты, желанія. Пойди-ка, посмотри на твое собственное мужество, а потомъ ужъ и садись на золотое кресло. Ты, о безмозглое чадо человѣчье, о правилахъ бѣсовъ неимѣешь понятія. Ты воображаешь, что я подобенъ Гудерзу и Тусу, и окажусь безсильнымъ предъ тобою, какъ Ашкебусъ?! Или что я похожъ на стариковъ, о славный, и побѣгу отъ удара твоего меча?!» Разгнѣвался Рустемъ на этого болтуна, схватилъ его за воротъ и сдавилъ ему горло; ударилъ его «свободной»-благородной рукой по шеѣ,—отъ какого удара затряслись у того и тѣло и душа. Упалъ тотъ бѣсъ и лишился чувствъ, отъ одного ударъ сталъ Ифритъ безъ ума. Часъ спустя возвратился разсудокъ въ его голову и сдѣлался тотъ левъ-самецъ похожъ на лисицу-самку. Въ гнѣвѣ и пылу тотъ герой, хватающій львовъ, усѣлся на кресло среди смятенія. Много велъ рѣчей и слышалъ отвѣтовъ; самцы-бѣсы потеряли надежду остаться въ живыхъ. Саломонъ изумился Рустему и втайнѣ сказалъ ему молодца; взглянулъ на Асифа и далъ понять, что сила Рустема проявилась отъ Создателя. Справа и слѣва бѣсы всѣ въ гнѣвѣ смотрѣли на Рустема изъ-подлобья; не было ни у кого смѣлости перевести духъ, никто немогъ даже моргнуть. Саломонъ въ томъ чертогѣ нѣжно

бесѣдовалъ съ войсковымъ богатыремъ. Затѣмъ устроили пиршество и принесли яства, какія только желали. Поѣлъ ихъ Рустемъ, затѣмъ поднялся и много «просилъ прощенія» у начальниковъ засѣданія. Потомъ онъ пришелъ къ своимъ друзьямъ и велъ рѣчь къ своимъ именитымъ: «Завтра, когда поднимется солнце, я рукою мужества вытащу арканъ, захвачу силою обѣ руки Саломона и совлеку съ хрустальнаго трона. Для бѣсовъ свѣтлый день сдѣлаю мрачнымъ; разрушу чертогъ Саломона и дворецъ; въ Иранъ потащу корону его, тронъ и войско, какъ того желаетъ государь, прибѣжище Ирана». Храбрецы на такую рѣчь засмѣялись и шепотомъ воздали ему хвалу. Въ такихъ разговорахъ были Иранцы, какъ солнце скрылось въ ямѣ запада. Тотчасъ же заснулъ мірской богатырь; на небѣ показались звѣзды. Голова богатыря погрузилась въ сонъ, сердце же трепетно спѣшило идти. Онъ приказалъ осѣдлать Молонью и на всѣхъ лошадей возложить золотыя сѣдла. Отдалъ такой приказъ мірской богатырь, цѣпкій Рустемъ и одѣлъ военные доспѣхи; силачъ этотъ, наѣздникъ ловкій, какъ Самъ, къ сѣдельной лукѣ прикрѣпилъ палицу, вскинулъ лукъ на плечо, взялъ въ руку копье и вскочилъ на спину Молоньи. Пошелъ онъ, какъ левъ на охоту, чтобы добраться до того дворца, вызвать изступленный крикъ изъ самцевъ-бѣсовъ, неоставить въ живыхъ никого изъ бѣсовской рати, разрушить чертогъ Саломона и всю страну поджечь огнемъ. Рустемъ, прибѣжище рядовъ, былъ въ тѣхъ мысляхъ, чтобы поскорѣе достигнуть воротъ .дворца, какъ вдругъ, по приказу Бога міра, появился государь свѣта и вѣры. Рустемъ съ лѣвой стороны услышалъ звукъ коня, взглянулъ и увидѣлъ одного всадника... Онъ сидѣлъ на конѣ, подобномъ вѣтру,—служителемъ двери его былъ бы самъ Кейкобадъ. Онъ сбросилъ съ лица покрывало, и блеска его лица устыдилось солнце. Свѣтъ изъ главы его образовывалъ ореолъ, восходящій къ небу,—тысячи Феридуновъ и Джемовъ были бы его слугами. Онъ воскликнулъ: «о славный Рустемъ, невидѣвшій битвы съ храбрецами за настоящее дѣло! Откажись отъ твоего желанія; избави Богъ, приключится тебѣ впереди несчастіе. Саломонъ—не то, что Афрасіябъ, чтобы ты могъ его уничтожить.... Эта земля—не туранская земля, и Рустемъ неполучитъ надъ ними могущества. Выбрось, о именитый Рустемъ, изъ головы мечту, которую ты имѣешь: это царство есть мѣсто Саломона, оно непохоже на Иранъ и Туранъ». Отъ этого крика сократились мышцы Рустема: онъ потянулъ поводья и посмотрѣлъ пристально. Рустемъ подошелъ къ тому государю, то «проявленіе Создателя» остановилось. Рустемъ посмотрѣлъ и, увидѣвъ его, затрясся, какъ ива. Прійдя въ себя, сказалъ: «О славный! какъ тебя зовутъ? открой твое имя: въ стремительности ты имѣешь признакъ государей, въ блескахъ лица твоего видно величіе». Государь ему сказалъ: «Имя мое Левъ, я начальникъ вѣры въ каждомъ собраніи. Саломонъ мнѣ братъ, онъ—вожатый

бѣсовъ и людей. Ты хочешь разбить его тронъ, хочешь развѣять его страну и счастіе. Иди-ка сначала научись воевать у меня, а потомъ ужъ рѣшайся на битву съ леопардомъ». Когда услышалъ Рустемъ эти слова отъ всадника, сердце его отъ страха передъ нимъ стало безпокойно. Вторично Рустемъ раскрылъ уста: «о государь добровѣрный! Зачѣмъ ты накинулъ покровъ на лице?» Отвѣтить ему соизволилъ начальникъ вѣры: «Зачѣмъ скрываешь за завѣсою отъ насъ сердце: планету затмѣваетъ дискъ солнечный. Отъ сердца твоего получится мракъ, твоя любовь къ солнцу изсякнетъ. Ты раскаешься въ вѣрѣ магской и съ мужествомъ сдѣлаешься человѣкомъ вѣры правой. Измѣнится блескъ твоего огня на свѣтъ, когда ты удалишься отъ поклоненія огню". Услышавъ, Рустемъ пришелъ въ волненіе и крикнулъ на него, какъ бѣсъ: «Какъ будто ты не знаешь о моей битвѣ? Я львосердый Рустемъ Забульскій! Отъ страха предо мною бѣжитъ въ море леопардъ, отъ ужаса предо мною стремится на сушу крокодилъ. У меня отецъ Заль, а дѣдъ Нериманъ! Посмотри, что́ то ты имѣешь, чтобы быть мужчиною?!» Усмѣхнулся про себя арабскій князь и сказалъ: «можно, о витязь, тебѣ удивляться! Ты покажи, чѣмъ ты владѣешь изъ мужества и шахства, потому что эта болтовня къ дѣлу негодится». Съ блескомъ занесъ Рустемъ копье, бросивъ на шею коня поводья. Копье его приблизилось ко Льву, который схватилъ копье и потянулъ. Онъ такъ выхватилъ копье изъ руки Рустема, что его большой палецъ почувствовалъ боль. Въ одну сторону поля бросилъ его князь; Рустемъ закричалъ на подобіе льва: «Если ты выхватилъ у меня копье, покажу я тебѣ палицу». Гнѣвно поднялъ её надъ головою, чтобы ударить ею по головѣ льва-самца. Схватилъ изъ рукъ его палицу начальникъ вѣры, и бросилъ ту палицу на землю: отъ удара его руки она скрылась подъ землю; чистый Господь похвалилъ его. Когда Рустемъ увидѣлъ такую силу у государя, схватился рукою и вытащилъ мечъ. Заволновался, закипятился и сказалъ: «о Арабъ! солнце жизни твоей дошло до ночи. Теперь посмотри на ударъ моей руки мечемъ: я ударю тебя по головѣ такъ, что онъ пройдетъ до поверхности сѣдла. Я раздѣлю тебя на два куска, какъ огурецъ, такъ что останется отъ меня въ мірѣ «память». Львосердый государь плетью ударилъ такъ, что мечъ сломался. Сердце Рустема отъ горя разорвалось на сто кусковъ, и отъ печали онъ уподобился ехиднѣ-кровопійцѣ. Вынулъ герой, хватающій львовъ, лукъ и приложилъ руку къ стрѣлѣ, мѣтясь въ начальника вѣры. Выпустилъ онъ сколько у него было стрѣлъ, но стрѣлы его непроизвели дѣйствія. Съ горя онъ бросилъ лукъ далеко и волновался съ надменностью и заносчивостью. «Хотя бы ты былъ силачемъ своего времени, не получишь ты изъ когтей моихъ пощады. Какъ царскій соколъ я тебя сорву съ сѣдла и ударю о землю. Свяжу тебѣ обѣ руки и оттащу въ Иранъ, отведу въ заморскій подарокъ

храбрецамъ». Рѣчамъ такимъ начальникъ трона неджефскаго засмѣялся милостиво и любовно: «Отъ героевъ балагурство—позоръ, въ особенности, о храбрецъ, въ день битвы». Рустемъ вновь пришелъ въ волненіе, закричалъ и сказалъ: «о государь, одѣтый въ шерсть! если ты даже гора Кафъ, я совлеку тебя со спины лошади сильною рукою». Онъ протянулъ длани и схватилъ его за поясъ, и употребилъ большую силу тотъ левъ-самецъ. Некачнулся съ мѣста Левъ божій, а если бы была гора, и та сорвалась бы съ мѣста. Когда Рустемъ не могъ ничего съ нимъ сдѣлать, извился онъ какъ змѣя; какъ фонтанъ лилась изъ его носа кровь, руки обезсилѣли. Арабскій начальникъ, левъ, излавливающій враговъ, обитель милости и тайна Создателя, засмѣялся и сказалъ: «О Забулецъ, посмотри на свою силу и мощь Али»! Схватилъ Рустема за поясъ, совлекъ съ лошади и подбросилъ его къ лазуревому небу. Скрылся у него изъ глазъ этотъ міръ благодаря чуду царя царей. людей и душъ. Передаетъ славный Рустемъ, что когда померкъ міръ предъ его глазами, услышалъ онъ сверху шумъ ангеловъ, которые славословили на самомъ верху неба. «Время и земля предо мною померкли и отъ міра до міра предо мною потемнѣло. Я отчаялся въ душѣ и сталъ бездушнымъ и въ воздухѣ стоналъ и вопилъ. Какъ вотъ я увидѣлъ, кто то сказалъ: о Славный, если ты хочешь спастись отъ моего меча, возьметъ тебя съ неба великій начальникъ, облобызай стопы его. Научись у него правиламъ войны, чтобы быть тебѣ безъ проволочки въ нашемъ раю». Когда услышалъ я эту «тонкость», тотчасъ же изъ головы у меня вылетѣлъ разсудокъ, а изъ тѣла душа. Когда милостію творца міра я приблизился къ лицу земли, увидѣлъ, что стоитъ тотъ самый отмѣнный наѣздникъ. Я пришелъ въ волненіе и сказалъ: «О именитый! Великіе на всякаго, кого они возносятъ, не смотрятъ гнѣвно и злобно: ты вознесъ меня на небо,—не ударяй о землю, потому что обычай вельможъ не таковъ. Если тѣло мое сдѣлаетъ отпечатокъ на землѣ, ты будешь причиною моего горя. Когда поднялъ кого либо, не бей его о землю: человѣчность есть черта Абуль-Хасана (Али). Я Рустемъ, богатырь міра, пощади, о Али, пощади, пощади»! Услышавъ это, Левъ божій схватилъ его на руки какъ птицу съ воздуха, съ легкостью поставилъ ту гору на землю и открылъ предъ нимъ дверь милости и ласки. Силачъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и вѣжливостью облобызалъ ноги государя арабскаго. «Другъ божій» сказалъ: «о именитый! вступи въ вѣру правую, чтобы тебѣ спастись». Иранскій военачальникъ вновь воспріялъ душу, оставилъ путь невѣрія и принялъ вѣру правую. Постигъ основы вѣры и религіи и заботою государя сталъ изъ мусульманъ. Увеличился свѣтъ и уменьшился огнь, когда Рустемъ примкнулъ къ числу друзей великихъ. Когда Залевичъ свернулъ съ дороги невѣрія, померкъ огнь и возсіялъ свѣтъ. Рустемъ сказалъ

государю: «о государь! слугою твоимъ сталъ славный Рустемъ. Доставилъ ты меня изъ ада въ рай и освободилъ меня отъ поклоненія огню; теперь я душевно обязанъ тебѣ, что просвѣтится религія моя и вѣра правая. Скажи твое имя, чтобы я сдѣлалъ его ладонкою души, потому что для меня стало очевиднымъ твое мужество. «Другъ божій» Левъ Создателя изволилъ сказать славному Рустему. «Я тайна вѣры, и никто моей тайны не можетъ дерзнуть сказать. Не было ни небесъ, ни земли, ни воды, какъ Богъ далъ мнѣ имя Абу-Турабъ. Много прежде Адама въ этомъ «старомъ монастырѣ» ходилъ я по горамъ, доламъ и степямъ. Въ этотъ домъ праха я вступилъ вмѣстѣ съ Адамомъ, о мірской богатырь. Я мѣсто проявленія всего сущаго, я присутствующій при жизни и смерти. Со всякимъ изъ пророковъ, который появлялся, была конечно «десница Божія». Богу я поклонялся день и ночь, и ангелы отъ меня пріобрѣли почтительныя манеры. Имена мои безъ границъ и безъ числа; зови меня Али, о славный Рустемъ. Въ дни послѣдняго времени, когда проявится «печать пророковъ», въ тотъ день проявлюсь на землѣ и я, и не останется въ живыхъ никто изъ многобожниковъ: по приказу пророка съ чистою душею я поражу выи многобожниковъ мечемъ. Такъ какъ ты принялъ вѣру, о именитый, и сталъ изъ числа людей вѣры правой, освободившись отъ огня,—при воскресеніи оживитъ тебя Господь, и въ тотъ день неразлучишься ты со мною. Въ этомъ мірѣ и въ той жизни ты будешь счастливымъ и выкажешь величіе въ обоихъ мірахъ. Теперь иди съ честію необыкновенною и уваженіемъ къ Саломону,—да будетъ надъ нимъ міръ»! Сказалъ онъ это и скрылся изъ глазъ. Рустемъ посмотрѣлъ и неувидѣлъ никого: удивился онъ и призвалъ Бога: солнце ушло и осталась звѣзда. Познаъ онъ, что тотъ государь есть Левъ божій, сану котораго приличествуетъ рѣченіе «нѣтъ юноши кромѣ какъ Али». Потомъ начальникъ иранскаго войска двинулся и пришелъ во дворецъ. Вступилъ во дворецъ тотъ отважный, переваливаясь и смѣясь, какъ левъ. Выразили ему почтеніе начальники и восхвалили со всѣхъ сторонъ звѣзды. Саломонъ сказалъ: «о достойный вѣры, ты вступилъ въ общину правовѣрныхъ; какъ счастливъ ты, о Рустемъ чисторожденный! Міръ непомнитъ никого подобнаго тебѣ. Какъ счастливъ Иранъ и какъ счастливъ Заль, что имѣютъ подобнаго тебѣ человѣка, одареннаго совершенствами. Міръ—по твоему желанію, послѣ этого непечалься ты ни въ какомъ дѣлѣ». Военачальникъ Ирана воздалъ хвалу: «да не опустѣетъ отъ тебя земля»! Сломалъ атрибуты магства и возсѣлъ на золотое кресло. Саломонъ зналъ о сраженіи его, но всетаки спросилъ: «Какъ было ратоборство твое съ тѣмъ всадникомъ?» Рустемъ понялъ, что Саломонъ имѣетъ свѣдѣнія о той битвѣ, полной смятенія и зла. Засмѣялся Рустемъ и сказалъ звучно: «Роза цвѣтника моей вѣры распустилась. Какая нужда тебѣ разсказывать, о счастливый,—вѣдь ты свѣдущъ

о дѣлахъ мірскихъ. Неприличествуетъ, о славный начальникъ, повѣствовать предъ тобою о той битвѣ. Мнѣ сказалъ тотъ глава чистой вѣры, чтобы я былъ тебѣ ничтожнѣйшимъ рабомъ. Соизволь теперь на то, что есть твой приказъ, такъ какъ я душою преданъ союзу съ тобою и договору». Саломонъ приказалъ; «да будетъ, о богатырь, у тебя постоянно умъ свѣтлымъ! Когда ты отправишься въ Иранъ, скажи Хосрою: «Неищи въ мірѣ ничего, кромѣ добраго имени; отвратись отъ пути и обычаевъ вѣры магской и не внимай ты словамъ Гудерза и Туса. Если ты пріобрѣтешь имя въ обоихъ мірахъ, будутъ хвалить тебя въ обоихъ мірахъ. А если нѣтъ, — большую рать изъ бѣсовъ я отправлю, которой неотвратятъ главари. Разобью я твое войско и страну; если не увѣруешь, размозжу тебѣ голову. Неостанется и слѣда отъ огнепоклонниковъ и унижу я твой огнь блескомъ свѣта; разгромлю міръ и уничтожу твоихъ Гудерзидовъ». Принялъ Рустемъ все, что̀ тотъ приказалъ и отъ правой вѣры его разцвѣла роза вѣры. Онъ былъ отпущенъ изъ дворца съ любовію, и повязалъ чресла на постоянное служеніе этому дому. Саломонъ подарилъ знаменитому много яхонтовъ, рубиновъ, драгоцѣнныхъ камней. Затѣмъ отправился Залевичъ съ необыкновенною честью, роскошью и величіемъ. Приказалъ онъ, чтобы осѣдлали Молонью и затрубили въ золотыя трубы. Сорокъ человѣкъ бойцевъ-богатырей шли съ нимъ у его стремени. Съ такою силою, честью и могуществомъ отправился именитый въ иранскую землю. Когда онъ пришелъ ко двору Хосроя, онъ издали его увидѣлъ, и «огнь» склонился къ «свѣту». Когда Рустемъ увидѣлъ всѣхъ храбрецовъ, много сказалъ словъ и услышалъ отвѣтовъ. «Саломонъ, де, есть владыка моря и суши, и покорствуютъ ему бѣсы и люди; съ такимъ человѣкомъ у меня неможетъ быть спора,—невидѣлъ я подобнаго совершеннаго государя. Во дворцѣ его я сталъ изъ числа друзей, а теперь я иду въ Сеистанъ». Когда Иранцы услышали эти слова, государь и подданные испустили крикъ: «Пошла на вѣтеръ вѣра огнепоклонниковъ, и факелъ огня на землѣ поникъ»! Всѣ пришли въ волненіе, застонали, смутились, разстроились, заплакали. Слышалъ я изъ исторіи Персовъ, что въ концѣ концовъ Саломонъ съ войскомъ и ратью направился въ царство иранской земли. Хосроя бѣсы осилили и всѣхъ стѣснили: небыло ни ногъ для бѣгства, ни силы воевать. Жизнь Иранцамъ они сдѣлали горькою. Въ бѣгствѣ направился Хосрой въ Балхъ; спрятался онъ въ той землѣ въ пещерѣ, и не имѣетъ никто о положеніи его никакого извѣстія»....

Вотъ дословный переводъ «народно-лубочнаго» разсказа о томъ, какъ старикъ Рустемъ сдѣлался мусульманиномъ при участіи Али. Я опустилъ конецъ книжки, такъ какъ прямаго отношенія къ дѣлу онъ неимѣетъ: авторъ перебираетъ въ своей памяти имена «ушедшихъ» героевъ и царей и говоритъ о тщетѣ этой жизни,—обратятся въ прахъ и тѣ, которые еще въ нее неяви-

лись. Что касается самаго разсказа, то при всей кажущейся вздорности, на мой взглядъ, онъ заслуживаетъ вниманія замысломъ, который анонимный авторъ объяснилъ въ предисловіи отчасти очень ясно. Замыселъ этотъ свидѣтельствуетъ, что въ современной Персіи еще существуютъ люди, религіозное чувство которыхъ никакъ неможетъ примириться съ Рустемомъ, какъ героемъ, вполнѣ народнымъ, потому что онъ «огнепоклонникъ, многобожникъ». И вотъ его, почившаго послѣ семисотлѣтнихъ легендарныхъ приключеній, воскрешаютъ и приводятъ въ связь съ лицами, нѣкоторые изъ которыхъ составляютъ достояніе ужъ не вымысла, а исторіи, и заставляютъ сдѣлать шагъ, который «опечаленныхъ Персовъ» можетъ привести въ умиленіе и восторгъ, т. е. стать мусульманиномъ. Такое новѣйшее религіозное усердіе невольно приводитъ на память Шейха Гургани, который по кончинѣ Фирдоуси отказался совершить надъ нимъ обычную молитву, потому что тотъ много хвалилъ огнепоклонниковъ.

Другой, если не главный замыселъ автора—показать простому полуграмотному люду, читающему лубочныя книженки, что какъ ни славенъ могучій богатырь Рустемъ Дастановичъ, онъ все таки меркнетъ предъ «солнцемъ Неджефа», Али, который въ глазахъ истинно вѣрующихъ шіитовъ навсегда долженъ остаться ни для кого недосягаемымъ величіемъ. Недаромъ Персы дорожатъ и гордятся божественнымъ, какъ говорятъ, преданіемъ, что Богъ сказалъ однажды Мухаммеду по арабски: «Еслибы не ты, если бы не ты, я не создалъ бы небесъ, но еслибы не Али, я не создалъ бы тебя — Лёу ля̀ка лёу ля̀ка, ля̀ма халя̀кту ль-афля̀ка, ве лёу ля Аліи̂юнъ, ля̀ма халя̀ктука.

В. Жуковскій.

ОТДѢЛЪ II.

Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона.

(Изъ бумагъ И. П. Минаева).

XVII. 1. 1. Nalinījātakam. Въ древности, въ царствованіе Брахмадатты въ Бенаресѣ, Бодһисатва родился въ семьѣ одного Udiccabrāhmaṇa; окончивъ ученіе, онъ сталъ жить отшельникомъ, въ странѣ около Гималая. У него родился сынъ (тѣмъ же чудеснымъ образомъ, какъ разсказано въ № 523). Сынъ, по имени Isisiṅgo, придя въ зрѣлыя лѣта, сталъ великимъ подвижникомъ; его подвижничество заставило потрястись обитель бога Индры. Индра, изыскивая средства совратить его, три года не посылалъ дождя въ Касійскую страну. Страна стала какъ бы огнемъ сожженная. Народъ сталъ волноваться. Хотя Царь сталъ соблюдать Упошатһу, но дождь все-таки не шелъ. Въ полночный часъ ему предсталъ Индра и, освѣтивъ опочивальню царскую, объяснилъ царю: въ странѣ гималайской есть подвижникъ, Isisiṅgo по имени, великій подвижникъ, умертвившій свои чувства; несомнѣнно, онъ когда либо во время дождя, разгнѣвавшись, взглянулъ на небо, поэтому дождь не идетъ; если помѣшать его подвижничеству, то дождь непремѣнно пойдетъ. Помѣшать его подвижничеству можетъ только царская дочь по имени Nalinī. На другой день царь, послѣ ухода Индры, посовѣтовавшись съ министрами, призвалъ дочь и сказалъ ей: «Сохнетъ народъ и гибнетъ страна; ступай, Nalinī, овладѣй мнѣ этимъ брахманомъ». На это дочь отвѣчала: «Не вынесу я, о царь, скорби; не знаю дороги; какъ мнѣ идти въ лѣсъ, полный слонами». Царь убѣждаетъ её согласиться, выставляя на видъ народную пользу, и, давъ ей провожатыхъ, отсылаетъ въ гималайскую страну. До обители подвижника они достигаютъ утромъ, въ то время, когда отецъ, оставивъ одного сына, отправился за различными плодами. Разряженная царевна предстаетъ подвижнику и сначала пугаетъ его. Но затѣмъ выдаетъ себя за подвижника. Isisiṅgo приглашаетъ царскую дочь къ себѣ въ хижину, гдѣ царская дочь обманомъ соблазняетъ подвижника, не видавшаго женщинъ, прося его вылѣчить рану. Согласившись на ея предложеніе, онъ, хотя и по наивности, но нарушилъ обѣтъ цѣломудрія. Измучившись и выкупавшись, подвижникъ спросилъ царскую дочь о дорогѣ въ ея обитель и въ то же время предложилъ идти вмѣстѣ туда, какъ только придетъ отецъ. Царская дочь, сказавъ ему ложно свою обитель, а такъ же и то, что по дорогѣ онъ встрѣтитъ многихъ мудрецовъ, которые проведутъ его, не дожидаясь отца, вернулась къ своимъ провожатымъ. Въ Бенаресѣ въ тотъ же день пошелъ дождь. Послѣ ухода царской дочери, Isisiṅgo почувствовалъ, что тѣло его горитъ и сталъ тосковать объ ушедшей. Такимъ засталъ его отецъ по возвращеніи. Isisiṅgo наивно разсказалъ отцу свое приключеніе. Отецъ тотъ-часъ же понялъ, что женщина соблазнила сына, и потому и сталъ вразумлять сына, который вскорѣ образумился.

XVII. 1. 2. Ummadantījātakam [1]). Въ древности въ странѣ Sivi,

---

[1]) [Текстъ этой Джатаки и изслѣдованіе объ этомъ разсказѣ въ статьѣ: *Zachariae Th.* Die Sechzehnte Erzählung der Vetālapañcavinçati. Bezz. Beitr. IV. 360—383. С. О.]

въ городѣ Aritthapura царствовалъ царь Sivi, у него родился сынъ названный Sivikumāro; въ то-же время у военачальника такъ же родился сынъ, названный Ahipārako. Оба сына росли товарищами и учились въ Takkasilā. По возвращеніи оттуда, Sivikumāro взошелъ на престолъ, а Ahipārako сталъ его военачальникомъ. Въ это время у богатаго setthi (цеховаго начальника), по имени Tiritivaccha, родилась дочь красавица, которой дали имя Ummadantī. Въ шестнадцать лѣтъ она была такъ хороша, что люди при взглядѣ на нее пьянѣли и утрачивали память. Отецъ предложилъ красавицу царю, царь принялъ предложеніе и послалъ гадателей изыскать, съ хорошими ли красавица примѣтами. Когда же красавица разряженная показалась гадателямъ, они совсѣмъ уполоумѣли, и были выгнаны ею; а потому гадатели объявили о ней царю, что она гнѣвная и съ дурными примѣтами. Красавица, услыхавъ это, разсердилась на царя. Отецъ отдалъ ее военачальнику Ahipāraka. (Красавицей родилась Ummadantī за то, что въ прежнемъ перерожденіи во время Будды Kassapa наградила одного изъ его шраваковъ своимъ великолѣпнымъ шитьемъ). Однажды во время праздника (kattikachana) Ahipāraka, уходя изъ дому, сказалъ женѣ, что царь станетъ объѣзжать городъ, а потому, чтобы она не показывалась ему на видъ; ибо, прибавилъ онъ, увидавъ тебя, царь обезпамятуетъ. По уходѣ мужа, Ummadantī приказала рабу, извѣстить ее, какъ только царь приблизится къ дверямъ ихъ дома.

Послѣ захода солнца, когда взошла полная луна и заблистали свѣтильники всюду, разряженный царь подъѣхалъ къ дверямъ дома военачальника, и Ummadantī осыпала его изъ окна цвѣтами; царь, взглянувъ на верхъ и увидавъ красавицу, обезпамятовалъ такъ, что не могъ узнать, что это домъ военачальника. Ummadantī, увидавъ, что царь потрясенъ, закрыла окно и скрылась. Узнавъ, чей это домъ, царь приказалъ своему возничему Sunanda повернуть назадъ; прійдя домой, онъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ любви. Обо всемъ этомъ донесли военачальнику Ahipāraka, и онъ отправился домой, гдѣ жена увѣрила его, что она показалась царю нечаянно, не зная, что то былъ царь. Ahipāraka посылаетъ одного изъ своихъ рабовъ спрятаться въ дерево, научивъ его предварительно, какъ говорить вмѣсто бога дерева. Идетъ приносить жертву этому дереву и спрашиваетъ у бога дерева, почему царь боленъ и какъ его можно излѣчить. Рабъ вмѣсто божества отвѣчаетъ, что царь влюбленъ въ Ummadantī и излѣчить она только его и можетъ. Получивъ такой отвѣтъ, Ahipāraka отправляется къ царю, объявляетъ ему, что боги знаютъ о его любви и въ слѣдствіе того онъ отдаетъ ему жену Ummadantī. Но, отдавая жену, Ahipāraka вступаетъ съ царемъ въ пренія о законѣ и такимъ образомъ излѣчиваетъ его отъ безумной любви.

XVII. 1. 3. Mahābodhijātakam, Въ древности, въ царствованіи Брахмадатты въ Бенаресѣ, Бодhисатва родился въ семьѣ одного Udiccabrāhmaṇa; звали его Bodhikumāro; воспитывался онъ въ Takkasilā, по возвращеніи оттуда сдѣлался отшельникомъ. Разъ онъ пришелъ въ Бенаресъ, былъ увиданъ царемъ, понравился ему и по предложенію царя сталъ жить въ его саду. Ежедневно царь посѣщалъ его два, три раза и обѣдалъ вмѣстѣ съ Бодhисатвою; такимъ образомъ прошло двѣнадцать лѣтъ. У царя было пять министровъ различныхъ философскихъ школъ; они творили неправильный судъ и брали взятки. По просьбѣ одного человѣка, пострадавшаго отъ неправильнаго суда, Бодhисатва начинаетъ творить судъ и затѣмъ приглашается царемъ творить судъ ежедневно, отправляясь изъ саду къ царскому обѣду. Бодhисатва согласился на это послѣ усиленной просьбѣ царя. Министры, не получая взятокъ, стали изощряться, какъ бы поссорить царя съ Бодhисатвою; они убѣдили царя, что Бодhисатва хочетъ овладѣть его царствомъ; показали отшельника, окруженнаго великою свитою въ то время какъ онъ возвращался изъ суда. Увидавъ это, царь повѣрилъ ихъ навѣтамъ и сталъ мало по малу лишать его своихъ милостей, надѣясь, что отшельникъ, замѣтивъ это, самъ уйдетъ. Отшельникъ даже лишенный царскихъ милостей не уходитъ; убѣжденный, что онъ не уходитъ, потому что добивается царства, царь далъ приказаніе своимъ министрамъ убить его. Въ туже ночь, однакоже, царь, вспомнивъ до-

дѣтели отшельника Бодhисатвы, сталъ тосковать по немъ и повѣдалъ царицѣ какъ свою скорбь, такъ и намѣреніе убить отшельника. Царица успокоила его, и царь заснулъ. Ихъ разговоръ подслушала пестрая собака (та самая, которую отшельникъ накормилъ въ первое свое свиданіе съ царемъ) и рѣшилась предупредить отшельника; дѣйствительно въ то время, какъ онъ шелъ къ обѣду, веселымъ ревомъ она даетъ ему знать о великой опасности; отшельникъ понялъ ее, повернулъ назадъ и рѣшился удалиться. Царь, увидавъ изъ окна какъ онъ возвращается въ садъ, пошелъ за нимъ: убѣдившись въ его невинности, царь убѣждаетъ его остаться, но отшельникъ покидаетъ садъ и уходитъ къ Гималаю. Послѣ его ухода министры стали по прежнему судить, но, боясь возвращенія отшельника, они убѣдили царя, что царица и отшельникъ переписываются вѣстями и желаютъ его убить. Испугавшись, царь далъ приказаніе убить царицу; министры такъ и сдѣлали; четыре сына царя стали враждовать съ нимъ и навели на царя великій страхъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до Бодhисатвы. Онъ является въ Баранаси мирить отца съ дѣтьми и разбиваетъ ученіе пяти министровъ.

pañāāsanipātavaṇṇanā.

XVIII. 1. 1. Sonakajātakam. Въ древности Бодhисатва родился сыномъ царя Magadha, въ Ражагрихѣ; его назвали Arindama; въ день его рожденія у пурохиты родился сынъ Sonaka; оба они воспитывались въ Takkasilā, и затѣмъ отправились путешествовать; въ это время въ Бенаресѣ умеръ бездѣтный царь, и когда два товарища прибыли въ этотъ городъ, вѣщая колесница искала новаго царя. Arindama избирается царемъ, Sonaka тайно оставляетъ его, идетъ подвизаться и дѣлается paccekabuddh'ою. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и два товарища не видятся; царь вспоминаетъ наконецъ своего товарища и получаетъ желаніе съ нимъ свидѣться. Sonaka въ тоже время испытываетъ тоже желаніе и приходитъ въ Баранаси, научаетъ одного семилѣтняго мальчика извѣстить о себѣ царя. Происходитъ свиданіе. Sonaka наставляетъ своего товарища въ законѣ и, желая выяснить ему пагубность страстей, разсказываетъ басню о воронѣ, увидавшей мертвое тѣло слона въ рѣкѣ Гангѣ; ворона вообразила себѣ, что мертвое тѣло можетъ служить ей пищею и колесницею; но теченіемъ ворона была вынесена въ море, гдѣ и погибла. По окончаніи наставленія Sonaka вознесся и скрылся изъ глазъ царя. Царь послѣ удаленія своего бывшаго товарища позналъ истину его словъ, помазалъ на царство своего сына Dīghāvu, а самъ удалился къ Гималаю.

XVIII. 1. 2. Saṃkiccajātakam. Vatthu разсказываетъ, какъ Аджаташатру, по наученію Девадитты, убилъ своего отца и мучился нравственно и физически. Въ древности въ Бенаресѣ у царя родился сынъ Brahmadatta, у пурохиты въ тоже время родился сынъ Saṃkicca; оба они учились въ Takkasila, по возвращеніи откуда, царь сдѣлалъ сына вице-царемъ. Вице-царь, увидавъ своего отца—царя, отправляющагося веселиться въ садъ, нашелъ, что отецъ моложавъ, а потому ему предстоитъ долго ожидать царства, и у него явилась мысль убить царя, что онъ и сообщаетъ своему товарищу Saṃkicca; тотъ отговариваетъ его до трехъ разъ, и когда увидалъ, что, не смотря на его уговоръ, вице-царь рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе, Saṃkicca тайно удаляется къ Гималаю и становится подвижникомъ. Вскорѣ послѣ того царь былъ убитъ сыномъ. Убійца послѣ того не находитъ себѣ покоя и часто вспоминаетъ своего товарища. Saṃkicca являетея къ царю, прилетѣвъ по воздуху со своею свитою и разсказываетъ ему, какъ мучатся грѣшники въ аду. Описаніе ада.

chaṭṭhinipātavaṇṇanā.

И. Минаевъ.

Прим. Иванъ Павловичъ, какъ было сказано выше, оставилъ въ рукописи рядъ пересказовъ Джāтакъ; напечаталъ онъ о Джāтакахъ слѣдующія 3 статьи:

I. Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды Ж. М. Н. II. 1871. XI. 87—133.

II. Нѣсколько словъ о буддійскихъ Жатакахъ. Ib. 1872. VI. 185—224.

III. Индѣйскія сказки. Ib. 1874. XI. 68—104. 1876. II. 368—403. IV. 314—340. V. 69—97.

Въ этихъ статьяхъ и въ оставшихся рукописяхъ переведены или пересказаны слѣдующія Джāтаки: **1—123**; изъ нихъ напечатаны: **3**—II. 199—201. **45**—II. 214—215. **48**—II. 215—218. **62**—III. 85—87. **67**—III. 87—88. **77**. въ соч. А. Н. Веселовскаго Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши. Спб. 1879. стр. 28—34. **80**—III. 91. **82**—I. 112—113. **89**—I. 113—115. **92**—III. 88—90. **97**—III. 91—92. **98**—II. 211—212. **102**—I. 106—107. **104**—I. 113. **113**—II. 212—214. **125**—III. 92—93. **128**—I. 115—116. **129**—I. 117—118. **175**—I. 118—119. **196**—II. 201—203. **215**—III. 70—71. **217**—I. 107—108. **221**—I. 119—121. **236**—I. 121—122. **270**—II. 219—221. **277**—I. 122—124. **294**—II. 218—219. **295**—II. 219. **327**—I. 129—130. **339** въ статьѣ „Новые факты относительно связи древней Индіи съ западомъ“ Ж. М. Н. П. 1870. VIII. 233—35 и 237—38, по-нѣмецки: Buddhistische Fragmente. Mél. As. VI. 591—93 и 596—99. **349**—II. 222—224. **360**—I. 131—133. **369**—I. 113. **378**—II. 193—195. **383**—II. 221—222. **384**—I. 124—126. **415—420** (въ рукописи). **536**—I. 126—129. **439**—I. 108—112. **445**—II. 194—195. **446—510**, изъ нихъ напечатаны: **454**—II. 93—97. **463**—II. 203—207: **465**—III. 97—99. **366**—II. 207—212. **481**—III. 99—101. **497**—III. 101—104. **511—520** напечатаны выше, см. Ж. С., III. выше. **521**—III. 368. **522**. III. 369—370. **523—525**, см. выше. [Тутъ прекращается нумерація по Фаусбёллю, и мы даемъ №№ главъ, какъ у И. П., съ названіемъ Джāтаки]. XVII. 1. Nalinī см. выше. XVII. 2. Ummadantī см. выше XVII. 3. Mahābodhi см. выше XVIII. 1. Soṇaka см. выше XVIII. 2. Saṃkicca см. выше XIX. 1. Kusa III. 371—78. XIX. 2. Soṇananda III 378—79. XX. 1. Cullahaṃsa III. 379—80. XX. 2. Mahāhaṃsa. III. 380—82 XX. 3. Sudhābhojana. III. 382—87. XX. 4. Kuṇāla. III. 387—96. XX. 5. Mahāsutasoma. III. 397—99. XXI. 1. Mūgapakkha. III. 399—400. XXI. 2. III. 400—402 и II. 195—98. XXI. 3. Sāma. III. 402—403. XXI. 4. Nemi. III. 314—23. XXI. 5. Khaṇḍahāla. III. 323—25. XXI. 6. Bhūridatta. III. 326—40. XXI. 7. Mahānārada Kassapa. III. 69—70, XXI. 8. Vidhūrapaṇḍita. III. 70—73. XXI. 9. Mahāummagga III. 73—97. Изъ этого перечня видно, что Иванъ Павловичъ перевелъ и пересказалъ около половины всѣхъ Джāтакъ каноническаго сборника—большая часть этой работы сдѣлана слишкомъ *двадцать* лѣтъ тому назадъ, когда еще почти не было изданныхъ палійскихъ текстовъ и почти никто Джāтаками не занимался.

С. О.

Угорскорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в.

Намъ удалось пріобрѣсти на Угорской Руси весьма любопытную рукопись, содержащую въ себѣ цѣлое собраніе заговоровъ и заклинаній. Рукопись написана на бумагѣ въ 16-ую долю листа, вышиною около 16, шириною около 10 сант. Бумага очень пожелтѣла и попортилась, чернила выцвѣли. Всѣ листки снизу у корешка повреждены, и чѣмъ ближе къ концу, особенно 51 листа, тѣмъ больше нижнихъ строкъ текста уничтожено. Переплетъ позднѣйшій, кожаный, также сильно поврежденный.

Въ настоящее время рукопись состоитъ изъ 1 пустаго листа въ началѣ (нами не нумерованнаго), 76 исписанныхъ листовъ и 4 пустыхъ листовъ въ концѣ. Послѣ 76 листа вшито—уже позже переплета книги—тетрадочка изъ 27 листковъ, меньшаго формата, нижнія половинки которыхъ уничтожились. Три послѣднихъ листка этой тетрадки склеены вмѣстѣ.

При переплетеніи рукописи, послѣдніе листы были перепутаны — 76 листъ. долженъ бы былъ предшествовать 74. И вообще послѣ 72 листа нѣкоторыхъ листовъ очевидно не хватаетъ: тексты то безъ начала, то безъ конца.

Большая часть рукописи листы 1б—58б написаны однимъ почеркомъ—прямымъ, средней величины, подражающимъ печатному шрифту. Листъ 1а писанъ другимъ подобнымъ почеркомъ, но крупнѣе. Съ пятой строки листа 58б и до 69б идетъ третій почеркъ такого же характера, но болѣе крупный, чѣмъ первый и второй; буквы наклонены въ лѣво. Затѣмъ слѣдуетъ еще три почерка: 70а—71а—мелкій курсивъ, 72а—73б—крупный курсивъ, 74а—76б—неумѣлое подражаніе печатнымъ буквамъ. Седьмымъ почеркомъ, почеркомъ человѣка, еле научившагося грамотѣ, исписана вся тетрадочка, вшитая послѣ 76 листа. На первомъ пустомъ листѣ позднѣйшимъ владѣльцемъ рукописи написано: Raznia molitvi.

Вся рукопись, какъ видно по письму, написана въ XVIII в. Главная часть ея — листы 1б 58а относится къ 1707 году, какъ видно изъ записи перваго писца на листѣ 1б внизу: [ ] [1]) Бож: ҂аѱз м҃ца Іюлїа. Вѣроятно одновременно, или вскорѣ послѣ этого, написаны другимъ лицомъ листы 58б—69б. На оставшихся пустыми остальныхъ листахъ разные владѣльцы рукописи вписывали позже свои добавленія. Наконецъ вшита была цѣлая тетрадка.

Содержаніе рукописи слѣдующее:

Листъ 1а—молитва на освященіе воды.
„ 1б изображеніе креста и орудій мученія Спасителя.
„ 2а 11б: молитвы отъ духа нечистаго.
„ 11б 15а: молитвы подъ домомъ, оплазняемымъ отъ злыхъ мечтовъ.
„ 15б - пустой.

На верху листовъ 1а и 2б нарисованы чернилами небольшія заставки. Заставка, разрисованная зеленой краской, находится также вверху листа 16а следовательно съ него начинается какъ бы особый отдѣлъ 16а 37б -различные заговоры и заклинанія. 37б 41б сказаніе о 12 пятницахъ.

Начало: „Во западней странѣ есть земля именемъ Лавра, въ ней же естъ градъ, именемъ Алшъ".

[1]) Обозначаетъ уничтожившіяся мѣста рукописи.

Въ концѣ 41б—небольшая заставка.

41б—51а Ворожка святыхъ Апостолъ, слово первое.

Начало: „Члвче, что што мыслишъ на своемъ сердци, то ти буде добрѣ на вшитокъ помыслъ“.—Конецъ: „Агглъ Панскій и предстатель предстоитъ, болящого исцѣлитъ, Богъ спасеніе подаетъ, о немъ же проси на дѣланіе, поможетъ ти Панъ Богъ, аминь“.

51а—55а—сказаніе о дняхъ злыхъ и добрыхъ.

Начало: „А се ино знаменіе. Извѣстно буди: въ 1-й день мѣсяца, иже ест луна, Адамъ бысть създанъ Богомъ. То день добрый купити и продати“. Конецъ: „30-й день луны: Самуилъ пророкъ родися. Тотъ день добрый всему; извѣстно есть сѣяти и садити и виноградъ дѣлати, дѣти до науки давати. Родися, благо нарочито будетъ, уходъ обрящетъся“.

55б—69б—заговоры.

70а—71а: „Подякованя господарови за обѣдъ заздоровный отъ всѣхъ духовныхъ“.

71б—пустой.

72б—73б—заговоры.

74а—74б—конецъ какой-то повѣсти и притча о человѣческой жизни, очевидно съ польскаго подлинника. Начало ея: „Былъ еденъ кроль вельможній, которій уставилъ въ своюмъ панствѣ тоту уставу, же кто на гарлѣ малъ умерти, абы нижъ слнце мае зыити, предъ его домомъ трем6лепо [ ], абы ся облоклъ въ чорне одѣня и на сондъ приходилъ“. Безъ конца.

76а—пустой (во вшитой тетрадкѣ).

67б—100б—заговоры.

Такимъ образомъ главное содержаніе этого рукописнаго сборника составляютъ заговоры и заклинанія. Мы сообщимъ наиболѣе интересные изъ нихъ, начиная съ листа 16а, такъ какъ молитвы на листахъ 2а—15а и по содержанію, и по языку проникнуты исключительно церковнымъ элементомъ.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о языкѣ и мѣстѣ возникновенія сборника.

Съ перваго взгляда видно, что заговоры—за исключеніемъ извѣстнаго вліянія церковно-славянскаго языка—написаны на малорусскомъ нарѣчіи [1]).

Но мало этого—нѣкоторыя, преимущественно фонетическія, менѣе лексическія особенности ведутъ къ пріуроченію этихъ заговоровъ, именно къ угрорусской почвѣ. Конечно, остается неизвѣстнымъ, былъ ли первоначально этотъ сборникъ (т. е. его главная часть) здѣсь составленъ, но переписанъ во всякомъ случаѣ на Угорской Руси. Особенности эти слѣдующія: лукавцювъ (3), сѣвцювъ (3), волювъ (6) и т. д. gen. pl. mas.; иновъ (13), святовъ пречистовъ матерев (17); Матковъ Божовъ (17) abl. sing. fem.; извюлъ (= извелъ 1); звалемъ (13), есъ изгардѣла (13), есъ сътворилъ (15); вернѣтъ ся (imperat. 15); хотаръ, хотарній (6 и 15) = граница, округъ; дюгъ—нечистый духъ (во мног. мѣстахъ), крайници и шолтыси (10) и т. п.

Относительно писца, которому принадлежатъ листы 58б—69б мы можемъ точнѣе опредѣлить его мѣсторожденіе—это, именно, юговосточный уголъ угрорусской территоріи, въ Марамарошскомъ комитатѣ, на границѣ съ румынской народностью (гдѣ, напр., села: верхняя и нижняя Рона, Ронасѣкъ и др.). Въ этой мѣстности подъ вліяніемъ румынскаго элемента звукъ *и* замѣняется очень часто чрезъ *ы*, напр., „Господ*ы* пом*ы*луй“. Ср. въ нашемъ сборникѣ: „пойд*ы*! глагол*ы*! кол*ы* (когда), чародѣйныковъ, молитвам*ы* (22); забаяты (24); восходыть, третый (26) и т. п.

При передачѣ текста, писаннаго съ сокращеніями, съ надстрочными знаками, мы разрѣшали ихъ и переносили букву въ строку, за исключеніемъ сомнительныхъ слу-

[1]) Есть кое какіе слѣды польскаго (сондъ, члонки) и, вѣроятнѣе, словацкаго языка (вшидко — 1, моцію—оч. часто, вшелякій 10, оген (10) и т. п.) но они очень незначительны, такъ что могутъ быть объяснены сосѣдствомъ и вліяніемъ этихъ народностей на народный малорусскій говоръ, а не первоначальнымъ польскимъ или словацкимъ происхожденіемъ сборника.

чаевъ (напр., гдѣ нельзя опредѣлить, должно ли быть ого или его, ць или цъ и т. п.). Точно также мы не дѣлали различія между ꙗ и ѧ, о и ѡ, и и і. Въ остальныхъ случаяхъ мы соблюдали правописаніе подлинника.

Разстановка знаковъ препинанія употреблена нами современная.

А. Петровъ.

С.-Петербургъ.
1891 г. февраля 19 дня.

(лл. 16а—21а). Молитва заклятн Гостець болного члoвека. (Глаголи сіе трижды и знамемай).

Въ имя Отца и Сына и Святого Духа аминь.

Ишо̂лъ са́мъ милостивый Господь Богъ райскіими путми и гостинцѣ, и стрѣтилъ го̂сца и гостицу и со го̂счаты, и рѐче имъ: где и камо идѐте. И рекоша ему: милостивый Господи, идемо мы въ чловечую гла́ву, вла́сы егȯ крутити, гла́ву и мозокъ его сушйти, костй ломйти, жылы торгатй, тѣло его псовати. Тогда речѐ имъ: окаянныи, не можетѐ вы дойтй и доступити до моего раба божія имрекъ, бо я тамъ былъ съ святыми ангелы и архангелы, херувими и серафими и съ святымп апостолы, и положилъ емъ на немъ печать свою, пресвятый честный крестъ, и не можете вы дойти и доступити до моего раба божія имрекъ, до его главы, до его мозгу, до его власовъ, до его костій, до его жылъ, до его сердца и до всего тѣла его. Заклинаю тя моцію и благодатію святого духа, да отступйте въ свой тартаръ, бо тамъ естъ окно, на томъ окнѣ естъ камень, на томъ каменй сѣдитъ чорный чловекъ, поидѣте вы до тогȯ чорного чловека, не молйтванного и некрещенного, кровь его пійте, вла́сы и гла́ву его крутѐтѐ и мозокъ его сушите, костй и жылы его ломлѐте, и вшидко тѣло его псуйтѐ. Тамъ вамъ естъ допущенный всякій гостецъ со густйцею и со госщаты, съ вѣдми и съ вѣдяты, съ восточными и западнѣми, съ южными и сѣверными, съ мертвыми и слѣпымй, тамъ персй егȯ подлѣгайте, подступуйте, духъ залѐгайте, ухѐ его фукайте, зрокъ очій его зрывайте и гласъ его утра̀тѐте, и тамъ ся веселѐте, по всемъ тѣлѣ его, вла́сы главу его крутѐте, тѣло его псуйте, ставы его змѣтуйте, жылы его зрывайте; тамъ васъ замыкавъ и запечетую, всякій гостецъ, витый гостецъ, крутый гостецъ, ставы змѣтающій гостецъ, кости змѣтающій гостецъ, сердце болящій, стра̀вы студящій, бѣлмо творящій и полудотворный (sic). Стала пречистая Марія мати Іисусъ Христова съ святымъ своимъ сыномъ на водѣ Іорданстѣй, на Іорданскомъ каменй, и зміевы гла́вы спалилъ сйлою своею, и пйсаніе шатанское потѐръ, такожъ силою и моцію божественною, вшелякій гостецъ, Господи, помозй ми заклятп й замкнути, замыкаю его до днѐ судного, аминь. Силная естъ моцъ и лютая болѐзнь, спѐреченЂ гостець и рушенный отъ нечистаго духа и отъ нечистой вѣди, лукавой лукавйцѣ, упирѣ оупирѣцѣ и дюгъ дюговицѣ и вшелякій боль рушеный и спореченый укладаю тихо лехко. Милостивый Господь Богъ запрѣтйлъ пресвятымъ своимъ словомъ, абы немоглъ ся на высоту высити и въ шйроту шырйти, вшелякій гостецъ и гостицу и гощата, заклинаю васъ и запечетую васъ отъ сего раба божія имрекъ Богомъ жывымъ и всѣми святыми. Милостивый Господи, буди мнѣ на помочи гостѐцъ умертвити и силу его утратитй и всю моць его загубити, по сто нохтій его нероспустити, абы крещенное тѣло его не шемоталъ и въ немъ не игралъ, а нй сердце его не палилъ, жылы не торгалъ, очи его незрывалъ. Ишолъ Господь Богъ путемъ и ȯбрѣте чловека прокаженного и болного. Рече ему чловекъ: Господи, аще хощу, можешъ ли мя очиститй. Ялъ его Господь Богъ за десну руку и глагола ему: очистися и ȣтвердися, змоцнѣлся и утвердился тоею благодатію божію (sic). Господи, запрети т (300) болевъ и девять, абы очи его незрывалъ, гласъ не тратилъ и воздухъ незалѣгалъ, вла́сы не крутилъ, гла́ву не заверталъ, госцȣ стрȯковатый, дощковатый, вансоватый, гостець пушный, завротйстый, трудоватый, запрѣщаю тебѣ Богомъ жывымъ, именемъ его святымъ,

да не возможеши южь болше рабъ божій имрекъ слабйти, трапитй, разпаляти, студйти, пущитй, вшелякій боль не можетъ ся въ немъ рушитй. Гды былъ извюлъ и заразилъ оного первозданнаго чловека Адама діяволъ, которій ся подносилъ противко Бога отця небесного, который сътворилъ седмъ десятъ и седмъ болестій. Повстань, судія праведный, лѣкарю моцный, ты бо, вѣмъ, имаешъ моцъ запрѣтитй всякій гостецъ и всякій боль, токмо словомъ своимъ святымъ, не токмо словомъ, но волеѝ своею святою, да уложится всякій гѻстецъ, подвитый, подвиненый, подлятый, преступленый, сѣденый. испйтый, и всякій нечыстый духъ и гостецъ. Заклйнаю тя моцію святою пречистою дѣвою богородицею всѣхъ васъ, елико васъ естъ, гостецъ и гостицю и госщата и со внучаты и правнучаты, будѣте запрѣщенныи по шестидесяти и по три девяти болестій отъ сего раба божія имрекъ отъ ѐго глȁвы, отъ его власовъ, отъ тѣмени, отъ мозгу, отъ ȍчій и зѣнйць и отъ ухъ, отъ горла, отъ его жылъ и составовъ и отъ сердца его и отъ чрева его, и отъ костій его, и отъ всего тѣла его, отъ рукъ его, отъ ногъ его и палцій его, яко Господь Богъ запрѣтилъ каменеви, абы неросъ, и не ростетъ отъ того часу. Такожь презъ благодать и запрещеніе святого духа и пречистои Марію (sic) матере божей и всѣхъ святыхъ, не можется шырйти и въ высоту высйти вшелякій боль и гостецъ въ рабъ божій имрекъ, будѣте запрѣщенныи и прокляты и избѣглы, и ктому нйкогда же възвратныи, запрѣщаю вамъ отъ сего раба божія имрекъ, отъ его главы, отъ его власовъ, отъ его очій, отъ горла, отъ всѣхъ съставовъ его, отъ персій его, отъ сердца его, отъ утробы его, отъ бедръ его, отъ предѣлъ его, отъ колѣнъ его, отъ ногъ его и палцій его, отъ нохтій его, отъ всѣхъ съставовъ тѣла его крещеного; запрѣщаю ти, абы есъ былъ невозвратный къ рабу божему имрекъ днесь и заутра ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 21а—21б) 2) Молитва отъ полуканя. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати Божія и вси святіи, станте мнѣ днесь на помощй улуканя залѣчити раба Божія имрекъ. Стоитъ чорная гора, на той горѣ лежитъ чорный камень, на томъ чорномъ камени сѣдитъ каменная жена, держитъ она камяную дѣтину. Отсылаю я къ той гѻрѣ чорной и къ тѻмоу чорному каменеви и къ той камяной жѣнѣ и къ той камяной дѣтинѣ, отсылаю вѣдй и вйдята, вѣтернйцѣ и вѣтернйки, и впирѣ и впирята. Я васъ тамо отсылаю, абы улукали каменную жену и каменную дѣтину, а рȁбу Божію имрекъ далй покой, абы былъ здоровъ. Отсылаю дюга и дюговицу къ той женѣ и къ той дѣтинѣ, и упирѣте тѣмя и сердце и чловки, и печенѣ, жывымъ и мертвымъ вѣдемъ выпйте сердце, а рȁбу Божію имрекъ дайте покой, днесь и заутрȁ, и на вѣки вѣчный, аминь.

(лл. 21б—22б) 3) Молитва томужъ вторȁ. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати Божія и вси святый, станте мнѣ днесь къ помочи улуканя излѣчитй рабу божію имрекъ. Три девятій потоковъ, и шли съ нихъ три девятій дѣтій лукавцювъ, три девятій впирювъ, три девятій сѣвцювъ три девятій торгавицъ и стрѣкавцювъ. Тогда стрѣтила ихъ пречистая Мати Божія, извѣдовала ихъ, далеко вы идете? Они ей такъ повидѣлй: о Пречистая Маріе, Мати Божія, было намъ не задековатй, бо мы ишли до того имрекъ, его сердце розкравати, и его кровъ выпйти, изъ его сердца вызсати. Тогда рече имъ страшное слово: Я васъ заклинаю Богомъ жывымъ и Святымъ Духомъ и всѣми святыми небесныма силами! не можете вы прйступитй къ рабу Божію имрекъ къ его тѣлу, але идѣте вы назадъ на свою дорогу въ три девятій потоковъ; тамъ жадаютъ васъ и побагаютъ васъ, такъ ся на васъ готовятъ три девятій варовъ пива, три девятій печива хлѣба. Тамъ вы идѣте и пожывайте и пійте, а рабу Божію имрекъ дайте покой днесь и заутра, ажъ на вѣкй вѣкомъ, аминь.

(лл. 22б—23а) 4) Молитва вроки лѣчитй. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Маріе, Мати Божія, и зо всѣми своими святыми небесными силами будѣте мнѣ на помочй вроки излѣчити рабу Божію имрекъ заранишніи, полудешніи, вечерѣшни, вчерашніи, муженски и женски, дѣвическіи, младенческіи, материнскіи и чужіи любовны залежаный, застȁрѣлый. Не можете ся умножйти, а ни плодйти въ

его тѣлѣ и въ составѣхъ, илѝ въ глàвѣ, илѝ въ жылахъ, але мусите ся ножемъ обрѣзоватѝ и водою обмыватѝ и огнемъ обжигатѝ отъ всѐго тѣла его и отъ всѣхъ жылъ его, отъ всѣхъ съставъ его, отъ всѣхъ костій его. Буди въ здравіе рабу Божію имрекъ днесь и заутра, на вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 23а—23б) 5) Молитва томужъ. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати Божія и вси святіи, станѣте мнѣ на помочи вроки излѣчити, рàбу божему имрекъ. Становляю три девятій вроковъ рабу божію имрекъ въ его тѣлѣ, въ его главѣ, въ его мозгу, въ его ставохъ, в его костехъ и в жылахъ и въ всѣхъ члонникахъ, тридевятій вроковъ мужескихъ и женскихъ, хлопячихъ, дѣвическихъ, зараннѝшнйхъ, обѣдннхъ, полуденныхъ, вечернихъ, заспалыхъ, залежалыхъ, бѣлыхъ очій, сѣрыхъ очій, чорныхъ очій, сивыхъ очій, ненависныхъ очій. Духу Святый, буди мнѣ на помочй, разженй три девятій вроковъ въ раба божія имрекъ моцію божію и пречистой матере Божей моцію и всѣми святыми небесными силами моцію днесь и завсе и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

(лл. 23б—26а) 6) Молитва отъ повѣтря морового домъ 'свой обходити на новъ мѣсяця или на сходѣ или на полню мѣсяця возми мало воды и огня, покади въ хыжы къ восходу солнца стоячи, а мечемъ жегнай на всѣ стороны окрестъ и глаголи сіе:

Душе святый, что еси сътворилъ небо и землю, буди мнѣ на помочи, дай мнѣ въ добрый часъ почати, якоже милостивый Господь Богъ рачилъ послати Духа своего святого отъ высокости и отъ свѣтлости своея вышняго престола на тую чорную землю, въ которій часъ самъ его святая милость зналъ, въ добрый часъ ступити въ пречистую Дѣву; зачался и народился и по своемъ рождествѣ ходилъ по бѣломъ свѣтѣ, всяки духи прогонялъ, бѣдныхъ недуги исцѣлялъ; моцію Его святою, милостію и силою его себе исцѣляю и очищаю и весь домъ свой огорожаю.

Тажъ верзи и угля и мало воды и мечемъ жегнай, а самъ глаголи сіе:

Становляю моръ огненный, водянный, и желѣзный отъ землѣ ажъ до небесъ, отъ вѣдій, отъ вѣтерницъ. отъ насланцовъ, отъ всего морового повѣтря, отъ вѣдій жывыхъ, отъ вѣдій умерлыхъ, отъ вѣдій вышнихъ и нижнихъ и отъ тыхъ, што суть в роду; отъ вѣдій хотарнихъ и задевятохотарнихъ, отъ лукавцовъ, отъ насланицъ. Отсылаю вѣди и видята, випрѣ и випрята и всякій дюгъ и дюговицу, содомское и гоморское повѣтря, моровое и сходное и западнее и сѣверное и полуденное, отсылаю отъ всего и отъ себе и отъ своего дому и отъ обходу и отъ своихъ домочадцій и отъ своей жены и отъ своихъ дѣтей и отъ своего иманя и отъ всего скота своего, отъ волювъ, отъ коній, отъ коровъ, отъ овецъ и свиній, отъ гусій и курій и отъ пчелъ, отъ всего своего притяженія. Отсылаю Духомъ Святымъ и Пречистой Маріи моцію и всѣми святыми небесными силами моцію. Тамъ васъ отсылаю, где черный вюръ недорегочетъ, где чорный куръ не допоетъ, где чорный песъ недобрешетъ, где чорный буякъ недоборичетъ. Запекую васъ и заповѣдую вамъ всѣмъ остудамъ и волхвованымъ словомъ, набаяванымъ или принесеннымъ, или подлятымъ, или разсѣяннымъ, или закопаннымъ въ моихъ переходѣхъ, во моихъ стежкахъ, или вдому, или въ вратѣхъ, или въ углѣхъ; или спитыхъ, или зѣденныхъ, или переступленныхъ, или самопришлыхъ, или мужемъ, или женою, или дѣвкою принесены; всякимъ остудомъ запрѣщаю и заповѣдаю вамъ, абы тако сталося, яко Духъ Божій каменю заповидѣлъ и заклялъ его, и пересталъ рости, и не ростетъ отъ того часу отъ его святой милости росказаня, заклялъ его словомъ своимъ, святымъ. Такоже и я днесь заповѣдаю именемъ Божіимъ отъ всего морового повѣтря огорожаю домъ свой отъ сего року до седмого року и докля ихъ єстъ на роду. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Тажъ пойди коло хыжы, а мечемъ жегнай окрестъ себя на чтыры углы. Такъ чини на всѣ праздники господскія. Тажъ пойди въ домъ свой и почивай до утра, не бойся ничого, хотяй што услышишъ.

(лл. 26а—27а) 7) Молитва коли чловекъ болный не можетъ спати.

(лл. 27б—28а) 8) Молитва, аще кого глава болитъ.

(лл. 27б—28а) 9) Молитва тому жъ.

(лл. 28—29) 10) Молитва идучи до пана, албо до права.

Глаголи молитву сію:

Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Крестъ надо мною, крестъ за мною, святый ангелъ хранитель сторону мою. Отъ схода солнца лежитъ стародавный путь Божій, по нему идетъ самъ милостивый Господь Богъ. Котріи Его знали, всѣ Его честовали: святіи ангели и вси пророци, святіи апостоли и мученици его знали, всѣ его честовали. Такожъ негай Божіею моцію и мене будутъ честовати муряне, христіяне, панове и шолтыси, крайници и воеводы и вшитокъ людъ посполитый и всѣ закланцѣ, Божиею моцію и Пречистой Маріи моцію (и) всѣми небесными силами моцію, на вѣки, аминь.

(лл. 29а—29б) 11) Молитва томужъ.

Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Отъ схода солнца лежитъ стародавный путь Божій, по нему идетъ чорная коломага, въ той коломазѣ лежитъ въ седми роцѣхъ стародавный Божій мертвецъ, свой розумъ забылъ, свой языкъ затенулъ, свое сердце не чуетъ. Такожъ, милостивый Господи, нагай бы мой задворца свой розумъ, свой языкъ затенулъ и не можетъ простерти, свои уста разширити, ани его помощницѣ. Заклинаю ихъ и заповѣдаю имъ Божіею мопію и Пречистой Маріи моцію и всѣми святыми пророки и апостолы и мученики, днесь и заутра и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 29а—29б) 12) Молитва томужъ.

(лл. 30а—30б) 13) Молитва, егда хощешь обратити тучу.

И въпрошай ю въ навечеріе Рождества Інсусъ Христова, и Обрѣзанія, и Богоявленія, и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и вечеръ цвѣтный, и страстный, и вознесенія и съшествія Святого Духа, вечеръ Преображенія Господня, въпрошай ю съ умиленнымъ гласомъ: рци сіе, на чтыри страны глаголи тихо: Господу помолимся, Аминъ [1]).

Туче, туче, туче, красная дѣвице, слыши глаголы сія и въпрошеніе мое! Тебе теперъ прошу въ навечеріе, нирекъ, при моей вечери. Приди къ мнѣ скоро отъ востока и запада, сяди (со) мною за единымъ столомъ вечеряти, изъ едной мисы, и едною лышкою, и край едного хлѣба, и пій едину чашу, и едну бесѣду со мновъ бѣсѣдуй.

Тажъ обратися на полудень и на западъ и на полунощь, глаголи первое вопрошеніе; тажъ иди и вечеряй. По вечери иди, стани на востокъ, заклинай на вся страны, глаголи молитву сію: Господу помолимся. Туче, туче, туче, звалемъ тя къ моей вечери, а ты не пришла, мновъ есъ изгордѣла. Протожъ я тебѣ заклинаю Богомъ жывымъ и всѣми святыми угодники Божіими отъ всѣхъ странъ. Яко есъ ту теперъ не пришла до мене ко моей вечери, такъ же тучи не могутъ прійти до насъ во вѣки вѣкомъ, ам(инь).

(лл. 31а—35а) 14) Заклинаніе, егда востанетъ туча.

(лл. 35а—37б) 15) Молитва аще хощеши доиво свое власное заворовати. Такъ чины на вся праздники Господня: възми соль, чеснокъ и ладанъ и огень, положи, глаголи молитву сію: Милостивый Господи, Духу Святый, ты еси сътворилъ небо и землю, буди мѣ (sic) на помощи, Пречистая Мати Божія, яко не могутъ взяти вѣди, чаровницѣ, вѣтерницѣ лѣсныи и метерицѣ и дикіи жены и хванцѣ отъ чесноку горкости, отъ меду солодкости, а жыдове не могутъ свинного мяса ѣсти, тако, милостивый Господи, абы не могли чаровницѣ взяти отъ моихъ коровъ доиво. Я днесь Божію моцию трoякій збирокъ свой власный призываю власную ихъ жырность къ своимъ коровамъ, масло и сыръ сметану; пожытокъ ихъ кличу за девятого хотаре ко своимъ коровамъ. Зову, кличу свое власное, чужого не пожадаю; зову отъ росы земной, отъ влагы небесной, отъ воды вся преходящія. Заповѣдаю свое доиво при своихъ коровахъ Божіею моцію и матере божей моцію и всѣми святыми моцію, зову отъ сего року до семого року, докля ихъ естъ на роду, на вѣки вѣкомъ, аминь.

---

[1]) Въ рукописи, вѣроятно, по ошибкѣ: Аңъ.

Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Милостивый Господь Богъ ишолъ съ своими святыми апостолы бѣлою дорогою, на бѣломъ кони, у бѣломъ одѣню, у бѣломъ сѣдлѣ, у бѣлой уздѣ, у бѣлыхъ стрименахъ, за поясомъ несетъ златую трубу. Стрѣтила его пречиста Мати Божія и свята Елена. Рече имъ Господь Богъ: где идете и где несете три девять скопцій рече святая пречиста Мати Божія и свята Елена: Милостивый Господи, идемо мы съберати по своихъ коровахъ жырности, сметану и млеко, или есть за водами, или за границями, или за горами, или взято вѣтромъ, или солнцемъ, или взято водами, или росами, или взято на переходѣхъ, или на солищихъ, или на слѣдохъ, или взяли его селеменове или селеменицѣ, или взяли го заметникове или заметницѣ. Тогда рече имъ Господъ (sic) Богъ: О пречистая Маріе и святая Елено, вернѣтъ вы ся назадъ. Пойду я на бѣлую гору, затрублю я въ златую трубу, приклину и призову своимъ голосомъ святымъ къ вашимъ коровамъ жырность, сметану, масло и сыръ, отъ всѣхъ сторонъ, отъ замковъ, отъ селемене, отъ селемеництъ. Яко самъ Господь Богъ притрубѣлъ, прикликалъ своимъ святымъ голосомъ Божіимъ къ той соли. Или взяли вѣтромъ, или взяли солнцемъ, или росами, или вѣдами (sic), или на переходѣхъ, или на слѣдохъ, прикликую и призываю въ ихъ кости, въ ихъ тѣла, въ ихъ сердце въ ихъ жылы, въ ихь (sic) выймена, прійди къ той соли всякій пожытокъ. Милостивый Господи, на тую темную ночь навернулася вся тварь на свой спочивокъ, такоже я днесе, милостивый Господи, рабъ Божіи, имрекъ, Богомъ прикликую всякій пожытокъ. Милостивый Господи, днесь мракове припадаютъ на воды, на росы, на траву, на свакій (sic) цвѣтъ. Яко не могутъ становити муряне христіяне святую воду, Іорданскую рѣку, идетъ на свое мѣсце, также не могутъ взяти чаровницѣ пожитокъ отъ моихъ коровъ, въ вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 55б—56а) 16) Молитва становити кровъ.

(лл. 56а—57а) 17) Полонъ звати свой власный на свою ниву. На юрювъ (sic) день по рану пойди, стань на своей нивѣ и мовъ: Душе Святый, што есъ сътворилъ небо и землю, кды, яко и коли Господь Богъ выгналъ Адама зъ раю и сѣмена ему всякіи далъ и поручилъ и было помонно (sic вм. полонно) подля своей природы [1])...

вражкове наукою зломыслници бы не осквернили жытъ, ани землю и полонность нашу неизгубили. Днесь я, рабъ Божій, имрекъ, Духомъ Святымъ и святовъ пречистовъ Матеревъ (sic) Божей (sic) и всѣми Божіими силами и Святыми его запрѣщаю и запекую всяку злость, хованцовъ, чародѣевъ отъ своихъ жытъ, отъ своей вшидкой сѣлбы и отъ своего вшидкого обходу. Кличу я Милостивымъ Богомъ и всѣми Божіими силами и вшидкими Божіими святыми икъ своей нивѣ полонность, жырность, тукость отъ влагы небесной, отъ росы земной и отъ водъ зъ свѣта приходящихъ, отъ чародѣйництъ, отъ жытовабовъ, отъ хованцовъ. Кличу я за девятого хотаря свое власное а чужего [[2])] свое власное призываю изъ за девятого хотаря. Кличу я днесь рабъ Божій имрекъ Богомъ небеснымъ и святовъ пречистовъ матковъ Божовъ и всѣми Божіими силами и вшидкими Божіими святыми днесь и завсе, ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 57а—57б) 18) Лѣкъ отъ хробаковъ, аще у свини или у добытчати или въ якомъ имѣню.

(лл. 57а—58а) 19) Лѣкъ отъ дюгу добытку и свинямъ. Чини такъ: найди гадину и забій ей и спаль и дай потомъ зо солю зѣсти добытку и свинямъ. У помыяхъ тримай гадиню голову и мачачу голову, дай пити въ помыяхъ и зо пихомъ и сироду вшелякого назбирай песіого чловечого св [пропускъ] и залѣй его тымъ и навій на тое мѣсце боляче.

(лл. 58а—58б) 20) Молитва отъ звѣря добытку на поле пущати.

(лл. 58б—60б) 21) Молитва отъ дюга соль баяти.

Зры на соль, глаголы молитву сію:

---

[1]) Оторв.

[2]) Оторв.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Душе святый, что сотворылъ еси небо и землю, будъ (sic) же ми на помочи. Милостивый Господи, Боже Отче, Духу Святый, яко ты еси былъ далъ пророку Елисеови своему и святому Іліи и тою силою пророкъ и Елисеви исцѣлилъ былъ воду горкую и злую, исцѣлилъ до сего дне. Господи Боже, Отче, Духу Святый, дай же и мнѣ днес, Милостивый Господи Боже [ ] Божію имрекъ [ ] твоею святою запретилъ и запечатовалъ дюгови и дюговицы и дугатомъ и всякому духу нечистому, перуновому и громовому и вѣтровому, черная и со черными, со чортяты, и жолтого змія, со жольтыми змияты, или онъ ест присланый или онъ ест камо пришлый, и абыхъ емъ имъ заповѣдалъ и не допустилъ ко иманю рабу Божію имрекъ, твоею святою моцю. Боже, Господи, Отче милостивый, Ты еси самъ наименовалъ солею Святыя своя ученики апостолы и реклъ еси имъ: Вы есте соль землы и далъ еси имъ мо [ ] ти на змію и на скоро [ ] вражію, той днес пріиди Духомъ своимъ Святымъ ко мнѣ грѣшному, рабу Божію имрекъ, моцію, яко еси Господи пришолъ на святыя своя ученики и апостолы и исцѣлилъ еси ихъ и моцъ святую свою далъ еси имъ.

Дай же и мнѣ, Господи, милостивый Боже, такову моцъ отганяты и не допуститы ни отколь ся укорениты во жадномъ быдляты раба Божого имрекъ. Отганяю и не допущаю и запечатаю моцію твоею святою и моцію Святой Пречистою Матерю твоею Святою Маріею Богородицею и силою всѣми святыми заклинаю и запеч [ ] твоею дюго [ ] дюговятомъ и напрасной напрасницѣ, жолтой болячцѣ, зеленой червенои болячци, синой, багровой. Которою силою исцѣлилъ еси святыя своя апостолы и ученики и всѣхъ святыхъ, такъ же и я грѣшный рабъ Божій имрекъ тою моцею и тоею силою и Богомъ небеснымъ и Святою Богородицею и всѣми святыми отганяю духа нечистого отъ всего имѣня сего раба Божого, имрекъ, отъ всего скота, отъ воловъ, отъ коровъ, отъ коный, отъ овецъ и отъ свиный и отъ всякой серсти, отъ бѣлой, отъ чорно, отъ половой, отъ червеной шерсти, отъ темной [ ] ой, отъ баграстой шер [ ] ѣню раба Божого, имрекъ, отсилаю и не допущаю и завертаю и заклинаю и запечатаю и заповѣдаю Духомъ Святымъ и Святою Пречистою Маріею Богородицею и всѣми Святыми въ вѣки вѣкомъ, аминь.

(лл. 60б—61а) 22) Молитва о полоность збожу.

Пойды на свою ниву у полудне, колы солнце ясное, и глаголы сіе: Душе Святый, что еси сотворилъ небо и землю, изгналъ еси Адама отъ раю и отъялъ еси сѣмена ему всяко поручилъ еси ему, былъ плодъ полный и красно колосы полный для породы своея до чимъ оны обо [ ] кою мыслилъ [ ] рии землю полность и жизность не погубилъ днес, яко духомъ святымъ, Божію силою и всѣми святыми моцію, заклинаю тя и заповѣдаю отъ всякой злости, отъ хованцовъ и чародѣйныковъ, отъ своея межи, и отъ своихъ плодовъ и отъ своихъ обходовъ. Кличу я молитвамы Богомъ и Материею Божію моцею ко своей нивѣ полность и живность полны колосы отъ влагы небесной и отъ росы земной и отъ водъ свѣтло приходячихъ, отъ ровныхъ чаровито кличу за тридевятого хотара власное свое насѣня молитвами всѣхъ святыхъ твоихъ [ ]комъ, аминь.

(лл. 61а—62а) 23) [ск] оту гонячи.

(лл. 62а—62б) 24) Молитва отъ звѣря скоту забаяты.

(лл. 62б—66а) 25) Молитва другая томужъ скоту.

(лл. 66а—66б) 26) Молитва другая на любовь чловекови. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Егда изыдетъ свѣтлое солнце отъ темныхъ горъ и славныхъ водъ и всея подъ честнымъ у свѣтломъ [ ] рабъ [ ] людскою егда святое и свѣтлое солнце восходыть, и такоже тамо преста святыи ангелъ куплются въ Божой породѣ и водѣ Іорданѣ. Первый ангелъ черплетъ воду, вторый ангелъ омываетъ раба Божія имрекъ, третый ангелъ молится Господу Богу за раба Божія; имрекъ, всегда и нынѣ и присно, и въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

(лл. 66б—67а) 27) Молитва другая томужъ.

(л. 67б) 28) Молитва на святый вечеръ пчеламъ.

(лл. 67б—68а) 29) Молитва вчиты пчелы на цвѣтъ.

(лл. 68а—69а) 30) **Молитва за пчелы.**
(лл. 69а—69б) 31) **Молитва егда рой бѣжитъ въ поле.**
(л. 72а) 32) **Заговоръ отъ лихорадки** (безъ начала).
(лл. 72б—73б) 33) **Заговоръ отъ бѣльма.**
(л. 73б) 34) Начало какого то заговора.
(лл. 77б—82б) 35) Заговоръ отъ бѣльма.
(лл. 83а—88а) 36) Молитва отъ госцу.
(лл. 88а—100а) 37) Молитва томуже.

Замѣчанія О. А. Петрушевича.

«Подвопросная угорско-русская рукопись составлена первоначально, по всей вѣроятности на Галицкой Руси и была потомъ переписана въ прикарпатскихъ странахъ, въ области нашихъ или закарпатскихъ Лемковъ, т. е. обрущенныхъ изъ древле-Словаковъ, отчего произошли нарѣчевыя обговорки».

«Подобная галицко-русская рукопись изъ прошедшаго столѣтія съ заговорами разнаго рода недуговъ, особенно трясавицъ, находится въ львовской митрополичьей библіотекѣ, которою въ прикарпатскихъ странахъ пользовались наши тогда малообразованные священники... Въ упомянутой выше рукописи находится много простонародныхъ словъ, относящихся къ названіямъ различныхъ родовъ болѣзней и недуговъ...»

съ вѣди и вѣдяты—вѣди—нынѣ вѣдма;

фукайте—фукати=дмухати; фукатися=гнѣваться;

шемоталъ=польск. szamotać;

подвѣненый=подвѣяный;

полуканя, улуканя—кажется польск. obłąkanie=delirium, сумасшествіе;

сѣвцювъ—ср. стар. рус. сѣньцъ=чортъ; сѣвцювъ вм. сѣньцёвъ, или же отъ сѣяти=сѣятелей;

задековати—ср. области русс. де=гдѣ; слѣдовательно вопрошати: гдѣ, куда идете?

побагаютъ—обл. рус. забагати, бажати=желать;

где черный вюръ недорегочетъ — значеніе слова вюръ на сей разъ мнѣ неизвѣстно.

хованцѣ=хованецъ, вел. рус. «домовой». Онъ живетъ «хованеся» въ хатѣ подъ припечкомъ.

метерицѣ—кажется материцы, ихъ называютъ русскіе карпатогорцы матками, у польскихъ жителей Татровъ извѣстны подъ именемъ dziwożony, т. е. дивныя, дикія жены;

селеменове — селемень изъ мадьяр. szellem=духъ; ср. также селéмено= Tragebalken, träger; слѣмя, мад. szelemen (Werchtratskij, Ueber die Mundort der Marmaroscher Ruthenen, Stanislau, 1883).

заметникове и заметницѣ ср. польск. zamieć, вел. рус. метелица;

жытовабовъ—жытовабъ=житный ворожбитъ, знахарь;

дюгъ=дюкъ, родъ червяка въ языкѣ у скота находящагося, ср. мад. gyik=змѣя;

зо пихомъ—съ уриной, ср. нѣм. pissen;

мой задворца—кажется жилецъ, домовладѣтель.“

Свадебный обрядъ въ Угорской Руси.

(Окончаніе).

Омовеніе.

Относительно заклада на сторонѣ невѣсты осталась побѣда. Она уже комнату замела, огонь разложила, когда дружба съ просонковъ спохватился бѣжать за кураговью. Куда тамъ? Любезный дружбочка, понапрасну ты ошеломляешься, поздно приходитъ твоя охота! Проспалъ да проигралъ закладъ! смотри, какое удовольствіе доставляетъ твоя суетность проснувшимся гостямъ, тѣмъ только и тѣшатся, что зубы скалятъ надъ тобою. Ужъ конечно, для тебя не остается иного исхода, какъ заплатить битыми денежками тридцать крайцарей, да хорошенько попросить *рядницу-невѣсту*, чтобы изволила тебѣ отдать завѣтную кураговь. Она въ томъ и не сопротивляется, скоро отъискаетъ, и съ осанкою отдаетъ снова въ твое обладаніе.

Съ восходящимъ солнцемъ гости снова собираются на обрядъ *омовенія*. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что обрядъ свадебнаго омовенія имѣетъ исходную точку въ глубокой древности, гдѣ-то въ язычествѣ. Обрядъ омовеній не только у Славянъ, но у всѣхъ народовъ былъ общимъ испоконъ-времени. Вода служила и служитъ до сегодня символомъ чистоты и опрятности, а въ Христіанствѣ получила самое высокое значеніе. Конечно безъ воды нельзя было обойтись и въ обрядѣ свадебномъ.

Мнѣ всего пріятнѣе убѣдиться въ томъ, что насколько мнѣ извѣстны свадебные обычаи другихъ народовъ, обрядъ свадебнаго омовенія сохранился только у однихъ Угороссовъ. Даже у жидовъ, настолько прилѣплявшихся ко всяческаго рода омовеніямъ, свадебнаго омовенія не существуетъ.

Да еще съ такою обрядностію!

Дружба съ выкупною кураговью по обыкновенію выступаетъ на дворъ, свашки всѣ вмѣстѣ ладкаютъ:

Ой зелена йва,
Доленька счастлива,
Пôдъ зеленовъ ивовъ
Поточёкъ игривый,
Поточёкъ игривый—
Свѣжая водица,
Въ свѣжей сей водицѣ
Парочка счастлива
Омываетъ лица.

Если есть колодезь на дворѣ, то обрядъ омовенія происходитъ при колодези; въ противномъ случаѣ хороводъ идетъ къ ближайшему потоку или рѣкѣ, или *керницѣ* (источнику), и тамъ происходитъ омовеніе. Дружба наполняетъ ведро, новобрачный вслѣдъ броситъ внутрь серебряную монету, первымъ къ ведру приступаетъ староста, осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ воду, потомъ новобрачные омываются, дружба надъ головою ихъ держитъ кураговь, межъ тѣмъ свашки ладкаютъ:

Тамъ мы на Іорданѣ были,
Где ся молодята мыли;
Въ пазушки ся отирали
'Бы ся вѣчно сановали [1])

Подъ ладканьемъ свашекъ: «Въ пазушки ся отирали» отывшіеся новобрачные въ самомъ дѣлѣ отираются другъ-другу въ пазушки. Торжественное выраженіе супружеской любви, являющееся въ такомъ первобытномъ видѣ, кажется, схвачено изъ невиннаго дѣтскаго возраста человѣчества, когда еще сама природа вѣстила неизмѣнныя права своимъ первенцамъ, поставляя въ законъ: что вся происходящая изъ ней естественность и невинна, и прилична, и полна первобытной жизни! Возобновляется предъ глазами дѣтскій невинный возрастъ человѣчества въ полной своей естественности, кто скажетъ, сколько вѣковъ онъ пережилъ переходя отъ поколѣнья къ поколѣнью? въ переходахъ ни мало несостарѣлся, дошелъ до потомковъ юнымъ, и можетъ быть перейдетъ къ потомкамъ вѣчно-юнымъ. Отецъ и мать новобрачныхъ такимъ же образомъ отиралися другъ-дружку въ пазушку, какъ ихъ предки и предки предковъ. Первое и послѣднее звено на нескончаемой цѣпи человѣчества и племенъ связывается одною тою же любовью. Она и тѣхъ въ состояніи оживить, которые живутъ одною только ея памятью, тѣмъ болѣе оживляетъ тѣхъ, которымъ только предстоитъ вступить въ таинственные предѣлы ея. Ужели невоспламеняться отцу и матери при воспоминаніи того счастливаго времени, когда они въ первый день своего супружества омывалися? Старушка межь свашками уже едва плетется на ногахъ, и ей представляется, какъ во снѣ, день ея омовенія, въ глазахъ является давно угасшій пламень, прелесть и сладость истекшаго вѣка, съ невыразимымъ удовольствіемъ смотритъ на молодежь, и сама кажется отмолодшею, отродившеюся подъ вліяніемъ одной памяти любви.

Одни оживляются памятью, иные надеждой, иные вконецъ счастливы пользоваться дѣйствительностью настоящаго своего состоянія. Всякій по мѣрѣ своего возраста и обстоятельствъ предается грезамъ и погружается въ самозабвеніе.

Можно бы очень удобно примѣнить къ новобрачной слѣдующую пѣсенку:

Тамъ, куда ходила,
По слѣдамъ любови,
Не росла травица,
Но цвѣтокъ шелковый.

На краю потока,
Гдѣ личко омыла,
Золотая рыбка
Тамъ плысти любила.

Гдѣ она купалась
Въ ясной тихой ночи,
Звѣзды всѣ забыли
На водицѣ очи!

Тутъ новобрачная слегка на[illegible]нясь мгновенно схватываетъ ведро, и единственнымъ взмахомъ обливаетъ водою вокругъ нея забывшихся. Инымъ досталося столько, что нельзя лучше окупаться, но принято воду омовенія новобрачныхъ считать счастливою, разразится громкій долго непрекращающійся смѣхъ, кто чѣмъ можетъ отирается, всѣ знали, что новобрачная обольетъ ихъ омывальною водой, и всетаки обливка произошла какъ то нечаянно. Дружба снова наполняетъ ведро водою, но уже не для обливки, но чтобы новобрачная несла въ домъ, межь тѣмъ свашки ладкаютъ:

[1]) Происходитъ отъ *санъ* méltóság. отъ сана *осанка* mosoly, méltoságos magatartás, и такъ *сановать* значитъ уважать. почитать.

Изъ кернички (или поточка) то водица,
Чиста свѣжа якъ росица,
Что несе въ домъ молодица:
Окропляти хижку нôву,
И челядку, и худобу,
Богу, людямъ на угоду.

Новобрачная приблизившися къ дому окропляетъ стѣны предъ входомъ извнѣ, и входя въ сѣни и комнату равнымъ образомъ окропляетъ стѣны внутри. Увѣнчанная и въ длинномъ покрывалѣ во время этого дѣйствія неиначе представляется, какъ жрица домашняго жертовника. По всей вѣроятности и ея праматери такими же жрицами поступали въ новое свое жилище съ присущимъ въ язычествѣ значеніемъ, что все осталось сегодня однимъ свадебнымъ обрядомъ, смысла котораго потомки уже давно не понимаютъ.

Доселѣ невѣста отъ своего покрытія въ церкви постоянно была въ вѣнку и покрывалѣ. Теперь предстоитъ съ ней снять вѣнокъ и покрывало. То происходитъ слѣдующимъ образомъ. Свашки отводятъ ее въ каморку, гдѣ она сѣдаетъ на ярмо, держа въ рукѣ обвитую кистимѣномъ рюмку водки, и въ такомъ положеніи остается дотолѣ, пока свашки неснимаютъ съ главы ея вѣнокъ и покрывало, а вмѣсто того повязуютъ ей главу хусткою (холсткой) на тотъ способъ, какъ въ селеніи у женщинъ повязывать въ обычаѣ. Межь тѣмъ свашки ладкаютъ:

Кто бы зналъ повѣсти—
Чудное то дѣло!
Молодой невѣсты
Гдѣ коса ся дѣла?
Зоренька зоряла,
Косу розвязала,
Даненько зорница
Дѣвичу косицу
За свою признала.

Въ этомъ дѣйствіи, видимо ярмо имѣетъ значеніе предстоящаго въ жизни труда, межь тѣмъ мужъ приступаетъ къ своей женѣ, и держимую женою въ рукѣ рюмку водки выпиваютъ пополамъ, какъ бы въ знаменованіе того, что какъ труды сообща будутъ переносить, равно и удобства жизни раздѣлять. Пока свашки заняты своимъ дѣломъ, со стороны невѣсты необходится безъ завѣчаній. Именно, чтобы не имѣть дѣтей годъ, два, или три, присѣдаетъ себѣ на ярмѣ столько пальцевъ лѣвой руки; а сколько присядетъ пальцевъ правой руки столько будетъ родить дѣтей. Любопытно бы узнать сколько изъ такихъ завѣчаній приходитъ въ исполненіе? Впрочемъ оправдаются ли въ послѣдствіи завѣчанія новобрачной или нѣтъ, несогласный съ завѣчаніемъ исходъ дѣла приписуется не тому, будто бы завѣчанія не имѣли никакой силы, но приписуется постороннимъ причинамъ, исключительному уклоненію отъ общихъ правилъ дѣйствующей невидимой силы. Сдѣлано напримѣръ завѣчаніе ненадлежащимъ образомъ, или сдѣлано во теченіе несоотвѣтной несчастливой минуты, или вконецъ сила завѣчаній по истеченію противодѣйствующихъ въ послѣдствіи обстоятельствъ измѣнилась, и приняла противное направленіе. Вся неудача не отклонитъ матерь отъ сообщенія тайной науки съ выходящею замужъ дочерью, сообщеніе которой она приняла отъ своей матери.

Доискиваясь въ цѣпи нескончаемыхъ причинъ перваго звена, въ обрядѣ свадебномъ Угороссовъ, мнѣ на первый взглядъ показалось ярмо неумѣстнымъ. Но насколько меня вскорѣ удивило самое названіе супруговъ и супружества! названіе происходящее отъ сопрягать, впрягать. Вотъ ярмо, оно безъ супруговъ немыслимо, потому что первая причина супруги, а потомъ слѣдуетъ ярмо. Почему не

назвали предки игомъ? Потому что иго имѣетъ свое особенное значеніе, иго гораздо тяжелѣе; кто подверженъ оному, подверженъ по принужденности, ярмо не то; тянуть ярмо—принимая въ видъ наложенную отъ самой природы необходимость—можетъ человѣкъ рѣшиться, да въ самомъ дѣлѣ и рѣшается по собственному побужденію, какъ на это рѣшаются супруги. Сама собою просится на умъ мысль о причинѣ супруговъ и ярма. Мнѣ кажется, въ свадебномъ обрядѣ Славянъ, гдѣ упоминалась богиня Лада, Леліо (свашечки-лелѣточки), подлинно упоминались и прочія языческія божества. Въ настоящую минуту весь погруженъ въ пожирающемъ меня предметѣ, чувствую себя стоящимъ предъ незначительными остатками развалинъ, изъ которыхъ предстояло бы возсоздать все зданіе, весь городъ былыхъ родныхъ временъ. Если я не ошибаюсь въ моихъ предположеніяхъ относительно Лады и Лелія, слѣдовательно не ошибуся и относительно Я р й л а, бога плодородія, эмблемою котораго межь прочимъ должно было служить я р м о, даже кажется самое названіе отъ него и произошло(?). И здѣсь яркимъ сіяніемъ бросается лучъ, для озаренія происшедшаго издревле и сохранившагося донынѣ—впрочемъ для потомковъ уже непонятнаго обычая поставленія новобрачной на ярмо. Слѣдуютъ ея з а в ѣ ч а н і я насчетъ рожденія дѣтей. И какъ богу плодородія угодно давать плодъ сторицею, новобрачная испрошаласебѣ отъ него плодородія наслѣдниковъ.

Въ какой мѣрѣ близко наше предположеніе къ вѣроятности, убѣдимся если въ заключеніяхъ поступимъ далѣе. Исходомъ служитъ Я р й л о, богъ плодородія. Отъ его имени происходитъ Я р ь (въ угрорусскомъ нарѣчіи значитъ, в е с н у), Я р ь весенній посѣвъ, Я р ў ш к а tavaszi és öszi buza, Я р и ц а tavaszi rozs, ágra, Я р е ц ъ въ угрорусскомъ нарѣчіи ячмень, Я р и н á alföld kövérsége, növesztö ereje; но всего важнѣе глаголъ: Я р о в а т ь значитъ (говоря о животныхъ) párzani о п л о д о т в о р я т ь с я. Насколько былъ бы я награжденъ, если бы на основаніи сохранившихся въ нашемъ угрорусскомъ захолустьѣ обычаевъ удалося мнѣ озарить хоть незначительную часть святилища иногдашнихъ прародителей! но награду составляетъ для меня, и мерцающій проблескъ, ведущій къ искомой племенной колыбели.

VIII. Невѣстинъ танецъ.

У населяющихъ наше многоязычное отечество племенъ, невѣстинъ танецъ составляетъ одну общую принадлежность и заключеніе свадебнаго празднества. О немъ было бы довольно только упомянуть, если бы съ угрорусскимъ невѣстинымъ танцемъ не были сопряжены нѣкоторые особенные обычаи, разнящіеся отъ обычаевъ всѣхъ остальныхъ иноплеменниковъ. Сваха вводитъ въ комнату невѣсту въ новой головной повязкѣ или чепчику, и начинаетъ съ нею танцовать, собственно по такту музыки обращается съ нею три раза, другіе свадебные гости также вокругъ приходятъ поодиночкѣ въ движеніе, но средину комнаты оставляютъ свободною для невѣсты. Какъ сваха обратилась съ невѣстою въ третій разъ, непрекращая танца отдаетъ ее старостѣ съ поздравленіемъ: Д а й Б о ж е с ч а с т л и в ы й ч а с ъ! Староста обратившися съ невѣстою три раза, отдаетъ ее новобрачному съ поздравленіемъ: Д а й Б о ж е г о р а з д ъ! Новобрачный отдаетъ невѣсту дружбѣ съ новымъ поздравленіемъ, дружба въ свою очередь другому, пока всѣ не приняли участія въ невѣстиномъ танцѣ. Особенность его заключается въ томъ, что сколько бы ни было гостей, всякій танцовавшій съ невѣстою, долженъ передавать ее слѣдующему съ другимъ поздравленіемъ, а перенимающій невѣсту на послѣднее слово поздравленія отвѣчаетъ что то риѳмомъ, и этотъ риѳмъ служитъ какъ бы паролью перенятія невѣсты. Тотъ, кто на тоже слово отвѣчаетъ двумя, тремя или больше риѳмами считается удальцемъ. Напримѣръ на поздравленіе: Д а й Б о ж е с ч а с т л и в ы й ч а с ъ! староста отвѣчаетъ: Я у л ю д е й т а к ъ и у н а с ъ. На поздравленіе: Д а й Б о ж е г о р а з д ъ! Новобрачный отвѣчаетъ: С т о р а з ъ, н е р а з ъ. Новобрачный отдавая невѣсту дружбѣ, поздравляетъ его: Д а й

Боже жену! Дружба вслѣдъ отвѣчаетъ: Писану, межену, приворожену, сребромъ сребрену, звѣздочковъ рождену, и такъ далѣе. Въ цѣпи поздравленій есть счастье, доля, богатство, любовь, хлѣбъ, и все, что̀ составляетъ въ житіи благобытъ.

Танецъ дружбы съ невѣстою отличается отъ танца прочихъ тѣмъ, что соключенъ съ обрядомъ кудели (прялки). Именно дружба послѣ омовенія новобрачныхъ курaговъ превращаетъ въ куделю. Подъ танцемъ новобрачныхъ стоитъ близи невѣсты, держа куделю въ рукѣ, невѣста насколько успѣетъ рветъ-мычетъ пеньку на прялкѣ; дружба, перенимая невѣсту отъ новобрачнаго, разомъ передаетъ невѣстѣ куделю, за что̀ въ награду получаетъ отъ нея поцѣлуй, межь тѣмъ она при оборотѣ въ танцѣ ловко стрекнетъ куделю въ огонь, пенька мгновенно загоряется, и въ продолженіе танца конечно изгаряетъ, остается въ рукѣ невѣсты одна только расписанная, но отъ обжога—пока пламень досягалъ—больше-меньше почернѣвшая жердочка.

Еще остановлюся при сожиганіи кудели, потому что въ семъ дѣйствіи предполагаю нѣкоторое значеніе. Мнѣ мнится, что здѣсь снова встрѣчаю слѣдъ древности. Именно въ славянской миѳологіи злый духъ олицетворяющій діавола, называется Кудъ, отъ названія его кажется произошло названіе кудели, вѣроятно по той причинѣ, что народное воображеніе представляло себѣ Куда кудлатымъ, безобразнымъ. Итакъ сожиганіе кудели, представлявшей Куда, могло имѣть такое значеніе, что, сожигая его новобрачные, воображали себя застрахованными отъ всего вреднаго вліянія, причиняемаго людямъ злымъ духомъ.

Послѣ невѣстинаго танца свадьба заключается обѣдомъ, въ концѣ котораго невѣста даруетъ родственникамъ мужа разныя вещи; тестю въ обычаѣ даровать сорочку, тещѣ головный платъ, парнямъ калачи, дѣвкамъ ленты. Родственники мужа въ свою очередь невѣсту за подарки награждаютъ деньгами, къ нимъ причиняются и прочіе гости, и собранныя такимъ образомъ деньги никогда не обращаются на иную цѣль, какъ на початокъ хозяйства, на нихъ купуютъ себѣ новобрачные или теленка, или иное животное, чтобы оно въ послѣдствіи принесло богатый плодъ. Послѣ истеченія одной недѣли въ домѣ родителей невѣсты бываетъ пиръ, и съ тѣмъ свадьба считается оконченною.

Окончивъ описаніе свадебнаго обряда Угроруссовъ, прежде всего долженъ я объявить, что не имѣю притязанія на признаніе полноты описаннаго мною предмета. Что попало мнѣ подъ руки, и чего могъ довѣдаться, я все старался тщательно собрать. Дается впрочемъ предполагать, что по обычаямъ разныхъ мѣстъ, гдѣ—тамъ къ одной части что нибудь прилагается, по инымъ то самое сокращается, или вовсе оставляется. Я предпочтительно имѣлъ въ виду жителей Бережанской жупы, гдѣ отъ дѣтства воспитался, и въ продолженіе многихъ годовъ жилъ. Предоставляю начатое дѣло пополнить другимъ, потому что и то, о чемъ самъ могъ освѣдомиться, содержитъ довольно любопытностей для занимающагося племенными особенностями народолюбца. Впрочемъ хотя и обольщаюсь тѣмъ сознаніемъ, что въ главныхъ чертахъ мнѣ удалось наживо схватить угрорусскую свадьбу, все-таки убѣжденъ, что въ многихъ мѣстахъ могло сохраниться больше, ко свѣдѣнію чего я не былъ въ состояніи дойти, что могло бы довести образованнаго изслѣдователя ко многимъ еще неоткрытымъ свѣжимъ познаніямъ племенной древности. Преимущественно относительно дышущихъ древностью ладканокъ я дознался, что нетолько во время плетенія вѣнковъ, вѣнчанія, свадебнаго пира, сопровожденія невѣсты, но и во время сшиванія и поротья курагови есть особенныя ладканки, къ сожалѣнію на теперешнемъ моемъ мѣстожительствѣ я не могъ къ обладанію ихъ дойти, потому что въ обычаяхъ здѣшняго простонародья не сохранились.

Надо замѣтить, что по обстоятельствамъ выходящей замужъ дѣвицы, и относящіяся къ ней ладканки подлежать нѣкоторому измѣненію, равно какъ и ладканки

относящіяся къ выходящимъ замужъ вдовицамъ. Напримѣръ подъ витіемъ вѣнка для сироты, вмѣсто приглашенія мамки:

Приступи мамко ближе,
Якъ ся вѣночёкъ ниже,
Подай мамко иголку,
И ниточку изъ шолку и проч.

обыкли ладкать:

Мамко, мамко! съ друга свѣта
Непрогваришь намъ привѣта!
Неприступишь идъ намъ ближе
Якъ тутъ вѣночёкъ ся ниже?
Ниже, ниже для дитинки
Для безродной сиротинки.
Мамка въ сырой земли лежитъ,
И рученьки на крестъ держитъ,
Благословляе дитину,
Родну свою сиротину.

Вырываются потокомъ слезы у дѣвочки, и ея плачъ растрогиваетъ и свашки, да берьвѣнокъ орошается слезами. Вообще, по вкоренившимся издревле въ повѣрьѣ простонародья завѣчаніямъ дружки, и дружбы никогда не избираются изъ сиротъ, равно злымъ предназнаменованіемъ считается, если изъ свашекъ нѣкоторая вдовица принимается первою за витіе вѣнка. Равно несчастливымъ предназнаменованіемъ считается, если двѣ или больше паръ вѣнчается разомъ, потому что такое есть повѣрье: будьтобы нѣкто изъ обвѣнчанныхъ сторонъ не о долга и неминуемо будетъ смертію похищенъ, по народному выраженію: пары разомрутся. Такія завѣчанія есть и по ошибкѣ, по недоразумѣнію, по случаю, по неизбѣжности. Что это такое вконецъ завѣчаніе? что оно значитъ? откуду происходитъ? Мимоходомъ долженъ я привести ко свѣдѣнію читателя, что въ предѣлахъ древней Панноніи есть много селеній названныхъ именемъ Vecse (произносится Вече), напримѣръ Duna-vecse, Tísza-vecse, или просто Vecse и Vécse. Кто бы предполагалъ, что это не иное-что, какъ русское Вѣче. Селенія потому названы такъ, что тамъ иногда происходило Вѣче, держанное автохтонными жителями земли. Вѣче или Вече значитъ собраніе, судъ народа, звонъ созывающаго на народный судъ колокола. Производя завѣчаніе отъ слова вѣче, предстоитъ рѣшить причину: почему?

Народное вѣче рѣшало судъ о текущихъ касающихся его дѣлахъ, равно какъ вѣче боговъ въ своемъ соймѣ рѣшало судьбу всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ жителей земныхъ; слѣдовательно слово завѣчати должно принимать въ томъ значеніи, что домогающіеся совзоромъ своихъ желаній за покровительствомъ боговъ земнородные, при условленныхъ дѣйствіяхъ завѣчаній, призывали покровительство боговъ, чтобы ихъ желанія и въ соймѣ боговъ получали потвержденіе, и отъ нихъ, какъ руководителей судебъ человѣческихъ были приводимы въ исполненіе. Я убѣжденъ, что такое толкованіе слова завѣчати очень близко стоитъ къ повѣрьямъ языческимъ, а уже о древности онаго вовсе нельзя сомнѣваться.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и надлежащаго оцѣненія и свашекъ. Онѣ съ своими ладканками какъ въ сценическихъ твореніяхъ древнихъ классиковъ хоры, исполняютъ должность повѣствовательницъ. Съ самаго начала до конца онѣ повѣствуютъ все происходящее, вотъ:

Почина'тся гостина
Отъ Тисы до Бескида
У нашего соснида!
Ой пой Боже до насъ!
Теперь у насъ горадзъ... и проч.

Призываютъ и Бога, и солнце, говорятъ вмѣсто матери, невѣсты, жениха, вмѣсто всѣхъ; направляютъ, ведутъ теченіе дѣла, вконецъ повязывая главу новобрачной вмѣсто покрывала хусткою, заключаютъ все выраженіемъ своего удивленія о томъ: гдѣ подѣлося дѣвичее украшеніе—коса невѣсты?

Кто бы зналъ повѣсты—
Чудное то дѣло!
Молодой невѣсты
Где коса ся дѣла?
Зоренька зоряла,
Косу розвязала,
Раненько зорница
Дѣвичу косицу
За свою признала.

Настоящій хоръ. Кажется свашечки-лелѣточки составляютъ исключительную особенность угрорусскихъ свадебъ. Сопровождая ихъ дѣйствіе слѣдъ за слѣдомъ, прійдешь въ иллюзію, будьтобы предъ твоими глазами происходило не правдивое дѣло, а разъигривалась откуду то схваченная сцена, окончающаяся блаженствомъ двухъ счастливыхъ, горящихъ другъ-ко-другу любовію сердецъ. По крайней мѣрѣ со смѣсью невинныхъ шуточекъ все такъ составлено, какъ составляются сценическія пьесы, оканчивающіяся блаженствомъ.

Непремѣнно долженъ отдать человѣкъ честь составившему ихъ народному генію, и святой древности, изъ которой все это произошло. Вопросъ: ужели все это составляетъ исключительную особенность, сохранившуюся единственно у Угророссовъ? Кажется, что свашечки-лелѣточки составляютъ исключительную особенность, но со взоромъ остальныхъ принадлежностей свадебный обрядъ происходитъ изъ одного того же источника у всѣхъ родственныхъ другъ-ко-другу племенъ.

У всѣхъ онъ составился самымъ собою, и долженъ быть сходенъ—несмотря на послѣдовавшую другъ отъ друга отдаленность, потому что источникъ долженъ быть искаемъ въ первобытности тѣхъ же племенъ.

Поелику въ устройствѣ природы человѣческой какъ мужъ, равно и жена, приходя къ извѣстному возрасту, вскорѣ почувствуетъ свое одиночество, и по истекающему изъ природнаго устройства побужденію, необходимо ищетъ восполненія себѣ въ особѣ другаго пола, все человѣчество не могло иначе смотрѣть на брачный союзъ, какъ на природную необходимость. Всего вѣроятнѣе, что первоначально таковая необходимость не была соключена съ условнымъ обрядомъ, или лучше обрядами, всякій по природному влеченію искалъ и находилъ восполненіе себѣ въ особѣ другаго пола. Иные народы смотрѣли на жену, какъ на вещь, которую слѣдовало мужу пріобрѣсти подъ свою власть цѣною. Такое пріобрѣтеніе существовало у римскихъ плебеевъ, называлось coëmptio, и было соключено съ нѣкоторымъ обрядомъ. «Онъ состоялъ въ томъ— пишетъ И. С. Бердниковъ [1]),—что отецъ невѣсты передавалъ ее изъ рукъ въ руки жениху при свидѣтеляхъ, причемъ употреблялся символическій обрядъ взвѣшиванія денегъ, для означенія того, что мужъ пріобрѣтаетъ жену во власть, какъ пріобрѣтается вещь въ собственность. Вѣроятно при этомъ употреблялась и словесная формула, какъ это было при покупкѣ вещи, въ родѣ слѣдующей: hanc ego ex jure Quiritium matremfamilias meam esse ajo, estoque mihi empta hoc aere libraque aenea».

У тѣхъ же Римлянъ былъ другій обрядъ, названный confarreatio, онъ и древнѣе и благороднѣе обряда coëmptio. О немъ упоминаетъ Plin lib. 18. c. 3. и Tacit. lib. 4. A. Brougthon въ своемъ историческомъ лексиконѣ пишетъ, что этотъ обрядъ считался самымъ священнымъ способомъ совокупленія въ брачный союзъ, и состоялъ

[1]) Краткій курсъ церковнаго права православн. греко-россійской церкви. Казань, 1888.

въ томъ, что Pontifex Maximus и Flamen Dialis жениха и невѣсту связывали, притомъ въ жертву приносили калачъ или опрѣснокъ, который послѣ новобрачные вмѣстѣ съѣдали. Обрядъ этотъ былъ доступенъ только для патриціевъ. Вышенаведенный И. С. Бердниковъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Въ день бракосочетанія отецъ невѣсты, въ присутствіи жениха, своихъ родныхъ и свидѣтелей, совершалъ жертвоприношеніе, и въ концѣ его объявилъ въ формѣ священнаго заклятія, что онъ отдаетъ свою дочь молодому человѣку. Затѣмъ была трапеза, которой обыкновенно оканчивались всѣ религіозныя церемоніи у классическихъ народовъ. Съ наступленіемъ вечера невѣста была переводима въ торжественной процессіи въ домъ жениха. У порога его дома она была встрѣчаема съ водою и огнемъ, символами домашняго культа, и переносима имъ чрезъ порогъ. Затѣмъ новобрачные подходили къ домашнимъ пенатамъ, приносили имъ жертву, творили возліяніе, и въ заключеніе ѣли вмѣстѣ пшеничный хлѣбъ. Посредствомъ этого жертвоприношенія и обряда невѣста посвящалась въ домашній культъ мужа и становилась его женой».

Стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что названіе confarreatio произошло отъ слова farreum, то есть калача. Калачи—короваи и въ описанной нами угрорусской свадьбѣ составляютъ одну главную принадлежность. Посмотримъ, есть ли нѣкоторое сходство въ обрядѣ нашей свадьбы съ confarreatio римскихъ патриціевъ?

Наведенный обрядъ бракосочетанія римскихъ патриціевъ изложенъ здѣсь въ краткихъ чертахъ, но должно предполагать присущія дѣлу необходимыя подробности. Предварительно долженъ былъ кто-то необходимо освѣдомиться о согласіи родителей невѣсты, что въ нашей свадьбѣ исполняетъ сватачъ. Такимъ или другимъ образомъ требовалось и обоюдное согласіе жениха и невѣсты. Какъ ни были подвластны дѣти родителямъ у Римлянъ, не могли такъ строго поступать съ своими дѣтьми, чтобы въ случаѣ нерасположенности оныхъ, рѣшились принимать принудительныя мѣры. Слѣдуетъ обрядъ кистимѣны, у Римлянъ sponsalia; потомъ у насъ торжественное вѣнчаніе, у Римлянъ жертвоприношеніе съ объявленіемъ священнаго заклятія, извѣстно что жертвоприносители въ такихъ случаяхъ являлись въ вѣнкахъ. Затѣмъ пиръ, трапеза, вполнѣ сходно. Съ наступленіемъ вечера невѣста была переводима въ торжественной процессіи въ домъ жениха, вполнѣ сходно. У Римлянъ невѣста у порога дома жениха была встрѣчаема съ водою и огнемъ, у насъ свашки невѣстѣ ладкаютъ:

Не е Марьки дома,
Пошла на керницу
По свѣжу водицу,—а послѣ омовенія въ самомъ дѣлѣ приноситъ въ домъ воду. Утромъ перваго дня въ домѣ жениха ея должность разложить огонь. У Римлянъ новобрачные подходили къ домашнимъ пенатамъ, приносили имъ жертву, творили возліяніе, у насъ новобрачная послѣ омовенія окропляетъ стѣны дома водою. У Римлянъ взаключеніе новобрачные ѣли вмѣстѣ пшеничный хлѣбъ, у насъ хлѣбъ на свадебной трапезѣ и несомые въ продолженіе всей свадьбы короваи играютъ видную роль.

Такое поразительное сходство во главныхъ чертахъ свадебнаго обряда классическихъ Римлянъ съ обрядомъ живущихъ въ захолустьяхъ Карпатовъ угрорусскихъ, даетъ право убѣдиться, что обрядъ Угророссовъ совзоромъ древности ни на волосъ не уступаетъ древности обряда Римлянъ, а исходъ должно искать въ одномъ источникѣ, тамъ, откуду всѣ индо-европейскія племена произошли—въ корни Яфетидовъ.

—

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложеніе къ Этногр. Оч. Три года въ Якутской области).

Улкумню Уланъ.

Въ то время, когда земля была величиной, какъ дно турсука, а небо величиной въ оленье ухо, жилъ на землѣ сильный, могучій, славный богатырь Улкумню Уланъ, а у него любимый конь масти красно-чалой. У Улкумню было три прекрасныхъ бѣлолицыхъ сестры, а несмѣтное количество лошадей его и коровъ паслось вольно на лугахъ и поляхъ той первобытной земли. Они каждый день питались жирной кониной и опьяняющимъ кумысомъ. Разъ онъ поѣхалъ смотрѣть скотъ свой, къ нему на встрѣчу прибѣжалъ первый жеребецъ его табуна,—шелковистая грива его и хвостъ доходили до земли,—и запѣлъ: «Слушай своими чуткими ушами, мой господинъ: извѣстность твоего славнаго имени распространилась далеко, твое великое имя знаютъ всѣ сильные богатыри, но скоро постигнетъ тебя несчастіе; тебя изобидитъ нѣкій демонскій богатырь. Приготовься его встрѣтить». Услыхавъ это, Улкумню Уланъ разсердился и сказалъ: «Ахъ ты глупый конь! какъ ты смѣлъ сказать мнѣ, что меня можетъ обидѣть кто нибудь; сильнѣе меня богатыря нѣтъ на свѣтѣ!» И затѣмъ изрубилъ своего жеребца. Пріѣхавъ домой, онъ, не ѣвши, легъ спать, и сестры не посмѣли разбудить его къ ужину. Около полуночи поднялся сильный вѣтеръ и вслѣдъ за нимъ приближался сильный конскій топотъ. Спустя нѣкоторое время, онѣ услыхали стукъ надъ домомъ, а сильный и страшный демонскій голосъ запѣлъ: «Здравствуй, дорогой мой тесть Улкумню Уланъ! Я духъ и богъ южнаго моря, Уотъ Оранъ (Огонь подмыватель). Пріѣхалъ жениться на твоихъ прекрасныхъ сестрахъ. Скажи мнѣ скорѣе — сколько ты просишь за нихъ калыму, я человѣкъ дорожный, не люблю долго ждать, будь увѣренъ, хошь ты дашь возьму и не дашь возьму!» Сколько сестры не будили, не могли разбудить своего брата, такъ крѣпко спалъ онъ. Повторивъ нѣсколько разъ свою пѣсню, Уотъ Оранъ открылъ ту стѣну, у которой лежали сестры съ братомъ. Тогда старшая запѣла: «услышь ты, Уотъ Оранъ, мою пѣсню, мы не можемъ похулить такого молодца, какъ ты, росту ты огромнаго и сила у тебя большая, но не пользуйся сномъ брата нашего, не увози насъ силою; тебѣ же будетъ стыдно, когда равные тебѣ будутъ говорить, что ты у соннаго человѣка увезъ сестеръ». На это Уотъ Оранъ, взявъ на ладонь старшую сестру, сказалъ: «вотъ разумная дѣва, ты сказала вѣрное слово. Я подожду, пока не разбудится вашъ братъ». Поставивъ стѣну на мѣсто, развелъ большой костеръ и изжарилъ на вертелахъ 12 быковъ. Спустя 12 дней утромъ разбудился Улкумню Уланъ, онъ вышелъ на дворъ и увидѣлъ демонскаго богатыря, къ которому подбѣжавъ запѣлъ: «Откуда ты явился слѣпой демонъ и съ какихъ поръ ты не ѣдалъ, что ѣшь мой скотъ, кто ты такой и откуда идешь?» На это тотъ, снявъ свою трехъугольную желѣзную шляпу, запѣлъ свою пѣсню, пѣтую въ тотъ разъ, когда пріѣхалъ. Услыхавъ это, Улкумню Уланъ, желая разсѣчь его пополамъ, ударилъ демона саблей, но тотъ успѣлъ отскочить и поплатился только половиной своей шляпы; замахнулся Улкумню во второй разъ, но богатырь опять успѣлъ отскочить и пустилъ въ глаза Улкумню Уланъ такой туманъ, что тотъ цѣлый день не могъ найти своего дома; когда глаза его пришли въ прежнее состояніе, Улкумню Уланъ пришелъ домой, но богатыря и

трехъ сестеръ уже не было. Улкумню сѣлъ на своего любимаго коня и поѣхалъ вслѣдъ за демонскимъ богатыремъ. Ѣхалъ онъ долго и наконецъ догналъ демонскаго богатыря, который ѣхалъ, посадивъ 2-хъ сестеръ позади своего сѣдла, а третью спереди. Уотъ Оранъ, увидавъ погоню, запѣлъ: «Вотъ подлинно славный богатырь, что догналъ скоро. Ты, вѣроятно, ѣдешь ко мнѣ на свадьбу и получить свадебный подарокъ? Предупреждаю тебя, путь будетъ очень длинный, сопряженный со многими трудами и лишеніями, а подарокъ, который я тебѣ дамъ, ты не возьмешь, мои коровы-тигры, мои лошади-медвѣди, поэтому совѣтую тебѣ ѣхать домой обратно». Пропѣвъ это, Уотъ Оранъ сдѣлался огненнымъ вихремъ и исчезъ изъ глазъ Улкумню Улана, который, продолжая путь свой, доѣхалъ до высочайшихъ хребтовъ, которыхъ не могли перелетать даже птицы. Онъ взялъ свою стрѣлу и лукъ, натянулъ тетиву и пустилъ стрѣлу, которая грянула, какъ сильный громъ, и разсѣкла скалу насквозь на столько, что могъ проѣхать возъ съ сѣномъ и онъ благополучно проѣхалъ этотъ путь; продолжая далѣе, онъ достигъ страны, наполненной медвѣдями и волками, которые въ несмѣтномъ количествѣ напали на него и обгрызли его и коня до половины, затѣмъ далѣе налетѣлъ на него рой осъ, которыя были величиною съ его сѣдло, а весь рой ихъ, какъ большой зародъ сѣна; осы напали на него, и онъ чуть живой, спасшись отъ нихъ, свалился съ коня, не будучи въ силахъ усидѣть въ сѣдлѣ. Конь его, ставъ надъ нимъ, запѣлъ: «слушай мой хозяинъ, если есть еще въ тебѣ сила, вынь свой острый ножъ и распори мою кожу у лѣвой ноги; потечетъ сукровица, которую пей и намажь свои раны». Улкумню Уланъ такъ и сдѣлалъ и сталъ такимъ же молодцемъ, какимъ былъ у себя дома. Поѣхавъ далѣе, онъ достигъ прекраснаго края; издали еще онъ увидалъ серебряную юрту, подъѣхавъ къ которой, привязалъ къ столбу коня, вошелъ въ юрту, но въ ней никого не было. Къ вечеру пришла прекрасная дѣвица, которая оказалась хозяйкой; она его накормила жирной кониной и напоила крѣпкимъ кумысомъ. Онъ женился на этой дѣвицѣ. Она ему разсказала, что ее зовутъ Агысъ-былась сысэххахъ ытыкъ нюргустой Удаганъ (имѣющая косу длиною 8 сажень, чистая отборная шаманка), что она родилась на небѣ и дочь Кюнь Тоёна (Солнце господина) ее укралъ демонскій богатырь, имѣющій 8 головъ Арсанъ Долай и держитъ ее здѣсь, чтобы заманивать богатырей, которыми питается; днемъ она бываетъ съ нимъ, чтобъ развлекать его своими пѣснями и играми, а ночь проводитъ у себя дома. Утромъ она отправилась къ Арсанъ Долаю, а Улкумню Уланъ побѣжалъ вслѣдъ за нею. Они прибѣжали къ желѣзному дому, въ которомъ жилъ страшный осьми-головый Арсанъ Долай; онъ замѣтилъ ихъ уже издали и выйдя къ нимъ на встрѣчу, приплясывая, запѣлъ: «вотъ моя неоцѣненная дочка идетъ, а за нею бѣжитъ для меня лакомый кусочекъ». Подбѣжавъ къ Арсанъ Долаю, Улкумню Уланъ, ничего не говоря, ударилъ его своимъ копьемъ и между ними завязалась борьба; къ вечеру демонскій богатырь лежалъ, а на немъ сидѣлъ верхомъ Улкумню Уланъ, который, не смотря на просьбу демона, убилъ его. На другой день онъ отправился искать Уотъ Орана, не смотря на просьбу своей жены не ѣхать къ демону, причемъ она говорила, что никогда не слыхала, чтобы демонъ женился на Якуткахъ. Должно быть онъ твоихъ сестеръ продалъ Якутамъ за большой калымъ. Но Улкумню Уланъ не послушался своей жены и отправился въ путь. Онъ доѣхалъ до огненнаго моря и конь его выростилъ изъ подъ переднихъ пахъ два желѣзныя крыла, которыя расправивъ, полетѣлъ чрезъ огненное море, но не могъ перелетѣть и на срединѣ сталъ спускаться къ морю, поэтому сбросилъ съ себя хозяина, который, вверхъ ногами, полетѣлъ въ море, а на срединѣ его былъ огромный холмъ, гдѣ жилъ сильнѣйшій демонскій богатырь Тимирь-Баргый (Желѣзо клокотящій). На этотъ холмъ, полумертвый, упалъ Улкумню Уланъ; отъ шума его паденія житель холма высунулся до половины изъ окна своей юрты, а увидавъ Улкумню Улана, захохоталъ своимъ демонскимъ страшнымъ смѣхомъ и запѣлъ: «сегодня моя утроба наполнится, мой деревянный богъ далъ мнѣ большой кусокъ, въ видѣ сильнаго славнаго богатыря Улкумню Улана, котораго мой желудокъ безъ труда переваритъ». Затѣмъ онъ взялъ его за ноги и проглотилъ со всѣмъ его вооруженіемъ, даже не расчавкавъ: такой обширный былъ у него желудокъ. Между тѣмъ жена Улкумню Улана превратилась въ

сокола и летѣла вслѣдъ за мужемъ, а увидавъ кончину его, она съ плачемъ улетѣла обратно. Она была беременной и родила сына съ золотыми, на плечи падающими, волосами, котораго она назвала Елюнь Дохосунъ. На десятомъ году сынъ, послѣ долгихъ разспросовъ, узналъ, кто его отецъ и какъ онъ погибъ. Въ то время будучи уже могучимъ богатыремъ, онъ осѣдлалъ своего гнѣдаго коня и поѣхалъ по слѣдамъ отца. Пріѣхавъ къ огненному морю, онъ привязалъ коня, а самъ превратился въ желѣзную рыбу съ тремя горбами на спинѣ, нырнулъ въ море и выплылъ къ жилищу Тимирь Баргыя, котораго не засталъ дома. Въ домѣ онъ замѣтилъ чуланъ съ большимъ, какъ собачья голова, висячимъ замкомъ, а передъ дверью его лежала двуглавая змѣя, которая, увидавъ Елюнь Дохосуна, зашипѣла и бросилаеь на него, но онъ быстро разорвалъ ее на три части; отворивъ чуланъ, онъ нашелъ тамъ въ серебряномъ турсукѣ живую воду, а въ золотомъ мертвую воду, онъ до сыта напился живою водой, а остальное перелилъ въ другую посуду, а вмѣсто живой воды налилъ мертвой. Затѣмъ спрятался и сталъ ждать Тимирь Баргыя, который явился скоро: на третью ночь сдѣлался страшный шумъ: то прилетѣлъ демонскій богатырь, въ видѣ трехъглаваго орла съ желѣзными перьями. Онъ усѣлся на трубу дома своего и запѣлъ слѣдующее: «отчего мое ледяное сердце трепещетъ, отчего моя каменная печень раздувается, чую я недоброе, но бояться мнѣ некого, нѣтъ болѣе сильнѣе меня богатыря на свѣтѣ; не можетъ быть, чтобъ выросъ сынъ Улкумню Улана, когда-то мною проглоченнаго, Елюнь Дохсунъ; онъ, говорили, будетъ сильнѣйшимъ богатыремъ, но ему кажется рано пріѣхать за розыскомъ отца. Все-таки предосторожность не мѣшаетъ, надо принять мѣры». Съ этими словами влетѣлъ въ чуланъ, гдѣ, не подозрѣвая подмѣна, напился мертвой воды, и тутъ-же лопнула его утроба. Въ его желудкѣ Елюнь Дохсунъ нашелъ кости своего отца, положилъ ихъ въ живую воду, кости покрылись тѣломъ, а когда онъ влилъ ему въ ротъ воды, то отецъ ожилъ, какъ человѣкъ, пробудившійся отъ долгаго сна. Придя въ сознаніе, онъ запѣлъ слѣдующее: «кто ты, дуралей, зачѣмъ ты мнѣ не даешь покою, мѣшаешь спать? Если человѣкъ—убирайся добромъ, если демонъ—сейчасъ-же изрублю тебя на куски». Сынъ, назвавъ себя, сказалъ ему, что онъ его сынъ и воскресилъ его изъ мертвыхъ. Тогда Улкумню Уланъ, припомнивъ послѣднія обстоятельства своей жизни, увѣрился въ словахъ своего сына, и велика была его радость. Елюнь Дохсунъ превратился въ орла, посадилъ на себя отца и перелетѣлъ огненное море. Улкумню Уланъ, пріѣхавъ къ женѣ, устроилъ большой пиръ, созвавъ много народу. Тутъ онъ узналъ, что его сестеръ демонскій богатырь отдалъ тремъ братьямъ богатырямъ и что онѣ счастливы, поэтому онъ за ними не поѣхалъ. За время его отсутствія изъ дома скотъ его умножился чрезвычайно. Улкумню женилъ своего сына на дочери Харахъ Ханъ мирнымъ путемъ, и они вошли въ число родоначальниковъ нынѣ живущихъ Якутовъ.

Бярть уолъ Бяреть Бяргянь (лучшій сынъ передовой мѣткій).

Очень давно, въ счастливой странѣ, гдѣ не бываетъ зимы, жилъ сильный и славный богатырь Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь съ братомъ своимъ Кюнь Эрилинь (Солнце крутило). У перваго былъ конь вороной масти, настоящій орелъ, а у втораго—чалой. Жили братья богато, имѣли громадныя стада рогатаго и коннаго скота, и обыкновенной пищей ихъ была жирная конина, а питьемъ крѣпкій кумысъ. Жили они, не имѣя сосѣдей и не скучая безъ нихъ, дружно и весело. Однажды утромъ, когда только занималась заря, младшій братъ Кюнь Эрилинь, проснувшись, вышелъ на дворъ; съ востока подулъ теплый вѣтерокъ и, въ слѣдъ за нимъ прилетѣла птица съ серебряными перьями и, сѣвъ на столбъ, къ которому привязывали лошадей, запѣла: «мой привѣтъ и поклонъ Вамъ, сильные и славные богатыри, Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь и Кюнь Эрилинь! Если хотите знать, кто я такой—я богатырь Анъ Айхалъ; прилетѣлъ съ востока отъ богача Сабылапъ, имѣющаго прекрасную дочь Ханъ-шаманка. Онъ сдѣлалъ нынѣ большой Ысэхъ и проситъ васъ пріѣхать». Кюнь Эрилинь разсказалъ брату,

что видѣлъ и слышалъ. Тотъ, не говоря ни слова, схватилъ лукъ и стрѣлу и выбѣжалъ на дворъ, но птицы уже не было, она улетѣла далеко на востокъ. Не было границъ гнѣву Бяреть Бяргяня на младшаго брата, что онъ отпустилъ такую добычу, не стрѣляя по ней. Между тѣмъ Анъ Айхалъ прилетѣвъ къ Сабылану, сказалъ, что онъ былъ у богатырей Бярть Уолъ Бяреть Бяргяня и Кюнь Эрилина, но они не пріѣдутъ, что старшій братъ настолько былъ обиженъ его зовомъ, что хотѣлъ стрѣлять, но на счастіе онъ, Анъ Айхалъ, успѣлъ во время улетѣть. Тогда Сабыланъ устроилъ большой ысэхъ, на который созвалъ всѣхъ земныхъ, подземныхъ и небесныхъ богатырей и знатныхъ жителей земли. На этотъ пиръ пріѣхали всѣ званые, такъ, напр., небесный повелитель Хара Сорунъ (черный воронъ) съ 22 племенами и подземный Боуръ Малахай (Земля Безобразный) съ 30 племенами. По окончаніи пира, Сабыланъ, обращаясь къ собравшимся гостямъ, запѣлъ: «слушайте, собравшіяся здѣсь почтенныя лица: меня изобидѣли живущіе отсюда на западѣ два брата богатыря: Бярть Уолъ Бяреть Бяргень и Кюнь Эрилинъ, къ которымъ я посылалъ храбраго богатыря Анъ Айхала звать къ себѣ, но они чуть не убили его; я прошу вашего содѣйствія и желалъ бы, чтобы сильные, собравшіеся здѣсь, богатыри поѣхали къ нимъ и привезли ихъ ко мнѣ». На этотъ вызовъ вызвались: небесный богатырь Кіень Далантай (широко размахивающій), подземный богатырь Буоръ Булахай (земля мѣшающій) и земной богатырь, имѣющій гнѣдаго коня, Тёрёть Бяргянь (зачинщикъ мѣткій). Во время пути слѣдованія послѣдній изъ нихъ возвратился обратно, сказавъ, что онъ труситъ ѣхать къ такимъ страшнымъ богатырямъ, а двое первые, продолжая путь, пріѣхали къ братьямъ богатырямъ, и Кіень Далантай запѣлъ: «слушайте своими чуткими ушами и смотрите своими зоркими глазами, богатыри Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь и Кюнь Эрилинъ: пріѣхалъ за вами я, Кіень Далантай и Буоръ Булахай, васъ зоветъ къ себѣ господинъ Сабыланъ, поѣдете добровольно—повеземъ, не захотите ѣхать—тоже повеземъ»! Услыхавъ это, старшій изъ братьевъ выбѣжалъ изъ юрты и свернулъ имъ обоимъ шеи. Затѣмъ братья, разсудивъ, что Сабыланъ зоветъ ихъ такъ настойчиво, рѣшили ѣхать къ нему. Младшій братъ осѣдлалъ своего чалаго, а старшій сѣлъ на своего чернаго орла и отправились въ путь. Ѣхали они долго, переплывая многія рѣки, пересѣкая хребты, пробираясь чрезъ дикую тайгу. Младшій братъ отставалъ, какъ ѣдущій по землѣ, а старшій улетѣлъ впередъ и первый пріѣхалъ въ страну Сабылана, гдѣ увидалъ на высокомъ бугрѣ огромный костеръ, и вокругъ него жарилось на вертелахъ цѣлыми тушами мясо лошадей и коровъ. Ихъ жарилъ желѣзный демонскій богатырь, а не подалеку отъ огня лежалъ другой великанъ-желѣзный богатырь, туловище котораго равнялось семериновой лодкѣ. Подъѣхавъ къ нимъ, Бярть Уолъ запѣлъ: «когда вы откармливали тотъ скотъ, который теперь жарите, или на что вы вымѣняли его, черномордые демоны? добромъ убирайтесь отсюда скорѣе. Если желаете знать, кто я такой—я богатырь Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь». Тогда лежащій богатырь, приподнявшись съ земли, запѣлъ: «какой это дуралей мѣшаетъ моему покою, или онъ не знаетъ, что я сильнѣйшій небесный богатырь Харрдагастай. Послушай мой рабъ, вынь изъ этого дурака сердце и печень и изжарь мнѣ ихъ!» Услышавъ это, рабъ его Оруку Соруку бросился на Бяреть Бяргяня, но упалъ безъ головы, которую Бяреть отрубилъ ему. Тогда завязалась уже борьба между самими богатырями, и только на третій день Бяреть Бяргянь, поваливъ небеснаго богатыря, сѣлъ на него верхомъ и приготовился перерѣзать ему горло, но, разглядѣвъ, увидалъ, что онъ сидѣлъ на бревнѣ, а небесный богатырь стоялъ въ сторонѣ цѣлъ и невредимъ и пѣлъ слѣдующее: «ты меня побѣдилъ Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь. Правда, ты сильнѣйшій богатырь. Если я еще поверну къ тебѣ свое лицо, то пусть расколется моя шея, если я еще возвращусь къ тебѣ, то пусть вывихнутся мои суставы». Затѣмъ онъ, превратившись въ дымъ, исчезъ изъ глазъ Бяреть Бяргяня. Въ это время подъѣхалъ Кюнь Эрилинъ, и они отаборились на томъ мѣстѣ, гдѣ были демонскіе богатыри и стали ѣсть готовое мясо. На другой день утромъ пришла къ нимъ прекрасная шаманка Ханъ, дочь Сабылана и запѣла слѣдующее: «друзья и товарищи, слушайте своими чуткими ушами мою пѣсню: звала васъ я, за что прошу прощенія; меня постигла большая бѣда, три года прошло, какъ меня сватаетъ за себя небесный богатырь Эрбяхъ Жагылъ (Большой

палецъ крылатый) и съ своимъ меньшимъ братомъ, крутящимъ семь разъ на большомъ пальцѣ, Эридимя Дохсунъ (крутило Дерзкій) живутъ у насъ, и наконецъ настаетъ время, что они должны меня увезти; я прошу васъ освободить меня отъ нихъ, за что, если не побрезгаете, буду одному изъ васъ женой, въ противномъ случаѣ я готова быть у васъ служанкой». Услыхавъ это, старшій братъ сказалъ младшему: «иди ка ты къ этому богатырю Эрбяхь Жагылу и прогони его добромъ, а то будетъ ему бѣда». Конь Эрилинъ отправился къ Эрбяхь Жагылу и повторилъ слова своего брата, но тотъ приказалъ своему брату Эридимя Дохсуну, чтобъ онъ убралъ такого дуралея, болтающаго глупыя слова, и вотъ между меньшими братьями богатырями завязалась борьба, длившаяся три мѣсяца, силою они были равны, и ни тотъ, ни другой не могли побѣдить противника и оба, обезсиленные, упали. Тогда Кюнь Эрилинъ запѣлъ: «братъ мой, Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь! Твои чуткія уши оглохли, твои зоркіе глаза ослѣпли. Я обезсиленъ, умираю, чего ждешь ты, моей ли смерти?» Услышавъ это, Бяреть Бяргянь натянулъ свой лукъ гибкій и убилъ стрѣлой Эридимя Дохсуна. Увидѣвъ это, Эрбяхь Жагылъ превратился въ двуглаваго орла и улетѣлъ на востокъ, а улетая, пѣлъ: «бѣда и горе! что я скажу отцу моему, Улу Тоёну—куда дѣвалъ брата своего. Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто изъ небесныхъ захочетъ жениться на земныхъ дѣвахъ!» Послѣ этого Сабыланъ сдѣлалъ большой пиръ, и братья богатыри съ почестями были введены въ домъ и сѣли на постланныя для нихъ медвѣжьи шкуры. Кюнь Эрилинъ женился на прекрасной шаманкѣ Ханъ и Сабыланъ богато отпраздновалъ эту свадьбу. Послѣ свадебнаго пиршества братья съ прекрасной Ханъ собрались ѣхать въ свой край и отказались отъ приданаго прекрасной Ханъ, возражая Сабылану, что они сами богаты и не нуждаются въ приданомъ. Пріѣхавъ въ свой край, они зажили мирно и весело. Разъ утромъ, во время завтрака, Бяреть Бяргянь спросилъ брата и сестру—не знаютъ ли они гдѣ либо подходящую для него дѣвицу, ибо ему жить холостымъ не приходится, а между тѣмъ лѣта уходятъ. На это прекрасная Ханъ сказала, что она знаетъ подходящую для него невѣсту, живетъ отсюда прямо на сѣверъ, но далеко, такъ что въ передній и обратный путь надо употребить до 30 лѣтъ; живетъ невѣста у сильнѣйшаго демонскаго богатыря Тасъ Тирили (камень грохотящій), который укралъ ее съ неба у Кюнь Тоёна (Солнце господина) и воспитываетъ прекрасную Ачыбы Чачыбы для заманиванія къ себѣ богатырей. Многіе славные богатыри пріѣзжали къ нему за этой красавицей, но Тимирь Тирили всѣхъ побѣждалъ, а затѣмъ съѣдалъ. Услыхавъ это, Бяреть Бяргянь очень тому обрадовался и, наскоро собравшись, уѣхалъ. Ѣхалъ онъ долго по разнымъ краямъ и наконецъ пришлось ѣхать по каменистой мѣстности и черезъ большое озеро, по берегу котораго были разложены костры. Спрятавъ коня, онъ сталъ выжидать того, кто разводилъ этотъ огонь. Спустя нѣкоторое время вода въ озерѣ заколыхалась, и изъ нея вышелъ голый демонскій богатырь съ ношей на спинѣ и сталъ на разведенномъ огнѣ жарить рыбу. Когда Бяреть Бяргянь вышелъ къ нему, водяной житель, увидавъ его, нырнулъ въ воду, а рыбу оставилъ, которая была крупна и бѣла. Бяреть Бяргянь сдѣлалъ изъ семи большихъ лѣсинъ ловушку и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ водяной чертъ, а самъ снова спрятался. Спустя немного времени водяной вышелъ изъ озера на берегъ и попалъ зъ ловушку, а увидавъ подходящаго къ нему Бяреть Бяргяня, запѣлъ: «зачѣмъ ты, добрый человѣкъ, поставилъ мнѣ ловушку, что я тебѣ сдѣлалъ худаго? я мирно живу въ озерѣ и питаюсь его рыбой. Я знаю кто ты: ты Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь, ѣдешь къ богатырю Тасъ Тирили, чтобъ отнять у него воспитанницу. Если тебѣ нужна моя помощь, то я пойду съ тобою. Я богатырь Атыллыка (шагающій), но только освободи меня скорѣе изъ ловушки». Бяреть Бяргянь освободилъ его изъ ловушки, и они отправились. Хотя Бяреть Бяргянь летѣлъ на крылатомъ конѣ, но Атыллыны не отставалъ отъ него. Наконецъ они пріѣхали къ Тасъ Тирили, жилище его было обгорожено желѣзнымъ заплотомъ, они не могли найти воротъ, тогда Антыллыны разбилъ кулакомъ желѣзную стѣну и они вошли во дворъ. На рединѣ его стояла каменная юрта, у которой Атыллыны, не находя дверей, также разбилъ кулакомъ стѣну, и они увидали, что Тасъ

Тирили былъ дома и спалъ глубокимъ сномъ. Бяреть Бяргянь надъ ухомъ Атыллыны закричалъ (тотъ былъ глухой), что Тасъ Тирили прикидывается спящимъ и не хочетъ обращать на него вниманія. Тогда Атыллыны схватилъ спящаго за ноги и выбросилъ на дворъ. За такую дерзость Тасъ Тирили напалъ на него съ копьемъ и мечемъ, но тотъ не отставалъ и билъ его своими кулаками, такъ что къ вечеру Тасъ Тирили скончался. Они выкопали семисаженную яму, нажгли въ ней угольевъ изъ семи лѣсинъ и бросили на нихъ тѣло демонскаго богатыря. Послѣ этого они взяли прекрасную Анамы Чачыма и отправились обратно. Атыллыны, пришедши къ своему озеру, накормилъ ихъ рыбой и на прощаніе высказалъ сожалѣніе, что не можетъ идти съ ними, ибо ему стыдно показаться людямъ, не имѣя одежды. Пріѣхавъ въ свой край, Бяреть Бяргянь не вышелъ въ домъ брата (для сожительства), а выстроилъ себѣ новую избу, куда и ввелъ свою жену хозяйкой. По прошествіи нѣкотораго времени, надъ краемъ Бяреть Бяргяня нависли черныя тучи, подулъ съ сѣвера сильный вѣтеръ и сталъ падать градъ, да такой величины, что одной градиной убивало скотину. Бярть Уолъ Бяреть Бяргянь пришелъ въ большое уныніе и не зналъ откуда и за что на него такое бѣдствіе. Въ это время къ нему пришелъ молодой племянникъ его, имѣющій гнѣдаго коня, богатырь Тулаима. Онъ сказалъ дядѣ, что градъ есть предвѣстникъ скораго прихода демонскаго богатыря, воспитаннаго въ теченіи 30 лѣтъ въ гробу, имя которому Хорожай. На это Бяреть Бяргянь сказалъ, что онъ уже состарился и не въ состояніи драться съ богатыремъ и просилъ племянника ѣхать къ нему на встрѣчу и вступить съ нимъ въ борьбу. Тулаима осѣдлалъ своего гнѣдаго коня и поѣхалъ на сѣверъ. Рѣки, которыя приходилось ему переплывать, вытекали изъ высокихъ горъ, на которыхъ ничего не могло рости и на вершинѣ представляли каменистую равнину, и здѣсь Тулаима остановился ждать Хорожая. Вскорѣ появился огненный вихрь, а затѣмъ показалась желѣзная остроконечная шляпа. Онъ ѣхалъ на 9-ти бѣлоголовыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ огромныхъ желѣзныхъ саняхъ, полозья которыхъ бороздили каменистую почву на три аршина глубины. Онъ пѣлъ: «ну, бѣжите скорѣе мои лошадушки! Скоро мы доѣдемъ до Бярть Уолъ Бяредъ Бяргяня, я отниму у него его жену прекрасную, которую посажу рядомъ съ собой и повезу домой. Его стражу опалю своимъ огненнымъ дыханіемъ, его скотъ, богатство и его самого упрячу въ свой огненный желудокъ». Тулаима превратился въ худаго мальчика пастуха, одѣтаго въ конскую шкуру и, подошедши къ нему, снялъ, шапку, сталъ на колѣни и запѣлъ: «слушай своими чуткими ушами, почтенный дѣдъ мой: я пастухъ Береть Бяргяня, Масъ Балтаръ, меня послала къ тебѣ на встрѣчу прекрасная Ачыма Чачыма, она ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ, но опасается, что ты заблудишься въ этихъ открытыхъ мѣстахъ, я буду тебѣ проводникомъ». — «Ахъ, моя милая пташка! вѣдь какъ она обо мнѣ заботится: ну садись и будь проводникомъ, а я тѣмъ временемъ засну; я ѣхалъ, нигдѣ не останавливаясь, такъ торопился къ моей милой». Сказавъ это, демонскій богатырь повалился на саняхъ спать, а Тулаима копьемъ его въ сердце, а также убилъ и его лошадей. Совершивъ такое дѣло, онъ возвратился домой, гдѣ встрѣтилъ своего дядю, который разсказалъ, что Ачыма Чачыма вчера родила мальчика, который убѣжалъ отъ него и бросился въ озеро и просилъ Тулаима розыскать младенца. Тулаима обратился въ сокола, полетѣлъ на озеро, гдѣ, въ камышахъ, спрятавшись, сталъ ожидать. На седьмой день вода въ озерѣ заволновалась, и изъ нея вышелъ голый серебряный человѣкъ, ростомъ въ четыре сажени. Онъ съ быстротою молніи побѣжалъ на востокъ, а Тулаима полетѣлъ въ слѣдъ за нимъ, но потерялъ его изъ глазъ. Тулаима леталъ и на золотую гору, гдѣ родилась луна, но и тамъ не нашелъ серебрянаго человѣка. Возвращаясь обратно домой, онъ нашелъ младенца спящаго въ оврагѣ и запѣлъ: «встань, разбудись, мой дорогой братъ! Пойдемъ домой, твои родители плачутъ, потерявъ тебя, иди къ нимъ»! Услыхавъ это. младенецъ разбудился и запѣлъ: «что вы за народъ, что не даете мнѣ покою, неужели вы меня считаете за бродягу, который убѣжитъ — куда глаза глядятъ. Лучше ступай домой и приготовь мнѣ на дворѣ сидѣнье на золотыхъ столбахъ. Меня зовутъ земной богатырь, имѣющій крылатаго коня, Ексёнюляхъ Далантай (Орелъ размахивающій), небесный богатырь Анъ Сужу

(передовой нырокъ) и подземный богатырь Анъ Ажарай (передовой демонъ)». Пріѣхавъ домой Тулаима сдѣлалъ брату высокое сидѣнье и приготовилъ ему платье и вооруженіе богатырское. По прошествіи мѣсяца пришелъ Ексёкюляхъ, надѣлъ на себя приготовленное платье и легъ спать. Онъ уже былъ богатыремъ въ полной силѣ. Въ одно утро съ востока подулъ вѣтеръ и прилетѣли два орла: первый былъ Эрьбяхъ Жагылъ, а второй Аи Сеня Айхалъ, они были заклятые враги отцовъ Тулаима и Ексёкюляхъ и прилетѣли потягаться силой съ ихъ сыновьями. Эрьбяхъ Жагылъ, превратившись въ 3-хъ лѣтняго медвѣдя, напалъ на Ексёкюляха, а этотъ послѣдній превратился въ тигра и между ними началась борьба, но Ексёкюляхъ побѣдилъ Эрьбяхъ Жагыла, оторвавъ правую руку, послѣ чего побѣжденный убѣжалъ. Тулаима стрѣлой поразилъ Айхала въ животъ, и тотъ едва живой полетѣлъ на востокъ. Послѣ этого Ексёкюляхъ легъ спать, а Тулаима сталъ ходить вокругъ дома— караулить. Съ юга поднялась буря и прилетѣла огненная птица о трехъ головахъ, она усѣлась на верхушкахъ девяти лѣсинъ и, покачнувъ тремя головами, изъ трехъ своихъ ртовъ запѣла: «слушайте вы, Тулаима и Ексёкюляхъ Далантай, своими чуткими ушами и смотрите своими зоркими глазами, что я вамъ буду пѣть: живетъ на югѣ отсюда повелитель Кулянтимя, у него прекрасная дочь Уянтымо Ко (нѣжная); черезъ три мѣсяца она выходитъ замужъ за демонскаго богатыря Сирь Уола Сигняя (Обвалъ сынъ земли). Но такъ какъ такой знатной дѣвицѣ нельзя выходить замужъ безъ рабовъ, обязанность которыхъ раздѣвать, одѣвать, стелить и убирать ея постель, то Васъ нашли способными на эту службу. Вы теперь должны назначить мнѣ плату, за которую вы желаете ѣхать съ нею рабами». Услыхалъ такія оскорбительныя слова Тулаима и у него чуть не лопнула печень, онъ съ крикомъ разбудилъ брата и разсказалъ, что слышалъ отъ ужасной птицы. Тотъ, повернувшись на своемъ высокомъ сидѣньи, превратился въ огромнаго орла, поднялся высоко и запѣлъ громкимъ голосомъ: «я знаю тебя посла Кюлянтимя, ты сынъ грома Булгу Бурай (Переломъ вѣтеръ), ты преднамѣренно оскорбилъ насъ, но за это ты поплатишься жизнью. Пропѣвъ это, онъ, быстрѣе молніи, спустился на Булгу Бурая и разорвалъ его на двѣ части. Послѣ этого оба брата осѣдлали своихъ коней и поѣхали къ господину Кюлянтимя. Пріѣхавъ въ его прекрасный край, Ексёкюляхъ Далантай сказалъ своему брату: «я вижу огромное собраніе богатырей у Кюлянтимя, ты ступай впередъ и узнай, что тамъ дѣлается. Если нужна будетъ тебѣ моя помощь, то кликни меня, и я буду съ тобою». Тулаима превратился въ худаго парня и отправился пѣшкомъ. Богатырь Сигняя жилъ отдѣльно на бугѣ, и ему въ пищу подносили цѣликомъ зажареныхъ быковъ и лошадей, а въ юртѣ сидѣли гости Кюлянтимя, отборные богатыри, и ѣли жирную конину. Они вели между собою разговоръ о томъ, что далеко, на сѣверъ отсюда, живутъ два могущественныхъ брата, Тулаима и Ексёкюляхъ Далантай и что они, вѣроятно побѣдили бы демона Сирь Уола Сигняя». Къ сыну Кюлянтимя подошелъ братъ демонскаго богатыря Сигняя и запѣлъ: «слушай своими чуткими ушами, Тёрётъ Бёгё, мой братъ проситъ назначить время, когда онъ долженъ увезти свою невѣсту: у него истощилось терпѣніе ждать, такъ какъ ты откладываешь рѣшеніе съ мѣсяца на мѣсяцъ, вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ, которые мы здѣсь живемъ». На это Тёреть Бёге сказалъ, что онъ дастъ свою сестру тому богатырю, который подниметъ на плечо трехсотпудовый камень, лежащій отсюда на сѣверъ, на морскомъ берегу». Услыхавъ этотъ разговоръ, Тулаима возвратился къ брату и разсказалъ о видѣнномъ и слышанномъ. Всѣ бывшіе богатыри, а также Ексёкюляхъ Далантай съ братомъ Тулаима, отправились къ камню. Первый поднялъ камень Тимирь Халхалыма (желѣзо заслоняющій), но не могъ поднять выше колѣна, вторымъ поднялъ до груди Тулаима, третьимъ поднялъ до плечъ Сирь Уола Сигняя и четвертымъ подошелъ Ексёкюляхъ Далантай. Онъ высоко надъ головой поднялъ камень и, сказавъ Тимирь Халхалыма, брату Сигняя, что такой чертенокъ тоже осмѣливается считать себя богатыремъ, бросилъ въ него камень и убилъ его. Между Ексёкюляхъ Далантаемъ и Сигняя завязался споръ, кому взять дѣвицу, а поспоривъ, они стали бороться. На третій день Ексёкюляхъ повалилъ демонскаго

богатыря и сѣлъ на него верхомъ, распоролъ ему брюхо, взялъ въ правую руку позвоночную жилу (penis) и требовалъ у побѣжденнаго рѣшительнаго отказа отъ дѣвицы, но тотъ запѣлъ: «Ты не убивай меня, это тебѣ не принесетъ никакой пользы, лучше мы побратаемся, а прекрасную Уянтымо Ко раздѣлимъ между собой: ты возьми верхнюю часть, а я возьму нижнюю». Далантай сказалъ, что онъ можетъ прожить и не братавшись съ нимъ и оторвалъ у него позвоночную жилу, въ слѣдствіе чего тотъ немедленно умеръ. Далантай уступилъ дѣвицу своему брату Тулаима, который женился на прекрасной Уянтымо Ко и возвратился въ свой край, а Ексёкюляхъ отправился на востокъ къ богатырю Кёкястяй Бёгё, у котораго сестра по имени Кюнь-Толлума (полное солнце) была воистину прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Братъ и сестра были дѣтьми солнца и на землѣ жили только временно. Не доѣзжая немного до жилища Кёкястяй Бёгё, конь, остановившись, запѣлъ своему хозяину Далантаю: «слушай-ка своими чуткими ушами, хозяинъ, мою пѣсню, мы ѣдемъ къ сильнѣйшему небесному богатырю, онъ едва ли дастъ тебѣ сестру добромъ, не лучше ли будетъ украсть ее». На это Ексёкюляхъ Далантай сказалъ, что онъ не воръ и не трусъ, чтобы воровать женщинъ, пользуясь темнотой ночи. Пріѣхавъ къ дому Кёкястяй Бёгё, онъ постучался, и къ нему вышелъ одѣтый во весь ростъ въ золото пятисаженный бѣлолицый богатырь, которому Ексёкюляхъ запѣлъ: «твоему великому имени 90 поклоновъ, твоей огромной славѣ 80 поклоновъ отъ меня, другъ и товарищъ, Кёкястяй Бёгё. Я земной богатырь Ексёкюляхъ Далантай, небесный богатырь Анъ Сужу и подземный богатырь Анъ Ажарай, пріѣхалъ жениться на твоей прекраснѣйшей сестрѣ, если даешь, назначь сколько просишь калыму, въ противномъ случаѣ я возьму силой». На это тотъ запѣлъ: «ты навѣрно думаешь, что ты сильнѣйшій богатырь на землѣ, но ты, кажется, не слыхалъ про мою могучую силу, вотъ я посмотрю, какою чудесною силою ты возьмешь мою сестру, потому что добромъ я дать тебѣ еще не намѣренъ». Затѣмъ между ними началась драка. Дрались они долго, три мѣсяца, но Ексёкюляхъ Далантай побѣдилъ своего врага и сѣлъ на него верхомъ, спросилъ, что онъ теперь дастъ ли ему свою сестру или желаетъ смерти. Кёкястяй Бёгё запѣлъ слѣдующее: «пусть моя пѣсня раздастся на небесахъ, какъ ржаніе жеребца, когда онъ въ полной силѣ, пусть мои напѣвы зазвучатъ тамъ, какъ мычаніе молодаго быка, и дойдутъ до ушей отца моего Кюнь-Тоёна: меня побѣдилъ и хочетъ убить земной богатырь Ексёкюляхъ Далантай». Какъ только онъ это запѣлъ, подулъ восточный вѣтеръ, появились легкія облака, грянулъ небольшой громъ, пошелъ небольшой дождь, отверзлись небеса и показался всадникъ на бѣломъ конѣ, одѣтый въ золото и запѣлъ: «Вы, слушайте, что буду вамъ говорить: на небѣ не написано, чтобы ты, Ексёкюляхъ Далантай, убилъ Кёкястяй Бёгё, но тамъ написано, что на прекрасной дѣвицѣ Кюнь Толлума долженъ жениться Ексёкюляхъ Далантай». Услыхавъ это, два богатыря обнялись и поцѣловались, удивляясь, что имъ не пришло въ голову спросить рѣшенія неба. Кёкястяй Бегё устроилъ большую свадьбу, на которой присутствовали всѣ земные и небесные богатыри. Съѣдено было очень много кобылъ и выпито невѣроятное количество кумысу. Когда Ексёкюляхъ Далантай возвратился домой съ своей женой, то нашелъ своихъ родныхъ здоровыми, и онъ съ женой устроили счастливо свое хозяйство и тихо и спокойно продолжаютъ жить до нынѣшняго дня.

Мёгюлю Бёгё.

На краю первобытнаго міра жилъ богатырь Мёгюлю Бёгё съ прекрасной сестрой, которую звали Хачыланъ Ко. У нихъ не было рабовъ и рабынь, и скотъ свободно гулялъ по лугамъ, до которыхъ не прикасалась горбуша, такъ какъ тогда ихъ не знали. Въ странѣ той никогда не было зимы, стояло вѣчное лѣто, деревья не мѣняли своихъ листьевъ или хвойныхъ иголокъ, а птицы не улетали въ другіе края. Сосѣдей у нихъ тоже не было, они жили одни, не зная даже своихъ родителей. Разъ какъ то, утромъ, когда Мёгюлю Бёгё поилъ свой скотъ, съ сѣвера подулъ холодный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ и на крылатомъ желѣзномъ конѣ пріѣхалъ осьмигранный желѣзный человѣкъ. Его остроконечная шляпа возвышалась выше лѣса лиственничнаго, а на серединѣ лба

торчалъ его единственный глазъ; онъ былъ съ одной рукой и объ одной ногѣ. Такое страшилище остановилось предъ Мёгюлю Бёгё и запѣло: «если твои глаза не ослѣпли, такъ пусть видятъ и если твои уши не оглохли, то слушай: я богатырь Бёрёкюя Бётесь, живущій въ преисподней, пріѣхалъ къ тебѣ жениться на твоей прекрасной сестрѣ. Она, говорятъ, прекраснѣйшая изъ дѣвицъ. Если хочешь знать мою силу и ловкость, то попробуемъ». Рѣшено было стрѣляться. Демонскій богатырь оторвалъ половину утеса и поставилъ предъ собой, въ видѣ сошки лука, а Мёгюлю Бёгё вырылъ яму въ семь сажень глубиною. Сперва долженъ былъ стрѣлять Бёрёкюя Бётесь: онъ натянулъ свой огромный лукъ и, нацѣливъ стрѣлу въ Мёгюлю Бёгё, сказалъ: «ну, берегись другъ и товарищъ, моя стрѣла дурно не идетъ» и спустилъ стрѣлу, которая взбороздила почву на три сажени глубиной, а Мёгюлю Бёгё спасся тѣмъ, что упалъ въ вырытую яму. Демонскій богатырь сказалъ: «Вотъ, бѣдняга, даже и пылинки отъ него не осталось» и когда пыль нѣсколько разсѣялась, то увидалъ Мёгюлю Бёгё цѣлаго и невредимаго, велика была его досада и не могъ надивиться, какъ стрѣла могла миновать его. Затѣмъ сталъ прицѣливаться Мёгюлю Бёгё и пустилъ стрѣлу, которая грянула, какъ громъ и полетѣла прямо на грудь демонскаго богатыря, но послѣдній, думая увернуться отъ стрѣлы, подпрыгнулъ, и стрѣла поразила его въ нижнюю часть живота. Демонскій богатырь взвылъ отъ боли дикимъ голосомъ, а рану свою, заткнувъ мохомъ, сѣлъ на своего коня и вокругъ сдѣлалъ тьму. Мёгюлю Бёгё долго блуждалъ во тьмѣ и только, когда она нѣсколько разсѣялась, отправился домой, гдѣ уже не нашелъ своей сестры. Полагая, что ее увезъ демонскій богатырь, онъ поѣхалъ на сѣверъ по слѣдамъ Бёрёкюя Бётесь на своемъ саврасомъ конѣ. Послѣ долгаго пути по разнымъ странамъ, онъ достигъ совершенно желѣзнаго края, на серединѣ котораго росли восемь мѣдныхъ лѣсинъ, листья и вѣтви которыхъ были тоже мѣдныя. Здѣсь терялись слѣды демонскаго богатыря и Мёгюлю Бёгё, разсматривая внимательно окружающую мѣстность, замѣтилъ подъ среднимъ деревомъ пропасть, откуда выходилъ тяжелый, удушливый запахъ,—то была дорога въ преисподнюю. Разсѣдлавъ коня и положивъ сбрую подъ дерево, Мёгюлю сказалъ коню: «слушай, другъ мой и товарищъ! я спущусь въ подземный демонскій міръ, пока я не выйду—ты гуляй, гдѣ хочешь, но когда позову, будь немедленно тутъ». Конь, услыхавъ сказанное, изъ гривы и хвоста сдѣлалъ себѣ крылья и полетѣлъ въ пространство. Мёгюлю Бёгё, нагнувшись, полетѣлъ въ пропасть внизъ головой и въ безпамятствѣ упалъ на дно; очнувшись, онъ увидалъ, что лежитъ на желѣзномъ полѣ, поросшемъ таковыми же растеніями, сюда не проникалъ солнечный свѣтъ, а былъ полумракъ. Отъ паденія половина его тѣла была разбита, а самъ такъ похудѣлъ и обезсилѣлъ, что походилъ на осиротѣлаго ребенка: отъ прежняго его богатырскаго величія не осталось и слѣдовъ. Кое какъ онъ нашелъ себѣ палку, разглядѣлъ слѣды демонскаго богатыря и по нимъ пришлось идти на сѣверъ. Дошелъ до желѣзной юрты, у которой было привязано восемь пѣгихъ желѣзныхъ кобылъ; войдя въ юрту, онъ увидалъ демонскую шаманку. Поклонившись ей, онъ запѣлъ: «Мой привѣтъ и поклонъ тебѣ, Солнце, госпожа здѣшняго міра. Я земной житель, тамъ не могъ найти себѣ крова и пищи, принужденъ былъ спуститься въ этотъ міръ, гдѣ нашелъ тебя, мою госпожу. Нѣтъ ли какой работы?» На это старуха отвѣчала, что ее зовутъ Алабыръ, а работа у ней—пасти ея восемь кобылъ и за восемь мѣсяцевъ онъ въ вознагражденіе получитъ одного жеребенка. Алабыръ накормила Мёгюлю мясомъ разныхъ звѣрей, послѣ чего онъ погналъ на пастбище къ морскому берегу своихъ кобылъ. По истеченіи 8 мѣсяцевъ, кобылы ожеребились, и онъ пригналъ ихъ къ старухѣ, которая была довольна этимъ, и, подаривъ Мёгюлю обѣщаннаго жеребенка, запѣла: «я знаю, что ты когда-то былъ земнымъ богатыремъ, тебя звали Мёгюлю Бёгё, ты гнался за здѣшнимъ богатыремъ Бёрёкюя Бётесь, который отнялъ у тебя сестру Хачылань Ко. За твою вѣрную службу я тебя приведу въ твой прежній видъ». Она напоила живою водою, и Мёгюлю сталъ болѣе сильнымъ богатыремъ, чѣмъ былъ. Поблагодаривъ старуху, онъ осѣдлалъ подареннаго жеребенка и сѣлъ на него. Молодой конь, почувствовавъ сѣдока, расправилъ свои желѣзныя крылья, полетѣлъ очень быстро и достигъ жилища демонскаго богатыря, гдѣ Мёгюлю встрѣтилъ свою сестру. Бёрёкюя Бётесь дома не было, онъ уѣхалъ къ кузнецу Кыдай Бахсы, чтобы сковать себѣ то,

что было оторвано у него въ состязаніи съ Мёгюлю. Сестра ему разсказала, что демонскій богатырь очень силенъ и, кромѣ того, его трудно убить, потому что знаетъ колдовство. Мёгюлю Бёгё сказалъ сестрѣ: «когда вернется твой богатырь, ты приласкайся къ нему и выспроси, въ какомъ мѣстѣ заключена у него его душа; пусть только укажетъ, а я ужь знаю, что потомъ дѣлать». Сказавъ это, онъ превратилъ коня въ гнилую лѣсину, а самъ спрятался. На другой день возвратился богатырь и сказалъ, что кузнецы велѣли придти завтра, не могутъ скоро окончить. Хачыланъ Ко приласкалась къ нему и спросила, гдѣ находится его душа, ибо она желаетъ соединить съ нимъ свою душу. На это демонскій богатырь отвѣтилъ, что на берегу морскомъ пасутся три оленя, изъ нихъ у средняго въ животѣ находится его душа. Эти слова слышалъ Мёгюлю Бёгё и тотчасъ же отправился на берегъ морской, гдѣ дѣйствительно паслись три оленя, онъ подкрался къ нимъ осторожно и ножемъ распоролъ брюхо среднему оленю, и изъ него выпалъ желѣзный ящикъ. Разбивъ его, онъ нашелъ змѣю, которую и убилъ; послѣ чего отправился обратно къ сестрѣ и, взявъ ее съ собой на коня, поѣхали обратно въ свой край. Между тѣмъ, какъ душа богатыря, заключавшаяся въ змѣѣ была убита, самъ богатырь, возвращаясь отъ кузнецовъ съ прикованной штукой, умеръ въ дорогѣ. Мёгюлю Бёге, выѣхавъ на землю черезъ ту же трубу, въ которую упалъ, пустилъ коня, котораго дала ему старуха Алабыръ, на волю. Будучи утомленъ и обезсиленъ, онъ расположился спать, положивъ подъ голову сѣдло, одѣлся шубою и легъ спать, также устроилась и сестра его. Около полуночи съ юга прилетѣла огромная желѣзная птица и, усѣвшись на лѣсинѣ, запѣла: «Привѣтъ и поклонъ мой тебѣ, Мёгюлю Бёгё! Я богатырь южнаго моря, повелитель надъ тамошними демонами, сильнѣйшій Содалба Бёгё. Летѣлъ къ Бёрёкюя Бётесь, чтобы отнять у него твою сестру, но ты предупредилъ меня и везешь ее уже обратно. Скажи мнѣ, сколько просишь ты за нее калыму». Мёгюлю Бёге спалъ крѣпкимъ сномъ и не слыхалъ пѣсни демонскаго богатыря, сколько сестра ни старалась разбудить его. Содалба Бёгё, повторивъ свою пѣсню нѣсколько разъ, схватилъ прекрасную Хачыланъ Ко за волосы и улетѣлъ обратно. Мёгюлю Бёге проснулся лишь по истеченіи семи сутокъ и увидалъ, что сестры уже не было, тогда онъ позвалъ обратно своего коня и поѣхалъ наугадъ на полдень. Прилетѣвъ въ свое жилище, демонскій богатырь Содолба Бёгё сталъ ходить за своей женой, которая была очень больна и отказывалась отъ всякой пищи, которую приготовлялъ онъ ей, такъ что наконецъ спросилъ ее, чего она желаетъ ѣсть, и она ему сказала, что отсюда на западъ есть дремучій лѣсъ, гдѣ живетъ левъ, страшнѣйшій изъ звѣрей; сердце этого звѣря ей хочется поѣсть. Услыхавъ это, Содалба Бёгё отправился въ дремучій лѣсъ и запѣлъ: «Левъ, страшнѣйшій изъ звѣрей, я пришелъ по великой нуждѣ; моя жена очень больна и непремѣнно проситъ твоего сердца. Этимъ, говоритъ, она получила бы изцѣленіе отъ одержимой болѣзни». Какъ только онъ это запѣлъ, прибѣжалъ левъ, сталъ бить его своимъ 30 пудовымъ хвостомъ и богатырю приходилось отъ этихъ ударовъ на столько плохо, что долженъ былъ просить льва дать нѣсколько минутъ, чтобы проститься заочно съ тѣми, кто ему дороги. Левъ остановилъ свои удары, а Содалба, пользуясь этимъ, перерубилъ его пополамъ. Вынувъ изъ него сердце, онъ отправился домой, гдѣ жена сказала ему, что онъ въ отсутствіи былъ очень долго, а тѣмъ временемъ у нея прошла охота, и она не хочетъ даже смотрѣть на сердце льва. Она прикинулась, что будто умираетъ и сказала демону Содалба Бёгё, что если онъ не достанетъ живой воды, то она умретъ непремѣнно. Демонъ Содалба Бёгё превратился въ ворона и полетѣлъ на небо къ источнику живой воды, которую караулили 40 отборныхъ небесныхъ богатырей и начальникомъ ихъ былъ небесный писарь Омонума. Какъ только онъ къ нимъ подошелъ, они напали на него и убили. Въ это время подъѣхалъ Мёгюлю Бёгё, сестра разсказала ему, какъ она ухитрилась найти смерть демону. Ѣдучи обратно домой, они заѣхали къ богачу Могосъ, у послѣдняго былъ сынъ Мосолъ Бёгё, который посватался за Хачыланъ Ко, а Мёгюлю Бёгё, въ свою очередь, женился на сестрѣ его, дѣвицѣ Ытынъ-Ытыллыма. Старикъ Могосъ, счастливый женитьбой сына и выдачей дочери замужъ, устроилъ большое пиршество, послѣ котораго Мёгюлю Бёгё съ своей молодой женой вернулся къ себѣ обратно домой и жилъ съ нею счастливо.

Сообщилъ *В. Л. Приклонскій.*

Лиса и Волкъ въ западнѣ.

(Изъ армянской книжной сказочной литературы).

Народная литература Армянъ и сосѣднихъ кавказскихъ народовъ нашла себѣ, правда немногочисленныхъ еще, собирателей-любителей: памятниковъ ея оказалось много, но приведенные въ извѣстность матеріалы, главнымъ образомъ сказки, вызвали пока въ большинствѣ случаевъ лишь нѣсколько поспѣшныя сближенія и гипотезы. Всѣ эти сближенія и гипотезы безспорно весьма любопытны, но далеко еще до научнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи армянскихъ или кавказскихъ народныхъ сказаній: пока рука объ руку съ собираніемъ и обнародованіемъ памятниковъ народной устной литературы должна идти разработка, или по крайней мѣрѣ, хоть обнародованіе тѣхъ книжныхъ памятниковъ, которые лежатъ нетронутыми въ рукописяхъ, и которые внѣ всякаго сомнѣнія должны были оказать сильное вліяніе на народную словесность.

Въ интересующемъ насъ спеціально вопросѣ изслѣдованіе книжныхъ басенъ и сказокъ, притчъ и изреченій, равно нравоучительныхъ проповѣдей, духовныхъ и дидактическихъ стиховъ (XV—XVII вв.) и пр. должно быть предпринято самымъ тщательнымъ образомъ. Только имѣя ясное представленіе объ этихъ довольно обширныхъ отдѣлахъ армянской письменности, до сихъ поръ пренебрегаемыхъ учеными арменистами, изслѣдователь можетъ почувствовать себя на достаточно твердой почвѣ, чтобы приступить къ сравнительнымъ розысканіямъ въ области армянской народной словесности. Руководимый подобными соображеніями, я два года тому назадъ приступилъ къ собиранію всего того, что извѣстно объ армянскихъ книжныхъ басняхъ и сказкахъ. При этой работѣ я натолкнулся на армянскую сказку о Лисѣ и Волкѣ, которую ниже предлагаю въ русскомъ переводѣ.

Извѣстный разсказъ о волкѣ, ставшемъ жертвою коварства лисы, встрѣчается во многихъ армянскихъ сборникахъ басенъ и притчъ (въ Лисьей книгѣ, басня № 68, въ Сборникѣ басенъ Вардана: Парижская рукопись anc. fond, № 135, басня № 68, Эчміадзинская рукопись № 453, басня № 77, Эчміадзинская рукопись № 1711, басня № 15 и другіе списки), въ каждомъ сборникѣ и спискѣ въ болѣе или менѣе отличной редакціи (отличія касаются главнымъ образомъ языка). Наша сказка [1]) стоитъ особнякомъ отъ нихъ въ отношеніи многихъ подробностей, только нравоучительное заключеніе, не составляющее однако существенной части Сказки, роднитъ ее съ баснями на ту же тему, и это родство, ограничивающееся заключеніемъ, доказываетъ одно то, что нравоучительная часть, кстати выводящая изъ разсказа болѣе, чѣмъ въ немъ дается, заимствована изъ басни или какого либо общаго съ нею источника и приле-

[1]) Характеристика Лисы, какъ «причиняющей вредъ» (см. Переводъ) и вообще то обстоятельство, что все дѣйствіе ведется въ виноградникѣ, повидимому сближаетъ Сказку съ однимъ изъ стиховъ Пѣсни Пѣсней (2,15) гласящимъ: «Ловите намъ лисицъ, лисенятъ, которыя портятъ виноградники; а виноградники наши въ цвѣтѣ;» но эти черты могли быть усвоены еще источникомъ нашей сказки. Такая же характеристика Лисы находится между прочимъ у Бабрія (Babrius edited by Rutherford, London 1883, стр. 16, № XI); съ другой стороны въ виноградникѣ ведется дѣйствіе и по персидскому изводу сказки, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Впрочемъ кажется довольно сомнительнымъ мнѣніе Ландсбергера (Die Fabeln des Sophos, Posen 1859, стр. XII—XIII), будто указанная характеристика лисы въ Пѣсни Пѣсней носитъ отпечатокъ чуть ли не исключительно еврейскаго міросозерцанія.

тена къ Сказкѣ совершенно искусственно. Гласитъ оно такъ. «Эта сказка (ар'ak) показываетъ, что есть много лукавыхъ людей, въ особенности же сатана, которые стараются плѣнить людей многими средствами и различными хитростями и повергнуть въ яму грѣховъ, а сами издѣваются надъ гибелью грѣшниковъ; затѣмъ они сами и ихъ сподручники предаются геоннѣ огненной и мукамъ, отъ коихъ нѣтъ спасенія. Избави насъ, Христосъ Богъ Нашъ, отъ невидимой лисы, т. е. отъ сатаны и его искушеній. Аминь [1])».

Въ армянской книжной сказочной литературѣ я не знаю иного случая, когда разсказецъ изъ животнаго міра послужилъ бы сюжетомъ для цѣлой сказки, и при существующихъ у насъ въ рукахъ матеріалахъ настоящая армянская сказка о Лисѣ и Волкѣ представляется, по моему, исключительнымъ явленіемъ. Она оказалась подъ заглавіемъ (на арм. яз.): «[Мѣрныя] слова о продувной Лисѣ и ея проказахъ» въ концѣ Парижской рукописи (Bibl. Nationale anc. fonds № 135, [2]) содержащей басни и притчи, приписываемыя Вардану. Рукопись—та самая, по которой С. Мартенъ въ 1825 г. издалъ въ Парижѣ «Choix des fables de Vartan, en arménien et en français», и написана въ 1615 г. Трудно определить даже съ нѣкоторою точностью, къ какому времени относится сама Сказка. Внѣшнихъ указаній совсѣмъ не имѣется, или имѣются такія, которыя на вопросъ о времени даютъ совершенно неопредѣленный отвѣтъ. Авторъ Сказки знакомъ (См. Переводъ стр. 154) съ книгою Калилы и Димны; правда высказано было мнѣніе, что этотъ восточный сборникъ сказокъ былъ переведенъ на армянскій языкъ, но неизвѣстно, когда и кѣмъ, неизвѣстно даже, существуетъ ли теперь гдѣ нибудь армянскій переводъ Калилы и Димны; и потому, понятно, изъ знакомства автора съ Калилою и Димною нельзя ничего заключить о времени написанія нашей сказки; въ то же время то же самое указаніе теряетъ почти всякій смыслъ, если имѣть въ виду, что свѣдѣніе объ этомъ сборникѣ сказокъ могло проникнуть изъ иностраннаго источника. Время нашей сказки установилось бы относительно изъ уподобленія Лисы мудрецу Хикару (см. Переводъ стр. 151); можно было бы предположить, что она написана послѣ того, какъ сказка о Хикарѣ стала извѣстна Армянамъ (XV (?) XVIв.); но и это уподобленіе могло попасть цѣликомъ изъ иностраннаго источника, ибо разсказъ о Хикарѣ, издававшійся по-армянски не разъ [3]), есть сокращенная версія сказки о Хайкарѣ, встрѣчающейся какъ отдѣльно, такъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ Тысячи и одной ночи и хорошо извѣстной также въ старинной русской литературѣ (Сказаніе о премудромъ Акирѣ); въ силу же того только, что этотъ мудрецъ пользуется большею популярностію у Армянъ, трудно согласиться съ мнѣніемъ архіепископа Гавр. Айвазяна (въ трудѣ на арм. яз. Тысяча и одна притча и пр.. Константинополь 1874, стр. 8 и слѣд.), будто Хикаръ, извѣстный еще, пожалуй, Нерсэсу Благодатному (XII в.), есть національный армянскій мудрецъ, оставившій много другихъ устныхъ и письменныхъ памятниковъ, нынѣ утерянныхъ.

Сказка наша написана не на классическомъ армянскомъ языкѣ; она не писана даже языкомъ болѣе вульгарнымъ, языкомъ проповѣдей Вардана Айгеакскаго (XIII в.) или басенъ и притчъ, приписываемыхъ ему же. Въ языкѣ сказки о Лисѣ и Волкѣ, сказывается въ значительной степени вліяніе разговорной рѣчи: въ немъ сочетаются подавляющее количество оборотовъ и формъ живой рѣчи, именно одного изъ діалектовъ западной группы, съ формами книжнаго языка, и этотъ смѣшанный языкъ лучше всего опредѣляетъ время написанія нашей сказки: оно, по всей вѣроятности, не раньше XV вѣка, и такъ какъ сказка дошла до насъ въ рукописи 1615 года, то редакцію

---

[1]) Для сличенія привожу нравоученіе басни по сборнику Вардана: «Эта басня (ар'ак) показываетъ: бодрствуй, чтобы не обманули тебя сатана и лукавые люди, ибо сатана привязываетъ человѣка къ грѣху и удовольствію; [давшись же въ обманъ,] будешь оплакивать себя тогда, когда прійдетъ Христосъ судить».

[2]) Рукопись эта была намъ обязательно выслана управленіемъ Парижской Національной Библ., которому и приносимъ здѣсь живѣйшую благодарность.

[3]) Первое изданіе, судя по Bibliographie Arménienne, Venise 1883, стр. 583,—1708 года.

сказки надо относить къ XV или XVI вѣку. Въ изложеніи сказка напоминаетъ пріемы арабскихъ и персидскихъ, вообще восточныхъ, повѣствователей: она писана частію прозою, мѣстами риѳмованною, частію стихами. Персидское вліяніе замѣтно и въ другомъ обстоятельствѣ, именно въ извѣстномъ количествѣ персидскихъ словъ: йайар, хитрый, заhма'т, трудъ, таптір, собст. татбір, планъ, аплаh, глупецъ; восіа'т, собст. васіiет, завѣщаніе; hайф, жаль; hіла'т, халатъ, подарокъ; хатім — древній; ахір—послѣдній и др.

Гораздо важнѣе то, что часть этихъ же самыхъ словъ употреблена въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ персидской сказки о Лисѣ и Волкѣ, написанной размѣромъ хафиф: [1]) въ ней также хитрая лиса попадаетъ въ прекрасный садъ, въ саду находитъ курдюкъ, послѣ разсужденія, сравнительно краткаго, всего въ нѣсколько стиховъ, признаетъ необходимымъ отыскать глупца, чтобы съ его помощью, не рискуя ни чѣмъ, достать курдюкъ; съ этой цѣлью она идетъ къ волку и, заманивши его въ западню, сама угощается лакомымъ кускомъ.

Однако армянская сказка XV или XVI вѣка о Лисѣ и Волкѣ не переводъ и не передѣлка персидскаго извода, имѣющагося въ новѣйшемъ лубочномъ изданіи; она, безъ сомнѣнія, восходитъ къ какой либо болѣе древней и пространной редакціи, писанной, по всей вѣроятности, какъ и ея армянскій истокъ, въ прозѣ со стихами; и писана она была, можетъ быть, не на персидскомъ языкѣ, а на турецкомъ, ибо вмѣстѣ съ указанными заимствованными словами, въ сущности по происхожденію арабскими и настолько же употребительными въ персидскомъ, насколько и въ турецкомъ,—попадаются чисто тюркскія слова въ родѣ аг'ет, собст. ікід, герой и др. Кромѣ того въ именахъ дѣйствующихъ въ сказкѣ лицъ на ряду съ обще мусульманскими—Апла-Хасанъ, Ахматъ—есть и такія, въ составъ коихъ входятъ слова турецкія, или звучащія по турецки, такъ Апу-Чахмахъ и Апу-Чахтай. Наконецъ, Парижская рукопись, единственная мнѣ извѣстная, гдѣ находится армянская сказка о Лисѣ и Волкѣ, писана въ Турецкой Арменіи.

Переводъ [2]).

Въ великомъ и славномъ городѣ, называемомъ Басрою, жилъ одинъ добрый домохозяинъ; онъ имѣлъ великолѣпный, полный различныхъ и разнородныхъ плодовъ садъ, гдѣ цвѣли цвѣты разнообразныхъ красокъ: роза и душистый базиликъ съ фіалкою, плоды съ пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ, деревья сосна и кипарисъ съ чинаромъ, и гдѣ воды текли, рѣзвясь; птицы жили тамъ въ такомъ множествѣ, что имъ не было числа: онѣ не переводились никогда и пѣли сладкимъ голосомъ, и другихъ прелестей въ саду было безчисленное множество, такъ что человѣку языкомъ не разсказать и не выразить красоты того сада.

Въ то же время жила одна чрезвычайно хитрая лиса: она скиталась по горамъ, неустанно творила молитву и просила у Бога тысячи благъ; была она коварна, злодѣйка, изобрѣтательна умомъ и мудра, какъ Хикаръ.

Она была изъ внучатъ той лисы, которая вошла въ ковчегъ вмѣстѣ съ Ноемъ, а называли ее по имени Лисою Апла-Хасаномъ. Наша Лиса знала нѣкогда много мудрости, и книгъ она много читала, затѣмъ забыла и снова перечитала много книгъ; она училась въ Индіи ариѳметикѣ, фокусамъ, талисманамъ, мудростямъ и философіямъ, все выучила, потомъ забыла и умѣла только изворачиваться и обманывать. Такъ ски-

---

[1]) Экземпляръ этой книжки находится въ Библіотекѣ СПБургскаго Университета: О I 369.

[2]) Армянскій подлинникъ будетъ изданъ особо; пока питаю надежду, что всплыветъ еще другая рукопись съ тою же сказкою; появленіе новаго списка было бы крайне желательно для установленія нѣкоторыхъ трудныхъ чтеній текста.

талась она въ горахъ, жила, поживала, алкала и голодала. Въ одинъ прекрасный день Лиса, мысленно соображая и любомудрствуя сама съ собою, сказала: „Доколѣ буду я жить въ этихъ безплодныхъ горахъ, покрытыхъ льдомъ, гдѣ нѣтъ ни пищи, ни утѣшенія? Выйду — пойду въ селеніе, посмотрю на прелести міра и найду для себя средство къ жизни". Лиса спустилась въ равнину и набрела на садъ славнаго мужа; увидѣла она тотъ пріятный садъ, полный разнообразныхъ плодовъ, вскочила тотчасъ же на ограду и упала въ садъ на брюхо, поднялась быстро, повела глазами изъ стороны въ сторону, но кромѣ себя никого не увидѣла; обрадованная воздала благодареніе Богу и произнесла благословеніе за то, что такъ (счастливо) набрела на благо; въ тоже время, взъерошивъ волоса и скрутивъ хвостъ колесомъ, прошлась по саду; отъ чрезмѣрнаго веселья она не знала, что ѣсть, и отъ радости сердца не знала, что дѣлать; такъ что бросилась на зеленую траву, валялась и мордой терла о траву. Затѣмъ она поднялась и сказала: «Мудрецами сказано, что чрезмѣрное веселье знаменуетъ печаль. Не дай Богъ, чтобы мое веселье принесло мнѣ печаль; буду насторожѣ, чтобы не попасться въ западню». И пошла она гулять среди плодовъ, принялась ѣсть и поѣла много плодовъ и много винограда, откуда ей хотѣлось. «Не подобаетъ»,—сказала Лиса,—«услаждать себя одними фруктами; пойду и осмотрю все, что есть въ саду, увижу и порадуюсь, потому что это тоже единственный (въ своемъ родѣ) случай: не всякому человѣку выпадаетъ такое благо». Лиса пошла гулять и увидѣла въ саду открытое мѣсто, засѣянное тминомъ: среди тмина былъ разложенъ курдюкъ, а подъ нимъ разставленъ капканъ, но капкана Лисица не замѣтила. Она сказала: «Вотъ я нашла себѣ цѣлительное лѣкарство, дающее здоровье, и жизнедательное средство, и особенно теперь, когда я поѣла много винограда, и тѣло пропиталось влажностью, этотъ курдюкъ для меня будетъ очень хорошъ: онъ извлечетъ изъ меня влажность».

Всплеснула Лиса лапами, сердце у нея затрепетало, и она отъ любви къ курдюку забыла всю испытанную радость, хотѣла оттянуть курдюкъ и взять, но потомъ поразмыслила и сама попятилась назадъ со словами: «Мудрецами сказано, что продувная Лиса попадается въ западню обѣими ногами. Не хорошо то, что я дѣлаю. Буду осторожною, чтобы не стать притчею, какъ Адамъ, который лишился многихъ благъ изъ за того, чтобы поѣсть одну (вещь)». И затѣмъ Лиса сказала: «Если бы это не были козни, то для чего курдюку быть въ тминѣ? Тминъ бываетъ въ зеленной лавкѣ, а курдюкъ — въ мясной. Какое родство между тминомъ и курдюкомъ? Родственникъ тмина—сельдерей. Кто видѣлъ въ одномъ мѣстѣ и курдюкъ и тминъ? Одинъ—въ зеленной лавкѣ, а другой—въ мясной. Надо опасаться этого курдюка. Здѣсь нѣтъ ничего, обѣщающаго выгоды и (улыбающагося) благоразумію». При этомъ Лиса произнесла слѣдующіе стихи: «Если кто домогается слишкомъ многаго, преслѣдуетъ то, что выше его силъ, такъ онъ подвергнется испытаніямъ, сдѣлается притчею въ мірѣ, будетъ преданъ сильнымъ, и повсюду пристыженный, поруганный и осмѣянный товарищами, станетъ ходить съ поникшей головой».

Затѣмъ Лиса вошла среди деревьевъ и ѣла фрукты. Часть плодовъ она ѣла, а часть попирала ногами и разбрасывала. Вышедши (оттуда), Лиса отправилась на гору и предалась воспоминаніямъ о прелестяхъ сада и о тучности курдюка, и мыслями унеслась въ (міръ) грёзъ. Тогда пришелъ неожиданно хозяинъ сада, увидѣлъ, что плоды истоптаны и виноградъ разбросанъ, ушелъ и принесъ другой курдюкъ—пожирнѣе и побольше, положилъ на мѣсто прежняго курдюка, а подъ нимъ разставилъ капканъ. «Съумѣю словить причиняющаго мнѣ вредъ», сказалъ онъ, и самъ ушелъ.

Лиса изъ любви къ курдюку не могла высидѣть на одномъ мѣстѣ и одного часа, почему она опять пришла въ садъ и, при видѣ большого курдюка, лишилась чувствъ, ахала и охала, томилась и ногами рыла землю. «Что же? поѣмъ отъ этого курдюка», сказала она: „мнѣ будетъ очень хорошо, ибо нашими врачами сказано, что такой курдюкъ исцѣляетъ всякую болѣзнь, бываетъ ли она въ желудкѣ или въ кишкахъ, въ сердцѣ или въ печени, въ головѣ или ушахъ,—онъ лѣкарство отъ [всего]: насморка, желчи, гноя, меланхоліи, гриппа, подагры и всякой другой болѣзни, которая только су-

ществуетъ; противъ желчи, знобящей сердце, которая возникаетъ отъ объяденія плодами и виноградомъ, лѣкарство — этотъ же курдюкъ». «Все мое существо», продолжала Лиса, «истомилось, и внутренности трепещутъ при видѣ курдюка». Лиса уже собралась броситься на курдюкъ и взять его, но попятилась назадъ. «Хотя мое сердце и желаетъ курдюка», сказала она, «однако надо ли идти мнѣ за сердцемъ, чтобы оно погубило меня, когда тотъ только обрѣтаетъ настоящую жизнь и будущую, кто держитъ свое сердце во власти. Нѣтъ! не слѣдуетъ мнѣ идти за сердцемъ, а лучше быть насторожѣ, такъ какъ кто остороженъ въ жизни, обрѣтаетъ благополучіе». При этомъ Лиса произнесла эти стихи: «Будь остороженъ, чтобы нежданно ты не попалъ въ бѣду—вмѣсто выгоды понесешь ущербъ, сдѣлаешься притчею въ мірѣ подобно первому человѣку, изъ за одной вещи лишишься всего, станешь притчею и примѣромъ и будешь преданъ западнѣ, откуда нѣтъ спасенія».

Такъ Лиса пошла въ виноградъ и въ плоды покушать, ѣла она и мяла ногами, попирала и разбрасывала; ѣла она и вспоминала тучность курдюка и вздыхала изъ глубины сердца.

На другой день Лиса отправилась къ курдюку и сказала: «Мое сердце не успокаивается, и душа рвется вонъ. Что дѣлать? Нѣтъ разумнаго исхода. Если приближусь къ курдюку, боюсь, что сдѣлаюсь притчею, нѣтъ,—такъ жиръ сочится съ него, и у меня дыханіе спираетъ; давай поѣмъ, ибо, если человѣкъ не рискуетъ своею жизнію, то онъ сокровищъ не найдетъ, и потому купцы подвергаютъ себя опасности, сопряженной со смертью, когда пускаются въ море: кто не испытаетъ труда, тотъ не обрѣтетъ прибыли. Если шиповъ бояться, то и розы не рвать: шипъ бываетъ и на финикѣ. Жемчугъ обрѣтается на (днѣ) моря, и драгоцѣнные камни находятся въ отдаленныхъ, недоступныхъ странахъ». При этомъ Лиса произнесла (въ риемованной прозѣ): «Давай поѣмъ его всласть себѣ; ночью нѣтъ у меня сна отъ любви къ нему, и покой мой нарушенъ: цѣлый день, стою-ли, двигаюсь-ли, трепещу; боюсь умереть отъ страсти къ курдюку, ибо видъ его носится передо мною (и) днемъ, и ночью».

Но (Лиса) углубилась въ думы и сказала: «Не дѣло-(то), что я собираюсь сдѣлать; какъ бы я не попалась въ западню, а что пользы раскаяваться потомъ? Мнѣ бы надо было только человѣка, который бы подошелъ и стрясъ этотъ курдюкъ, чтобы я увидѣла, что находится подъ нимъ. Но что дѣлать? Къ чему прибѣгнуть? Я не могу ѣсть и не могу отъ любви къ нему пребыть на одномъ мѣстѣ».

Лиса размышляла долгіе дни (и) изобрѣла планъ и средство (для своего дѣла). «Гдѣ мнѣ найти человѣка», сказала она, «который подошелъ и стрясъ бы этотъ курдюкъ, чтобы я узнала, что находится подъ нимъ?» «Кого я найду?» прибавила она, и обратилась съ рѣчью къ себѣ: «Для этого моего дѣла нуженъ глупый человѣкъ». Затѣмъ она подумала о планѣ и нашла средство: «Среди коротышекъ», сказала она, «глупыхъ нѣтъ, а среди долговязыхъ—глупыхъ людей много». «Такъ давай пойду», сказала Лиса, «обрыщу міръ, просѣю (его) черезъ сито, вымѣшаю и переверну вверхъ дномъ, можетъ быть найду долговязаго». (Лиса) пошла, рыскала долгіе дни и вдругъ встрѣтила на горѣ долговязаго сѣраго волка, голоднаго преголоднаго. Лиса сказала: «Привѣтъ тебѣ, волкъ Апу-Чахтай, вождь волковъ, чтобы лице твое стало черно, какъ сажа, дыханіе твое исчезло, какъ дымъ, жизнь укоротилась и стѣснилась, кожа твоя стянулась бы какъ сушеные плоды, изсохло бы твое тѣло, какъ копченое мясо, и сдѣлали бы изъ шкуры прекрасную кожу на славу великихъ родовъ, дни твои жить тебѣ въ заботахъ, твое злодѣйство да низведетъ тебя въ глубь—въ бездну, пока же съ Богомъ быть тебѣ въ благополучіи съ гноемъ въ глазахъ, стекающимъ по лицу, чтобы тебя били палкою, и ты умеръ отъ меча, издохъ отъ голода, тогда какъ собаки тянули бы влача тебя, разрывая на куски, издѣваясь надъ тобой, дѣлая тебя посмѣшищемъ, чтобы твою шкуру сняли скоро, а тебя сожгли бы въ огнѣ! Какъ ты прекрасенъ!»

Глупый Волкъ сказалъ: „Аһла, саһла, марһапа [1]), т. е. добро пожаловать, —

---

[1]) Собст. *аһлан ва саһлан*, и *марһабин* арабскія реченія, употребляемыя у разныхъ мусульманъ.

милости просимъ! О Лиса—коротышка Апла-Хасанъ, откуда идешь ты, щенокъ собаки? Да раздуется брюхо у тебя, какъ бурдюкъ (полный) вина, такъ дай мнѣ немного добрыхъ вѣсточекъ. Откуда идешь ты? какія новости?» Лиса сказала: «Волкъ Апу-Чахтай, глава волковъ, я дитя знатнаго рода, я дитя Апу-Чахмаха. Отецъ мой написалъ въ завѣщаніи, когда онъ умиралъ, да смилуется надъ его душею (Господь), и такъ онъ (въ завѣщаніи) сказалъ, что я должна вращаться съ умными, и долго рыскала я (по бѣлу свѣту), пока не нашла твоего степенства: я слышала о твоемъ хорошемъ имени и пришла къ тебѣ и (признаюсь) я не видывала подобно тебѣ умнаго и мудраго; надо полагать, извѣстная часть отъ ума твоего и твоихъ талантовъ пристанетъ и ко мнѣ». Тогда Волкъ возгордился внутренне и сказалъ: «О Лиса Апла-Хасанъ, умно (же) ты искала — рыскала, такъ ты явилась и нашла и какое добро нашла ты! Тысячу (разъ) тебѣ добро пожаловать!» Лиса била челомъ Волку и сказала: «Три вещи достойны сожалѣнія—жаль свѣчки передъ слѣпымъ, жаль умнаго человѣка при невѣждѣ и жаль зажигать свѣчку при солнцѣ». Волкъ сказалъ Лисѣ Апла-Хасану: «Лгутъ тѣ, которые утверждаютъ, будто бы волкъ съѣлъ Іосифа Прекраснаго, ибо братья дали его (волкамъ) въ подарокъ, а не то, чтобы волки (его) съѣли. Мой дѣдъ герой-Ахматъ былъ чрезвычайно сильный молодецъ, такъ что одною лапою хваталъ двухъ воловъ, и хорошъ (же) онъ былъ, да смилуется (Господь) надъ его душою, а я изъ его внуковъ».—«Слышала я, господинъ мой», сказала Лиса, «и знаю, но скажи про вашу религію, какое у васъ Св. Писаніе»? «Наше Св. Писаніе, которое мы чтимъ», сказалъ Волкъ, «таково: рано утромъ, только что встанемъ отъ сна, мы глядимъ въ двери, чтобы замѣтить слѣдъ, идемъ по слѣдамъ ягненка или овцы (смотря), что случится,—хватаемъ». «Да смилуется Богъ надъ Тобою и надъ твоимъ Писаніемъ! Твое Св. Писаніе прибыльно тебѣ. Да сокрушится твое здоровье, да поразитъ тебя на гибель, съ пути твоего да собьешься, да отсохнетъ твоя рука! Что за прекрасное у тебя Св. Писаніе!» Волкъ сказалъ: «Такъ скажи и ты, Лиса Апла-Хасанъ, про ваше Писаніе, какое у васъ Св. Писаніе?» — Лиса сказала: «Мы — (народъ) древній, какъ раньше я доложила; отецъ мой—Апу-Чахмахъ, а мой дѣдъ—Димна, также Калила, и (о моихъ предкахъ) Димнѣ и Калилѣ написано, что они коварствомъ поссорили Льва и Тигра; мы (же потомки) очень изобрѣтательны и краснобайству и надувательству выучились у нихъ (по этому писанію)». Волкъ сказалъ: «Ты старше или твой отецъ»? Лиса сказала: «Это вѣдь сказка! Твоя рѣчь напоминаетъ [тотъ случай], какъ кто-то стоялъ среди улицы и ѣлъ изюмъ. Подошелъ другой и сказалъ: «Не стыдно тебѣ, что среди изюма ѣшь улицу?» [Или] Бога не боишься, [почтенный Волкъ], что при умныхъ людяхъ говоришь такія несообразныя слова?»—Волкъ сказалъ: «Рѣчь моя и твоя не пришлись другъ къ другу. Я говорю про гриву, а ты даешь отвѣтъ про хвостъ, [совершенно такъ], какъ говорятъ, что кто-то свалился съ лѣстницы, а ослица выкинула, [или еще] кто-то ѣлъ ћарису, подошелъ нѣкто и сказалъ: «Довольно ѣсть старой ћарисы [1]), у меня желудокъ разболѣлся.» Нѣтъ—нѣтъ, у меня голова заболитъ отъ твоей болтливости.»

Едва Волкъ успѣлъ заговорить о боли въ животѣ, Лиса сказала ему: «Изволь пойти съ твоею рабою — откушаемъ у меня дома хлѣба-соли!» Волкъ сказалъ Лисѣ Апла-Хасану: «У кого ты выучилась этой стройной рѣчи?»—«У моего отца, да смилуется [Господь] надъ его душею,» сказала Лиса. Волкъ сказалъ: «Молодецъ же онъ, какъ хорошо тебя выучилъ!» Лиса сказала: «Живи во вѣки, господинъ мой! Такъ изволь, встань на ноги, теперь полдень и время обѣдать. Луна находится въ послѣдней своей четверти, и время пребываетъ въ [созвѣздіи] Марса, слѣдовательно, сегодня кушать хорошо — такъ слѣдуетъ оказать почтеніе твоему благородію: изволь—иди [со мною,] съ рабою твоею.»

Тогда глупый Волкъ обрадовался и сказалъ: «Лиса Апла-Хасанъ, такъ слѣдуетъ мнѣ идти на твое приглашеніе.» При этомъ онъ взъерошилъ щетину, возгордился въ

[1]) Арабское слово, оно означаетъ кушанье, приготовляемое изъ толченой пшеницы, смѣшанной съ рубленнымъ мясомъ.

душѣ и всталъ на ноги. Лиса сказала: «Апу-чахтай, глава волковъ, тебя я поведу кривыми путями, приведу тебя ко многимъ палочникамъ, люди сдерутъ съ тебя [шкуру] догола, изъ твоей шкуры сдѣлаютъ прекрасную кожу!» И сказавъ: «Живи, господинъ мой!» Лиса пустилась въ путь передъ Волкомъ; она шла—прискакивала, а Волкъ слѣдовалъ за нею. Лиса прыгала то въ сю, то въ ту сторону, щетинилась, сгибала хвостъ колесомъ, выказывала много веселья передъ Волкомъ и въ радости вела она глупаго Волка, и они достигли славнаго сада. Лиса прыгнула черезъ ограду и вскочила въ садъ, и Волкъ за Лисою вскочилъ въ садъ и очень обрадовался при видѣ великолѣпнаго сада. И Волкъ сказалъ Лисѣ (въ стихахъ): «О дитя Апу-Чахмаха, у тебя славный садъ! Живи дни свои вѣчно въ трепетѣ за то, что ты меня привела въ населенное мѣсто: великій ужасъ объялъ меня — не имѣю пути возвращенія, боюсь, что здѣсь погибну отъ меча, не останусь здравъ, не увижу болѣе овцы.»

Лиса разглядѣла исподтишка, что въ саду никого не было и бросилась къ мѣсту, поросшему тиномъ, взглянула на курдюкъ и живо возвратилась, она пришла къ Волку и сказала: «Пожалуйте, господинъ мой, къ моему столу!» и, взявъ Волка, повела къ курдюку. Волкъ увидѣлъ курдюкъ, потерялъ разсудокъ и хотѣлъ прыгнуть и взять его. Лиса сказала Волку: «Не подобаетъ, господинъ мой, бросаться нахально и хватать курдюкъ; присядь чуточку и успокойся!» Волкъ присѣлъ у края курдюка. Лиса удалилась, нашла въ тинѣ кувшинъ воды и, взявъ его, встала на виду Волка. «Когда поѣшь курдюкъ,» сказала она, «то потомъ я налью воды тебѣ на руки, чтобы ты омылся.» Лиса смотрѣла на курдюкъ; разсудокъ ея терялся въ мечтахъ, и отъ любви къ курдюку она не могла оставаться на одномъ мѣстѣ. Лиса сказала [мысленно] Волку: «Такъ-то долженъ сидѣть баринъ передъ курдюкомъ; онъ не чуетъ, что его постигнетъ: упадешь ты въ роковую западню, откуда не выпутаешься никогда. Горе днямъ твоей жизни, ты умрешь въ этомъ саду.» Затѣмъ она сказала Волку [вслухъ]: «О Апу-Чахтай, глава волковъ, подвинься впередъ и ѣшь курдюкъ.» Волкъ бросился на курдюкъ, капканъ стряхся и палъ на шею Волку, курдюкъ взлетѣлъ и упалъ поодаль. Лиса взъерошилась: «Не сонъ-ли это?» сказала она, и не могла выдержать [болѣе] отъ любви къ курдюку; она бросилась и взяла курдюкъ, присѣла и ѣла на виду Волка; она ѣла, задыхаясь. Между тѣмъ петля давила Волка, и онъ трясъ капканъ изъ стороны въ сторону; Лиса съѣла курдюкъ и, вышедъ, направилась вверхъ на гору. Волкъ крикнулъ [ей вслѣдъ]: «О Лиса Апла-Хасанъ, ты меня оставила безъ хозяина [т. е. безъ призрѣнія]. Куда ты идешь?»—«Это я—безъ хозяина» сказала Лиса: «я, которая взбираюсь на гору, къ тебѣ же теперь хозяевъ явится много.» Пришелъ хозяинъ сада и увидѣлъ Волка въ капканѣ; собрался народъ, и [кто] камнемъ, [кто] палкою и мечемъ избили Волка, содрали съ него шкуру, которую и взяли, а тѣло поволокли собаки, таща и раздирая на куски; изъ шкуры [волчьей потомъ] сдѣлали кожу.

Н. Марръ.

С.-Петербургъ
2-го февраля 1891 г.

Отрывки изъ киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записей Ч. Валиханова.

К. К. Гутковская, приводя въ порядокъ бумаги своего покойнаго отца К. К. Гутковскаго, нашла между ними нѣсколько писемъ Чокана Валиханова, а также нѣсколько рукописей хотя и переписанныхъ частью рукой К. К. Гутковскаго, частью другими руками, но очевидно представляющими списки съ записей и статей Чокана Валиханова. Въ числѣ рукописей тутъ найдены киргизское сказаніе объ Идыге съ отрывками изъ варіантовъ, отрывокъ изъ Каракиргизскаго сказанія о Манасѣ, именно эпизодъ: Смерть Кукотай-хана и его поминки, замѣтка о Шуно-батырѣ, о киргизскихъ повѣрьяхъ и друг. Весь этотъ матеріалъ будетъ переданъ профессору Н. И. Веселовскому, который приготовляетъ къ изданію собраніе статей Валиханова. Мы здѣсь ограничиваемся помѣщеніемъ только начала сказанія о Идыге съ его варіантами, которое представляетъ интересное скученіе нѣсколькихъ темъ. Валихановъ подготовлялъ, какъ видно, рядъ примѣчаній къ этому сказанію; нѣкоторые отрывки изъ этихъ примѣчаній сохранились вмѣстѣ съ самымъ сказаніемъ и мы сдѣлаемъ изъ нихъ здѣсь нѣсколько извлеченій. Сказаніе о Идыге принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя у Киргизъ называются джирами и потому Валихановъ объясняетъ, что такое джиръ.

«Джиръ собственно значитъ рапсодія. Глаголъ джирламакъ значитъ говорить речитативомъ. Всѣ степные джиры обыкновенно поются речитативомъ подъ акомпаниментъ кобыса. Предметами джира обыкновенно бываютъ жизнь и подвиги какого-нибудь извѣстнаго въ древности народнаго витязя. При этомъ должно замѣтить, что событія жизни витязя, его подвиги, словомъ все, что составляетъ собственно повѣствованіе, разсказывается прозою, стихи же употребляются только въ то время, когда герой поэмы или главные участвующія въ ней лица должны говорить. Между киргизами мнѣ извѣстны еще два джира; одинъ называется Эръ-гокчи [1]) и Эръ-косай [2]). Въ немъ описываются подвиги витязя изъ рода Уваковъ Эръ-Гокчи и сына его Эръ-Косая въ войнѣ противъ сильнаго Кипчакскаго племени. Эта рапсодія не имѣетъ никакого историческаго интереса. Самыя имена витязей, въ ней дѣйствующихъ, совершенно намъ не знакомыя; между тѣмъ стихи чрезвычайно сильны и звучны (для ученыхъ). Эта рапсодія занимательна развѣ потому, что въ ней подробно излагаются вся тактика и стратегія древнихъ степныхъ воиновъ.

«Джиръ Идыге по событіямъ относится къ концу XIV вѣка, долженъ быть составленъ въ началѣ XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которыхъ теперь нѣтъ въ языкѣ. Примѣчательно также и то, что въ цѣлой рапсодіи нѣтъ ни одного персидскаго или арабскаго слова, тогда какъ теперь съ распространеніемъ магометанской религіи даже въ обыкновенномъ разговорѣ между простымъ народомъ вошли въ употребленіе слова изъ этихъ языковъ».

Валихановъ признавалъ повидимому, что киргизская сказка относится къ историческому Идыге. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Самый замѣчательный историче-

---

[1]) Никон. лѣтоп. подъ 14--23 годомъ, говоря о паденіи царя Куйдатата, упоминаетъ: ...«Тогда же убили и Когчю, батыря татарскаго, великаго суща тѣломъ и силою». Валих.

[2]) Въ Сборникѣ лѣтоп. на стр. 156 говорится, что во время битвы Корги-берды-хана съ Едигеемъ на Илекѣ былъ убитъ и Эръ-Куше. Прим. Валих. Киргизская былина о Ерь. Гокче и его сынѣ Козаѣ записана Радловымъ. (Т. III). О Ерь. Гокчу см. также въ моихъ Очеркахъ сз. Монг., II, 124, 158; IV, 789. Въ другомъ мѣстѣ Валихановъ пишетъ эти имена: Иръ-Кокче, Иръ-Косай.

скій джиръ киргизскій это Идиге, тотъ самый Идиге, Эдеку, Идигей, о которомъ говорится въ ярлыкѣ Токтамыша, тотъ самый бекъ, mangab(?) и темникъ, который разилъ Витовта при Ворсклѣ и управлялъ ордой безотчетно при четырехъ ханахъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Существованіе Идыге несомнѣнно, какъ существованіе Тохтамышъ-хана и Тамерлана. Оно подтверждается не только народными преданіями, но и письменными фактами. Ибнъ-Арабша говоритъ объ Идыге, что онъ былъ однимъ изъ дьяволовъ Тамерлана. Въ хрестоматіи Хальфина (изданной въ Казани) находится родословная Идыге, составленная по преданіямъ казанскихъ Татаръ. Западная часть горы Улутау въ Средней Ордѣ, составляющая совершенно отдѣльный утесъ отъ главнаго хребта, называется Идыге. На вершинѣ этого утеса есть курганъ, сложенный изъ плитнику и буту; курганъ этотъ, имѣющій форму всѣхъ о б а̀ (помонгольски о б ô) т. е. кургановъ, воздвигнутыхъ въ честь и воспоминаніе падшихъ или умершихъ героевъ, называется И д ы г е н ы н ъ о б а с ы̀; самая гора называется просто Идыгѐ; Киргизы, почитая его, какъ національнаго героя и святаго по происхожденію, часто приносятъ на могилѣ его жертвы. Иногда рѣжутъ скотъ, что теперь очень рѣдко, а большею частью привязываютъ къ растущему тутъ кустарнику лоскутки одежды или конскіе волосы. А. И. Шренкъ [1]) былъ на этомъ курганѣ и очень вѣрно срисовалъ видъ этого утеса. Неизвѣстно, гдѣ находится могила Тохтамышъ-хана; современники его и Идыге (были) Кенъ-джанбай, Кара-Кипчакъ-Кублинъ, Кіенъ-бай, о которомъ впрочемъ не говорится въ этой рапсодіи, Худай-берды, Кось-девлетъ, Кара-коджа; этому послѣднему Киргизы приписываютъ, что онъ былъ родоначальникомъ Аргыновъ [2]); Кара-коджа былъ сынъ святаго Оккесы Сабага; кажется Рашидъ-эддинъ говоритъ, что Кара-коджа былъ посланникомъ отъ Тохтамыша къ Тамерлану. Курганы этихъ героевъ находятся на правой сторонѣ рѣки Ишима; могилы-ли это ихъ или только памятники, опредѣлить невозможно до тѣхъ поръ, пока эти курганы не будутъ раскопаны».

Изъ выписки, сдѣланной Валихановымъ изъ хрестоматіи Хальфина, изд. 1822, гл. IV, видно, что казанское преданіе выводитъ Баба-Токласа отъ Абу-бекра; это былъ потомокъ Абу-бекра въ 15 колѣнѣ; а въ шестомъ колѣнѣ потомокъ Баба-Токласа былъ Идыге. Баба-Токласъ былъ государемъ въ Меккѣ; вотъ его нисходящая линія: Термеулъ (явился на Волгѣ и Джаикѣ), Кызычи, Islamъ-кая, Кадыръ-кія, Кутлукеба; сынъ послѣдняго былъ Идыге. Кутлукеба былъ убитъ Урусъ-ханомъ. По одному повѣствованію у Баба-Токласа было четыре сына; по другому только три; изъ нихъ третій Тырме былъ на Волгѣ и Джаикѣ. Паломники въ Каабѣ сначала поклоняются гробу Пророка, потомъ гробу Алемъ-Муртазы-Сеида, потомъ гробу святаго чудотворца Баба-Токласа. Узбекъ-ханъ, сдѣлавшись правовѣрнымъ, посылалъ въ благородную Мекку витязя Урана, который привелъ съ собою этихъ трехъ святыхъ (т. е. трехъ сыновей Баба-Токласа?) и потомъ народъ сдѣлался правовѣрнымъ.

Далѣе Валихановъ говоритъ: «Соображая народное (?) казанское преданіе, сохраненное Хальфиномъ и показанія Ибнъ-Арабша съ этою степною рапсодіей можно съ достовѣрностью заключить только то, что Идыге былъ происхожденія духовнаго; что онъ занималъ при Тохтамышѣ значительную должность, потому что самъ Тохтамышъ поручалъ ему и „Крымскіе споры и военныя дѣла“ и потомъ же онъ называетъ его біемъ по преимуществу, говоря: „видано ли было, чтобы ханъ бѣжалъ, а бій его преслѣдовалъ»?

Переводъ сказанія или былины о Идыге, сдѣланный Валихановымъ, какъ видно изъ его примѣчаній, представляетъ сводъ изъ трехъ списковъ, сдѣланныхъ для него его отцомъ Чингисомъ Валіевичемъ. Переводъ этотъ въ сохранившейся рукописи былъ на тринадцати листахъ, изъ которыхъ два (10 и 11) потеряны. Кромѣ этого на отдѣльныхъ листахъ записаны еще два варіанта начала сказанія. Валихановъ повидимому различалъ двѣ версіи, киргизскую и ногайскую. Полный варіантъ на 13 листахъ это киргизская версія; два варіанта, обрывающихся въ самомъ началѣ, повидимому оба

---

[1]) Путешественникъ по Киргизской степи въ сороковыхъ годахъ.
[2]) Аргыны—одинъ изъ самыхъ большихъ родовъ Средней Орды.

ногайскіе. Что у Валиханова значитъ «ногайская версія», не знаемъ. Это можетъ значить или, что версія записана у нынѣшнихъ Ногайцевъ на Кавказѣ, гдѣ Валихановъ не бывалъ, или что она найдена у казанскихъ Татаръ или другихъ сосѣднихъ Тюрковъ, но не у Киргизъ, или въ какихъ нибудь книжныхъ памятникахъ, и по догадкѣ Валихановымъ относилась къ древнимъ Ногайцамъ. Мы помѣщаемъ сначала начало киргизской версіи (№ 1), потомъ двѣ версіи ногайскія (№ 2 и 3).

1. Въ древнія времена жилъ одинъ святой Баба-Умуръ; будучи 15-ти лѣтъ, онъ началъ производить чудеса. Въ это время ему приглянулась одна дѣвушка; дѣвушка приглянулась и стала беременна; сдѣлавшись беременной, родила сына, которому дали имя Баба-Токты-чачта-азизъ. Достигши двадцатипятилѣтняго возраста Баба-Токты отправился въ міръ производить чудеса и, пришедъ къ текучему морю, увидѣлъ сидящую на берегу дѣвицу, золотымъ гребнемъ расчесывающую свои золотые волосы, но лишь только онъ приблизился къ дѣвицѣ на недалекое разстояніе, она, увидавъ его, нырнула и спряталась подъ водой. «Развѣ я не Баба-Токты-чачты-азизъ», сказалъ святой, «что не могу нырнуть за нею»? Сказалъ и вслѣдъ за дѣвицей бросился въ воду.

Шестьдесятъ бѣлыхъ отавовъ [1]) стоитъ подъ водою, въ одномъ изъ нихъ сидитъ дѣвушка. Сказалъ бы солнце глаза есть, сказалъ бы мѣсяцъ есть ротъ... такой она была удивительной красоты. Баба-Токты, взглянувъ на нее, бѣжалъ изумленный назадъ. Но дѣвушка, схвативъ за полу, удержала, говоря: «Куда же ты бѣжалъ, джигитъ?» [2]) «Я не могу говорить съ тобою», отвѣчалъ Баба-Токты.—«Если заговорю, то приму на себя большой грѣхъ. Лучше пусти меня, я убѣгу отсюда.» Но дѣвушка сказала: «Я искала подобныхъ тебѣ и нашла. Если ты уйдешь отсюда, на мнѣ не женившись, то возьмешь на себя еще больше грѣховъ». Баба-Токты остановился, началъ думать думу: если не возьму я этой дѣвушки, больше грѣха мнѣ будетъ, нежели какъ возьму; лучше взять. И положилъ своимъ разсудкомъ жениться.

Обвѣнчавшись, дѣвушка говоритъ молодому: «Теперь, когда ты сталъ моимъ мужемъ, а я твоею женою, прошу тебя исполнить только три моихъ завѣта: когда я буду скидать сапоги, не смотри мнѣ на ноги; когда буду скидать рубаху, не гляди подъ мышку и когда буду мыть мои волосы, не гляди на голову».

Однажды Баба-Токты видѣлъ, какъ она скидала сапоги и, взглянувъ на ноги, увидѣлъ, что ноги у нея съ копытами (козлиныя); въ другой разъ, когда скидала она рубаху, заглянулъ ей подъ мышку и сквозь тѣло увидѣлъ ея внутренности (легкія). Жена догадалась объ этомъ и поднялась къ небу, закричавъ. «О, мой любезный»! и снова упала на землю. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ того Баба-Токты, войдя въ комнату, увидѣлъ, что жена его, снявъ кожу съ головы и вымывъ волосы, расчесываетъ ихъ золотымъ гребнемъ,—онъ взглянулъ на темя и сквозь кожу увидѣлъ ея мозгъ.

Жена узнала это и, поднявшись къ небу, сказала своему мужу: «Эй, джигитъ! подъ грудью у меня шестимѣсячное дитя. Оно улетитъ вмѣстѣ со мною, но на берегу Нила-рѣки подъ стѣнами Кумъ-Кентъ-города, я оставлю дитя наше, сама же должна летѣть дальше. Иди ты самъ и найди его въ сказанномъ мною мѣстѣ»!

И такъ женщина улетѣла. Баба-Токты-чачты-азизъ, отыскивая свое дитя, пошелъ къ берегамъ Нила-рѣки, подъ стѣнами Кумъ-Кента города нашелъ ребенка, завернутаго въ шелковый платокъ. И такъ какъ ребенокъ этотъ рожденъ въ безлюдной пустынѣ, то и назвалъ его Идыге.

Привязавъ ребенка на спину, Баба-Токты принесъ его во владѣнія Тохтамышъ-хана, повелителя сильнаго народа. Ногайскаго поколѣнія былъ этотъ народъ. До трехъ лѣтъ воспитывалъ при себѣ Идыге Баба-Токты-чачты-азизъ, (потомъ), отдавъ его учиться біямъ, самъ улетѣлъ неизвѣстно куда. — Идыге учился до восьми лѣтъ вмѣ-

---

[1]) Отавы вообще юрты новобрачныхъ; названіе это (за юртой) сохраняется (и потомъ); въ степи отавами называютъ юрты женатыхъ сыновей относительно юрты отцовъ. Валих.

[2]) Джигитъ «юноша».

стѣ съ другими дѣтьми, которыхъ было всѣхъ девяносто и однажды, зазвавъ всѣхъ дѣтей въ поле бороться, поборолъ ихъ всѣхъ и, собравъ ихъ одежды, сложивъ въ кучу, сѣлъ на верхъ этой кучи и сказалъ: «Вотъ я сѣлъ на тронъ Тохтамышъ-хана».

Случилось также въ одинъ день, когда Идыге гулялъ съ дѣтьми въ полѣ, увидѣли они двухъ людей, къ нимъ идущихъ; Идыге сказалъ дѣтямъ, чтобы они первые не привѣтствовали идущихъ. «Если же пришедшіе будутъ первые привѣтствовать, то примите ихъ привѣтствіе и отдайте имъ селямъ. Если же они будутъ спрашивать, отчего мы не первые сказали имъ селямъ, то я за васъ дамъ отвѣтъ». Двое идущихъ приблизились, но дѣти не сказали имъ селяма. «Отчего вы насъ не привѣтствовали, дѣти»? спросили пришедшіе; «развѣ не видите, что мы старѣе васъ лѣтами»? «Кто изъ насъ старше»? спросилъ Идыге, «вы ли двое или насъ девяносто дѣтей»? «Разумѣется мы старше, потому что вы всѣ дѣти», отвѣчали пришедшіе. «Нѣтъ. Если я сложу вмѣстѣ всѣхъ девяносто дѣтей, то выйдетъ, что мы несравненно старше васъ обоихъ и потому то вы первые должны сдѣлать намъ привѣтствіе». Двое пришедшихъ растерялись въ словахъ послѣ этого отвѣта. Тогда одинъ изъ пришедшихъ началъ говорить другому: «Каково будетъ разсказать этому ребенку нашъ споръ; пусть онъ насъ разсудитъ. Эй, дитя! Мы идемъ къ Тохтамышъ-хану на судъ въ одномъ спорѣ, между нами происшедшемъ. Окончишь ли ты наше дѣло»? «Если Богъ вложитъ мнѣ въ уста мудрость, окончу», отвѣчалъ Идыге. «Вотъ это отецъ Алсина, Кокъ-джалды стрѣлокъ, я же сынъ Кенеса, Кень-джанбай. Эдыль и Джаикъ [1]) принадлежатъ мнѣ; даже заяцъ, который бѣгаетъ по землямъ этимъ, мой. На берегахъ Джаика, близь Бѣлаго озера увидѣлъ я лежащаго бѣлаго зайца и пошелъ домой за ружьемъ въ намѣреніи застрѣлить зайца. Но въ то время, какъ я ходилъ за ружьемъ, Кокъ-джалды (Синяя грива) убилъ зайца и взялъ его себѣ. Разсуди ты теперь, кому долженъ принадлежать заяцъ». Идыге спросилъ тогда у Кокъ-джалды: «На какомъ разстояніи ты стрѣлялъ въ зайца»? Кокъ-джалды указалъ примѣрно разстояніе. Идыге сказалъ: «Если я вамъ обоимъ скажу рѣшеніе, будете ли вы съ нимъ согласны»? Согласны, отвѣчали оба. Тогда Идыге одному изъ дѣтей далъ держать зайца и поставилъ его въ полѣ на такое разстояніе, съ котораго стрѣлялъ въ зайца Кокъ-джалды, и сказалъ Кень-джанбаю: «Стрѣляй! попадешь въ ребенка, давай кунъ; въ поле пустишь стрѣлу, откажись отъ ребенка; попадешь въ зайца, онъ твой». «Не доволенъ я твоимъ рѣшеніемъ», сказалъ Кень-Джанбай и, осердясь, пошелъ было къ Тохтамышъ-хану, но, опять возвратился. «Заставь ребенка держать зайца. Я буду стрѣлять»! И, ни сколько не тронувъ ребенка, попалъ въ зайца какъ разъ въ то мѣсто, которое выдавалось на поле. «Заяцъ тобою прежде видѣнный принадлежитъ тебѣ», сказалъ Идыге. Но Кокъ-джалды, стрѣлокъ, рѣшеніемъ сталъ не доволенъ и осердясь ушелъ. Кень-джанбай и Кокъ-джалды стрѣлокъ пошли къ Тохтамышъ-хану и Кокъ-джалды началъ говорить ему о спорѣ и рѣшеніи мальчика; Тохтамышъ-ханъ, выслушавъ его, сказалъ: «Это рѣшеніе совершенно справедливо, лучшаго и я не могу сказать».

Идыге, достигши восьмилѣтняго возраста, вышелъ изъ науки и, надѣясь пріобрѣсти себѣ какое нибудь состояніе, нанялся у одного человѣка пасти барановъ. Будучи въ полѣ, онъ увидѣлъ четырехъ человѣкъ, ведущихъ въ серединѣ хромую скотину. Четыре человѣка, увидѣвъ Идыге, сказали другъ другу: «Разскажемъ наше дѣло вотъ этому пастуху съ грязною задницей; пусть онъ разберетъ насъ». Четверо, приблизившись, сказали: «Всѣ мы четверо братья; у всѣхъ насъ единственное имущество, доставшееся намъ въ наслѣдство, вотъ эта хромая скотина. Голова скотины принадлежитъ старшему брату, каждому изъ насъ на долю осталось по одной ногѣ. Эта хромая скотина зашла на пашню одного *каура́* [2]) и теперь за четыре слѣда, проложенные ею на пашнѣ, требуютъ съ насъ четыреста тилля [3]). Отъ этого-то мы теперь споримъ. Разсудишь ли ты нашъ споръ»? сказали. Идыге отвѣчалъ: «Если Богъ поможетъ мнѣ, то я рѣшу это дѣло. Хромая нога кому изъ васъ принадлежитъ»? спро-

[1]) Эдыль—рѣка Волга; Джаикъ—рѣка Уралъ (Яикъ).
[2]) Объясненія этому слову въ бумагахъ Валиханова не нашлось.
[3]) Тилля «золотая монета».

силъ Идыге. «Мнѣ», отвѣчалъ самый младшій изъ братьевъ. «Ну, такъ ты отъ платежа свободенъ. Старшій братъ, которому принадлежитъ голова хромой скотины, долженъ заплатить двѣсти тилля, потому что глаза видѣли, а голова вела все тѣло; двое среднихъ братьевъ должны заплатить каждый по сту тилля, владѣлецъ же хромой ноги ничего не долженъ платить, потому что здоровыя ноги увлекали больную и сдѣлали четыре слѣда на пашнѣ». Трое старшихъ братьевъ, будучи не довольны этимъ рѣшеніемъ, пошли къ Тохтамышъ-хану, но лишь только объявили, что они просятъ правосудія, какъ младшій сказалъ хану, что они уже получили рѣшеніе. Ханъ спросилъ, какъ ихъ рѣшили и когда младшій разсказалъ, то Тохтамышъ сказалъ, что лучшаго рѣшенія и онъ дать не въ состояніи. Съ тѣмъ и ушли четверо братьевъ.

Еще случилось, что два человѣка вели въ поводу четырехлѣтняго верблюда—самца и, увидѣвъ въ полѣ Идыге, сказали другъ другу: «Пусть разсудитъ насъ этотъ пастухъ съ грязною задницей». Приблизившись, сказали: «Эй, пастухъ! споръ у насъ вотъ изъ-за этого верблюда. Разбери насъ и скажи рѣшеніе»! Согласенъ! сказалъ Идыге. Тогда одинъ изъ спорящихъ сказалъ: «Верблюженкомъ одного года пропалъ у меня этотъ верблюдъ и теперь я узналъ его уже четырехлѣтнимъ. Воръ, укравшій у меня верблюженка, вотъ этотъ человѣкъ». «Ну-ка ты теперь говори»! обращаясь къ другому, сказалъ Идыге. Другой сказалъ: «Отъ собственной моей верблюдицы родился этотъ верблюдъ, моего жеребца верблюда онъ сынъ; споръ со стороны этого человѣка напраслина». Тогда Идыге сказалъ обоимъ спорящимся: «Есть ли у васъ верблюдица, мать этого верблюда»? И когда оба они сказали: есть! онъ приказалъ привести обѣихъ матерей и, взявъ арканъ, обернулъ имъ заднія ноги атана [1]) и началъ завязанную веревку скручивать палкой. На крикъ мучимаго верблюда одна изъ верблюдицъ отвѣчала крикомъ. Тогда Идыге сказалъ ея хозяину: «Возьми атана, онъ твой и этотъ человѣкъ воръ дѣйствительно». Но воръ, не довольный рѣшеніемъ Идыге, пошелъ къ Тохтамышъ-хану и разсказалъ ему о рѣшеніи пастуха, и Тохтамышъ-ханъ сказалъ: «Лучше этого рѣшенія и я дать не могу».

Въ то же время, какъ Идыге ходилъ за баранами, случилось, что шли двѣ женщины, двое мужчинъ и одно дитя между ними степью и спорили, но увидѣвъ Идыге, сказали: «Каково будетъ, если разсудитъ насъ этотъ пастухъ съ грязной задницей»? «Пусть разсудитъ»! сказали другіе. И всѣ четверо вмѣстѣ приблизились къ Идыге. «Эй, пастухъ! Вотъ мы между собою въ спорѣ и хотимъ судиться. Не рѣшишь ли ты нашего спора»? Идыге согласился. Тогда одинъ мужчина и женщина сказали, что это дитя еще съ колыбели потеряно ими и что теперь они признаютъ его за собственное; между тѣмъ другая женщина начала говорить: «Это мой собственный ребенокъ; десять мѣсяцевъ я носила его въ животѣ; десять мѣсяцевъ сгибался мой крестецъ отъ него, а слова этой женщины чистая напраслина». Тогда Идыге взялъ ребенка, далъ держать его за руку обѣимъ женщинамъ, изъ которыхъ каждая называла себя матерью и, вынувъ мечъ, поднялъ его надъ ребенкомъ, говоря: «Я раздѣлю вамъ по поламъ этого ребенка»! намѣреваясь его разрубить. Тогда первая женщина сказала: «Дѣлайте, что хотите»! А другая сказала: «Не убивайте ребенка! отдайте лучше ей! Когда дитя выростетъ, оно найдетъ меня, настоящую свою мать». Тогда Идыге сказалъ: «Возьми своего ребенка! Онъ дѣйствительно твой»! Но первая женщина сказала, что она не довольна этимъ рѣшеніемъ и пошла на судъ къ Тохтамышъ-хану. Когда же всѣ четверо пришли къ хану и объявили ему, какое имъ произнесено пастухомъ рѣшеніе, то ханъ сказалъ, что рѣшеніе это настоящее рѣшеніе. «И я лучшаго дать вамъ не могу».

Наконецъ Тохтамышъ-ханъ сказалъ: «Кто же это такой, рѣшившій такія замысловатыя дѣла уже четыре раза? Позвать мнѣ его». Тотчасъ приближенные хана пошли и привели Идыге. «Ты ли четыре раза рѣшившій въ степи дѣла»? спросилъ ханъ. «Я, нижайшій рабъ вашъ», отвѣчалъ Идыге. «Какъ тебя зовутъ»? «Идыге». Худую его одежду ханъ приказалъ съ него снять.

---

[1]) Атанъ выложенный верблюдъ самецъ.

На этомъ мы прекращаемъ полную передачу текста Валиханова, и доскажемъ исторію Идыге вкратцѣ. Идыге усмирилъ враговъ Тохтамыша и успокоилъ царство; онъ сталъ приближеннымъ Тохтамыша. Однажды ханьша говоритъ хану, что предназначеніе этого наемщика (т. е. Идыге) выше предназначенія его, хана. «Эй, глупая женщина! говоритъ ханъ. Откуда ты узнала, что предназначеніе наемщика выше моего». Ханьша объясняетъ, что она замѣтила, какъ при каждомъ входѣ Идыге въ ханскую ставку ханъ въ испугѣ невольно вздрагиваетъ; ханьша предлагаетъ, чтобъ провѣрить истину, прикрѣпить полы ханскаго платья къ войлоку, на которомъ онъ сидитъ [1]). Тогда Тохтамышъ задумываетъ гибель Идыге. По совѣту ханьши, ханъ приказалъ приготовить арабъ и сарабъ [2]), выставить шестидесятиголовую [3]) кибитку, собрать народъ, и Идыге сдѣлать разносчикомъ. Когда, угощаемый народомъ, Идыге одурѣетъ, предположено убить его. Разговоръ этотъ слышалъ шестилѣтній мальчикъ Ангусынъ, другъ Идыге, и предупредилъ его. Поставили большую юрту, собрали народъ, у входа въ кибитку поставили девять богатырей; въ степи въ засадѣ посадили шестьдесятъ силачей. Идыге сдѣлали подносчикомъ. Онъ подвязалъ себѣ козій мѣхъ и половину только пилъ, половину украдкой выливалъ въ мѣхъ. Въ это время Ангусынъ подрѣзалъ лѣвыя стремена у сѣделъ всѣхъ гостей, и когда это сдѣлалъ, залѣзъ на верхъ юрты и запѣлъ: «Готовъ твой конь большекопытный» и пр. Это былъ условленный знакъ. Идыге, какъ стрѣла, выскочилъ изъ кибитки, вскочилъ на своего коня Торламбоза. Девять богатырей, стоявшихъ у порога, одинъ другаго поразили ножами.

Идыге бѣжалъ за Волгу. Кень-джанбай и другіе богатыри догнали его и стали приглашать переѣхать назадъ за Волгу, но Идыге отказался вернуться къ Тохтамышу. Убѣгая далѣе, онъ встрѣчаетъ шатеръ, въ которомъ находитъ дѣвицу, дочь Са-темиръхана, увезенную алпомъ [4]) Деу-кабаномъ. Онъ проситъ дѣвицу сказать ему, когда алпъ заснетъ. Дѣвица присылаетъ ему семь съ половиной баурсаковъ [5]); Идыге понимаетъ, что она назначаетъ ему приходить въ полдень на восьмой день. Дочь Са-темиръ-хана обнажаетъ грудь спящаго алпа; Идыге спускаетъ стрѣлу и расшибаетъ тѣло алпа на двое; умирая, алпъ успѣваетъ однако схватить за хвостъ коня Торламбоза. Идыге отвозитъ царевну къ отцу и женится на ней. У нея родится сынъ, который ѣдетъ мстить за отца, убиваетъ Тохтамыша и привозитъ его голову, хотя завѣтъ отца былъ не убивать Тохтамыша [6]). Кень-джанбай, чтобы поссорить Идыге съ сыномъ, уговорилъ Идыге въ отсутствіи сына раздѣлить свое ложе не только съ своей женой, но и съ невѣсткой. Когда, возвратившись, сынъ увидѣлъ отца сидящимъ между двухъ женщинъ и обнимающимъ ихъ, онъ такъ закричалъ, что отъ его крика у Идыге выскочилъ глазъ и изломалась нога [7]).

2. Эдыгэ происходилъ отъ Баба-Тукласъ (Чакли-азизъ) въ 9-мъ колѣнѣ.

---

[1]) Вслѣдъ за опытомъ, который былъ исполненъ по словамъ ханьши, вставленъ слѣдующій эпизодъ. Ханьша налила въ чашку устоявшагося катыка (квашенаго коровьяго молока), помочилась въ катыкъ и эту смѣсь поднесла вошедшему въ кибитку Идыге. Идыге разрѣзалъ катыкъ ножемъ на крестъ, середину смѣшалъ и выпилъ. На вопросъ ханьши, хорошъ ли катыкъ, онъ отвѣчалъ: «Если бы посуда не была такъ стара, то былъ бы порядочный». Тохтамышъ объяснилъ ханьшѣ, что подъ посудой Идыге разумѣетъ ее, ханьшу, а ханьша растолковала Тохтамышу, что разрѣзаніе катыка на крестъ означаетъ, что Идыге раздѣлитъ народъ Тохтамыша на четыре части, а смѣшеніе середины, что въ народѣ начнется бунтъ.

[2]) Вѣроятно вино, подобное самымъ крѣпкимъ сортамъ вина у Монголовъ, такъ называемымъ ардза и хардза.

[3]) Головами называются верхніе концы рѣшетинъ въ кереге (рѣшеткѣ) кибитки.

[4]) Алпъ—великанъ.

[5]) Баурсакъ—мелкіе мучные колобки, жареные въ салѣ.

[6]) Вѣроятно въ древнѣйшемъ варіантѣ Идыге высказывалъ упрекъ своему сыну за то, что онъ поднялъ руку на царя.

[7]) Сказка объ Идыге записана г. Радловымъ въ двухъ редакціяхъ барабинской и киргизской и помѣщена въ его Proben, T. III, и T. IV, 35. Въ барабинской сказкѣ тайнымъ другомъ Идыге названъ Цаннай (т. е. Кень-джанбай?); Ангусына нѣтъ. Дочь Са-темиръхана увезена русскимъ богатыремъ Анисимомъ (Орус падыр Анісым).

Преданіе Ногайцевъ о происхожденіи Баба-Тукласъ слѣдующее: нѣкто увидѣлъ на пути черепъ съ надписью на лбу: «я живой убилъ несмѣтное число людей, мертвый могу убить сорокъ». Нашедшій человѣкъ сжегъ черепъ, пепелъ взялъ въ узелокъ, привезъ домой и отдалъ дочери на храненіе. Дочь изъ любопытства развернула тряпку и, увидѣвши бѣлый порошокъ, взяла на палецъ и попробовала вкусъ, отчего сдѣлалась беременною и родила сына, который и былъ Баба-Тукласъ.

Мальчикъ, будучи еще ученикомъ, обнаруживалъ необыкновенную проницательность ума. Однажды ханъ той страны видѣлъ сонъ, будто онъ сидѣлъ на мосту черезъ большую рѣку и изъ рѣки вынырнули драконы двадцать съ одной стороны моста и двадцать съ другой и хотѣли его пожрать. Ханъ созвалъ своихъ ученыхъ и требовалъ, чтобъ они объяснили его сонъ. Ученые пришли въ тупикъ; тогда Баба-Тукласъ предложилъ имъ, что онъ бы разрѣшилъ сонъ ханскій. Ученые привели его къ хану. Баба-Тукласъ сталъ просить хана, чтобъ удалить ученыхъ, такъ какъ онъ смущается присутствіемъ своихъ учителей и когда они вышли, онъ сказалъ хану, что драконы— его сорокъ ученыхъ, которые находятся въ связи съ его женой и ходятъ къ ней по очереди въ видѣ черныхъ старухъ. Ханъ велѣлъ наблюдать. Оказалось, что толкованіе Баба-Тукласа справедливо. Ученыхъ убили и тѣмъ исполнились слова, написанныя на черепѣ относительно сорока жертвъ. Отъ этого и называются потомки Эдыге-бія **аксуяками**, «бѣлою костью»

Однажды Баба-Тукласъ (святой мужъ), встрѣтилъ на берегу моря дѣвицу, которая, прилетѣвъ въ видѣ голубя, обратилась въ дѣвицу и, сидя на берегу, золотымъ гребнемъ расчесывала свои золотые волосы, но лишь только онъ приблизился къ дѣвицѣ на недалекое разстояніе, она, увидѣвъ его, погрузилась въ воду, оставивъ на берегу голубиную шкуру, называемую кебъ. Это была, по мнѣнію однихъ, дочь солнца (кунь-сулу); другіе считаютъ ее дочерью духа Албасты. Оставшись на берегу, Баба-Тукласъ сказалъ: «Развѣ я не Баба-Тукласъ-чакли-азизъ, что не могу нырнуть за нею»? Сказалъ и вслѣдъ за дѣвицей бросился въ воду.

Далѣе вполнѣ тожественно съ дальнѣйшимъ текстомъ киргизской версіи. Баба-Тукласъ находитъ тамъ дѣвицу и хочетъ отъ нея бѣжать. Дѣвица удерживаетъ его словами, что если онъ на ней не женится, то возьметъ на себя больше грѣховъ, чѣмъ еслибъ женился. На этомъ этотъ отрывокъ обрывается.

3. Идиге происходитъ отъ Баба-Тукласъ-ази въ девятомъ колѣнѣ. Отецъ его былъ Кутлу-Кія (ази). Однажды этотъ святой мужъ встрѣтилъ дѣвицу, которая, прилетѣвъ въ видѣ голубя [1]), погрузилась въ воду, оставивъ голубиную шкуру на берегу (это была, по мнѣнію однихъ, дочь солнца Кунь-Слу, другіе думаютъ, это была дочь духа). Кутлу-Кія завладѣлъ кебаной. «Пусти»! Нѣтъ! «Ты не съумѣешь владѣть мной»! Уговоръ: «не смотри мнѣ на голову, подъ мышку и па пятки». Далѣе, какъ въ киргизской редакціи. Нашедши, самъ Кутлу-Кія отправился въ улусъ къ Тохтамышу, у котораго онъ былъ приближеннымъ. У Тохтамыша была птица ......[2]) Са-Темиръ ханъ просилъ у Тохтамыша яицо этой птицы, чтобы (вывести) у себя птенца. Тохтамышъ не далъ; тогда Са-Темиръ обратился къ Кутлу-Кіѣ, который укралъ яицо и послалъ Са-Темиру. Птица эта приносила три яица; украденое было показано (sic). Тохтамышъ, узнавши объ этомъ, отсѣкъ голову Кутлу-Кіѣ и хотѣлъ убить его сына Идиге, но бій, которому Кутлу-Кія поручилъ его воспитаніе, далъ своего сына на убійство. Идиге пасъ барановъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Затѣмъ слѣдуетъ первое разбирательство Идиге по поводу утки, застрѣленной въ чужомъ озерѣ. Вслѣдствіе этого дѣла Тохтамышъ призвалъ мальчика, какъ годнаго на.... [3]). Находясь у хана, онъ рѣшилъ еще два дѣла, которыя самъ ханъ

---

[1]) Въ числѣ монгольскихъ разсказовъ о дѣвѣ-птицѣ есть одинъ, въ которомъ герой, похищающій лебединую одежду купающейся небесной дѣвы, называется Одюгэ-бо (см. Очерки сѣверо-зап. Монголіи, IV, 24); Идыге у Киргизъ иногда является въ видѣ парнаго Идыгеби. Одюгэ-бо былъ кривой; Идыге также окривѣлъ вслѣдствіе крика его сына; въ барабинской редакціи (у Радлова) отъ удара балалайкой.

[2]) и [3]) Не дописано.

и всѣ біи не могли рѣшить. Первое—споръ между двумя женщинами о ребенкѣ; (второе)—два бія о.... [1]). О ребенкѣ то же, что у Киргизъ о верблюженкѣ—бросить въ воду, куда воспослѣдовала и матка его [2]). Ханьша (говорятъ одни вслѣдствіе отвергнутой любви) снова говоритъ хану, что онъ, юноша, человѣкъ опасный для хана и затемнитъ со временемъ его величіе, ибо когда онъ входитъ, то ханъ невольно содрогается и вскакиваетъ со своею (подушкой). Тогда Тохтамышъ созвалъ народъ и потребовалъ, чтобы...... [3]) народу этого юношу, такъ какъ онъ по своимъ доблестямъ долженъ быть не простаго рода, а самъ между тѣмъ поставилъ нѣсколько человѣкъ......

Г. Н. Потанинъ.

---

[1]) Не дописано.
[2]) Въ напечатанной выше киргизской версіи не сходно.
[3]) Не дописано.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Отъ Редактора.

Въ будущемъ 1892 г. минетъ 50 лѣтъ, какъ вышелъ въ свѣтъ небольшой по объему, но замѣчательный трудъ П. И. Шафарика: Slowanský Národopis—Славянское народописаніе съ этнографическою картою. Прага. 1-е и 2-е изд. въ 1842 г. Русскій переводъ О. М. Бодянскаго вышелъ въ Москвѣ въ 1843.

Эта книжка—своего рода краеугольный камень Славянской этнографіи, составляетъ въ ней такое же событіе, какое составила въ наукѣ Славянскихъ древностей другая книга Шафарика—Slowanské starožitnosti. Прага. 1837—русскій переводъ того же Бодянскаго вышелъ въ Москвѣ, въ 1848 г. или какъ отчасти въ исторіи литературъ Славянскихъ болѣе ранній и, по правдѣ сказать, наименѣе самостоятельный (почти совсѣмъ компилятивный) трудъ Шафарика—Geschichte der slawischen Sprache u. Literatur, получившій впрочемъ въ посмертномъ изданіи позднѣйшаго труда Шафарика Geschichte d. südslaw. Liter. значительное и цѣнное дополненіе.

Родившійся въ 1795 г., Шафарикъ принадлежалъ съ Копитаромъ (род. въ 1781 г.), уже ко второму поколѣнью Славяновѣдовъ, или ко второму періоду Славяновѣдѣнья. Эта наука возникла еще въ исходѣ прошлаго столѣтія, и, какъ оно и слѣдовало ожидать, среди западныхъ австрійскихъ Славянъ. Основатель Славяновѣдѣнья, аббатъ Іосифъ Добровскій, родился въ 1755 г. и умеръ въ 1829 г. На склонѣ лѣтъ онъ могъ убѣдиться, что основанная имъ наука, возбудившая въ западномъ Славянствѣ столько сочувствій и ожиданій, нашла себѣ и въ далекой Россіи достойныхъ дѣятелей и продолжателей. О трудѣ Калайдовича „Іоаннъ экзархъ Болгарскій", о Словарѣ духовныхъ писателей митр. Евгенія, наконецъ объ Исторіи государства Россійскаго Карамзина—все труды, имѣвшіе огромное вліяніе на дальнѣйшее движенье русской науки и Славяновѣдѣнья въ Россіи,—Добровскій успѣлъ еще дать свои замѣчательные отчеты (въ Wiener-Jahrbücher). Но Добровскій не успѣлъ еще выпустить въ свѣтъ своего многолѣтняго и наиболѣе обширнаго труда Institutiones linguae slavicae veteris dialecti, какъ ему пришлось ознакомиться съ небольшимъ (въ 20 страницъ) разсужденіемъ, плодомъ долголѣтнихъ, глубокихъ и проницательныхъ изслѣдованій геніальнаго филолога, появившимся въ Россіи въ 1820 г. Разумѣемъ знаменитое разсужденіе А. Х. Востокова о древне-славянскомъ языкѣ, составившее эпоху въ Славяновѣдѣніи и сдѣлавшее этотъ трудъ Добровскаго, при самомъ его появленіи въ свѣтъ, значительно устарѣлымъ. Вскорѣ за тѣмъ даровитый ученикъ Добровскаго, Словѣнецъ Копитаръ, давно приготовлявшійся къ изданію Фрейзингенскихъ отрывковъ—самъ великій учитель уступалъ ему честь и трудъ изданія этого древнѣйшаго памятника родного Копитару нарѣчія,—былъ предупрежденъ своимъ русскимъ ровесникомъ Востоковымъ (род. въ 1780 г.), превосходно издавшимъ и объяснившимъ этотъ важный древній памятникъ.

Давшій за тѣмъ въ 1840-хъ и 50-хъ годахъ нѣсколько монументальныхъ трудовъ: изданіе Остромирова Евангелія, Описаніе Румянцевскаго Музея, Словарь ц.-славянскій, Грамматики ц.-славянскую и русскую—отецъ русскаго Славяновѣдѣнія, Востоковъ имѣлъ

достойныхъ учениковъ и продолжателей въ первыхъ профессорахъ Славяновѣдѣнья въ Россіи: Прейсѣ, Срезневскомъ, Бодянскомъ, Григоровичѣ и въ такихъ глубокихъ знатокахъ славянской письменности и такихъ прекрасныхъ изслѣдователяхъ исторіи южнославянской и русской церкви, древне-русскаго языка и словесности, какъ профессора А. В. Горскій, Ѳ. И. Буслаевъ и извѣстный ученый В. М. Ундольскій. Всѣ они открыли свою ученую дѣятельность по Славяновѣдѣнью съ начала или въ теченіи сороковыхъ годовъ, когда на славянскомъ западѣ уже больной Копитаръ почти заканчивалъ свою дѣятельность, а ровесникъ этихъ русскихъ славистовъ, знаменитый въ послѣдствіи Миклошичь только что начиналъ свои работы въ этой области, главою Славяновѣдовъ былъ Шафарикъ, лѣтъ на пятнадцать-семнадцать старше П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго, и еще старше В. И. Григоровича.

Какъ трудъ Шафарика по Славянскимъ древностямъ, отчасти нашедшій себѣ крупнаго соперника въ единовременно появившемся знаменитомъ трудѣ Цейса—Die Deutschen u. die Nachbarstämme. Мюнхенъ. 1837 г., имѣлъ въ то время въ Прейсѣ наилучшаго въ цѣломъ славянскомъ мірѣ цѣнителя и наиболѣе приготовленнаго критика, такъ и трудъ Шафарика по Славянской этнографіи 1842 г. получилъ въ 1843 г. отъ Срезневскаго наилучшую оцѣнку и важнѣйшія исправленія. Впрочемъ надо замѣтить, что относительно болгарскаго языка, его нарѣчій и говоровъ и относительно современныхъ границъ болгарской народности ни Срезневскій, ни Прейсъ (такъ горѣвшій желаньемъ посѣтить болгарскія земли) ничего не могли прибавить къ замѣчаньямъ Шафарика, ничего привнести сюда самостоятельнаго. Честь перваго, строго-научнаго ознакомленія съ новымъ болгарскимъ языкомъ, его нарѣчіями и границами безспорно принадлежитъ также русскому слависту—младшему товарищу Прейса и Срезневскаго, В. И. Григоровичу, вывезшему изъ своего путешествія по Европейской Турціи 1841—2 г.,—въ тѣ годы это былъ подвигъ,—вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ филологическихъ, историко-географическихъ, археологическихъ наблюденій и свѣдѣній, множество важныхъ выписокъ, извлеченій изъ разныхъ неизвѣстныхъ рукописныхъ источниковъ и даже нѣсколько драгоцѣнныхъ древнихъ и старыхъ рукописей, цѣлнкомъ или въ отрывкахъ.

Какъ ни устарѣлъ теперь въ разныхъ отношеніяхъ 50 лѣтъ тому назадъ явившійся трудъ Шафарика по славянской этнографіи, но и понынѣ онъ не замѣненъ ничѣмъ лучшимъ. Въ исторіи науки ему принадлежитъ высоко-важное мѣсто. Редакція Живой Старины желаетъ съ будущаго года обратить особенное вниманье на движенье и развитіе этнографіи въ западно-славянскихъ земляхъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ и придаетъ большую важность близкому знакомству съ историческимъ ходомъ науки и съ трудами всѣхъ лучшихъ старыхъ дѣятелей. Частью въ память имѣющаго въ будущемъ году совершиться пятидесятилѣтія этому труду и дабы почтить незабвенную память многозаслуженнаго Шафарика, частью для начала открываемыхъ съ будущаго года въ Ж. С. критическихъ обзоровъ и библіографическихъ замѣтокъ по славянской этнографической литературѣ, редакторъ Ж. С. рѣшается, съ любезнаго позволенія наслѣдниковъ И. И. Срезневскаго, перепечатать цѣликомъ прекрасный его разборъ Славянской народописи и приложить замѣчанія В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскаго языка, а вмѣстѣ и объ его границахъ. Статья Срезневскаго была напечатана въ Ж. М. Н. Просв. 1843 (Ч. CXXXVII). Даже у насъ въ Россіи, а тѣмъ паче на славянскомъ западѣ, книжки этого журнала за тѣ годы довольно рѣдки, и огромному большинству нынѣшнихъ нашихъ учителей русскаго языка и словесности, русской исторіи и всей почти нынѣшней университетской молодежи, равно какъ и большинству молодыхъ славистовъ на западѣ эта замѣчательная статья Срезневскаго остается неизвѣстною. Прямодушный, не умѣвшій льстить, Прейсъ, близко знавшій Срезневскаго, товарищъ его по путешествію въ Далмаціи, Черной Горѣ, въ Истріи и Хорватіи, отлично знакомый со всѣми почти тогдашними славистами и съ тогдашнимъ состояніемъ Славяновѣдѣнія, съ полнымъ правомъ и авторитетомъ могъ сказать редактору Ж. Мин. Нар. Пр. и повторить свои слова Срезневскому—о томъ, что надо его просить о рецензіи на книгу Шафарика «Слованськи народопис»,—такъ какъ прибавилъ Прейсъ: „изъ всѣхъ Славистовъ, не исключая и Шафарика,

только Вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла“ [1]). Самъ Шафарикъ, естественно нуждавшійся въ помощи и содѣйствіи Русскихъ относительно нашихъ инородцевъ, русскаго языка и его нарѣчій, пользовался не только указаніями Бодянскаго [2]) касательно малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія, но и путевыми записями и наблюденіями Срезневскаго по зап. славянскимъ нарѣчіямъ. Шафарикъ считалъ его превосходнымъ наблюдателемъ (ein herrlicher Beobachter). Какъ дорожилъ онъ его замѣтками и указаніями для составляемой имъ тогда Славянской этнографической карты и діалектологіи, всего лучше свидѣтельствуютъ прилагаемыя здѣсьего письма къ Срезневскому. Читатели Ж. Ст. вмѣстѣ съ нами горячо конечно поблагодарятъ наслѣдниковъ И. И. Срезневскаго за разрѣшеніе ихъ помѣстить здѣсь эту статью его и эти письма Шафарика.

Эти письма, особенно послѣднее (печатается только первая половина, вторая содержитъ нѣсколько извѣстій о чешскихъ и другихъ слав. литературныхъ новостяхъ) живо рисуетъ намъ Шафарика, который былъ старше Срезневскаго на семнадцать лѣтъ, естественно обладалъ большею опытностью и потому легко могъ впадать въ нѣсколько наставительный, хотя и полный доброжелательности, тонъ къ молодому русскому 28—30-лѣтнему ученому. Къ сожалѣнью неизвѣстно, остался ли доволенъ Шафарикъ этимъ разборомъ Срезневскаго его книги. Вскорѣ за тѣмъ переписка Шафарика съ Срезневскимъ останавливается и возобновляется опять лишь въ [3]) 1852 г., когда въ тонѣ писемъ замѣчается холодная сдержанность. Очень возможно,—irritabile genus vatum,—и многихъ и многихъ писателей и ученыхъ—Шафарикъ остался несовсѣмъ доволенъ коекакими замѣчаньями и указаньями Срезневскаго на нѣкоторые недосмотры, пробѣлы и недостатки его труда. Правда Прейсъ писалъ Куторгѣ (29 авг. 1840) изъ Праги: „Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился Шафарикъ, человѣкъ въ высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатикъ, какимъ его изображаютъ многіе изъ нашихъ. Я вижусь съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои на счетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панегиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно, о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучилъ еще этого предмета“. Въ другомъ письмѣ къ Куторгѣ отъ 12 янв. 1841 г. Прейсъ замѣчалъ: „Я прочелъ съ Шафарикомъ его „Древности“, и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д. При этой оказіи я имѣлъ возможность наблюдать этого человѣка, какъ человѣка и какъ ученаго. Въ первомъ отношеніи онъ едва ли не болѣе меня удовлетворилъ“.

Повидимому изъ этихъ словъ Прейса слѣдовало бы заключить, что Шафарикъ былъ неспособенъ обижаться критическими замѣчаньями и возраженьями. Но превосходный человѣкъ и ученый, натура сосредоточенная и самоуглубленная, Прейсъ не отличается живою наблюдательностью и большимъ знаніемъ людей. Прейсъ полюбилъ Шафарика за его святую, безкорыстную преданность наукѣ и Славянству. Замѣчательно признаніе Прейса, что Шафарикъ, какъ ученый, его менѣе удовлетворилъ. Эти особенности научныхъ силъ Шафарика, мало удовлетворявшія Прейса, и были причиною, что, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души, Шафарикъ легко могъ отдаться вѣрѣ въ господствовавшее о немъ у Чеховъ и у другихъ запад-

---

[1]) Письма Прейса (въ нын. кн. стр. 5).

[2]) Въ письмѣ О. М. Бодянскаго къ Срезневскому (9 ноябр. 1842 г.) читаемъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что послѣдняя рѣка (Припять) есть естественный предѣлъ Бѣлоруссовъ отъ Малоруссовъ, тѣмъ болѣе, что по обоимъ берегамъ живутъ такъ называемые Черноруссы или Пинчуки, составляющіе нѣкоимъ образомъ переходъ отъ Хохловъ къ Бѣлошапникамъ, и, если я означилъ для Шафарика иначе границу нашу тутъ, то это въ слѣдствіе разсказовъ самихъ Бѣлоруссовъ, сирѣчь ополячившихся». (Сообщ. В. И. Срезневскимъ, за что и приношу ему мою благодарность).

[3]) Слѣд. за послѣднимъ у насъ письмомъ отъ 1845 г. (12 dubna) и потомъ нѣсколько писемъ 1852—1856 г.

ныхъ Славянъ, отчасти и у многихъ Русскихъ, мнѣніе, какъ объ ученомъ, въ вопросахъ славяновѣдѣнія едва ли погрѣшимомъ и высоты недосягаемой и судить о которомъ никто изъ современниковъ не былъ призванъ. Приблизительно такое же мнѣніе о Шафарикѣ приходилось мнѣ слышать еще въ 60-хъ годахъ даже отъ Палацкаго, а другихъ людей, сколько нибудь равноправныхъ въ этомъ отношеніи Палацкому, никого рѣшительно не было, особенно по смерти Копитара, на славянскомъ западѣ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. У насъ только Прейсъ и Срезневскій, отнюдь же не Бодянскій [1]), высоко уважая Шафарика, умѣли говорить о немъ съ почтеніемъ, но безъ особаго идолопоклонства и какой-то торжественной таинственности, подобающей не людямъ, а развѣ божествамъ. Необходимые въ наукѣ скептицизмъ и критицизмъ со смертью Добровскаго и Копитара значительно ослабѣли и понизились въ Славяновѣдѣніи, сначала у Славянъ западныхъ, а потомъ отчасти подъ ихъ вліяніемъ и у насъ.

«Шафарика же не обижали, не раздражали замѣчанья Прейса на его Древности. Самъ Прейсъ объ этомъ свидѣтельствуетъ». Но во-первыхъ Прейсъ, при своей сосредоточенности и малой наблюдательности, могъ легко много не замѣтить, а во-вторыхъ всѣ эти замѣчанья дѣлались мало-по-малу, постепенно и на дому у Шафарика, съ глазу на глазъ. Совсѣмъ иное впечатлѣнье и дѣйствіе могли бы онѣ имѣть, будь онѣ собраны вмѣстѣ и изложены печатно. Кажется объ этихъ бесѣдахъ Прейса съ Шафарикомъ объ его Древностяхъ ничего не было извѣстно даже Палацкому; послѣдній въ 60-хъ годахъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказывалъ, (какъ я самъ отъ него слышалъ) что еще не родился и вѣроятно долго еще не явится такой ученый, который бы могъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, Древности Шафарика. Быть можетъ я ошибаюсь, но мнѣ сдается, что нѣсколько замѣчаній Срезневскаго въ его рецензіи на Славянскую Народопись Шафарику не понравились, и огорчили его. Высказывая такое предположенье, вовсе не думаю ни унижать заслугъ, ни оскорблять дорогой намъ памяти знаменитаго, многозаслуженнаго Слависта. Во всѣхъ литературахъ даже большихъ народовъ, гдѣ труднѣе добывается знаменитость и гдѣ обычнѣе строгость сужденія, и гдѣ оно разностороннѣе, между учеными и писателями, даже между такими, что десятки лѣтъ сами занимаются критикою и славятся строгостью своихъ приговоровъ, очень немногіе умѣютъ выслушивать возраженія спокойно, безъ раздраженія.. Оно происходитъ кажется отъ того, что вездѣ и всегда очень мало бываетъ людей, привыкшихъ къ строгому самоосужденью, готовыхъ учиться у противниковъ и малорасположенныхъ полагаться на сужденія друзей. Много терпѣвшій на своемъ вѣку нужды и горя, Шафарикъ (+ 1861) подъ конецъ жизни сильно страдалъ нервами, часто недомогалъ и въ началѣ 40-хъ годовъ. Извѣстной раздражительности нельзя ни отрицать, ни ставить ему въ вину.

W Praze 15 Pros. 1841 n. s.

Wšecka Waše psanj, drahý Přjteli, kteráž od. p. Hanky gak mně, tak Časopisu mnau sprawowanému sdělowana byla, četl gsem s welikým potěšěnjm, a radowal se ze zdárného cestowánj Wašeho. Zdař to sám Bůh i dále, po wšech slowanských wlastech, až nazpět do milowaného Charkiwa!

Té zimy doufám, že se tu w Praze uhljdáme, a sice na slawném českém bále.

Pročež dnes gen tuto malenkau prosbu. Wy cestowal z Rezie do Gorice, přez furlanské Slowany, gichž prý tam w těch horách asi 19,000, ale ze wsj negmenugete u dopisu wjce leč tři: Ter, Nimisa a Mekota. Mekoty na topografické mappě ne nacházjm: gak slowe wlasky a kde ležj? Nemáteli we swých zápiskách wjce gmen mjstnjch, t. gmen wesnic, w nichž Slowané bydlj we Furlanech, we wlaskêm Benátském králowstwj nebot' co w illyrském králowstwj, kragi Gorickém, přez ř. Soči až po ř. Jndrije č. Jdrii ležj, to mi wše známo. Máteli, anebo mužeteli se pamatowati, kdy gste tam chodil, a gak daleko ti

[1]) Про Григоровича не знаю что сказать: онъ былъ очень уклончивъ и, по излишку ли деликатности или по недостатку искренности, особою прямотою сужденій не отличался.

только Вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла“ [1]). Самъ Шафарикъ, естественно нуждавшійся въ помощи и содѣйствіи Русскихъ относительно нашихъ инородцевъ, русскаго языка и его нарѣчій, пользовался не только указаніями Бодянскаго [2]) касательно малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія, но и путевыми записями и наблюденіями Срезневскаго по зап. славянскимъ нарѣчіямъ. Шафарикъ считалъ его превосходнымъ наблюдателемъ (ein herrlicher Beobachter). Какъ дорожилъ онъ его замѣтками и указаніями для составляемой имъ тогда Славянской этнографической карты и діалектологіи, всего лучше свидѣтельствуютъ прилагаемыя здѣсьего письма къ Срезневскому. Читатели Ж. Ст. вмѣстѣ съ нами горячо конечно поблагодарятъ наслѣдниковъ И. И. Срезневскаго за разрѣшеніе ихъ помѣстить здѣсь эту статью его и эти письма Шафарика.

Эти письма, особенно послѣднее (печатается только первая половина, вторая содержитъ нѣсколько извѣстій о чешскихъ и другихъ слав. литературныхъ новостяхъ) живо рисуетъ намъ Шафарика, который былъ старше Срезневскаго на семнадцать лѣтъ, естественно обладалъ большею опытностью и потому легко могъ впадать въ нѣсколько наставительный, хотя и полный доброжелательности, тонъ къ молодому русскому 28—30-лѣтнему ученому. Къ сожалѣнью неизвѣстно, остался ли доволенъ Шафарикъ этимъ разборомъ Срезневскаго его книги. Вскорѣ за тѣмъ переписка Шафарика съ Срезневскимъ останавливается и возобновляется опять лишь въ [3]) 1852 г., когда въ тонѣ писемъ замѣчается холодная сдержанность. Очень возможно,—irritabile genus vatum,—и многихъ и многихъ писателей и ученыхъ—Шафарикъ остался несовсѣмъ доволенъ коекакими замѣчаньями и указаньями Срезневскаго на нѣкоторые недосмотры, пробѣлы и недостатки его труда. Правда Прейсъ писалъ Куторгѣ (29 авг. 1840) изъ Праги: „Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился Шафарикъ, человѣкъ въ высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатикъ, какимъ его изображаютъ многіе изъ нашихъ. Я вижусь съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои на счетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панегиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно, о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучилъ еще этого предмета“. Въ другомъ письмѣ къ Куторгѣ отъ 12 янв. 1841 г. Прейсъ замѣчалъ: „Я прочелъ съ Шафарикомъ его „Древности“, и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д. При этой окказіи я имѣлъ возможность наблюдать этого человѣка, какъ человѣка и какъ ученаго. Въ первомъ отношеніи онъ едва ли не болѣе меня удовлетворилъ“.

Повидимому изъ этихъ словъ Прейса слѣдовало бы заключить, что Шафарикъ былъ неспособенъ обижаться критическими замѣчаньями и возраженьями. Но превосходный человѣкъ и ученый, натура сосредоточенная и самоуглубленная, Прейсъ не отличается живою наблюдательностью и большимъ знаніемъ людей. Прейсъ полюбилъ Шафарика за его святую, безкорыстную преданность наукѣ и Славянству. Замѣчательно признаніе Прейса, что Шафарикъ, какъ ученый, его менѣе удовлетворилъ. Эти особенности научныхъ силъ Шафарика, мало удовлетворявшія Прейса, и были причиною, что, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души, Шафарикъ легко могъ отдаться вѣрѣ въ господствовавшее о немъ у Чеховъ и у другихъ запад-

---

[1]) Письма Прейса (въ нын. кн. стр. 5).

[2]) Въ письмѣ О. М. Бодянскаго къ Срезневскому (9 ноябр. 1842 г.) читаемъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что послѣдняя рѣка (Припять) есть естественный предѣлъ Бѣлоруссовъ отъ Малоруссовъ, тѣмъ болѣе, что по обоимъ берегамъ живутъ такъ называемые Черноруссы или Пинчуки, составляющіе нѣкоимъ образомъ переходъ отъ Хохловъ къ Бѣлошапникамъ, и, если я означилъ для Шафарика иначе границу нашу тутъ, то это въ слѣдствіе разсказовъ самихъ Бѣлоруссовъ, сирѣчь ополячившихся». (Сообщ. В. И. Срезневскимъ, за что и приношу ему мою благодарность).

[3]) Слѣд. за послѣднимъ у насъ письмомъ отъ 1845 г. (12 dubna) и потомъ нѣсколько писемъ 1852—1856 г.

выхъ Славянъ, отчасти и у многихъ Русскихъ, мнѣніе, какъ объ ученомъ, въ вопросахъ славяновѣдѣнія едва ли погрѣшимомъ и высоты недосягаемой и судить о которомъ никто изъ современниковъ не былъ призванъ. Приблизительно такое же мнѣніе о Шафарикѣ приходилось мнѣ слышать еще въ 60-хъ годахъ даже отъ Палацкаго, а другихъ людей, сколько нибудь равноправныхъ въ этомъ отношеніи Палацкому, никого рѣшительно не было, особенно по смерти Копитара, на славянскомъ западѣ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. У насъ только Прейсъ и Срезневскій, отнюдь же не Бодянскій [1]), высоко уважая Шафарика, умѣли говорить о немъ съ почтеніемъ, но безъ особаго идолопоклонства и какой-то торжественной таинственности, подобающей не людямъ, а развѣ божествамъ. Необходимые въ наукѣ скептицизмъ и критицизмъ со смертью Добровскаго и Копитара значительно ослабѣли и понизились въ Славяновѣдѣніи, сначала у Славянъ западныхъ, а потомъ отчасти подъ ихъ вліяніемъ и у насъ.

«Шафарика же не обижали, не раздражали замѣчанья Прейса на его Древности. Самъ Прейсъ объ этомъ свидѣтельствуетъ». Но во-первыхъ Прейсъ, при своей сосредоточенности и малой наблюдательности, могъ легко много не замѣтить, а во-вторыхъ всѣ эти замѣчанья дѣлались мало-по-малу, постепенно и на дому у Шафарика, съ глазу на глазъ. Совсѣмъ иное впечатлѣнье и дѣйствіе могли бы онѣ имѣть, будь онѣ собраны вмѣстѣ и изложены печатно. Кажется объ этихъ бесѣдахъ Прейса съ Шафарикомъ объ его Древностяхъ ничего не было извѣстно даже Палацкому: послѣдній въ 60-хъ годахъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказывалъ (какъ я самъ отъ него слышалъ) что еще не родился и вѣроятно долго еще не явится такой ученый, который бы могъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, Древности Шафарика. Быть можетъ я ошибаюсь, но мнѣ сдается, что нѣсколько замѣчаній Срезневскаго въ его рецензіи на Славянскую Народопись Шафарику не понравились, и огорчили его. Высказывая такое предположенье, вовсе не думаю ни унижать заслугъ, ни оскорблять дорогой намъ памяти знаменитаго, многозаслуженнаго Слависта. Во всѣхъ литературахъ даже большихъ народовъ, гдѣ труднѣе добывается знаменитость и гдѣ обычнѣе строгость сужденія, и гдѣ оно разностороннѣе, между учеными и писателями, даже между такими, что десятки лѣтъ сами занимаются критикою и славятся строгостью своихъ приговоровъ, очень немногіе умѣютъ выслушивать возраженія спокойно, безъ раздраженія. Оно происходитъ кажется отъ того, что вездѣ и всегда очень мало бываетъ людей, [illegible] къ строгому самоосужденью, готовыхъ учиться у [illegible] подаваться на сужденія друзей. Много [illegible] Шафарикъ († 1861) подъ конецъ жизни сильно страдалъ [illegible] и въ началѣ 40-хъ годовъ. Извѣстной раздражительности [illegible] ни ставить ему въ вину.

W Praze 15 Pros. 1841 [illegible]

Wšecky Wáše [illegible] drahý Příteli, [illegible] p. Hanky gak mně [illegible] Časopisu [illegible] dělowána byla, četl gsem s welikým [illegible], a radowal se z [illegible] Wašeho. Zdař to sám Bůh i dále, po wšech slowanských [illegible] až zazpět do malowaného Charkiwa!

Té zimy [illegible] w Praze uhlýdáme, a sice na slawném českém bále.

Protož [illegible] prosbu. Wy cestowal z Rezie do Gor[illegible] přez [illegible] tam w těch horách asi 19,000, ale [illegible] negmen[illegible] Ter. Nimisa a Mekota. Mekota [illegible] grafické [illegible] nacházím gak slowe wlasky a kde leží Nemáteli w[illegible] zápiskách [illegible] ymen wesnic, w nichž Slowané bydlí we Fur[illegible] [illegible] kralowstwj nebo ce, w illyrském kral[illegible] kra[illegible] až po f. Indrije 6. Idru leží to mi wš[illegible] Ma[illegible] pamatowati, kdy gste tam chodil, a gak [illegible]

[1]) [illegible] что сами онъ были очень уклончивы, и [illegible] [illegible] неприятны, особенно примѣтно [illegible]

Slowané tam mezi Wlachy sjdlj, račte mi to sděliti co negdřjwe. — A wšak prosjm gmena pokud možné slow. i wlasky: nebo na mappě pauze wlaská gsau.

Bůh Wám dey zdrawj! Wáš upř. přjtel

P. J. Šafařjk.

P. T. panu Jzm. Sreznewskému monsieur J. de Sreznewsky.

Landstrasse № 498 H 16. ien.—

Въ Прагѣ 15 Дек. 1841.

Всѣ Ваши письма, дорогой другъ, сообщенныя Ганкою какъ мнѣ лично, такъ и журналу издаваемому (Музеемъ) подъ моею редакціею, я читалъ съ великимъ удовольствіемъ и радовался удачному Вашему путешествію. Да поможетъ Вамъ Богъ и далѣе, по всѣмъ славянскимъ землямъ, до возвращенія въ любезный Харьківъ. Въ эту зиму, надѣюсь, увидимся въ Прагѣ, именно на славномъ чешскомъ балу.

Теперь одну только маленькую просьбу. Вы прошли изъ Резіи въ Горицу черезъ фурлянскихъ Славянъ, коихъ говорятъ тамъ въ горахъ будетъ до 19 тысячъ, но изъ деревень Вы упоминаете въ письмѣ не болѣе трехъ: Ter, Nimisa, Mekota. Этой Mekota я не нахожу на топографической картѣ: какъ она называется по итальянски и гдѣ лежитъ? Нѣтъ ли еще въ Вашихъ запискахъ мѣстныхъ названій, т. е. именъ деревень, гдѣ Славяне живутъ въ Фурлянахъ (т. е. въ Фріулѣ), въ итальянскомъ Венеціанскомъ королевствѣ, ибо все, что имѣется въ иллирскомъ королевствѣ, въ краѣ Горицкомъ, черезъ р. Сочу до р. Идріи, то мнѣ все извѣстно. Если имѣете (въ запискахъ) или можете вспомнить, ходивши тамъ, какъ далеко эти Славяне живутъ среди Итальянцевъ, постарайтесь мнѣ сообщить как ъ можно скорѣе.—Всячески прошу (доставить) эти названія, если можно, по славянски и по итальянски, ибо на картѣ одни только итальянскія названія.

Дай Вамъ Богъ здоровья. Вашъ искренній другъ

П. I. Шафарикъ.

W Praze. 20 Prosince, 1841.

Welečtěný Přjteli!

Onehdy gsem Wás požádal o něgaké doplňky k Wašim zprawám o Slowanech we Furlansku, a teď nedočkaje Wašj odpowědi, přicházjm giž s ginau prosbau, kterau gsem giž tam připogiti chtěl, a zapomněl. Snad máte paru národnjch pjsniček w Chorwatech, gmenowitě okolo Zahrebu, sebraných. Máteli, račte mi gednu nebo dwé z menšjch a pěknějšjch sděliti. Gá we swjch zbjrkách nenacházjm ani gedné, a ačkoli gsem před lety Chorwaty o to požádal, wšak gsem nikdy nic nedostal. Potřebugi toho pauze, gako přjklad a wzor čistého chorwatského nařečj. Prosjm, učiňte co nejdřjwe gedné i druhé mé žádosti zadost: budu Wám toho wšjm dobrým zpomjnati.

O našich wěcech Wám nepjši, poněwadž se domýšljm, že se této zimy i sem k nám podjwáte. W Literatuře našj se zase drobet k lepšjmu chýlj, a gedno i druhé potěšitelné se chystá.

Bůh Wám dey zdrawj a šťastného cestowánj.

Waš upř. přjtel

P. J. Šafařjk.

NB Gerbergasse № 146.

Bis dat qui cito dat. Verte.

Многоуважаемый другъ.

Тогда я просилъ Васъ о кое-какихъ дополненіяхъ къ Вашимъ извѣстіямъ о Славянахъ фурлянскихъ, а теперь, не дождавшись Вашего отвѣта, являюсь уже съ другою просьбою, которую уже тогда хотѣлъ присоединить, но забылъ. Можетъ быть найдется у Васъ пара народныхъ пѣсенокъ, собранныхъ въ Хорватіи, именно около Загреба. Если есть у Васъ, благоволите мнѣ сообщить одну или двѣ изъ меньшихъ и наиболѣе красивыхъ. Я въ моихъ собраніяхъ не нахожу ни одной, и хотя давно о томъ просилъ Хорватовъ, но никогда ничего не получалъ. Я нуждаюсь въ этомъ лишь для примѣра и образца чистаго хорватскаго нарѣчія. Прошу, прошу Васъ удовлетворить какъ можно скорѣе ту и другую мою просьбу: буду Васъ за то добромъ поминать.

О нашихъ дѣлахъ Вамъ не пишу, ибо полагаю, что зимою къ намъ заглянете. Въ литературѣ нашей опять немножко къ лучшему склоняется, и то и другое утѣшительно подготовляется.

Дай Вамъ Богъ здоровья и счастливаго пути.

Вашъ искренній другъ

Bis dat qui cito dat. П. І. Шафарикъ.

Verte.

Pokračowánj dne 25 Pros.

Poslánj listu se opozdilo, poněwadž gsem na Čel. daušku čekal. Mezitjm zawjtalo milé Waše psanj ode dne 6—18 ke mně. Za poslané zpráwy o furlanských Slowanech skládám djky: dáwa mi to mnoho swětla. Rezianských wesnic gména gste wyčjtal we psanj k Hankowi, ale gen slowinsky, a na mé specialnj topografické mappě gsau wšecka gména wlasky! Tak tedy i tu gešte mnoho temno u mne. Na přjchod Wáš se těšjm, a prosim byste wšecky swé zápisky, rukopisy sebau přinesl, abychom podlé nich ethnografické mappy zprawowati mohli.

O přesjdlenj Černohorců w do Peroje nic, naskrze nic newjm z historie ted'nazpamět; ba ani gen to sem posawad wěděl (t. držjwe wašich psanj), že gsau tam osady Černohorců w.

K děgepisu Poljic sotwy naleznete, co by Wám postačowalo. Zatjm progdete spis:

Engel Gesch. d. ungar. Reichs u. seinen Nebenländer. Halle. 1797—1804. 4° 4voll. I. Bulgar. II. Dalmat. etc. III. Serbien IV. Walach. u. Mold. W každém djlu polowice pauhá literatura, wýtahy z rukopp. a knih atd. Tam porůznu o Poljicich, napřjklad II 221—222, 499, 559. Index čili Repertorium na literaturu ge tomo IV, ten musjte přečjsti. Io. Lucius De regn. Dalm. Croat. et Slavon. (Amstel. 1668) též s Poličanech tu i tam zmjnku činj. Wše to málo: zwlaštnjho a důkladného spisu o tom předmětu neznám. Rukopis: Práwa Poličanuw, prosjm, přineste sebau do Prahy, abych se i gá nad njm těšiti mohl.

Prosjm nezasjlejte swého psanj ke mně franco, sic i gá to činiti přinucen gsem. S Bohem! Wáš upř. př.

Š.

Čelakowský okolo now. roku pogede do Berljna a wrátj se s koncem ledna. Budete tedy s njm.

Продолженіе дня 25 Дек.

Посылка письма запоздала, такъ какъ я поджидалъ записочки Челяковскаго. Между тѣмъ пришло ко мнѣ Ваше милое письмо отъ 6—18. За присланныя свѣдѣнья о фурлянскихъ Славянахъ приношу благодарность: оно даетъ мнѣ много свѣта. Названіе Резіанскихъ деревень Вы перечислили въ письмѣ къ Ганкѣ, но только по сло-

вѣнски, а на моей специальной топографической картѣ все названія итальянскія. Такимъ образомъ и тутъ еще много темнаго для меня. Радуюсь Вашему пріѣзду и прошу Васъ взять съ собой всѣ Ваши записки, рукописи, дабы мы могли по нимъ исправить этнографическую карту.

О переселеніи Черногорцевъ въ Перой ничего, рѣшительно ничего не знаю изъ исторіи, по крайности на память; да и по сіе время (до Вашихъ писемъ) ничего не зналъ, что есть тамъ Черногорскія поселенія.

Относительно исторіи Полицы едва Вы найдете, что бы Васъ удовлетворило. (Затѣмъ идутъ указанія на извѣстную Шафарику литературу о Полицѣ)... Рукопись: Право Полицкое, прошу, привезите съ собой въ Прагу, чтобы и я могъ ею порадоваться [1]). Прошу не посылать ко мнѣ письма franco, такъ и я принужденъ тоже дѣлать.

Вашъ искренній пріятель

Ш.

W Praze 7 Ledna 1842.

Milý Přjteli! Gá od nowého roku negsem tak zdráw, gakž bych si toho přál a žádal, a i koli ani nemocen negsem-než gsem gako u prostřed. Pročež i mé dnešnj psanj takowé a podlé toho bude.—Za chorwatské pjsničky upřjmna djka: gsau pro mne a mau n y n e j š j potřebu dostatečné. Těšjm se z Wašeho aumyslu, že ge s ginými chcete we Wjdni wydati. Prawopis to Wáš ponawrzený se mi weskrz ljbj. Mezitjm wezmete w uwáženj, zdaliž by mjsto lat. *h* do cyrillice nebylo lépe wzjti г̒, t. g. г cum spiritu aspero ʽ = г̒ = h, což by se prawoslawným giste méně přjčilo, nežli latinské h. A wůbec strakatost ali mjchanice rozličných abeced za našich časů se neugjma: diakritizké znaky se spjše přigimagi. W latinské Wašj abecedě nic nenacházjm, coby se mi zdalo nemjstným: wůbec gen tolik chci připomenauti, abyste přjliš mnoho znakůw nedělal, poněwadž se tjm wěc obtěžuje a spjše zatemňuge nežli wygasňuje. Konečně wažiti na mysli dlužno, že z w u k u p e r e m o p r a w d o w é w y m a l o w a t i n e l z e. Něco z toho se wždy ztratj.

Morawic u Chorwatech gest několik, aspoň 5 (1 u Sluinsk., 1 w I-njm banálnym reg., 3 w Zahřebské stol.): podlé Wašeho neauplného udánj nelze určiti, které býti magj. Prawjte, 2 hod. od Brodu—než od kterého? Brodůw ge w Chorwatech mnoho. Potřebj udati n e y b l i ž š j městečka (několik) a ř e k u nebo ř j č k u.

Odkud Kačić swé zpráwy o Poličanech wážil—to Bůh sám wj! Bez pochyby quaedam ex senum fabulosa narratione, giné ze starých pjsemných (tu i tam se odwoláwa we swé knize na listiny č. diplomy); giné z pjsnj atd. atd. Na schwál gistě newymýslel a nelhal, ale kritiky a pořádku u něho nehledeyte.

Opět Moravice. Waše Morawice musegj býti w Zahr. stol. na řjčce D o b r é (tekaucj do Kulpy?), a Brod onen na Kulpě, gižně od Hočevja (Gottschee). Než gsau tam Morawice dwogi wedlé sebe, sewernj i gižnj. Silnice z Reky do Karlowice (Karlstadt) ležj wedlé nich aneb skrze ně.

Pan Hanka Waše psanj welmi špatně čte, pročež mnoho omylů zustáwá, zwlaště we gmenech. W tomto swazku mluwj w Dalmatech o gakési K y n ě, město K y n a. Gá Wašeho originalu neměl w rukau. Měl byste mu gména wždy i ruskau i latinskau literau napsati.

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ я усердно занимался одно время славянскимъ правомъ, и между прочимъ сербскимъ и хорватскимъ. Тогда же имѣлъ я отъ Срезневскаго для снятія копіи одинъ бумажный списокъ Полицкаго устава (статута), и при этомъ слышалъ отъ Изм. Иван., что у него съ Прейсомъ былъ еще п е р г а м е н н ы й с п и с о к ъ, который потомъ у нихъ гдѣ-то пропалъ. Объ этой потерѣ нельзя достаточно пожалѣть, ибо сохранившіеся списки этого статута все довольно новые. См. новѣйшее его изданіе подъ ред. проф. И. В. Ягича въ Monum. hist. jur. Stat. lingua Croatica conscripta. U. Zagrebu. 1890. Объ этомъ впрочемъ надѣюсь еще поговорить особо въ иномъ мѣстѣ. В. Л.

Preis mne ze Záhrebu psal před odgezdem do Srbska. Ont'gistě někdě we Sremě we klášteře u starých Rukk.

Z ohledu zaslánj knih nic gistého newjme. Hackenstein mé zasjlánj odepřel. Waše zákony a nařjzenj nám neznámy. Mluwte o té wěci s pany w wyslanstwj, poptegte se gich.

Prigdeteli sem, či nie? W posledním psanj o tom ani zmjnky! Bál gest 26 Ledna.

Gá mám pro archimandrita Porfyrie exempláře swých knih a spisůw w dar přichystané: chci Wám poslati, abyste mu to mým gménem odewzdal. Či snad čekati na Wás?

Dobré mappy Dalmatska a gižn. Jllyrska ga geště newiděl, ačkoli gá gich widěl do padesáti, ba stotinu. Mezi tjm deyte si ukázati u Artaria a ginde.

Karte der illyrischen Provinzen, in 9 Blättern. Vom kk. Gen. Quart. Meist. Stab. (Dosti užitečná).

Dalmatien in 2 Blattern. Produkt der lithographischen Anstalt. Vom k. k. G. In. M. St. (tu gsem newiděl).

Königreich Illyrien, in 36 Bll. vom k. k. G. In. M. Stab. Neylepšj, pokud hotowa. Wyšla asi polowice. Istrie ge sam giž celá, (Dalmatie nenj).

Topog. Karte des Lomb.-Venet. Königreichs. Von k. k. G. In. M. St. Tam naleznete Reziju a Furlanské Slowince, negen wsi, ale krčmy a mlýny. - (Na listech *G2*. *H2*. *H3*.).

Riedel Karte von Serbien, Bosnien und Illyrien. Wien. Riedls Kunsthandlung. 1816. 4 Blätter. Tam naleznete Dalmaty s ostrowy od Ložina až do Kotora dosti snesitelně.

Wůbec porownati musjte wjce w j c e map, a co na gedné nenj, naleznete na druhé.

De Traux Dalmatien. Wien, bei Artaria 1829. 8 listin. Bjdná to mappa, naskrze k ničemu se nehodj. Než podjweyte se na ni.

S Bohem! Wáš upř. přjtel

P a w e l P a w l o v i č Š.

Прага 7 Янв. 1842.

Милый другъ! Съ новаго года я не такъ здоровъ, какъ бы желалъ, а и когда и не болѣнъ,—то все чувствую себя посредственно. Почему и нынѣшнее мое письмо будетъ таковое-жь.—За хорватскія пѣсни искренняя благодарность [2]): для меня и для н ы н ѣ ш н е й моей надобности онѣ достаточны. Радуюсь Вашему намѣренью, что Вы ихъ хотите вмѣстѣ съ другими издать въ Вѣнѣ. Правописаніе Ваше предлагаемое мнѣ вполнѣ нравится. Между тѣмъ примите во вниманье, не лучше ли бы было взять г̔, т. е. *г* cum spiritu aspero =h, чтò бы православнымъ гораздо менѣе претило, чѣмъ лат. h. Вообще въ наше время плохо принимается пестрота или мѣшанина различныхъ азбукъ: скорѣе принимаются діакритическіе знаки. Въ Вашей латинской азбукѣ ничего не нахожу, чтò бы мнѣ казалось неумѣстнымъ: вообще хочу только напомнить, чтобы вы слишкомъ много знаковъ не дѣлали, такъ какъ этимъ дѣло только затрудняется, скорѣе затемняется, чѣмъ разъясняется. Въ концѣ концевъ нужно имѣть въ виду, что з в у к а п е р о м ъ в п о л н ѣ н е л ь з я и з о б р а з и т ь. Нѣчто изъ того всегда утратится.

---

[2]) Въ Народоп. Шафарика, въ отдѣлѣ образцовъ помѣщены три хорватскія народныя пѣсни (двѣ изъ Загребской жуп. и одна изъ Рабской діоц.), съ указаніемъ, что сообщены Срезневскимъ. Л. В.

[3]) Путевыя письма Срезневскаго къ Ганкѣ печатались тогда въ Музейникѣ, редакторомъ былъ въ то время Шафарикъ. Л. В.

Моравицъ въ Хорватіи нѣсколько, по крайней мѣрѣ 5 (1 въ Слуинск., 1 въ банальномъ полку, 3 въ Загребской жупаніи), по Вашему неполному указанію нельзя опредѣлить, которая изъ нихъ. Вы говорите, что въ 2 час. отъ Броду—но отъ какого? Бродовъ въ Хорватіи много. Слѣдуетъ указать ближайшія мѣстечки (нѣсколько) и рѣку или рѣчку.

Откуда Качичь заимствовалъ свои свѣдѣнья о Полицѣ — самъ Богъ вѣдаетъ! Безъ сомнѣнья quaedam ex senum falulosa narratione, иное изъ старыхъ письменныхъ (тутъ и тамъ ссылается въ своей книгѣ на грамоты или дипломы), иное изъ пѣсенъ и т. д. Нарочно конечно ничего не выдумывалъ и не лгалъ, но критики и порядку у него не ищите.

Опять Моравица. Ваши Моравицы должны быть въ Загр. жуп. на рѣчкѣ Добрѣ (впадающей въ Кульпу?), а тотъ Бродъ на р. Кульпѣ, на югъ отъ Гочевья (Gottschee). Но тамъ двѣ Моравицы близко одна другой, сѣверная и южная. Шоссе изъ Рѣки въ Карловецъ (Karlstadt) идетъ возлѣ нихъ или черезъ нихъ.

Ганка Ваше письмо очень дурно разбираетъ, отчего бываетъ много ошибокъ, особенно въ именахъ. Въ этомъ выпускѣ идетъ рѣчь въ Далмаціи о какой-то Кине вм. Кина. Я Вашего оригиналу не имѣлъ въ рукахъ. Вамъ бы ему писать собственныя имена русскою или латинскою азбукой.

Прейсъ мнѣ писалъ изъ Загреба передъ отъѣздомъ въ Сербію. Теперь онъ гдѣнибудь въ Срѣмѣ въ монастырѣ за старыми рукописями.

Относительно пересылки книгъ ничего вѣрнаго не знаемъ. Гакенштейнъ мнѣ отказалъ въ посылкѣ. Ваши законы и уставы намъ невѣдомы. Поговорите объ этомъ въ Вашемъ посольствѣ, разспросите ихъ.

Пріѣдете ли сюда или нѣтъ? Въ послѣднемъ письмѣ о томъ ни слова. Балъ будетъ 26 Января.

У меня приготовленъ экземпляръ моихъ книгъ и статей для архимандрита Порфирія, хочу ихъ Вамъ послать, чтобы Вы ихъ ему отъ меня передали. Или ждать Васъ?

(Затѣмъ Ш. сообщаетъ свѣденія Срезневскому, вѣроятно на его вопросъ, о лучшихъ картахъ Далмаціи).

Съ Богомъ! Вашъ искр. другъ

Павелъ Павловичъ Ш.

W Praze 28 Unora 1842.

Drahý Přjteli!

Dnešnjho dne posjlám Wám po poště baljk s knihami, kterýž, prosjm, abyste rozpečetiw a wloženau tam pro Wás ceduli wyňáw u Wašeho wyslanstwj, s uctau ode mne odevzdal. Litugi, ze Wás tjm obtěžowati musjm, anoť Wám to snad i nepřigemno; ale tenkrát nemohlo ginač býti, a budaucně budete zproštén.

Přigedeteli sem, nezapomeňte přinesti z Wašich sbjrek, cokoli po nás poučné i zajimawé.

S Bohem! Wáš upř. př.

Šafařjk.

P. Scr. Wy me naleznete w neynowejšjch prácech: mappa hotowa, a knjžka gde k tisku.

Прага 28 февр. 1842.

Дорогой другъ.

Сегодня посылаю Вамъ по почтѣ ящикъ съ книгами, которыя прошу распечатавъ и вынувъ вложенную тамъ для Васъ цыдулку передать отъ меня съ моимъ почтеніемъ въ Вашемъ посольствѣ. Жалѣю, что Васъ долженъ безпокоить, и что оно

Вамъ можетъ быть непріятно; но въ этотъ разъ иначе быть не могло, а впредь Вы будете отъ этого избавлены.

Если пріѣдете сюда, не забудьте привести съ собой все для насъ поучительное и занимательное изъ Вашихъ собраній.

Съ Богомъ! Вашъ искр. др.

Шафарикъ.

P. Scr. Вы меня застанете за новѣйшими работами: карта готова, а рукопись приготовляется къ печати.

W Praze 3 Čerwna 1843 n. s.

Milý Príteli! Již dwoje nebo troje Wašich psanj, jedno z cesty (Waršawy), ostatní z Charkowa, štástně ke mně se dostalo, na něž sem Wám posud neodpowěděl. Nepřipisujtež tuto mau zpozdilost ničemu jinému, nežli mému ponoření w takowých prácech, při nichž newždycky možno dělati, co srdce ráčí.

Zprawy o Wašem šťastném nawrácení do milé otčiny, do lůna swých, na Wás tužebně čekawších, o zdarném začetí Wašich čtení, naplnily mne welikau radostí. Nuže zdař to sám Bůh! I nepochybuji, že Bůh sám swého požehnání k dílu tak šlechetnému udělí. Buďtež uwěřen o mém srdečném aučastenstwj, o mé ochotnosti a snaze poslaužiti Wám, w čemkoli a kdykoli byste we swých literaturních pracech mé rady anebo přispiwaní potřebowal. Než znaje Wás dowěřuji se cele, že sám o swé sile budete s to, abyste welikému a slawnému powolání swému dosti učinil. Na Wás, Preisowi, Bodjanském a ostatních oddawších se studiím slowanským a literatuře slowanské spočiwají naděje upřimných milowniků literatury slowanské. Waše jména náležeti budau historii. Dostujtež wysokému powolání swému mužně a celau duší. Odplata Wás nemine w nebesích.

Zmínil ste něco o žurnalu. Ideu schwaluju, než radilbych, abyste se neukwapil. Bodjanský též o časopisu přemýšlí: Panow také. Má to swé obtíže. Ohledem literárních nowin ze západních Slowan wízte sám nejlépe, jako těžká wěc jest při té toliké wzdalenosti a jiných nesnázech. K žurnalu takowému byste se museli sjednotiti wšickni a snad by nejlépe wycházel w Moskwě, či Petrohradě. Mezitím, myslím, Wy byste mohl swé sbírky i w jiné formě, totiž spisu pokračujíciho (asi jako zesnulý Pasek swé Очерки Россіи—což, kdybyste to nazwal Očerki Slowanstwa?)—wydáwati. Než w tom owšem musíte se sám swau radau a rozvahau říditi.

O našich nowých literarních plodech na ten čas Wám málo psáti... (Продж. слѣд.).

Мой другъ. Уже два или три Вашихъ письма, одно съ дороги (изъ Варшавы), остальныя изъ Харькова благополучно до меня дошли. На нихъ я Вамъ доселѣ не отвѣтилъ. Не приписывайте этого ничему иному, какъ лишь моему углубленію въ такія работы, при коихъ не всегда можно дѣлать, что сердце хочетъ.

Извѣстія о Вашемъ счастливомъ возвращеніи на любезную родину, въ среду своихъ, томительно Васъ ожидавшихъ, о счастливомъ началѣ Вашихъ, исполнили мою душу великою радостью. Ну да поможетъ Вамъ Господь Богъ. Не сомнѣваюсь, что самъ Богъ подастъ Свое благословенье на дѣло столь благородное. Будьте увѣрены въ моемъ сердечномъ участьи, въ моей готовности послужить Вамъ, въ чемъ либо и когда-либо Вы нуждались въ моемъ совѣтѣ или содѣйствіи при своихъ литературныхъ трудахъ. Но зная Васъ, я вполнѣ увѣренъ, что Вы самъ будете въ силахъ удовлетворить Вашему великому и славному призванью. На Васъ, Прейсѣ, Бодянскомъ и остальныхъ, отдавшихся изученію Славянщины и литературы славянской почіютъ надежды искреннихъ любителей славянской литературы. Ваши имена будутъ принадлежать исторіи.

Мужественно, всею душею послужите Вашему призванью. Награда Васъ не минуетъ въ небесахъ.

Вы нѣчто упомянули о журналѣ. Мысль одобряю, но совѣтывалъ бы не спѣшить. Бодянскій тоже помышляетъ о журналѣ. Пановъ также. Оно имѣетъ свои затрудненія. Относительно (полученія) литературныхъ новостей изъ западно-славянскихъ сами отлично знаете, какое это трудное дѣло при такой отдаленности и при иныхъ неудобствахъ. Для такого журнала Вамъ бы всѣмъ соединиться и можетъ быть ему бы было всего лучше выходить въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Между тѣмъ, думаю, можетъ быть Вы бы могли издавать Ваши собранія и въ другой формѣ, тоже періодически (въ томъ родѣ, какъ покойный Пассекъ Очерки Россіи—что бы Вамъ ихъ назвать Очерки Славянства). Впрочемъ въ этомъ Вы должны руководиться собственнымъ размышленіемъ и соображеніями.

О нашихъ новыхъ литературныхъ явленіяхъ мало Вамъ могу теперь написать» и проч...

Slowanský Národopis. Sestavil P. I. Šafařik. W Praze. 1842, XII, 187 стр .in 12. При книгѣ ландкарта.

Slowanský Zeměvid od P. I. Safařika. W Praze. 1842. Листъ въ 2 фута длиною и въ $1^1/_2$ фута шириной.

Кто изъ читателей не знаетъ имени Шафарика, этого великана современной Славянской учености; кто изъ тѣхъ, которые читали его сочиненія, не сталъ его глубоко уважать за изумительное трудолюбіе, съ какимъ онъ такъ терпѣливо собиралъ отовсюду нужныя свѣдѣнія, за благородную отчетливость, съ какою старался передавать ихъ читателемъ; кто изъ тѣхъ, которые имѣли случай узнать его лично, не полюбилъ его, узнавши въ немъ человѣка, какихъ не много и между самыми скромными учеными; не принялъ въ немъ душевнаго участія, припоминая, какъ онъ цѣлую жизнь боролся съ судьбою, терпѣлъ нужду, болѣлъ духомъ и тѣломъ, и въ борьбѣ не палъ, не измѣнилъ своему призванію.

Можно не соглашаться съ нимъ въ мнѣніяхъ, можно находить недостатки въ его сочиненіяхъ; но трудно стать съ нимъ рядомъ, и нельзя его не почитать, не учиться изъ его жизни и книгъ, какъ вести себя на литературномъ и ученомъ поприщѣ, чтобы внутренно быть довольнымъ и другими и собою. Имя Шафарика незабвенно въ Исторіи Славянской Литературы. Долго еще будетъ онъ свѣточемъ для многихъ и многихъ.

Приготовленный съ молодости и воспитаніемъ и влеченіемъ къ ученымъ занятіямъ, Шафарикъ посвятилъ имъ всю свою жизнь, а ихъ—Славянству. Медленно шелъ онъ по дорогѣ имъ избранной, медленно, но сознательно, а потому и ушелъ такъ далеко. Его отецъ, священникъ въ Кобеляровѣ (Feteke-patak—въ Гёмёрской столицѣ), прочилъ и его къ тому же званію, подалъ ему всѣ возможныя средства для образованія. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Шафарикъ вступилъ въ Рожновскую гимназію (Рожновъ-Розенау); черезъ три года вступилъ въ гимназію Добшинскую (Добшина, Dobschau); по пятнадцатому году принятъ студентомъ въ Кежмарскій Лицей (Köschmark), и тамъ то въ первый разъ сознавалъ въ себѣ Славянское сердце. Возбужденный наставленіями профессора Генерзиха, на двадцатомъ году, поѣхалъ онъ въ Германію для слушанія лекцій въ Іенскомъ Университетѣ, и на двадцать второмъ (1817) воротился на родину Докторомъ Философіи, съ такою образованностію, какая и до сихъ поръ слишкомъ рѣдка въ Венгріи. Кромѣ своего природнаго Словацкаго нарѣчія, онъ зналъ прекрасно языки Венгерскій, Нѣмецкій, Латинскій, Греческій, Французскій; хорошо изучилъ Философію, Исторію, отчасти и Естествознаніе, и былъ отличнымъ Богословомъ (Протестантскаго исповѣданія). Но желанія отца не исполнились: онъ не сдѣлался Пасторомъ... Побывъ нѣсколько времени домашнимъ Учителемъ у одного изъ Венгерскихъ Дворянъ, Шафарикъ получилъ мѣсто Профессора въ новооткрытой Православной гимназіи, въ Новомъ Садѣ (Neusatz), будучи еще 24 лѣтъ. Тутъ между Сербами, вблизи сокровищъ

Фрушкогорскихъ монастырей, уже съ развитою любовію къ Славянству, Шафарикъ весь предался дѣлу, которое должно было стать дѣломъ и славой всей его жизни,—учено-литературнымъ трудамъ по части сравнительнаго знанія Славянъ, ихъ Исторіи, народности, Литературы. Еще юношею девятнадцати лѣтъ началъ онъ свое литературное поприще—участіемъ въ «Вѣнскихъ письмахъ» (Widenské listy, 1813—1817, in-4). Г. Громадки, и отдѣльнымъ изданіемъ своихъ стихотвореній (Tatranská Musa s lyrau Slowanskau. W Lewoči, 1814). Позже въ 1818 году, онъ напечаталъ «Основанія Чешскаго Стихотворства» (Počatkowé českého basnjctwj. W Prešporku 1818), и еще позже перевелъ Аристофановы «Облака» и Шиллерову «Марію Стюартъ». Впрочемъ, всѣ эти поэтическіе труды остались опытами юноши, разгадывающаго свои силы, свое призваніе. Шафарикъ скоро перешелъ къ занятіямъ болѣе важнымъ. Въ 1822 году напечатано его разсужденіе о гекзаметрѣ (Krok. I, № 3); а въ 1823—25 вышло въ свѣтъ собраніе народныхъ пѣсенъ Словаковъ, составленное имъ и Коларомъ (Pjsni swětské lidu Slowenského w Uhřich). Все же однакожь не многаго могли ожидать отъ Шафарика люди, не знавшіе его лично, не слыхавшіе объ его домашнихъ трудахъ, о томъ, какъ онъ много читалъ, какъ прилежно и отчетливо дѣлалъ выписки изъ книгъ старыхъ и новыхъ, какъ старался помогать своей памяти составленіемъ подручныхъ словарей, ссылокъ, какъ изучалъ лѣтописи и памятники стараго времени, Географію и народныя нарѣчія, какъ незамѣтно и однакожь въ огромномъ размѣрѣ умножалъ свой запасъ. Только долголѣтнимъ и постояннымъ трудомъ можно было пріобрѣсти ту массу свѣдѣній, которую сталъ онъ потомъ мало по малу передавать читателямъ, и чѣмъ менѣе ожидали отъ него чего-либо необыкновеннаго, тѣмъ болѣе изумилъ онъ, издавши въ 1826 году «Исторію Славянскаго языка и Литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» (Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur. Pesth, 1826, 524 стр. in-8). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не изумляться, какъ могъ молодой и бѣдный Новосадскій Профессоръ собрать столько матеріаловъ, не устрашиться самаго труда собирать ихъ, набрать немногимъ менѣе, нежели сколько ему было нужно, и такъ ловко распорядиться своимъ запасомъ. Книга Шафарика была первая въ своемъ родѣ, на каждой страницѣ выказывала знаніе дѣла, за которое взялся Сочинитель: она не могла не сдѣлаться ручною книгою для всякаго, занимающагося Славянскою Литературой. Она и вышла притомъ очень кстати: духъ Славянскій былъ уже въ то время возбужденъ, общее вниманіе къ Славянству отчасти тоже, и книга, въ которой бы представлена была литературная дѣятельность Славянъ въ ея историческомъ ходѣ, была нужна. Не мудрено, что книгу Шафарика брали на расхватъ. Шафарика узнали, начали на него ссылаться, компилировать его и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Америкѣ. Я уже не говорю о томъ вліяніи, какое произвела книга Шафарика на общее вниманіе къ Славянамъ... Между тѣмъ не прошло и двухъ лѣтъ, а у Шафарика была опять готова книга, опять книга важная и любопытная, и совсѣмъ въ другомъ родѣ—историко-критическое разысканіе «О происхожденіи Славянъ» (Ueber die Abkunft de Slaven. Pesth, 1828). Передавая сокращенно изслѣдованія Суровецкаго (Śledzenie początków narodów Słowiańskich), Шафарикъ разбираетъ его выводы, иные подкрѣпляетъ новыми, сильнѣйшими доказательствами, другіе опровергаетъ, никогда не жалѣя доказательствъ. Опять увидѣли начитанность и ученость, опять знаніе дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ умъ изыскательный, оживленный самобытностію взгляда. Слава Шафарика упрочилась; имя его стали ставить на ряду съ именами другихъ первоклассныхъ Западныхъ Славянистовъ; кто зналъ Добровскаго, Копитара, Линде, не могъ не знать и Шафарика. И онъ оправдалъ себя своими позднѣйшими трудами... Изучивъ древніе памятники Сербской письменности, изъ которыхъ о многихъ не знали дотолѣ и по слуху, изучивъ съ тѣмъ вмѣстѣ нарѣчіе Старо-Славянское, по мысли нашего несравненнаго Востокова, Шафарикъ привелъ въ порядокъ свои изслѣдованія о самобытности Сербскаго нарѣчія, и издалъ ихъ въ 1833 году (Serbische Lesekörner, Pesth). Это почти лучшее, что когда-либо написано было въ этомъ родѣ, и лучшее что до сихъ поръ написалъ Шафарикъ: нѣсколько неудачныхъ сравненій съ другими Славянскими нарѣчіями и недоказанныхъ догадокъ ничего не значатъ въ сравненіи

и въ 1842 году издалъ ландкарту Славянскихъ земель въ Европѣ и вмѣстѣ книгу, названную имъ «Славянскимъ Народописаніемъ» (Slowanský Národopis).

По поводу этой-то книги, я осмѣливаюсь высказать нѣсколько замѣчаній касательно вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе любителей Славянства. Сначала нѣсколько словъ о самой книгѣ.

Въ 1826 году (сказано выше) издалъ Шафарикъ «Исторію Славянскаго языка и Литературы». Изложивши во введеніи общія свѣдѣнія о древнихъ и новыхъ Славянахъ, ихъ раздѣленіи и числѣ по нарѣчіямъ, государствамъ, вѣроисповѣданіямъ, и пр., онъ разсматриваетъ свой главный предметъ въ двухъ частяхъ. Въ первой — Исторію языка и Литературы Славянъ «Юго-восточныхъ» (Церковно-Славянскую, Русскую, Сербскую Православную, Сербскую Римскокатолическую и Хорватскую, наконецъ Вендскую, Хорутано-Словенскую); во второй — Исторію языка и Литературы Славянъ «Сѣверозападныхъ» (Чешскую, Словацкую, Польскую и Вендскую-Лужицкую). Въ обзорѣ каждой Литературы онъ обращаетъ вниманіе на Исторію народа, характеристику нарѣчія, и движеніе самой Литературы слѣдитъ по эпохамъ. Теперь этой книги уже невозможно достать путемъ обыкновенной книжной торговли; экземпляры, набѣгающіе случайно въ руки антикваріевъ, не лежатъ у нихъ и двухъ дней, а между тѣмъ ее нечѣмъ замѣнить.

Не разъ уже просили Шафарика издать свою «Исторію» вновь; и Шафарикъ, хотя и не переставалъ умножать запасъ и исправлять свой трудъ, до сихъ поръ медлилъ, то будучи занятъ составленіемъ другихъ книгъ, то какъ будто опасаясь невозможности выполнить дѣло съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ выполнилъ его за шестнадцать лѣтъ. А между тѣмъ, собравши довольно матеріаловъ для составленія этнографической карты Славянской части Европы, рѣшился привести ихъ въ порядокъ, и задумалъ издать такую карту, на первый разъ хотя въ маломъ видѣ. Мысль была счастливая, почти новая, и кстати. Къ картѣ потребовалось объясненіе, которое бы досказывало то, чего не могла высказать карта. Шафарикъ занялся имъ, воспользовался нѣкоторыми матеріалами, собранными имъ для Исторіи Литературы, — и такъ вышла книжка, названная имъ «Славянскимъ Народописаніемъ». Карта легла при ней сама, какъ объясненіе. Дѣленіе Славянъ на отдѣлы осталось почти прежнее: къ отрасли Юговосточной отчислены «рѣчи»—Русская, Болгарская и Иллирская; а къ Сѣверозападной—Польская, Чешская, Лужицкая и мертвая Полабская; древне-Славянское церковное нарѣчіе соединено съ Ново-Болгарскимъ,—Сербское, Хорватское и Хорутанское отошли къ «рѣчи» Иллирской, Словацкое—къ Чешской. Въ обозрѣніи каждой указанъ край, въ которомъ она господствуетъ по нарѣчіямъ, характеристическіе признаки нарѣчій, наконецъ, въ краткомъ очеркѣ, ея литературная важность. Въ приложеніи читатель имѣетъ таблицу Славянскаго народонаселенія, по нарѣчіямъ, государствамъ и вѣроисповѣданіямъ, 38 народныхъ пѣсенъ, и объясненіе географическихъ названій.

Сравнивши «Исторію Литературы» съ «Народописаніемъ», всякій читатель увидитъ, что содержаніе обоихъ—почти одно и то же; только цѣль изданія была различна, и, сообразно съ цѣлію изданія, измѣнился объемъ статей. Тамъ разсказывалъ Филологъ-Литераторъ, тутъ —Филологъ-Географъ; тамъ были въ виду болѣе Ученые и Литераторы, тутъ болѣе общая публика.

И въ томъ, и въ другомъ сочиненіи видѣнъ тотъ же человѣкъ, тотъ же Писатель; если, впрочемъ, сравнивать одно съ другимъ по ихъ достоинству, по важности ученой и практической, то, мнѣ кажется, первое стоитъ гораздо выше втораго. По крайней мѣрѣ желательно было бы видѣть въ «Народописи» кое-что иначе, нежели какъ есть: такъ требовала бы, кажется, исправленія характеристика нарѣчій [1]); такъ и очерки Литературы слѣдовало бы, кажется, кое въ чемъ дополнить, кое въ чемъ сократить [2]), и, чтобы книга не напрасно называлась «Народописаніемъ», прибавить

[1]) Кое-что объ этомъ замѣчено будетъ ниже; другое оставляю на будущее время.

[2]) Въ Великорусской Литературѣ напр., упомянуты только имена: Кантемира, Татищева, Тредьяковскаго, Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова и Пушкина; а въ Малорусской, кромѣ Котляревскаго и Квитки, Павловскаго, Гребенки, Б

бы можно было хотя небольшую статью о нравахъ и обычаяхъ Славянъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всякаго народописанія. Тѣмъ не менѣе эта книжка имѣетъ достоинство очень важное: въ ней въ первый разъ описаны, и описаны прекрасно, границы Славянскихъ земель, а на картѣ вы видите только Славянскія названія мѣстностей и притомъ по мѣстному выговору. Это ставитъ новый трудъ Шафарика въ рядъ самыхъ необходимыхъ для всякаго занимающагося Славянствомъ. Будемъ надѣяться, что «Славянская народопись», напечатанная уже два раза, менѣе нежели въ полгода, напечатана будетъ еще разъ, и уже со всѣми возможными поправками.

Предѣлы статьи не позволяютъ разобрать всю книгу, и потому я намѣренъ остановиться только на томъ, что болѣе важно и что для насъ, Русскихъ, болѣе интересно. Съ самой книгой читатели могутъ познакомиться въ переводѣ неутомимаго г. Бодянскаго: этотъ переводъ печатается въ Москвитянинѣ и потомъ выйдетъ отдѣльно.

I.

Мысль о дѣленіи Славянъ на отрасли по характеру нарѣчій, довольно стара. Уже въ XVI вѣкѣ С. Гозій отличалъ Южныя Славянскія нарѣчія отъ Сѣвернаго Польскаго. Позже, Бандури отдѣлялъ Славонцевъ, Хорватовъ, Босняковъ, Сербовъ и Болгаръ отъ Чеховъ и Поляковъ и отъ Хорутанскихъ Словенцевъ. Еще позже, Поповичъ распредѣлилъ всѣ Славянскія нарѣчія на два главные отдѣла: «Вендскій», къ которому причислилъ Вендовъ (Хорутанскихъ Словенцевъ) и Виндовъ (Лужичанъ), и «Славонскій», къ которому причислилъ Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ, «Иллировъ» (Сербовъ), Хорватовъ. Катанчичъ напротивъ отдѣлилъ «Иллирскихъ» (всѣхъ Южныхъ) Славянъ— отъ «Сарматскихъ» (всѣхъ Сѣверныхъ), причисляя къ нимъ и Русскихъ. Антонъ принялъ четыре отдѣла: «Норійскій (Русскіе и Чехи), Сербскій (Поляки, Лужичане и Полабы), Иллирійскій (Сербы, Хорваты и пр.) и Виндскій (Хорутанскіе Словенцы)».

Такъ было до Добровскаго. До него никто не могъ похвалиться основательнымъ знаніемъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, а безъ основательнаго знанія всѣхъ нарѣчій и основательное дѣленіе могло быть придумано только случайно. Добровскій, желая основать свое дѣленіе на очевидныхъ отличіяхъ нарѣчій, выбралъ нѣсколько признаковъ и принялъ два отдѣла нарѣчій. Къ первому подвелъ онъ нарѣчіе Русское, Церковно-Славянское, «Иллирійское» (Сербское), Хорватское и Хорутано-Словенское, ко второму — Словацкое, Чешское, два Лужицкихъ и Польское. Основываясь на десяти выбранныхъ имъ признакахъ, онъ вывелъ, что въ первомъ отдѣлѣ нарѣчій слышно: «рАз: рАзумъ; ИЗ: ИЗдати; корабЛь; земЛя, поставЛен; са’ло, кры’ло, прави’ло, мо’литися; пеЩи, моЩи—печь, мочь; Звѣзда, Цвѣт, тъ, тОЙ; пЕпел; птИЦА, студЕНЕЦ; ДЕСНица»; между тѣмъ какъ во второмъ отдѣлѣ: «рОз: рОзум; ВЫ: ВЫдати; кораб’, зем’я, постав’ен; саДло, крыДло, правиДло, моДлимся; пеЦи, МоЦи; Гвѣзда, Квѣт; тЕН; пОпел, птАК, студНИЦА; ПРАВица».

Мнѣніе Добровскаго, какъ знаменитѣйшаго изъ Славянистовъ своего времени, не могло не быть принято многими, можно сказать всѣми: его принялъ и Аделунгъ въ своемъ «Митридатѣ»; принялъ и Шафарикъ въ своей «Исторіи языка и Литературы». Правда, Востоковъ и Копитаръ первые стали оспаривать вѣрность этого дѣленія, ссылаясь на нарѣчія Русскія и Словацкое; въ слѣдъ за ними нашлись въ Россіи и другіе; но это не перемѣнило взгляда. На другое дѣленіе не отважился никто, кромѣ М. А. Максимовича, который отдѣлился отъ всѣхъ другихъ оригинальнымъ дѣленіемъ на четыре разряда (1. Юговосточный: языкъ Южнорусскій; 2. Сѣверовосточный: языки Велико-

---

скаго, Синельникова, Забѣлы, Метлинскаго, Костомарова, Боровиковскаго, Шпигоцкаго, Вагилевича, Головацкаго, Шашкевича, Илькевича и даже тѣхъ, которые по-Малорусски не писали. Въ числѣ Хорутанскихъ Грамматикъ упомянуты: Метелка, Даиника, Ярника, а пропущены лучшія — Мурка и Копитара. О трудахъ Копитара можно бы было вспомнить и тамъ, гдѣ подлѣ имени Добровскаго забыто имя Востокова, и пр.

русскій и Бѣлорусскій; 3. Югозападный: языки Церковно-Славянскій, Болгарскій, Сербскій, Хорватскій, Хорутанскій; 4. Сѣверо-западный: языки Польскій, Лужицкій, Чешскій и Словацкій); хотя впрочемъ и онъ не объяснилъ, на чемъ основалъ свое дѣленіе.

Шафарикъ, не многимъ удалясь отъ Добровскаго и въ новомъ своемъ сочиненіи, выбралъ, впрочемъ, признаки нѣсколько иначе, именно—только четыре, по которымъ, какъ онъ замѣчаетъ, нарѣчія одного отдѣла отъ нарѣчій другаго отдѣла отличаются такъ:

I. Вставное Д передъ Л:

Отд. 1: сало, мыло, кадило, молитисја.
» 2: саДло, мыДло, кадиДло, моДлитисе.

II. Коренное Д и Т передъ Л и Н:

Отд. 1: пал, вел, крал, счел, цвѣл, вјану, свѣну.
» 2: паДл, веДл, краДл, счеТл, квѣТл, ваДну, свиТну.

III. Вставное Л послѣ М, Б, П, В:

Отд. 1: земЛја, капЛја, кровЛја, корабЛј, ловЛен.
» 2: земја, (нѣтъ примѣровъ) ловен.

IV. М и П:

Отд. 1: Мотрити = съМотрѣти.
» 2: Патрити: сПатрити.

Два изъ этихъ признаковъ (I и III) были уже приняты Добровскимъ: два новыхъ прибавлены самимъ Шафарикомъ, или, лучше сказать, только одинъ (II), потому что и послѣдній изъ этихъ четырехъ былъ уже замѣченъ Добровскимъ (Slowanka, I, стр. 34), хотя и не поставленъ имъ въ число главныхъ (можетъ быть впрочемъ только потому, что Добровскій забылъ припомнить общее употребленіе формы «патр» во всѣхъ Западныхъ нарѣчіяхъ Сѣверной отрасли, или формы «матр» во всѣхъ другихъ). Оставляя въ сторонѣ этотъ четвертый признакъ, позволяю себѣ сказать нѣсколько замѣчаній о трехъ первыхъ.

Хотя всѣ три отличаютъ другъ отъ друга большую часть нарѣчій; однакожь есть и исключенія, могущія заставить много сомнѣваться въ правильности выбора этихъ признаковъ, какъ общихъ, отличительныхъ. Такъ:

I. Хорутано-Словенскія нарѣчія отчислены Шафарикомъ къ «Юговосточной молви»; но въ нихъ вставное Д, рисующее нарѣчія Шафариковой «молви Западной», слышится не въ одномъ мѣстѣ. Такъ и мнѣ самому случилось замѣтить то же, что Ярникъ принялъ въ число признаковъ Зильскаго говора въ Каринтіи: «шиДло, криДло, мотовиДло, мочиДло, кропиДло, виДло, плачиДло, зијаДло, кресаДло, кобиДлица» и т. д. (Kolo, I, 1842, стр. 54). То же слышно и въ Верхне-Краинскомъ, гдѣ твердое *л* выговаривается, какъ и во многихъ другихъ народныхъ нарѣчіяхъ звукомъ полугласнаго *в:* «јеДво, саДво, мотовиДво», вмѣсто «јелло» и пр.—Съ другой стороны и въ нарѣчіяхъ «Западной молви» въ иныхъ мѣстахъ не выговаривается въ этихъ случаяхъ вставное Д. Такъ въ Словацкомъ, въ Липтовской столицѣ, слышалъ я: «мы'ло, са'ло, ви'лы», хотя впрочемъ и «мотовиДло». Въ Оравской же столицѣ хотя и говорятъ «јеДло, мыДло, сеДло», но съ тѣмъ вмѣстѣ и—«бјели'ло, мотови'ло».

II. Правило, основанное на второмъ признакѣ, Шафарикъ выражаетъ такъ: «Д и Т передъ *л* (l) и *н* въ «молви Юговосточной» выпадаютъ; а въ «молви Западной» остаются. Условій не означено никакихъ; между тѣмъ какъ онѣ были бы, казалось, необходимы, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ Хорутанскихъ нарѣчіяхъ, какъ замѣчено уже было Копитаромъ (Glagol. Cloz, стр. 41), слышите не «кра'ла, па'ла.

пре’ла», а напротивъ «краДла, паДла, преДла» или краДва, паДва, преДва; да и въ муж. родѣ «краДъв, паДъв, преДъв» = «краДъл, паДъл, преДъл». То же и съ Т: «цвеТла, цвеТов = цвеТва = цвеТъв». Или: «сеДло, сеДлати, меДлост, светТло, сТлати». То же съ Д и Т передъ Н: «чуДно, веДнем, меДник, љуДност, дуДнем; цвеТна, МуТни, моТни» и пр. Въ нарѣчіяхъ Сербскихъ замѣчаемъ то же: «сеДло, сеДлар, сеДлати; меТла, свиjеТли, пеТлов, върТлог; саДна, роДна, боДнути; меТнути, сиТни, пеТни» и пр. Уже изъ этихъ Хорутанскихъ и Сербскихъ примѣровъ можемъ догадаться, что и въ нарѣчіяхъ Русскихъ найдемъ то же: «сѣдло, сѣдлать; меТла, сТлать, уТлый, свѣТлый; стыДно, западный; меТну, туТну, всесвѣТный, цвѣТной» и пр. И напротивъ того въ нарѣчіяхъ, отчисленныхъ къ «молви Западной», кое-гдѣ Д и Т въ подобныхъ случаяхъ опускается: въ Лужицкомъ слышимъ «шов, шва = шел, шла,—панiѣ, попанiѣ»; въ Словацкомъ «зашjов = зашов = зашел,—зашла» и т. д. [1]).

III. Какъ несправедливо правило, извлекаемое изъ третьяго признака, въ отношеніи къ нарѣчіямъ Русскимъ, объ этомъ уже писано много, и нѣтъ нужды повторять это здѣсь. Оно несправедливымъ кажется и въ отношеніи другихъ нарѣчій, причисленныхъ къ «молви Юговосточной». Въ Новоболгарскомъ слышимъ: «земjа, сабjа, преломʼен, поставʼен», а не «земЛjа, сабЛjа, преломЛен, поставЛен». Точно то же въ нарѣчіи Сербскомъ приморскомъ: «земjа, уловjен», а не «земЛjа, уловЛjен». Въ Хорутанскихъ почти не менѣе, нежели въ этихъ: «поднебjе, жабjа, копjе, спопjе; пръправен, дивjати, древjе», и пр. Въ Польскомъ, Словацкомъ и другихъ слышимъ напротивъ: «шаблjа, кроплjа» и т. д.

Вообще, кажется, ни одинъ изъ этихъ трехъ признаковъ не можетъ быть принятъ отличительнымъ для обрисовки нарѣчій по дѣленію, принятому Шафарикомъ, если не обусловить ихъ многими и довольно сложными исключеніями. — Позволивъ же себѣ ставить въ число признаковъ такіе, которые бы не касались всѣхъ нарѣчій, отчисленныхъ къ одному отдѣлу, а только нѣкоторыхъ, можно ихъ набрать много, смотря потому, въ какой мѣрѣ будемъ себѣ позволять исключенія изъ правила. Выбирая напротивъ признаки строго, не теряя при выборѣ изъ виду ни одного нарѣчія, едва ли не должно будетъ кончить тѣмъ, чѣмъ началъ и кончилъ Шлецеръ, т. е. отдѣлить нарѣчія и не думать подводить ихъ по ихъ свойству подъ два или болѣе разрядовъ (Allgem. Nord. Gesch., стр. 322—331), и позволить себѣ дѣленіе только историко-географическое (напр., нарѣчія Восточныя—Русскія, нарѣчія Южныя — Задунайскія, нарѣчія Сѣверозападныя).

II.

Шлецеръ насчиталъ девять главныхъ нарѣчій: Русское, Польское, Чешское, Лужицкое, Полабское, Виндское (Хорутанское), Хорватское, Боснійское-Сербское, Болгарское. Словацкое соединено съ Чешскимъ, Церковно-Славянское пропущено. Добровскій насчиталъ десять: Русское, Церковно-Славянское, Иллирійское, Сербское, Хорватское, Словенское, Хорутанское, Словацкое, Чешское, два Лужицкихъ, Польское. Опущены Полабское и Болгарское.

Шафарикъ насчитываетъ четырнадцать нарѣчій и распредѣляетъ ихъ на семь «рѣчей»:

«1. Рѣчь Русская: нарѣчія Великорусское, Малорусское и Бѣлорусское.
«2. Рѣчь Болгарская: нарѣчія Церковно-Славянское и Новоболгарское.
«3. Рѣчь Иллирская: нарѣчія Сербское, Хорватское и Хорутанское.
«4. Рѣчь Лешская: нарѣчіе Польское.
«5. Рѣчь Чешская: нарѣчія Чешское и Словацкое.
«6. Рѣчь Лужицкая: нарѣчія Верхне-Лужицкое и Нижне-Лужицкое.
«7. Рѣчь Полабская: нарѣчіе Древанское.

---

[1]) Эти исключительные случаи сами по себѣ, впрочемъ, не имѣли бы важности, если бы и нарѣчія Южныя представляли только такіе же случаи.

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣленіи.

«Рѣчь Русская» раздѣлена на три нарѣчія: Великорусское, Бѣлорусское и Малорусское. Едва-ли это дѣленіе справедливо: Бѣлорусское нарѣчіе никакъ не можетъ быть названо такимъ же самостоятельнымъ нарѣчіемъ, какъ Великорусское, хотя и подвергнулось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и словахъ вліянію Польскаго и Малорусскаго; въ немъ нѣтъ ни одной особенности, которая бы не повторилась гдѣ-нибудь въ Великорусскомъ, а вокализмъ его совершенно тотъ самый, что въ Южномъ Великорусскомъ. Читатель, замѣчавшій выговоръ Вологодскій, Владимирскій, Рязанскій, Воронежскій, не говоря уже о другихъ, найдетъ этому подтвержденіе самъ себѣ, прочитавши въ книгѣ Шафарика § 9.

«Рѣчь Болгарская» составлена изъ двухъ нарѣчій: Церковно-Славянскаго и Ново-Болгарскаго. Ужели же въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ такъ много общаго, что ихъ легко соединить въ одно цѣлое? Кажется не много: по крайней мѣрѣ самъ Шафарикъ, нашедши въ Церковно-Славянскомъ одиннадцать отличительныхъ признаковъ, а въ Ново-Болгарскомъ—двадцать четыре, общихъ обоимъ нашелъ только четыре: *ш* передъ смягченнымъ т; *ж* передъ смягченнымъ *д*; родительный прилаг. ед. муж. на *аго*; *ми*, *ти*, *си* вмѣсто *мой*, *твой*, *свой*; если же вспомнимъ, что въ Болгарскомъ вмѣстѣ *шт* (щ) слышно *ш*, вмѣсто *жд*—*ж* (нош, мош, межа, дъж), что *аго* принадлежитъ и нѣкоторымъ Русскимъ нарѣчіямъ, точно также какъ въ Ново-Болгарскомъ остается, по выраженію самаго Шафарика, архаизмомъ, то останется только одинъ признакъ. Да если бы и оставить всѣ четыре признака, и допустить, что четырехъ-пяти подобныхъ достаточно для того, чтобы соединять различныя нарѣчія въ одну «рѣчь», то послѣ этого можно и Лужицкія нарѣчія соединить въ одну «рѣчь» съ Русскими (и въ тѣхъ и въ другихъ *ы* отличается отъ *и*, *л* твердый отъ *л* мягкаго. Ст.-Слав. ѫ и ѩ замѣняются первое буквою *у*, второе буквою *я*, всѣ согласныя смягчаются точно такъ же, и пр.), или Лужицкія съ Польскими, или Польскія съ Чешскими, и пр.

Три нарѣчія: Сербское, Хорватское и Хорутанское соединилъ Шафарикъ въ одну «рѣчь», давши ей названіе Иллирской. Это намъ кажется нѣсколько произвольнымъ. Нарѣчія Сербовъ и Хорватовъ дѣйствительно очень близки другъ къ другу и по сродству коренному, и по вліянію другъ на друга; но Хорутанское нарѣчіе — иное дѣло: оно для большой части Сербовъ и Хорватовъ то же самое, что для Русскихъ Польское. Не мѣсто разбирать здѣсь подробно разницу трехъ этихъ нарѣчій (это составитъ предметъ особенной статьи, которая будетъ въ послѣдствіи доставлена въ Ж. М. Н. П.); не мѣшаетъ впрочемъ вспомнить кое-что.

Хорутанскія нарѣчія, хотя и не всѣ въ одинаковой степени, отличаются отъ другихъ особеннымъ стремленіемъ поглощать гласныя буквы, давать имъ глухой звукъ, который хотя бы и составлялъ слогъ, не подходитъ ни къ одному изъ обыкновенныхъ гласныхъ звуковъ. Правда, что то же замѣчаемъ и въ Чешскомъ и въ Сербскомъ; но въ Чешскомъ это бываетъ только передъ буквами *р* и *л*, въ Сербскомъ только передъ *р*, а въ Хорутанскомъ передъ каждою согласною. Опять правда, что въ Русскихъ нарѣчіяхъ, равно какъ и въ Лужицкихъ, а частію и въ другихъ, иногда совершенно пропускаются *е* и *о* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ равносильны Ст. Слав. *ь* и *ъ*; но все же и этотъ пропускъ не даетъ еще особеннаго направленія нарѣчію, — не то что въ Хорутанскомъ, гдѣ глухой звукъ obtundit aures въ каждой фразѣ. Вотъ примѣръ:

„Пъс је въ јаслъх лежав, коње лајав, јим зобѐ казав, тър јим не пустив јестъ. Какó съ въндър невошлјив, му правъ едън змед нјих, де нам ше тъга не пръпустиш, кар ти јестъ ночеш ин не мореш».

Это самое по Сербски: «Пас је у јаслима лежао, на коње лајао, зубе јим показива; тер њима не дао јести. Але како си завидљив, говори му један између њих, да нама нити тога недоволиш јести, што ти јести нећеш и не можеш.»

Другое важное отличіе Хорутанскихъ нарѣчій есть развитіе среднихъ гласныхъ и двоегласныхъ звуковъ: между *а* и *е* есть въ нихъ средній звукъ ä (Франц. ai), между *о* и *у* звукъ средній ô (Франц. eau), между *е* и *и* есть средній звукъ ê, *е* и

ô—ŏ (Франц. eu), между *у* и *и*—ӱ (Франц. u) и потомъ есть *оа*, *оу*, *уо*, *уе*, *ие*, нам, дај, љјебезън, пôтј, гöзд, други, љупа, сôм, лепô, дроага, зоара, боуг, моуж, пуот, куос, пуеч, сируета, мнед, свиети). Хотя есть подобные звуки и въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ изобиліи.

Третье не менѣе важное отличіе есть отдѣленіе гласныхъ носовыхъ ж и ѧ отъ другихъ: ж выражается буквою *о* или другою, въ которую переходитъ эта буква, а ѧ—буквою *е* (они т*е* б*о*д*о* водили, тър не б*о*ш бл*о*див). Хотя въ Сербскомъ и Хорватскомъ ѧ также замѣняется буквою *е*, но то же слышимъ и въ Болгарскомъ и коегдѣ въ Русскихъ, между тѣмъ какъ ж замѣнилось во всѣхъ ихъ, кромѣ Болгарскаго, буквою *у*.

Чтобы что-нибудь замѣтить и изъ грамматическихъ формъ, довольно вспомнить объ употребленіи двойственнаго числа, столь же полномъ какъ въ нарѣчіи Старо-Славянскомъ и Лужицкомъ (Најна старши ста вају просила, де нај приједета к њима). Объ этомъ столь важномъ характеристическомъ признакѣ нѣтъ и помину въ Хорватскомъ, Сербскомъ, развѣ на столько, на сколько въ Русскомъ.

И мнѣ кажется, если бы только этимъ и отличались Хорутанскія нарѣчія отъ Хорватскихъ и Сербскихъ, то и того было бы достаточно, чтобы ихъ не смѣшать вмѣстѣ; а между тѣмъ число отличительныхъ признаковъ можно удвоить, если не утроить.

Нарѣчія Словацкія, причисленныя Шафарикомъ къ «рѣчи Чешской», дѣйствительно имѣютъ много сходства съ нарѣчіями Чешскими, но не вездѣ одинаковыя, и между тѣмъ всюду одинаково сохраняютъ свой собственный характеръ. Вотъ почему самъ Шафарикъ, вычисляя одиннадцать признаковъ «рѣчи Чешской», въ трехъ изъ нихъ самъ показалъ различіе между выговоромъ Чешскимъ и Словацкимъ, а объ четырехъ или пяти забылъ сказать, такъ что если бы все было разсмотрѣно подробно, то общихъ признаковъ не осталось бы изъ одиннадцати и четырехъ. Впрочемъ, объ этомъ буду еще имѣть случай говорить подробно.

Нарѣчія Лужицкія, Верхнее и Нижнее, хотя и отличаются одно отъ другаго выговоромъ, особенно нѣкоторыхъ согласныхъ, но не болѣе, какъ Словацкія Сѣверозападное, Южное и Восточное, или какъ Польское и Кашебское; такъ что ихъ скорѣе можно бы считать „поднарѣчіями", какъ выражается Шафарикъ. При томъ же, замѣтивъ нарѣчія Верхнее и Нижнее, слѣдовало бы замѣтить и Среднее, хотя и пропадающее постепенно, но еще не совсѣмъ пропавшее въ народѣ и сохраняющееся для потомства въ нѣсколькихъ отрывкахъ, когда-то записанныхъ. Вотъ какъ относятся другъ къ другу эти три мѣстныя Лужицкія нарѣчія, сколько это мнѣ удалось до сихъ поръ замѣтить:

— a) Вмѣсто В. Луж. ие двугласнаго, С. Луж. имѣетъ *е*, смягчающее предъидущую согласную, вездѣ гдѣ оно равносильно Ст. Слав. ѣ или ие, а во всѣхъ другихъ случаяхъ *а*, смягчающее предъидущую согласную. Такъ: В. Луж. риеч, миесачк, спаћие, пиећ=Н. Луж. рјич, мјасац, спашјо, приш=С. Луж. цјеч, мјесец, спаөје, цјаөј.—b) Гдѣ въ В. Луж. *а*, а въ Н. Луж. *о* или *е*, тамъ въ С. Луж. *у* или *а*; а гдѣ въ В. Луж. *е*, а въ Н. Луж. *а*, тамъ въ С. Луж. *е* или *а*. Такъ: въ В. Луж. падаја, смиерђа, мјед, мјесо,=Н. Луж. падајо, смјержје, мјод, мјасо=С. Луж. падају, смјеђја, мјед, мјасо.—c) Относительно буквъ призвучныхъ три нарѣчія различаются такъ: В. Луж. јутсы, вовес, г'инак,=Н. Луж. витсе, г'овес, винацеј,=С. Луж. јутром, овес, јинак.—d) Полугласное *в*, замѣняющее въ В. Луж. твердое *л*, въ С. Луж. выговаривается почти какъ Русское твердое *л* (звукомъ среднимъ между *л* и *в*), между тѣмъ какъ въ Н. Луж. остается среднее *л*; а старое *р*, измѣнившееся въ В. Луж. и Н. Луж. во многихъ случаяхъ въ *ш* и *с*. въ С. Луж. довольно часто остается *р*; кромѣ того *стр* остается въ С. Луж. тамъ, гдѣ въ В. Луж. и Н. Луж. слышно *тр*, *тш*, и *тс*. Такъ: В. Луж. вацны, тшас, тшом, труна,=Н. Луж. л'ацны, тсас, тсом, тсуна,=С. Луж. лацны, трјас, штром, струна. — e) Въ С. Луж. и В. Луж. остается

ч тамъ, гдѣ въ Н. Луж. оно измѣнилось въ ц: В. Луж. тучны=Н. Луж. туцны,=С. Луж. тучны.—f) Вмѣсто В. Луж. ђ и ћ и Н. Луж. жj и щj. въ С. Луж. употребляются д' (Англ. dh) и ѳ (Англ. th): В. Луж. ђовка, дајће=Н. Луж. жјовка, дајmjo,=С. Луж. д'јевка, дајѳје.—g) Н. Луж. *х*, перемѣнившееся въ В. Луж. въ началѣ словъ въ *к'* (какъ бы Лат. kh), остается и въ С. Луж. *х*; равно г', и *г* не измѣняется въ г' (h): В. Луж. к'љеб. г'вод,=Н. Луж. хлjеб, гл'од,=С. Луж. хлjеб, глод. Правда, что В. Лужичане не совсѣмъ понятны Н. Лужичанамъ; но такъ и Зиляне въ Каринтіи не совсѣмъ понятны другимъ Хорутанамъ, да и Словака Мало-Гонтца не съ разу пойметъ Спишакъ.

Принявши въ разсчетъ всѣ эти замѣчанія, я позволяю себѣ вмѣсто дѣленія, предложеннаго Шафарикомъ, предложить такое: всѣхъ главныхъ нарѣчій Славянскихъ я считаю 12, изъ которыхъ два—мертвыя, а десять живыхъ соединены могутъ быть въ восемь отдѣловъ.

I. Восточныя нарѣчія: одинъ отдѣлъ:

1. Великорусское.
2. Малорусское.

II. Югозападныя: четыре отдѣла:

a) Старо-Славянское Церковное †.
b) Болгарское.
c) 1. Сербское.
   2. Хорватское.
d) Хорутанское.

III. Сѣверозападныя: пять отдѣловъ:

a) Польское.
b) Полабское †.
c) Лужицкое.
d) Чешское.
e) Словацкое.

Все это подробнѣе будетъ доказано въ свое время. Теперь же перейдемъ къ замѣткамъ географическимъ.

III.

Выше я уже замѣтилъ, что самая лучшая часть книги Шафарика есть географическая, именно обозначеніе границъ земель Славянскихъ. Тѣмъ болѣе должно удивляться этому труду, что до сихъ поръ не только не было обращено на это должное вниманіе ни въ какихъ книгахъ, развѣ мелькомъ, но что собраніе и повѣрка свѣдѣній представляли Шафарику трудности, казалось бы, непреодолимыя. Между тѣмъ, не смотря на всю легкость ошибиться, Шафарикъ избѣжалъ большей части ошибокъ, а если впалъ въ нѣкоторыя, то болѣе потому, что не получилъ вѣрныхъ свѣдѣній о нарѣчіяхъ и долженъ былъ поневолѣ позволить себѣ предположенія. Предполагая тутъ отмѣтить важнѣйшія изъ ошибокъ Шафарика, я позволяю себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и обозначить общими чертами границы каждой Славянской земли, чтобы тѣмъ облегчить тѣхъ, которые не имѣютъ охоты или возможности слѣдить границы такъ подробно, какъ онѣ обозначены у Шафарика. Опускаю границы Русскихъ земель, какъ болѣе извѣстныя.

Болгарскія земли, примыкая съ Востока къ Черному морю, съ Сѣвера омываются Дунаемъ, который отдѣляетъ Болгаръ отъ Волоховъ; съ Запада простираются до земель Сербскихъ, отдѣляясь отъ нихъ Тимокомъ, Болгарскою Моравой и Шарскими горами, и до земли Албанской, т. е. до горъ между бассейнами Дрима и другихъ рѣкъ

Адріатическаго моря и бассейномъ Вардара, впадающаго въ Архипелагъ; на Югъ примыкаютъ къ землѣ Греческой по чертѣ отъ Костури черезъ Солунь (Өессалоника) и Дринополь (Адріанополь) къ Актеополю, только у Солуня достигая берега Архипелага. Вся эта земля принадлежитъ къ владѣніямъ Турецкаго Султана и управляется двѣнадцатью Пашами, которые живутъ (въ соб. Болгаріи) въ Силистрѣ, Русчукѣ, Виддинѣ (въ Мизіи), въ Софіи, Нишѣ (Nissa), Лесковцѣ, Врани (въ Македоніи), въ Толи—Монастырѣ, Скопьи (Ускубѣ), Солуни, Серѣ (Seres), (во Өракіи), въ Дринополѣ. Жителей, кромѣ Турокъ, Грековъ и пр., которые живутъ большею частію въ городахъ и около нихъ, А. Буе считаетъ до 4.500,000, а Шафарикъ, полагая это число преувеличеннымъ, уменьшаетъ до 3.500,000. Кромѣ того Болгары живутъ въ небольшомъ числѣ въ двухъ областяхъ Турецкихъ (въ Албаніи, у Царяграда, въ Малой Азіи), въ Валахіи, Сербіи, Греціи, Венгріи и Россіи (особенно въ Бессарабіи по лѣвую сторону Дуная на Югъ отъ Кагальника, и на Востокъ отъ Прута): всего около 100,000, или, какъ полагаетъ Шафарикъ, около 87,000.

2. *Земли Сербскія*, на Востокѣ примыкая къ землѣ Волошской по чертѣ отъ Арада и Темешвара къ Бѣлой Церкви (Weisskirchen) и Дунаю у того мѣста, гдѣ съ Юга впадаетъ въ него рѣчка Пекъ, а потомъ Дунаемъ до Тимока, отдѣляются отъ Болгарскихъ земель вышеозначенной границею, и отъ земли Албанской—рѣчкою Бѣлымъ Дримомъ, горами, изъ которыхъ она вытекаетъ, озеромъ Скадрскимъ (lago di Scutari) и р. Бояной; на Юго-Западѣ омывается Адріатическимъ моремъ и доходитъ (?) до Сени; на Сѣверо-Западѣ отдѣляются отъ земель Хорватскихъ по излучистой чертѣ отъ Сени къ Карловцу и р. Колпѣ-Купѣ, потомъ по этой рѣкѣ и р. Лони, далѣе къ Бѣловару и за Драву; на Сѣверѣ примыкаютъ къ землѣ Мадьярской по чертѣ отъ вел. Сигета къ Печугу (Fünfkirchen), Мугачу (Mohatsch) и р. Тисѣ, а далѣе р. Марошью до Арада. Часть этихъ земель принадлежитъ къ владѣніямъ Турецкаго Султана, часть къ владѣніямъ Австрійскаго Императора, а часть пользуется нѣкоторою независимостью подъ вліяніемъ и покровительствомъ другихъ властей. Часть, принадлежащая Турецкому Султану, управляется Пашами, живущими (въ Мизіи) въ Приштинѣ (въ Албаніи), въ Ипекѣ, Призренѣ и Скадрѣ (Scutari), (въ Герцеговинѣ) въ Мостарѣ, и Визиремъ Боснійскимъ, живущимъ (въ Боснѣ) въ Травникѣ и начальствующимъ надъ Пашами (въ Боснѣ) Новобазарскимъ и Зворницкимъ: границы между Турціей и Австрійскими владѣніями извѣстны. Княжество Сербія граничитъ съ Сѣвера Дунаемъ и Савой, съ Запада Дриной до Вышеграда, съ Юга, горами идущими между Вышеградомъ, Новымъ Базаромъ и Нишемъ, а съ Востока Тимокомъ. Черногорье, простирается отъ горъ Кома на Югъ съ Востока къ Спужу, озеру Скадрскому и до приморскихъ горъ у Ластвы, а съ Запада къ полю Грахову и горамъ, возвышающимся надъ Которомъ (Cattaro), такъ что берегъ моря между Которомъ и Ластвой не принадлежитъ Черногорью. Все остальное пространство, на Югъ отъ Черногорья, Герцеговины и Босны, на Западъ отъ Босны, на Сѣверъ отъ Босны и Сербіи, до Савы и Дуная, принадлежитъ къ владѣніямъ Австрійскаго Императора, составляя Королевство Далмацію, военную границу Хорвато-Славонскую, Королевство Славонію и Южныя края Королевства Венгерскаго (столицы Баранянскую, Бачскую, Торонтальскую, Темешварскую) и военную границу Банатскую (частью). Тутъ надобно замѣтить ошибку Шафарика: напрасно онъ причисляетъ Истріянъ, Венгерскихъ поморянъ, Сѣверныхъ островитянъ Адріатическихъ, равно какъ и Бѣлыхъ Краинцевъ, Чакавцевъ къ Сербамъ. Все это Хорваты, что отчасти и самимъ имъ было уже замѣчено въ «Слав. Древностяхъ» (стр. 694—665): вотъ почему и границу Западную земель Сербскихъ я обозначилъ (едва ли впрочемъ совсѣмъ правильно) иначе, нежели какъ стоитъ у Шафарика. Счетъ жителей долженъ тоже измѣниться: въ части Турецкой Шафарикъ считаетъ 1.550,000 Сербовъ, въ Сербіи 950,000, въ Черногорьи 100,000 (по моему 90,000). въ Австрійскихъ владѣніяхъ (вычитая 294,000 Хорватовъ) 2,400,000, Итого 5.000.000. Въ этомъ числѣ находятся и тѣ немногія тысячи Сербовъ, которые живутъ въ Венгріи, на Сѣверъ отъ означенной границы, въ Хорватскомъ Королевствѣ, въ Турціи. Въ Россіи же (въ Ново-Сербіи) по Шафарику 100,000 (кажется менѣе).

3. Земли *Хорватскія*, находясь во владѣніяхъ Австрійскаго Императора, отдѣляются на Востокъ отъ земель Сербскихъ по вышеозначенной границѣ, за которою остаются Сѣверные острова Адріатическіе, т. е. Кварнерскій Архипелагъ съ половиною острова Пага и другими малыми; на Западъ идутъ до границъ земель Хорутанскихъ, по чертѣ горъ Чичскихъ къ р. Колпѣ-Купѣ, и далѣе по границѣ Краины и Штиріи до р. Мура, и за нее. Такимъ образомъ онѣ занимаютъ Королевства Кроацію, Западную часть Хорватской границы, Венгерское поморье (Litorale) и Истрію, и кромѣ того кое-какіе части Венгріи (въ столицахъ Саладской, Шомодской, Желѣзной (Eisenburger), Шопронской (Oedenburger) и пр., на границѣ Штиріи и Австріи. Всего по счету Шафарика Хорватовъ 801.000, а прибавя вычтенныхъ изъ числа Сербовъ 294,000, выйдетъ около 1.100,000 (1.095,000). Между Хорватами, какъ и между Австрійскими Сербами, живутъ Нѣмцы, Италіянцы, Венгры, но они не включены въ это число, да и количество ихъ незначительно.

4. *Хорутанскія* земли простираются на Западъ отъ земель Хорватскихъ, по Краинѣ, Горицкой Землѣ (Görz, Gorizia), Восточному краю Фріуля, т. е. на Востокъ отъ рѣки Тая (Tajo, Tajamento) и Бѣлой (Fela), Южной Каринтіи за р. Зилю и Драву, по чертѣ отъ Бѣляка къ Радгони, и за Муромъ въ Венгріи на границѣ Штиріи (въ столицахъ Желѣзной, Саладской и пр.). Жителей, кромѣ Нѣмцевъ, Италіянцевъ и пр., по счету Шафарика, около 1.150,000 (1.151,000).

Такимъ образомъ земли Славянъ Юго-Западныхъ, Задунайскихъ, примыкая къ морямъ Адріатическому и Черному, съ Юга граничатъ съ землями Албанцевъ и Грековъ, а съ Сѣвера съ землями Италіянцевъ, Нѣмцевъ, Мадьяровъ и Волоховъ. Славянскаго народонаселенія въ нихъ, по счету Шафарика, округленнымъ числомъ около 11.000,000. На Сѣверъ, за Нѣмцами Австрійскими, Мадьярами и Волохами, живутъ опять Славяне, простираясь на Югъ до Южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ и до Шумавы (Böhmer Wald), на Западъ до Рудныхъ горъ и Исполиновыхъ, по верхней Одрѣ, верхней Вартѣ и до Балтійскаго моря за Гданскъ (Danzig), граница съ одной стороны съ Нѣмцами, съ другой съ Литовцами и ничѣмъ не отдѣляясь отъ Славянъ Русскихъ. Тамъ ихъ по счету Шафарика болѣе 16.500,000. Такъ:

5. *Словацкія* земли, находясь во владѣніяхъ Австрійскаго Императора, простираются по при-Карпатской части Венгріи и Моравіи. Дунай и Иполь были бы Южной границей ихъ, если бы и по лѣвую сторону Дуная (въ столицахъ Прешпурской, Комарнской и Гонтанской) не было Мадьяровъ, такъ что и острова Чалкёзъ и понизовья Грона (Gran) исключительно заселены ими. На западѣ за Прешпуркомъ граница идетъ по р. Моравѣ до границы Моравской, отдѣляющей Словаковъ отъ Нѣмцевъ, и далѣе по лѣвой сторонѣ Моравы къ Градищу и Австрійской Силезіи, гдѣ Словаки граничатъ съ Моравскими Чехами. На Сѣверѣ Татры (Западные Карпаты) отдѣляютъ Венгрію отъ Галиціи и Словаковъ отъ Поляковъ. На Востокѣ доходитъ до р. Лаборцы (Laboriza) и верховій Ондавы, оставляя впрочемъ верховья обѣихъ рѣкъ за Малоруссами, съ которыми тутъ Словаки граничатъ (такъ что въ столицѣ Унгварской Словаковъ очень мало, равно какъ и въ столицѣ Землинской (Zempliner) мало Малоруссовъ. На этомъ пространствѣ (занимающемъ столицы Нитранскую, Тренчинскую, Турчанскую (Toroczer), Оравскую (Arvaer), Липтовскую, Зволенскую (Sohler), Спишскую (Zipser), Шаришскую, и части Землинской, Гомёрской, Гонтанской, Гевешской, Прешпурской и др.), исключая Нѣмцевъ, населившихъ пространство на Югъ отъ собств. Татръ около Кежмарка, Левочи (Leutschau) и Смольника (Schmölnitz) къ Кошицамъ (Kaschau), и въ другихъ мѣстахъ колоніями, живутъ Словаки. Кромѣ того они живутъ и на Югъ отъ означенной границы къ Пешти и еще далѣе, окруженные Мадьярами. Не совсѣмъ такъ означены границы Словацкихъ земель у Шафарика,—именно: онъ исключилъ Восточный край Моравіи (часть Градищскаго и Преровскаго уѣздовъ) на Западѣ, гдѣ живутъ Словаки и Валахи, такіе же какъ и далѣе на Востокъ, а на Востокѣ выключилъ изъ числа Словаковъ—Уніятовъ Пряшовской (Eperieser) Епархіи (въ столицахъ Спишской, Шаришской и Землинской), между тѣмъ какъ они почти всѣ только по Вѣрѣ называются Русинами, а по нарѣчію принадлежатъ къ Словакамъ. Число Словаковъ

считаетъ Шафарикъ 2.753,000; прибавивъ къ этому 47,000 Моравскихъ и около 200,000 Словаковъ Уніятовъ, выйдетъ общимъ числомъ 3.000,000. Изъ этого числа въ вышеозначенныхъ границахъ можно считать, кажется, около 2.700,000.

6. *Чешскія* земли, простираются на Западъ отъ Словацкихъ, окруженные съ другихъ сторонъ землями Нѣмецкими и только угломъ примыкая къ Польскимъ, онѣ заключаютъ въ себѣ: 1) Моравію, исключая Восточный край, занятый Словаками, а выше (въ уѣздѣ Тѣшинскомъ Австр. Силезіи) Поляками, также Сѣверный край (въ уѣздахъ Опавскомъ и Оломуцкомъ однако жь не сполна) и Южный (въ уѣздѣ Знаимскомъ), занятые Нѣмцами (которые впрочемъ расселились и въ другихъ мѣстахъ Моравіи); 2) Богемію-Чехію, исключая на Сѣверѣ погорье Исполиновыхъ горъ (части уѣздовъ Кралевоградецкаго (Königgratzer), Быджовскаго (Bidschower), Болеславскаго (Bunzlauer) и Лютомирицкаго (Leitmeritzer, почти всего) и погорье Рудныхъ горъ (всего Жатецкаго (Saatzer) и Локотскаго (Ellbogner) уѣзд.), а на Западѣ и Югѣ погорье Шумавы (въ уѣзд. Пълзенскомъ (Pilsener), Клатовскомъ, Прахинскомъ и Будѣёвицкомъ (Budweiser), гдѣ также расселились Нѣмцы. Только очень небольшой уголъ Силезіи Прусской, принадлежащей къ владѣніямъ Прусскаго Короля, у границъ Австр. Силезіи, долженъ быть отчисленъ сюда же. Въ другихъ мѣстахъ (въ Австріи и Пруссіи) Чехи живутъ колоніями въ небольшомъ количествѣ. Въ вышеозначенныхъ границахъ жителей, за исключеніемъ Нѣмцевъ, считаетъ Шафарикъ 4.370,000, принадлежащихъ Австр. Коронѣ, и 44,000 Коронѣ Прусской, итого около 4.400,000 (4.810,000).

7. *Лужицкія* земли находятся во владѣніяхъ Королей Прусскаго (Сѣверная часть: въ Бранденбургѣ и Силезіи) и Саксонскаго (Южная часть: въ Восточной Саксоніи), и окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами. На Сѣверѣ Лужицы (Lausitz) Славянскія начинаются у Шпревскихъ болотъ (Spreewald) южнѣе Франкфурта на Одерѣ; на Западѣ не доходятъ до р. Ольстры и Дрездена, на Югѣ не доходятъ до Исполиновыхъ горъ и Житавы (Zittau); на Западѣ простираются до р. Нисы, не доходя впрочемъ Згорѣльца (Görlitz) и Прибуса. Жителей Славянъ считаетъ Шафарикъ менѣе 150,000 (142,000).

8. Земли *Польскія*—которыхъ главнѣйшая часть составляетъ Царство Польское, а остальное находится во владѣніяхъ Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго, и въ области Краковской, находящейся подъ покровительствомъ трехъ Государей — простираются на Сѣверъ отъ земель Словацкихъ и Чешскихъ. Изъ Австрійскихъ владѣній сюда принадлежатъ Восточная Галиція, и Восточная часть Австр. Силезіи (Тѣшинскій уѣздъ); изъ Прусскихъ—Юговосточный уголъ Прусской Силезіи до р. Нисы и Стобравы, и потомъ Познанское Герцогство, большая часть собственно Пруссіи, гдѣ Западная граница Польскихъ земель идетъ по чертѣ возвышенностей, отдѣляющихъ бассейнъ Вислы отъ бассейна Слупы (Stolpe) и доходитъ подъ 35° до берега Балтійскаго моря, которымъ и идетъ далѣе до Гданска и Вислы. Далѣе Восточный, даже частію и Западный берегъ Вислы до Торна и поморье за Королевецъ (Кенигсбергъ) на Югъ къ болотамъ, изъ которыхъ выходятъ рѣчки, текущія тамъ въ море, заняты Нѣмцами. За ними, по чертѣ отъ Королевца до Гродна на Сѣверъ, простираются Литовцы. Остальная Южная часть Пруссіи занята Поляками. Въ Царствѣ Польскомъ живутъ Поляки, исключая губернію Августовскую на Сѣверѣ, гдѣ земля занята Литовцами, и губерніи Подлясскую и Любельскую, занятыя Малоруссами. На Востокѣ Поляки живутъ до черты, идущей отъ Гродна къ Бѣлостоку, Бѣльску, р. Бугу, на Западъ отъ Немирова, р. Вепрю, Сану, Ярославлю Галицкому, Саноку и до горъ Карпатскихъ. Поляки расселились и внѣ этихъ границъ какъ между Нѣмцами, такъ еще болѣе между Литовцами и Русскими, и особенно въ Восточной Галиціи и Западныхъ губерніяхъ Россіи. По мнѣнію Шафарика, Поляковъ—9.365,000; но это число весьма преувеличено. Если и оставить во владѣніяхъ Австрійскихъ 2.340,000 (2.341,000) и въ Прусскихъ 1.980,000 (1.982,000), то все-же нельзя считать въ Западныхъ Русскихъ губерніяхъ 1.184,000 и едва-ли даже 800,000, тѣмъ болѣе, что никакъ нельзя называть Поляками тѣхъ, кои приняли Польскій языкъ и Римскокатолическую вѣру, но коихъ предки жили тутъ же, говоря языкомъ Русскимъ и исповѣдуя вѣру Православную. Прибавивши къ этому 3.730,000

въ Царствѣ Польскомъ, и 130,000 въ Краковской Области, выйдетъ всего менѣе 9.000,000 (8.980,000), изъ которыхъ въ вышеозначенныхъ границахъ можно положить около 8.000,000.

На Востокъ отъ земель Польскихъ и Словацкихъ простираются земли народа Русскаго, котораго число Шафарикъ считаетъ болѣе 51.000,000 (51.184,000), между тѣмъ какъ всѣхъ другихъ Славянъ не насчитываетъ и 28.000,000. Всего же около 80.000,000.

80.000,000, и жизни исторической болѣе 1,000 лѣтъ—предметъ богатый для изслѣдованій. Счастливъ, кто, подобно Шафарику, умѣлъ понять его, и, проникнутый любовію къ нему, могъ себя посвятить ему.

Адъюнктъ-Профессоръ Харьк. Унив. *И. Срезневскій.*

К. А. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія Часть пьрва.

Простонародна болгарска поезия или български народни пѣсни. Отд. I и II, кн. I. София, 1891.

Нельзя не радоваться, что наступившее въ послѣднія десятилѣтія оживленіе научныхъ интересовъ въ Болгаріи, направленное главнымъ образомъ на область отечествовѣдѣнія и этнографіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ каждымъ годомъ приноситъ новые болѣе или менѣе крупные плоды несомнѣнной научной цѣнности и значенія.

Въ этой обширной области первое мѣсто занимаетъ собираніе памятниковъ народнаго творчества, это важнѣйшее и неотложное дѣло, правда нелёгкое, но зато въ научномъ отношеніи благодарное и высокопочтенное. Просвѣщенные болгарскіе патріоты понимаютъ его важность, и не смотря на всѣ трудности и главное—скудость матеріальныхъ средствъ—съ истиннымъ самоотверженіемъ работаютъ надъ этимъ дѣломъ, къ сожалѣнію очень часто лишь съ большими жертвами и рискомъ или съ посторонней матеріальной помощью имъ удастся обогащать науку своевременнымъ обнародованьемъ результатовъ своихъ трудовъ.

Однимъ изъ такихъ почтенныхъ тружениковъ, едва-ли не лучше всѣхъ подготовленныхъ къ дѣлу, въ рукахъ котораго имѣется богатѣйшій матеріалъ, предположенный къ изданію, является авторъ вышеназванной книжки—К. А. Шапкаревъ.

Уроженецъ Македоніи, до послѣдней турецкой войны служившій на педагогическомъ поприщѣ, г. Шапкаревъ съ тѣхъ поръ, принужденный оставить родину по политическимъ обстоятельствамъ, продолжаетъ учительствовать въ Болгаріи (нынѣ въ Орканне) и пользуется репутаціей выдающагося болгарскаго школьнаго дѣятеля. Научная же его дѣятельность по собиранію памятниковъ народнаго творчества почти всецѣло посвящена его родинѣ, Македоніи. Съ раннихъ лѣтъ живя среди народа и получивъ склонность къ изученію живой народной старины, онъ уже около 40 лѣтъ занятъ собираніемъ ея словесныхъ памятниковъ, ибо начало его еще до 1855 года. Понятно, что за это время ему не только удалось собрать огромный матеріалъ, но онъ успѣлъ также пріобрѣсти въ этомъ дѣлѣ большую опытность, свѣдѣнія и чутье.

Г. Шапкаревъ уже заявилъ себя въ 80-хъ годахъ нѣсколькими работами по этнографіи Македоніи, обратившими на себя вниманіе спеціалистовъ. Это «матеріалы» для жизнеописанія извѣстныхъ македонскихъ патріотовъ братьевъ Миладиновыхъ, съ семействомъ которыхъ г. Ш. былъ хорошо знакомъ, затѣмъ «Руссалии, древенъ и твердѣ интересенъ българский обичай» изъ южной Македоніи (изд. тоже въ Пловдивѣ, 1884), работа, которой воспользовался нашъ уважаемый ученый А. Н. Веселовскій въ своей статьѣ «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи» (Журн. М. Н. Пр.

считаетъ Шафарикъ 2.753,000; прибавивъ къ этому 47,000 Моравскихъ и около 200,000 Словаковъ Уніятовъ, выйдетъ общимъ числомъ 3.000,000. Изъ этого числа въ вышеозначенныхъ границахъ можно считать, кажется, около 2.700,000.

6. *Чешскія* земли, простираются на Западъ отъ Словацкихъ, окруженные съ другихъ сторонъ землями Нѣмецкими и только угломъ примыкая къ Польскимъ, онѣ заключаютъ въ себѣ: 1) Моравію, исключая Восточный край, занятый Словаками, а выше (въ уѣздѣ Тѣшинскомъ Австр. Силезіи) Поляками, также Сѣверный край (въ уѣздахъ Опавскомъ и Оломуцкомъ однако жь не сполна) и Южный (въ уѣздѣ Знаимскомъ), занятые Нѣмцами (которые впрочемъ разселились и въ другихъ мѣстахъ Моравіи); 2) Богемію-Чехію, исключая на Сѣверѣ погорье Исполиновыхъ горъ (части уѣздовъ Кралевоградецкаго (Königgratzer), Быджовскаго (Bidschower), Болеславскаго (Bunzlauer) и Лютомирицкаго (Leitmeritzer, почти всего) и погорье Рудныхъ горъ (всего Жатецкаго (Saatzer) и Локотскаго (Ellbogner) уѣзд.), а на Западѣ и Югѣ погорье Шумавы (въ уѣзд. Пьзенскомъ (Pilsener), Клатовскомъ, Прахинскомъ и Будѣёвицкомъ (Budweiser), гдѣ также разселились Нѣмцы. Только очень небольшой уголъ Силезіи Прусской, принадлежащей къ владѣніямъ Прусскаго Короля, у границъ Австр. Силезіи, долженъ быть отчисленъ сюда же. Въ другихъ мѣстахъ (въ Австріи и Пруссіи) Чехи живутъ колоніями въ небольшомъ количествѣ. Въ вышеозначенныхъ границахъ жителей, за исключеніемъ Нѣмцевъ, считаетъ Шафарикъ 4.370,000, принадлежащихъ Австр. Коронѣ, и 44,000 Коронѣ Прусской, итого около 4.400,000 (4.810,000).

7. *Лужицкія* земли находятся во владѣніяхъ Королей Прусскаго (Сѣверная часть: въ Бранденбургѣ и Силезіи) и Саксонскаго (Южная часть: въ Восточной Саксоніи), и окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами. На Сѣверѣ Лужицы (Lausitz) Славянскія начинаются у Шпревскихъ болотъ (Spreewald) южнѣе Франкфурта на Одерѣ; на Западѣ не доходятъ до р. Ольстры и Дрездена, на Югѣ не доходятъ до Исполиновыхъ горъ и Житавы (Zittau); на Западѣ простираются до р. Нисы, не доходя впрочемъ Згорѣльца (Görlitz) и Прибуса. Жителей Славянъ считаетъ Шафарикъ менѣе 150,000 (142,000).

8. Земли *Польскія*—которыхъ главнѣйшая часть составляетъ Царство Польское, а остальное находится во владѣніяхъ Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго, и въ области Краковской, находящейся подъ покровительствомъ трехъ Государей — простираются на Сѣверъ отъ земель Словацкихъ и Чешскихъ. Изъ Австрійскихъ владѣній сюда принадлежатъ Восточная Галиція, и Восточная часть Австр. Силезіи (Тѣшинскій уѣздъ); изъ Прусскихъ—Юговосточный уголъ Прусской Силезіи до р. Нисы и Стобравы, и потомъ Познанское Герцогство, большая часть собственно Пруссіи, гдѣ Западная граница Польскихъ земель идетъ по чертѣ возвышенностей, отдѣляющихъ бассейнъ Вислы отъ бассейна Слупы (Stolpe) и доходитъ подъ 35° до берега Балтійскаго моря, которымъ и идетъ далѣе до Гданска и Вислы. Далѣе Восточный, даже частію и Западный берегъ Вислы до Торна и поморье за Королевецъ (Кенигсбергъ) на Югъ къ болотамъ, изъ которыхъ выходятъ рѣчки, текущія тамъ въ море, заняты Нѣмцами. За ними, по чертѣ отъ Королевца до Гродна на Сѣверъ, простираются Литовцы. Остальная Южная часть Пруссіи занята Поляками. Въ Царствѣ Польскомъ живутъ Поляки, исключая губернію Августовскую на Сѣверѣ, гдѣ земля занята Литовцами, и губерніи Подлясскую и Любельскую, занятыя Малоруссами. На Востокѣ Поляки живутъ до черты, идущей отъ Гродна къ Бѣлостоку, Бѣльску, р. Бугу, на Западъ отъ Немирова, р. Веприю, Сану, Ярославлю Галицкому, Саноку и до горъ Карпатскихъ. Поляки разселились и внѣ этихъ границъ какъ между Нѣмцами, такъ еще болѣе между Литовцами и Русскими, и особенно въ Восточной Галиціи и Западныхъ губерніяхъ Россіи. По мнѣнію Шафарика, Поляковъ—9.365,000; но это число весьма преувеличено. Если и оставить во владѣніяхъ Австрійскихъ 2.340,000 (2.341,000) и въ Прусскихъ 1.980,000 (1.982,000), то все-же нельзя считать въ Западныхъ Русскихъ губерніяхъ 1.184,000 и едва-ли даже 800,000, тѣмъ болѣе, что никакъ нельзя называть Поляками тѣхъ, кои приняли Польскій языкъ и Римскокатолическую вѣру, но коихъ предки жили тутъ же, говоря языкомъ Русскимъ и исповѣдуя вѣру Православную. Прибавивши къ этому 3.730,000

въ Царствѣ Польскомъ, и 130,000 въ Краковской Области, выйдетъ всего менѣе 9.000,000 (8.980,000), изъ которыхъ въ вышеозначенныхъ границахъ можно положить около 8.000,000.

На Востокъ отъ земель Польскихъ и Словацкихъ простираются земли народа Русскаго, котораго число Шафарикъ считаетъ болѣе 51.000,000 (51.184,000), между тѣмъ какъ всѣхъ другихъ Славянъ не насчитываетъ и 28.000,000. Всего же около 80.000,000.

80.000,000, и жизни исторической болѣе 1,000 лѣтъ—предметъ богатый для изслѣдованій. Счастливъ, кто, подобно Шафарику, умѣлъ понять его, и, проникнутый любовію къ нему, могъ себя посвятить ему.

Адъюнктъ-Профессоръ Харьк. Унив. *И. Срезневскій.*

К. А. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія Часть пьрва.

Простонародна болгарска поезия или български народни пѣсни. Отд. I и II, кн. I. София, 1891.

Нельзя не радоваться, что наступившее въ послѣднія десятилѣтія оживленіе научныхъ интересовъ въ Болгаріи, направленное главнымъ образомъ на область отечествовѣдѣнія и этнографіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ каждымъ годомъ приноситъ новые болѣе или менѣе крупные плоды несомнѣнной научной цѣнности и значенія.

Въ этой обширной области первое мѣсто занимаетъ собираніе памятниковъ народнаго творчества, это важнѣйшее и неотложное дѣло, правда нелёгкое, но зато въ научномъ отношеніи благодарное и высокопочтенное. Просвѣщенные болгарскіе патріоты понимаютъ его важность, и не смотря на всѣ трудности и главное—скудость матеріальныхъ средствъ—съ истиннымъ самоотверженіемъ работаютъ надъ этимъ дѣломъ, къ сожалѣнію очень часто лишь съ большими жертвами и рискомъ или съ посторонней матеріальной помощью имъ удастся обогащать науку своевременнымъ обнародованьемъ результатовъ своихъ трудовъ.

Однимъ изъ такихъ почтенныхъ тружениковъ, едва-ли не лучше всѣхъ подготовленныхъ къ дѣлу, въ рукахъ котораго имѣется богатѣйшій матеріалъ, предположенный къ изданію, является авторъ вышеназванной книжки—К. А. Шапкаревъ.

Уроженецъ Македоніи, до послѣдней турецкой войны служившій на педагогическомъ поприщѣ, г. Шапкаревъ съ тѣхъ поръ, принужденный оставить родину по политическимъ обстоятельствамъ, продолжаетъ учительствовать въ Болгаріи (нынѣ въ Орканне) и пользуется репутаціей выдающагося болгарскаго школьнаго дѣятеля. Научная же его дѣятельность по собиранію памятниковъ народнаго творчества почти всецѣло посвящена его родинѣ, Македоніи. Съ раннихъ лѣтъ живя среди народа и получивъ склонность къ изученію живой народной старины, онъ уже около 40 лѣтъ занятъ собираніемъ ея словесныхъ памятниковъ, ибо начало его еще до 1855 года. Понятно, что за это время ему не только удалось собрать огромный матеріалъ, но онъ успѣлъ также пріобрѣсти въ этомъ дѣлѣ большую опытность, свѣдѣнія и чутье.

Г. Шапкаревъ уже заявилъ себя въ 80-хъ годахъ нѣсколькими работами по этнографіи Македоніи, обратившими на себя вниманіе спеціалистовъ. Это «матеріалы» для жизнеописанія извѣстныхъ македонскихъ патріотовъ братьевъ Миладиновыхъ, съ семействомъ которыхъ г. Ш. былъ хорошо знакомъ, затѣмъ «Руссалини, древенъ и твердѣ интересенъ български обичай» изъ южной Македоніи (изд. тоже въ Пловдивѣ, 1884), работа, которой воспользовался нашъ уважаемый ученый А. Н. Веселовскій въ своей статьѣ «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи» (Журн. М. Н. Пр.

1885, сент. стр. 9 и слѣд.), и наконецъ «Сборникъ отъ народни старинни», заключающій въ себѣ собраніе болгарскихъ народныхъ сказокъ и повѣрій. (Пловдивъ, 1885).

Нынѣ вышедшій сборникъ, заглавіе котораго выписано выше, долженъ составить начало систематическаго и полнаго изданія всего разнообразнаго матеріала, имѣющагося въ распоряженіи автора. Въ него вошла лишь небольшая часть (именно 277 №№) собранія болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ г. Шапкаревымъ и нѣкоторыми его сотрудниками преимущественно въ различныхъ мѣстностяхъ Македоніи. Уже по этому одному можно судить о богатствѣ этого собранія, которому, какъ увидимъ, соотвѣтствуютъ, по обилію собраннаго, и другіе отдѣлы народныхъ произведеній.

Изданныя пѣсни подраздѣлены на два отдѣла: I. Самовильскія (и «змейски» п.) и религіозныя пѣсни (стр. 1—81) и II. Обрядовыя пѣсни, заключающія тоже нѣсколько категорій, напр., лазарскія, свадебныя и др. (82—168 стр). Все здѣсь напечатанное предоставляетъ весьма цѣнный матеріалъ.

Есть тутъ, правда, не мало варіантовъ къ пѣснямъ, изданнымъ ранѣе, особенно бр. Миладиновыми, однако и варіанты эти интересны и важны. Но еще болѣе здѣсь новаго, особенно въ отдѣлѣ «Обрядовыхъ пѣсенъ», каковыхъ вообще до послѣдняго времени у Болгаръ было собрано и издано сравнительно менѣе, чѣмъ другихъ. Но и въ первомъ отдѣлѣ (самовильскія и религіозныя) очень много новаго. Изданіе отличается большою точностью и научностью пріемовъ. Вездѣ означена въ точности мѣстность, гдѣ записана пѣсня и, гдѣ имѣются, указаны варіанты. Кромѣ того издатель даетъ въ выноскахъ много поясненій, особенно грамматическихъ, лексикальныхъ и діалектическихъ; иногда и этнографическихъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи замѣтна нѣкоторая неравномѣрность [1]).

Нечего и говорить, что благодаря всему этому изданный сборникъ даетъ новый богатый матеріалъ не только для изучающаго народную словесность славянъ, для этнографа и историка, но и для филолога — особенно по интересному и нынѣ животрепещущиму вопросу о нарѣчіи и народности Македонскихъ Славянъ.

Не входя здѣсь въ болѣе подробный разборъ настоящаго сборника, мы считаемъ умѣстнымъ сообщить еще нѣсколько данныхъ о всемъ матеріалѣ, собранномъ г. Шапкаревымъ, о продолженіи начатаго изданія, о его планѣ и видахъ издателя. Обо всемъ этомъ послѣдній говоритъ въ обширномъ предисловіи (I—XXV), изъ котораго мы знакомимся съ широкимъ взглядомъ автора на свою задачу и съ его научными пріемами.

Ознакомленіе русскихъ читателей съ тѣмъ, что̀ имѣется въ рукахъ г. Шапкарева и что̀ ему предстоитъ исполнить, тѣмъ полезнѣе, что самый успѣхъ этого почтеннаго предпріятія въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ сочувственнаго къ нему отношенія и посильной поддержки между прочимъ и со стороны радѣющихъ объ успѣхахъ славянской науки просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

О количествѣ собраннаго г. Шапкаревымъ матеріала свидѣтельствуетъ слѣдующій перечень: 700 ном. различныхъ пѣсенъ (это число съ имѣющимися еще въ виду составитъ 1,250) съ нѣсколькими историческими преданіями, болѣе 200 сказокъ; 1,500 пословицъ и поговорокъ; 400 загадокъ; ок. 80 мужскихъ и женскихъ игръ; собраніе обычаевъ и суевѣрій, относящихся къ разнымъ событіямъ и случаямъ жизни. Къ этому матеріалу издатель имѣетъ въ виду присоединить еще: 1) краткое описаніе болгарской народной одежды мужской, и женской, изъ нѣсколькихъ мѣстностей Македоніи (особ. западной); 2) Болгарскія названія разныхъ (ок. 80) болѣзней и о лѣченіи ихъ домашнимъ способомъ; 3) ок. 2,000 болгарскихъ названій городовъ, селъ, горъ, рѣкъ и другихъ мѣстностей въ Македоніи; 4) болгарскія названія различныхъ породъ рыбъ, птицъ, хлѣбовъ, винограда, деревьевъ, травъ и цвѣтовъ; 5) нѣсколько замѣтокъ о македоно-болгарскомъ нарѣчіи, съ присоединеніемъ употребляемыхъ мѣстнымъ населеніемъ

---

[1]) Пожелаемъ лишь большей исправности въ корректурномъ отношеніи, хотя главныя опечатки и отмѣчены.

именъ собственныхъ и прозвищъ, и наконецъ; 6) болѣе 2,600 оригинальныхъ или въ особомъ значеніи употребляемыхъ македоно-болгарскихъ словъ. Почти весь этотъ богатый матеріалъ принадлежитъ Македоніи; лишь 1/5 часть собрана въ предѣлахъ болгарскаго княжества.

Что касается качества этого матеріала въ отношеніи къ вѣрности и точности записи, то изъ словъ самого издателя видно, какъ онъ строго и добросовѣстно относится къ своей задачѣ. Сознавая вполнѣ, что собраніе его не будетъ имѣть существенной цѣны и значенія, если въ передачѣ текстовъ не будетъ вѣрно и точно представлено мѣстное народное произношеніе и народный духъ языка, онъ прилагалъ всяческія старанія, чтобы соблюсти это необходимѣйшее требованіе. Ради этого онъ черпалъ свой матеріалъ лишь изъ непосредственныхъ источниковъ и все записывалъ самолично, почти никому не довѣряя въ этомъ — за исключеніемъ немногихъ лицъ, относившихся къ дѣлу одинаково осторожно и пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ. Такимъ образомъ все записано съ соблюденіемъ «правописанія, по возможно точно выражающаго фактическое произношеніе пѣвцовъ и сказателей», со словъ которыхъ матеріалъ записывался. По мѣрѣ надобности и возможности отмѣчается издателемъ и удареніе, не одинаковое и въ предѣлахъ Македоніи.

Указавъ основанія, какихъ онъ держался и намѣренъ впредь держаться въ своемъ изданіи, г. Шапкаревъ вспоминаетъ всѣхъ лицъ, которыя ему оказали содѣйствіе въ его трудахъ по собиранію произведеній народнаго творчества; въ ихъ числѣ онъ называетъ и членовъ своей семьи, особенно старѣйшаго поколѣнія, значительно обогатившихъ его собраніе.

Весь свой матеріалъ, частица котораго была издана въ вышеназванномъ «Сборникѣ народныхъ сказокъ и повѣрій», но вѣроятно войдетъ и въ предстоящее общее изданіе, г. Ш. думаетъ распредѣлить такимъ образомъ. Все будетъ состоять ихъ трехъ частей. Первая обниметъ весь пѣсенный матеріалъ (ок. 1.250) съ присоединеніемъ нѣсколькихъ историческихъ преданій о мѣстностяхъ и лицахъ. Пѣсни подраздѣляются на I отд.—самовильскія и религіозныя; II—обрядовыя; III—историческія и юнацкія и IV—бытовыя, относящіяся къ жизни семейной, частной и общественной. Вторая часть, подъ заглавіемъ «простонародна българска философия» будетъ состоять изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Сказки (съ уже изданными до 200), 2) пословицы, 3) загадки и 4) игры. Наконецъ въ третью часть войдетъ весь остальной матеріалъ, т. е. описаніе обычаевъ, суевѣрій, одеждъ, названія болѣзней и проч. съ замѣтками о языкѣ, вышеупомянутымъ словаремъ и т. д. Всѣмъ этимъ отдѣламъ издатель посвящаетъ въ томъ-же предисловіи болѣе подробныя разъясненія и разсужденія, въ которыхъ найдется не мало интереснаго и поучительнаго.

Само собой разумѣется, что г. Шапкаревъ, издавая памятники творчества македонскихъ славянъ и въ вопросѣ о народности македонскаго населенія—стоитъ на болгарской точкѣ зрѣнія, признавая и основу макед. нарѣчія, и «скелетъ народнаго быта» болгарскими, въ чемъ де убѣждено и само населеніе, но онъ не сходитъ при этомъ съ объективной научной почвы и не проявляетъ никакой національной нетерпимости и страстности, къ сожалѣнію нынѣ столь обычныхъ даже въ научныхъ работахъ, касающихся прискорбнаго сербско-болгарскаго спора изъ за Македоніи.

Все сказанное можетъ убѣдить читателя въ серіозности и научной важности предпріятія г. Шапкарева. Но осуществленіе его зависитъ не отъ одной энергіи и доброй воли послѣдняго, а главнымъ образомъ и прежде всего отъ матеріальныхъ средствъ, каковыхъ онъ самъ лично не имѣетъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ почтенный болгарскій народный дѣятель изыскивалъ средства для своего изданія, думая постепенно добыть ихъ достаточно, чтобы издать сразу весь матеріалъ или по крайней мѣрѣ въ три пріема—согласно дѣленію сборника. Но за все время онъ успѣлъ собрать лишь весьма незначительную сумму, пожертвованную частью русскими дѣятелями изъ болгаръ, частью нашими благотворительными обществами. Съ столь малыми средствами, тщетно ожидая новой помощи и не желая незаслуженно подвергаться подозрѣнію въ злоупотребленіи довѣріемъ жертвователей,

г. Шапкаревъ рѣшился наконецъ на свой рискъ и съ надеждами на помощь добрыхъ и просвѣщенныхъ людей и въ будущемъ—приступить къ своему изданію, выпуская хоть небольшіе выпуски (держась конечно своей програмы) по мѣрѣ накопленія необходимой для напечатанія такого выпуска суммы.

Такимъ-то образомъ и вышелъ въ свѣтъ настоящій первый выпускъ.

«И така цѣлокупно то му издание ще зависи не толко отъ мене, говоритъ въ заключеніе издатель, колко-то отъ готовность та, съ коя то ще се притекятъ на помощь народни тѣ любители, почтени тѣ имена на които ще бядятъ обнародовани въ II-та часть на Сборника».

Привѣтствуя первый выпускъ новаго изданія, мы можемъ только выразить желаніе, чтобы надежды г. Шапкарева не остались тщетными, чтобъ дѣйствительно нашлись люди со средствами или вліяніемъ, которые помогли бы ему или собственнымъ пожертвованіемъ или изысканіемъ нужныхъ средствъ изъ иныхъ источниковъ. Обидно было-бы, еслибъ болгарскій труженикъ принужденъ былъ за неимѣніемъ средствъ отказаться отъ продолженія своего предпріятія, отъ осуществленія одной изъ завѣтныхъ цѣлей своей трудовой жизни!

Но будемъ вѣрить, что братское сочувствіе и щедрость не оскудѣютъ, что отзовутся на это благое дѣло науки добрые радѣтели ея и у насъ, на Руси...

К. Г.

Вскорѣ по написаніи предъидущей замѣтки о Сборникѣ К. А. Шапкарева полученъ нами еще новый выпускъ этого важнаго изданія. Это—книга VII-я въ предположенномъ рядѣ выпусковъ, являющаяся Приложеніемъ къ книгѣ I-й, т. е. къ помѣщеннымъ тамъ обрядовымъ пѣснямъ и заключающая въ себѣ болгарскіе обычаи, обряды, суевѣрія и костюмы. Отрадно то, что выпускъ этотъ вышелъ благодаря пособію въ 500 левовъ, полученному авторомъ отъ Болгар. Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но этотъ источникъ не обиленъ средствами, и постоянно расчитывать на него г. Ш. не можетъ, а потому, въ виду массы имѣющихся у него матеріаловъ, помощь частныхъ жертвователей является въ высшей степени желательною.

Новый сборникъ состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ: I-й заключаетъ въ себѣ обычаи, обряды и суевѣрія; II-й—описаніе народныхъ костюмовъ (все изъ разныхъ краевъ Македоніи).

Помѣщенный здѣсь матеріалъ по своему богатству, новизнѣ и высокому интересу представляетъ драгоцѣннѣйшій вкладъ въ науку, и спеціалисты не замедлятъ конечно его оцѣнить и имъ воспользоваться.

Обычаи и суевѣрія подраздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) Относящіеся къ рожденію (рожбенѣ), къ которымъ присоединены дѣтскія пѣсни и игры. 2) Брачные и свадебные (съ присоединеніемъ характерныхъ пѣсенъ)—самый большой и богатый отдѣлъ. 3) Относящіеся къ смерти и похоронные. 4) Годичные, относящіеся къ праздникамъ. Наконецъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ обычаевъ и суевѣрій, касающихся разныхъ случаевъ, и въ заключеніе—„правовые обычаи“, любопытный отдѣлъ, имѣющій высокую цѣну для изслѣдователей славянск. обычнаго права. Онъ представляетъ отвѣты на юридич. вопросы (по программѣ г. Бобчева), и предназначался ранѣе составителемъ для спеціальнаго труда его пріятеля, не вышедшаго однако въ свѣтъ.—Весьма интересенъ и II-й сравнительно небольшой отдѣлъ выпуска съ описаніемъ народныхъ болгарскихъ одеждъ въ разныхъ частяхъ Македоніи.

Такимъ образомъ цѣнностью содержанія данный выпускъ даже превосходитъ предъидущіе. Будемъ надѣяться, что г. Ш. найдетъ средства для продолженія—безъ большихъ остановокъ—своего почтеннаго изданія.

Остается сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Шапкаревъ въ самомъ началѣ книги перепечаталъ рецензіи первыхъ выпусковъ своего собранія (принадлежащія гг. Добрикову

и Флоринскому). Съ этимъ можно примириться, хотя лучше бы, кажется, ихъ помѣстить въ концѣ (какъ приложеніе); но не можемъ одобрить помѣщенія рядомъ — частныхъ писемъ разныхъ лицъ (корреспондентовъ г. Шапкарева изъ ученаго міра), хотя и безъ ихъ подписей. Не знаю, сдѣлано-ли это съ ихъ разрѣшенія, но во всякомъ случаѣ такой смахивающій на рекламу пріемъ не умѣстенъ въ ученомъ изданіи.

К. Г.

«Listy z českých dějin kulturních» Sepsal D-r Čeněk Zíbrt. V Praze 1891. II+123 стр.

Эта книга, представляющая цѣнный вкладъ въ исторію чешской культуры, содержитъ девять отдѣльныхъ статей. Нѣкоторыя изъ этихъ статей были уже напечатаны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, и теперь авторъ, слѣдуя совѣтамъ и просьбамъ друзей, только собралъ эти разбросанныя статьи, многія снова переработалъ и пополнилъ на основаніи результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій.

Г. Зибертъ представляетъ собою утѣшительное явленіе въ чешской литературѣ. Въ самое короткое время онъ успѣлъ завоевать себѣ громкое имя, издавши цѣлый рядъ своихъ сочиненій. Сначала онъ собиралъ культурно-историческій матеріалъ, какъ это когда-то дѣлалъ Иречекъ, а теперь этимъ удачно занимается Винтеръ. Очень интересно и въ то же время поучительно прослѣдить, какъ постепенно все расширялся кругозоръ молодаго писателя, какъ постепенно началъ онъ касаться другихъ славянскихъ литературъ, а въ настоящее время слѣдитъ уже за всѣми главнѣйшими европейскими литературами. Его сочиненія обнаруживаютъ быстрый, даже стремительный, прогрессъ въ этомъ отношеніи. «Staročeské vyroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prostonárodní»—нѣчто въ родѣ календаря народныхъ обычаевъ—остается еще, такъ какъ сказать, въ чешской рамкѣ; но послѣдніе его труды основаны уже на богатыхъ данныхъ, добытыхъ европейской наукою. Надо однако сознаться, что труды г-на Зиберта носятъ на себѣ слѣды быстрой и спѣшной работы, какъ это мы часто наблюдаемъ у молодыхъ писателей. Но все это было еще въ ту пору, когда нашъ авторъ еще только пролагалъ себѣ дорогу; теперь же онъ стоитъ передъ нами какъ совсѣмъ готовый, цѣльный писатель со своимъ собственнымъ методомъ.

Небезполезнымъ считаю привести заглавія его сочиненій, изданныхъ имъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ:

1. «Dějiny hry šachové v Čechách» (Исторія шахматной игры въ Чехіи) 1888.
2. «Staročeské výroční obyčeje, pověry slavnosti a zábavy prostonárodné». 1889 г.
3. «Myslivské pověry a čáry za starých časů v Čechách (Охотничьи повѣрья и наговоры въ старые годы въ Чехіи) 1889.
4. «Z her a zábav staročeských» 1889.
5. «Poctivé mravy a společenské řády při jídle a pítí po rozumu starých Čechův» 1890.
6. «Dějiny kroje v zemích českých z doby nejstarší až po války husitské» 1890.
7. «Dopisy týkající se prodeje a plavby soli po Vltavě v letech 1591—1599» 1890.

Кромѣ того онъ издалъ съ сохраненіемъ старочешскаго правописанія «Поваренную книгу» (Kniha kuchařská). Сверхъ всего этого статьи его можно встрѣтить во всѣхъ чешскихъ журналахъ и газетахъ.

Г. Зиберта въ Чехіи очень любитъ. Въ особенности же онъ заслужилъ общую признательность тѣмъ, что вмѣстѣ со своими друзьями основалъ этнографическій журналъ: «Český lid» (Чешскій народъ). Этому у насъ уже давно было пора. Еще в 1863 г. Ербенъ отмѣтилъ, что славянская жизнь въ Чехіи падаетъ, и все таки и

не посчастливилось такъ, какъ посчастливилось родственной намъ Моравѣ, которая нашла своего Сушила и Бартоша. Правда, работали кое-гдѣ въ этомъ направленіи, собирали матеріалъ; но все это дѣлалось недостаточно систематично. Будемъ надѣяться, что теперь дѣло пойдетъ получше, и мы въ этомъ отношеніи не отстанемъ отъ другихъ Славянъ.

По работамъ Г. Зиберта можно судить о его громадной начитанности: онъ обстоятельно знакомъ съ древнею и среднею литературою чешскою и касающеюся Чехіи латинскою, и при томъ не только съ тѣми сочиненіями и матеріалами, которые уже появились въ печати, но даже и съ тѣми, которые еще хранятся въ рукописяхъ. Кромѣ того онъ и въ области современной литературы чувствуетъ себя какъ дома.

Работая на такомъ обширномъ полѣ, авторъ долженъ критически относиться къ собираемому имъ матеріалу, долженъ строго различать, что̀ въ немъ есть дѣйствительно чешскаго и что только заимствовано или переведено. Многія мѣста встрѣчаются часто въ западноевропейскихъ литературахъ, и при всемъ томъ оказываются не отраженіями времени и мѣста, а просто переводами съ латинскаго такихъ мѣстъ, которыя случайно подходили къ современнымъ обстоятельствамъ. Такое, забредшее съ чужой стороны, свидѣтельство должно быть—прежде всего подвергнуто строгой критикѣ, что нашимъ авторомъ постоянно и исполняется. Затѣмъ необходимо, чтобы всѣ вообще свидѣтельства, а въ особенности проповѣдниковъ и моралистовъ, были подвергаемы основательному изученію и тщательной провѣркѣ. Вѣдь моралисты всегда преувеличиваютъ: ихъ фантазія всегда представляетъ всѣ недостатки и проступки въ гораздо большихъ размѣрахъ и въ самыхъ рѣзкихъ краскахъ. Въ такихъ случаяхъ автору приходится принимать такія свидѣтельства соотвѣтствующимъ образомъ и искать въ нихъ правды лишь приблизительной.

Г. Зибертъ поставилъ себѣ цѣлью собирать чешскій матеріалъ, который онъ однако постоянно сравниваетъ съ соотвѣтствующими явленіями славянскими и чужими. Въ чешской исторіи собираетъ онъ культурно-историческія зерна и изъ нихъ складываетъ цѣлое зданіе, частей для фундамента котораго онъ ищетъ также и у сосѣдей. Онъ разработываетъ чешскій матеріалъ и результаты своихъ работъ сопровождаетъ результатами научныхъ изслѣдованій у другихъ народовъ. Чешскій матеріалъ прежде всего привлекаетъ на себя его вниманіе, ему онъ посвящаетъ больше всего мѣста и своего остроумія; а такъ какъ онъ не связываетъ контролирующей пытливости и совѣсти своихъ читателей учеными цитатами, то труды его являются совершенно ясными и удобочитаемыми, а слѣдовательно и общедоступными.

При такомъ своемъ методѣ г. Зибертъ ограничивается, главнымъ образомъ, установленіемъ отдѣльныхъ фактовъ, и вслѣдствіе этого не приступаетъ даже и къ прямо вытекающимъ изъ нихъ выводамъ. Такимъ образомъ, эти отдѣльныя стать и связываются только удачнымъ стилистическимъ тономъ, благодаря которому читаются очень легко и съ удовольствіемъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе его послѣдней книги, заглавіе которой выписано нами въ началѣ этой статьи:

1. O líčení a šlechtění tváří u starých Čechů стр. 1—21. Европейское вліяніе на Чеховъ сказалось, между прочимъ, въ томъ, что уже въ XIII ст. было распространено въ Чехіи употребленіе косметическихъ средствъ для приданія особой красоты лицу (бѣлила, румяна и т. п.) и продолжалось во всѣ времена, несмотря на громко раздававшіеся укорительные голоса. Особенно интересны совѣты и средства, предлагаемые старочешскими травниками—народные лѣчебники—и большимъ травникомъ протомедика королевства чешскаго Ѳадея Гайка изъ Гайка. Въ XVI ст. женщины стали уже совсѣмъ «расписывать» (malovati) свои физіономіи, и моралисты того времени разражаются страшными укоризнами противъ тѣхъ, «кто хочетъ поправлять дѣло божіе» (jež chtí opravovati dílo boží). Въ концѣ своей статьи авторъ упоминаетъ и о такъ называемыхъ «мушкахъ» (mouches, Schönpflaster).

Въ одной изъ рукописей библіотеки пражскаго университета (В. XVII 15, 348

а) въ апокрифѣ «Josef a Asseneth» я нашелъ подходящее сюда мѣсто; происхожденіе этого мѣста однако латинское:

Bieſſe pani Joſeffowa przeliſs poc3tiwa pr3ede wſſemi lidmi, ale giz owſſem przipraw owaſſe ſe chyzdnie, Nebo oblaczieſſe ſe w zlattohlawy myſſlenymi mastmi mazaſſe twarz ſwu a oczi swe liczíesse barwami, aby przed Joſeffem piekna se zdala.

2. Přežitky starodávných obětních obřadů. Стр. 22—48. Авторъ здѣсь поставилъ себѣ цѣлью описать отдѣльныя празднества, которыя уже теперь исчезаютъ. Такимъ образомъ они будутъ, по крайней мѣрѣ, сохранены для послѣдующихъ поколѣній. При этомъ вниманіе автора обращаетъ на себя не только Чехія, но и Моравія, Силезія и область Словаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ обратить вниманіе на то, какъ быстро забываются въ Чехіи нѣкоторые старые обычаи! Я самъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ помню еще «stínání kozla» (обычай закалывать козла). Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ 14, и обычай этотъ въ тѣхъ мѣстахъ уже не повторялся: на все послѣдовало запрещеніе заботливой полиціи. Кстати, позволю себѣ замѣтить, что пора бы теперь переиздать Крольмуса: Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnosti— 1845», но съ соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ матеріала по извѣстнымъ категоріямъ и съ хорошимъ указателемъ. Эта книга считается теперь библіографическою рѣдкостью, а между тѣмъ она представляетъ значительный сборникъ всевозможнаго матеріала, въ особенности же обычаевъ, которые въ настоящее время, по большей части, уже исчезли.

Г. Зибертъ хорошо поступаетъ, что удерживается отъ заманчивыхъ миѳологическихъ объясненій, которыя и до сихъ ужасаютъ въ нѣмецкой литературѣ, какъ во времена Гримма и романтиковъ. Разсматривая отдѣльные обряды, авторъ изслѣдуетъ, что̀ въ нихъ общаго и принадлежащаго цѣлому народу и что̀ только мѣстное. Ни Русскимъ, ни Полякамъ не извѣстенъ обычай закалывать пѣтуха, да и въ Чехіи нынче этотъ обычай помнятъ развѣ только очень старые люди. На моей родинѣ, въ Ичинской области это торжество происходитъ «o mladém posvícení» (въ слѣдующее воскресенье послѣ престольнаго дня). Пѣтухъ со спутанными ногами прикрѣпляется къ шесту среди двора; молодые люди ходятъ за дѣвушками, которыя имъ платятъ за каждую пѣсню. Такимъ образомъ отъ всего обычая уцѣлѣли только танцы да имя. «Молоченіе (?) селезня, закапываніе барашка и отрываніе головы гусямъ» не извѣстны, вѣроятно, уже по всей Чехіи.

3. Symbolika barev u starých Čechů. 49—64. Это прекрасная статья. Латинское сказаніе: «Cancio de coloribus» было уже очень рано переведено на чешскій языкъ; чешское сказаніе издалъ Фейфаликъ въ «Altčechische Leiche, Lieder». Sitzungsberichte Wiener Academie, 39 вып. Было бы желательно, чтобы авторъ привелъ и латинскій оригиналъ этого сказанія, чтобы можно было видѣть, что привнесено чешскимъ переводчикомъ. Бѣлый цвѣтъ означаетъ невинность, чистоту и радость. Г. Зибертъ высказываетъ предположеніе, что въ древнѣйшее время этотъ цвѣтъ, какъ и у Лужичанъ, означалъ также грусть и несчастіе. Яркокрасный цвѣтъ служилъ символомъ любви и мужества, рыжій—лукавства; синій—стойкости и вѣрности, иногда обозначалъ скорбь и выносливость; зеленый—постоянство и надежду. Золотой цвѣтъ въ средніе вѣка былъ очень любимымъ, но въ послѣдствіи пріобрѣлъ позорное значеніе: его стали носить только Евреи и женщины легкаго поведенія, въ слѣдствіе чего онъ сталъ служить для обозначенія позора и поношенія. У Гуса золотой цвѣтъ еще означаетъ любовь. Пепельносѣрый цвѣтъ обозначаетъ недоброжелательство, черный—печаль, несчастіе. Свящ. Veselý приводитъ не только дурныя стороны чернаго цвѣта, но и хорошія: онъ — самый сильный, святой, ученый, господскій (или божій? panska) и самый лучшій. Такое удивительное толкованіе ему было нужно для цѣлей богослужебныхъ.

Къ этой статьѣ я нашелъ хорошее дополненіе у Фейфалика: «Untersuchungen über altböhm. Vers und Reimkunst» II, 282, въ стихотвореніи «Postavy a mravy lidské».

Vkohot geſt twarz czerwena
Lecz bud muz lecz zena
Weſſelyt geſt podle cztnoty
To wſſye czyny ſwe sslechetnoſti
Ktotie bled ktomu libyewy
Ten bywa czaſto hnyewywy
Smyedy czlowyek kudy chody
Ten wſwem ſrdcy mylost plody
Znayte twarz weliku potom
Zet geſt ten wz(dy) lakom
Chczy te rzyeczy byti ſmyeren
Kazdy rzawy geſt newyeren

4. Povĕst o Meluzínĕ v českém podání lidovém» 65—74. Въ началѣ статьи авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о «Повѣсти» въ другихъ литературахъ. Русскіе по этому предмету имѣютъ труды Пыпина въ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ (гл. VIII) и Сумцова въ «Кіевской Старинѣ» 1889, мартъ.

У Чеховъ эта повѣсть была издана въ первый разъ въ 1555 г. въ Простѣевѣ на Моравѣ по нѣмецкой книгѣ Thüring'a von Rengoltingen или Ruggeltingen; послѣ этого она издавалась еще много разъ и сдѣлалась любимой книгой народа. Но при всемъ томъ, образъ Мелюзина—дѣвицы съ рыбьимъ хвостомъ—былъ знакомъ Чехамъ уже издавна. Въ слѣдствіе этого еще Юнгманъ высказывалъ предположеніе, что чешская повѣсть о Мелюзинѣ возникла первоначально въ Чехіи, а не занесена изъ Франціи, романтическій же Ганушъ нашелъ указанія на нее даже въ Вѣдахъ; но и то и другое одинаково не вѣрно: повѣсть эта, безъ сомнѣнія, происхожденія иноземнаго, но хорошо привилась въ Чехіи и пополнилась новыми элементами.

Малоизвѣстнымъ теперь обычаемъ представляется 5) «Potupné zastavenícko před svatbou» 75—78 стр. Авторъ сравниваетъ его съ подобными же явленіями въ Германіи, Франціи и Италіи.

Вслѣдъ за коротенькой статейкой 6) Trnŭk (?) sv. Jana o svatbĕ» 79—80 стр., г. Зибертъ разсматриваетъ исторію табака въ Чехіи (Tabák v zemích českých 81—93), какъ курительнаго, такъ и нюхательнаго. Первоначально въ Чехіи былъ болѣе распространенъ обычай нюхать табакъ, чѣмъ обычай курить, и моралистамъ и законодателямъ представлялось много случаевъ возставать противъ этой иноземной привычки, занесенной и распространенной главнымъ образомъ среди военнаго сословія. Эта статья написана очень талантливо, въ чемъ ей не уступаетъ впрочемъ и слѣдующая 8) Povĕst o Žižkovĕ kůži» 94—101, которая первоначально появилась въ «Вислѣ» 1889. Въ Чехіи распространено преданіе о барабанѣ, который будтобы былъ обтянутъ кожею Яна Жижки. Это преданіе ведетъ свое начало отъ превратныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ недостовѣрнымъ писателемъ Энеемъ Сильвіемъ и изданныхъ по-чешски въ 1585 г. Адамомъ изъ Велеславина. Вотъ относящееся сюда мѣсто: «Ferunt illum, cum aegrotaret, interrogatum, quonam loco mortuus sepeliri vellet, iussisse, cadaveri suo pellem adimi, carnes volucribus ac feris obiectari, ex pelle tympanum fieri; eoque duce bella geri, arrepturos fugam hostes, quam primum eius tympani sonitum audiverint».

Этотъ разсказъ былъ распространенъ и въ Германіи, даже и Вольтеръ зналъ объ немъ; а прусскій король Фридрихъ Великій былъ вполнѣ убѣжденъ, что Жижкинъ барабанъ былъ въ числѣ добычи, которую онъ увезъ изъ Чехіи. «Oui, la pean de Ziska, ou pour mieux dire, le tambour de Ziska est une de dépouilles que nous avons emportées de Bohéme».

Весь этотъ разсказъ былъ вымышленъ Энеемъ Сильвіемъ; имѣлъ ли онъ какой нибудь чешскій источникъ — этого еще нельзя въ настоящее время опредѣлить. На

основаніи этой статьи Ed. Veckenstedt въ журналѣ: «Le moyen âge», Paris, 1889 помѣстилъ: «Le tambour du roi des Wendes».

Самою цѣнною статьею во всей книгѣ слѣдуетъ признать: 9) «Svatba únosem u starých Čechův», 102—117. Въ началѣ статьи авторъ знакомитъ читателя съ литературой предмета и затѣмъ высказываетъ свое мнѣніе, что свадьба уносомъ была не исключительно старославянскимъ обычаемъ, но была также распространена и у всѣхъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени.

Указанія на такую форму заключенія брака мы встрѣчаемъ то прямыя у историковъ, то косвенныя въ законодательствахъ, которыя запрещали подобные поступки и даже преслѣдовали. Здѣсь приводятся относящіяся къ дѣлу мѣста изъ памятниковъ юридическихъ; интересны наказанія, опредѣленныя за такіе поступки. Отдѣльные случаи свадьбы уносомъ отмѣчены еще въ началѣ XVII ст. Воспоминанія и кое-какія отраженія этого обычая сохранились и живутъ еще въ пѣсняхъ, а отчасти и въ свадебныхъ обычаяхъ.

Въ концѣ книги, представляющей прекрасную мозаику статей, приложенъ старательно обработанный Ярославомъ Счастнымъ (Iaroslav Št'astný) словарекъ.

Вѣна. *Іосифъ Карасекъ.*

Новая збирка малоруськихъ прыказокъ, прысливьивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь. Впорядкувавъ М. Комаровъ. Одесса 1890. (X+124 16°). Цѣна 50 коп.

Изданныя извѣстнымъ библіографомъ г. Комаровымъ малороссійскія присловія, поговорки, загадки и заговоры дополняютъ собою матеріалъ, обнародованный г. Номисомъ («Украïнські приказкі, прислівья и таке инше». СПБ. 1864), Чубинскимъ («Труды экспедиціи въ Зап. Русскій край» т.1, вып. 2) и Юго-Западнымъ Отдѣломъ Географическаго Общества («Малорусскія народныя преданія и разсказы» 1876 г.),—матеріалъ, составляющій уже до 17.000 поговорокъ и до 800 загадокъ. Сборникъ г. Комарова составился изъ записей самого издателя (въ Новомосковскомъ, Уманск. и Изюмск. у.) и присланныхъ ему изъ разныхъ губерній мѣстными любителями этнографами (изъ губ. Волынск., Подольской, Харьк., Херсон., Екатер., Полтавск., Черниговск. ,Кіевской и изъ Галичины). Всего въ рукахъ издателя было до 5000 номеровъ. Вошли, однако, въ сборникъ только неизвѣстныя доселѣ пословицы или представляющія новые и важные варіанты, а также записанныя болѣе полно и ясно. Г. Комаровымъ помѣщены не только пословицы и поговорки, но и такія реченія, какъ привѣтствія, пожеланія, проклятія и т. п., въ которыхъ такъ-же точно высказывается духъ народной рѣчи, какъ и въ пословицахъ. Всѣхъ вообще реченій вошло въ сборникъ 1,275 №№. Расположены они по рубрикамъ (въ алфавитномъ порядкѣ); при каждомъ обозначено мѣсто записи, а иногда присоединены замѣчанія. Что касается самаго матеріала, то онъ представляетъ большое значеніе для характеристики народнаго міросозерцанія. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи пословицы, говорящія о семейныхъ отношеніяхъ, дающія характеристики народностей, сословій; наконецъ, пословицы, сложившіяся недавно при новыхъ условіяхъ жизни (объ общей воинской повинности, новыхъ судахъ, штундѣ).—Менѣе интересны загадки (29 №№) и заговоры (33 №№). Заговоры помѣщены также только новые, не вошедшіе въ сборникъ г. Ефименко (1874 г.) и не напечатанные на страницахъ «Кіевской Старины».

Къ книгѣ приложенъ весьма тщательно составленный указатель литературы предмета, отъ 1829 по 1888 гг. Къ этому указателю мы можемъ дать 2—3 дополненія. Неупомянуты г. Комаровымъ: 1) Свящ Ал. Ясинскій. Описаніе села Ярославичъ (Дубен. у.) «Волынск. Губ. Вѣдом.» 1860 № 1 (приведены пословицы и пѣсни). 2) Свящ. Правосудовичъ. Это то село, что куры не поютъ. Ibid. 1866 г. № 5 и 8 (попытка объясненія пословицы). 3) Братчиковъ. Волынское крестьянство, съ его общественнымъ и домашнимъ бытомъ etc. Ibid. 1883 г.№79 (поговорки о смерти). 4) Фонъ-К

меръ. Русскія и малороссійскія народныя загадки Воронежск. губ. «Ворон. Г. Вѣд». 1852. № 26. 27. 5) Русскія и малороссійскія загадки. Ibid. 1854. № 4 —6.

Издалъ сборникъ г. Комаровъ очень тщательно, соблюдены всѣ фонетическія и лексическія особенности говоровъ разныхъ мѣстностей въ томъ видѣ, какъ онѣ отмѣчены мѣстными собирателями; хотя, конечно, нельзя быть увѣреннымъ, что послѣдніе одинаково успѣшно стремились къ однообразію и точности записи. Вообще сборникъ г. Комарова въ ряду ему подобныхъ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству матеріала и тщательности изданія, а всякій изслѣдователь народнаго русскаго быта, языка и міросозерцанія, долженъ будетъ обратиться къ довольно полному библіографическому указателю.

Арк. Л—нко.

Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ Болгарскихъ.

«При невозможности обозрѣть болгарскій языкъ во всей его обширности, я старался, по крайней мѣрѣ, коснуться тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по видимому, я долженъ былъ найти особенности нарѣчій языка. Собственно въ основаніи плана путешествія лежала всегда мысль—собирать свѣдѣнія въ странахъ, которыхъ географическое положеніе условливало раздѣленіе нарѣчій. Поэтому достигалъ я границъ Албаніи, углублялся въ Доспатскія горы, сходилъ въ долину Өракійскую и два раза посѣщалъ подунайскую Болгарію. Преслѣдованіе этой цѣли принадлежало къ труднѣйшимъ моимъ предпріятіямъ, ибо для сего нужны способности и счастливый случай; но часто непреодолимыя препятствія мѣшали моимъ усиліямъ. При невозможности останавливаться долго на одномъ мѣстѣ: въ городахъ господство греческаго языка, въ селахъ отчужденіе и разныя опасенія лишали меня часто, въ минуту лучшихъ ожиданій, желаемыхъ пріобрѣтеній. За Балканами часто препятствовало мнѣ, что тѣ, съ которыми я обращался, какъ болѣе образованные, употребляли вмѣсто природнаго, искусственный языкъ. Особенно сопровождали меня трудности при собираніи пѣсенъ народныхъ. Не столь богатые, какъ Сербы, народною поэзіею, Болгаре неохотно передаютъ ее чужому. Въ одномъ мѣстѣ стыдились, въ другомъ не понимали меня, въ иномъ принимали меня за человѣка, отъ котораго уходить надо. Солунь, Охрида и Серресъ—тому свидѣтели. Я успѣлъ, наконецъ, собрать нѣкоторое количество пѣсень, которыхъ число, при изданіи ихъ, должно убавиться, ибо многія изъ нихъ не имѣютъ смысла, другія недостовѣрны по языку. Вообще Болгаре знакомы или съ турецкимъ или съ греческимъ языкомъ, и это обстоятельство мѣшаетъ дѣлать изъ перваго разговора заключенія о природномъ ихъ языкѣ. Только въ домашнемъ быту ихъ, при участіи женскаго пола, который, какъ извѣстно, очень робокъ, возможно было мнѣ соображать о лексикальномъ богатствѣ и постоянныхъ его формахъ. Особенно въ Македоніи Болгаре, при встрѣчахъ, мало заботятся о выборѣ словъ, и, иногда, говорятъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ трехъ. Но коль скоро въ кругу своего семейства Болгаринъ почувствуетъ себя непринужденнымъ, разговоръ его дѣлается яснѣе, получаетъ до значительной степени чистоту и носитъ отпечатокъ древней полноты. Здѣсь обозначу только нѣсколько признаковъ различія нарѣчій. Опредѣлять всѣ грамматическія особенности болгарскаго языка кажется мнѣ лишнимъ, потому что, по моему мнѣнію, изданныя недавно двѣ болгарскія грамматики въ совокупности взятыя, заключаютъ въ этомъ отношеніи достаточныя свѣдѣнія. О нарѣчіяхъ сами Болгаре имѣютъ еще неясныя понятія. Они судятъ о нихъ болѣе въ лексикальномъ отношеніи, и потому, напр., въ Македоніи, жители, особенно городскіе, отличаютъ много нарѣчій, какъ-то: воденское, прилѣпское, велеское, шопское. Эти всѣ нарѣчія, однакожъ, ближе разсматриваемыя, сводятся къ двумъ. Тоже можно сказать о другихъ странахъ, гдѣ употребляется болгарскій языкъ. Основываясь на собственныхъ соображеніяхъ и бѣсѣдѣ со знатокомъ этого предмета X. Костовичемъ, я раздѣлилъ бы всю область языка болгарскаго на двѣ половины, въ которыхъ различное его употребленіе можно назвать діалектическимъ. Первую назову западною, ибо она

обнимаетъ всю Македонію до Доспатскихъ горъ и, по направленію ихъ къ сѣверу, включаетъ часть подунайской Болгаріи до самаго Видина; вторую—восточною, т. е. страну на востокъ отъ Доспата и на сѣверъ и югъ Балкана. Самые рѣзкіе признаки нарѣчій этихъ двухъ областей суть: 1) славянское ѫ въ западномъ нарѣчіи перешло въ а; напр. рака вм. рѫка, патъ вм. пѫт, мажъ вм. мѫжъ, ида вм. идѫ, дойда, гледа и пр.; въ восточномъ нарѣчіи оно еще сохранило оттѣнокъ древняго произношенія въ глухомъ тонѣ, который изобразилъ бы знакомъ почти равнымъ ă. Это произношеніе мѣстами очень слабо, потому нѣкоторые изъ новѣйшихъ болгарскихъ писателей смѣшали звукъ этотъ съ звукомъ Ъ, напр. пишутъ вм. Болгаринъ, Бѫлгаринъ; 2) словянское ѧ въ окончаніи 1-го л. настоящ. времени переходитъ часто въ западномъ нарѣчіи въ ем. и им. напр. менем, любимъ, въ в. н. оно произносится въ этомъ окончаніи, какъ глухое а; 3) звукъ ѣ въ з. н. отвѣчаетъ звуку е, но часто продолженному, напр. лесъ, беелъ, беегатъ, въ в. н. онъ переходитъ въ я, напр., бягъ, бяга, вярованіе, видялъ, голямъ; 4) въ з. н. звукъ в переходитъ въ ф и м, напр. найдовъ, зедофъ или зедовъ, немаф. сторифъ; 5) въ з. н. звуки д, в, л, х опускаются въ серединѣ словъ, глеатъ, вм. гледатъ, сенялъ вм. седналъ, доегъ, вм. дойдетъ, неоя вм. неволя, имаа вм. имаха; равно какъ вставка т въ словѣ срѣда принадлежитъ тоже сему нарѣчію и пр., стреде вм. среде, стреаро вм. сребро; 6) въ з. н. 3-е л. единств. числа наст. врем. оканчивается на т, въ в. н. слуга дава; видитъ, плашитъ, ронитъ, всѣ третья лица ед. числа, вм. которыхъ въ в. н. види, плаши, рони и пр.; 7) въ з. н. будущее время образуется всегда съ формою—ке напр. ке идем, ке сакамъ, ке правимъ, въ в. н. оно составляется посредствомъ штă (хоштѫ), а въ филиппопольской епархіи посредствомъ жіа.

Относительно члена замѣчу, что въ пѣсняхъ онъ рѣдко употребляется, хотя слова не склоняются. Я списалъ пѣсни, въ которыхъ одинъ или два примѣра членовъ. Вообще употребленіе его неопредѣлительно; самое меньшее въ Дебрѣ, гдѣ иногда слышны падежи и причастія, самое большое въ восточномъ нарѣчіи.

Поставивъ на видъ важнѣйшие признаки двухъ нарѣчій, упомяну еще о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ: 1) языкъ, которыхъ говорятъ по восточному и западному склону Доспата, заключаетъ особенности обоихъ нарѣчій; 2) въ Дебрѣ и близъ Солуня слова, въ которыхъ употреблялось славянское ѫ, имѣютъ часто о; напр. я слышалъ близъ Солуня потъ, отъ Дебрянъ: можъ, потъ, рока, голодъ, мока, копель, іозыкъ, іоже, тожимъ; 3) въ Дебрѣ и окрестностяхъ Охриды 3 л. мн. ч. оканчивается на етъ, ае, ое, напр. ни:итъ, садеатъ, бѣгаетъ, вѣнчае, поидое; 4) самое частое употребленіе глагола имамъ, какъ вспомогательнаго, слыхалъ я вблизи Водены и Битоли, наприм. тамъ говорятъ имамъ шетано, имамъ пеяно, фатено, т. е. я прошелъ, схватилъ, прочелъ; 5) наконецъ, скажу что Болгаре на югѣ отъ Битоля и Охридскаго озера, въ Корчѣ, Бобоштицѣ сохранили въ нѣкоторыхъ словахъ полный ринезмъ, такъ въ словѣ мендръ (mendr) и въ привѣтствіи: да бѫдешь живъ (да bades jiv) слышалъ я самъ этотъ звукъ. Предполагая, что различіе нарѣчій основывается на различіи племенъ, не оставлялъ я также освѣдомляться о послѣднемъ. Свѣдѣнія мои впрочемъ весьма скудны. Не касаясь теперь образа жизни Болгаръ, сообщу только названія племенъ, собранныя мною въ разныхъ странахъ Македоніи. Во первыхъ, о словѣ «Болгаринъ» скажу, что оно въ такомъ произношеніи употребительно въ восточной области, гдѣ слышно и Блъгаринъ, въ западной народъ зоветъ себя Бугăри. Эти Бугăри въ округѣ Неврокопскомъ носятъ названіе Мърваковъ, близъ Радоміра и Костендиля Шоповъ, близъ Водены, Поливаковъ, близъ Прилепа и Велеса Бабуновъ, повыше Дебра Кецкаровъ (именно близъ села Клены), въ Дебрѣ Міяковъ и, наконецъ, отъ Битоля до Охриды Бугари носятъ названіе Берсіяковъ (Берсіаци). Въ восточной области Болгаре, кажется не имѣютъ племенныхъ названій. (Очеркъ путеш. по Европ. Турціи. Изд. 2-е. Москва, 1887. Стр. 162—166).

Narodne pripovijesti i presude iz života po Boki Kotorskoj, Hercegovini i Crnoj Gori pokupio i složio **V. Vrčević**. U Dubrovniku. 1889.

Вукъ Врчевичъ, одинъ изъ видныхъ въ послѣднее время собирателей памятниковъ быта сербскаго народа, издалъ недавно новый сборникъ народныхъ разсказовъ изъ жизни въ Бокѣ Которской, Герцеговинѣ и Черногоріи. Изложеніе ведется и отъ 3-го лица, и драматически; есть тутъ и отрывки деревенскихъ судебныхъ процессовъ. Все читается съ одинаковымъ интересомъ, потому что собиратель умѣло выбралъ наиболѣе характерное для народной жизни. Въ каждомъ разсказѣ вы непремѣнно найдете такую бытовую черту, которая васъ сразу перенесетъ въ глубокую древность, заставитъ еще разъ призадуматься надъ консерватизмомъ основныхъ началъ народнаго быта.

Возьмите, напримѣръ, внутреннюю жизнь семьи. Уваженіе къ лѣтамъ, подчиненіе главѣ семьи, какъ рѣшителю всего, скромная и всегда нелегкая доля хозяйки; дѣти, не выходящія изъ воли родителей—развѣ это не патріархальныя черты? А какой нибудь семейный праздникъ? напр. бракъ. Тутъ каждая мелочь напоминаетъ сѣдую старину. Всѣ эти, достаточно извѣстныя, церемоніи сговора, обрученія, вечеринокъ то у жениха, то у невѣсты, самая, наконецъ, свадьба съ пѣснями, шутками сватовъ, подарками—все это до сихъ поръ носитъ явный отпечатокъ стародавнихъ религіозномиѳическихъ воззрѣній народа. Отступать отъ принятаго обычая считается грѣхомъ и, если ужъ нѣтъ достаточно средствъ для отправленія свадьбы по старинному, прибѣгаютъ къ умыканію дѣвицы. Красота и любовь на второмъ планѣ. Главное побужденіе къ браку въ необходимости имѣть хорошую «домачицу». За святымъ семейнымъ очагомъ стоитъ община. И здѣсь завѣтъ предковъ: «проливать кровь за чесной крестъ» и считать дѣло каждаго члена общины общимъ дѣломъ»—стоитъ нерушимымъ, не смотря на всѣ ужасы своей исторической судьбы. Чѣмъ инымъ, какъ не общиннымъ духомъ объяснять и «юначку муку» и сохранившуюся до настоящаго времени въ Герцеговинѣ и Черногоріи «кровную месть»?

Много и другихъ чертъ семейной и общественной жизни можно бы намѣтить по разсказамъ, собраннымъ г. Врчевичемъ, но интересующихся отсылаемъ къ самимъ разсказамъ—тѣмъ болѣе что помимо этнографическаго матеріала это чтеніе доставляетъ и художественное наслажденіе. Для лингвиста въ краснорѣчивыхъ отвѣтахъ крестьянъ на судѣ есть много мѣстныхъ словъ, не находящихся въ лексиконѣ Вука Караджича.

Rs (=snaga).
Krvoločina (=muka).
bušěti (=padati)
odiva (=vdata žena)
bubul (=kamen)
počelak (=čelo)
škapulah (=učuvah se)
utrkmiše (=umiriše) Kolijevka (=kumstvo, jer svaka majka donese svoje dijete u kolijvci na kmestvo)
krvnica (=puše, kojem je ko ubijen)
raskalaba (=razigje se)
se zakunja (=zadrijema)
dušak (=san)
škrkoće (=hlopoce)
prikojasan (=pravi)
izješa (=izjelica)
bracka (=opčeni seoski sud)
sok (=tajni javljač kragje)
prdeljuška (=zaušnica)
očebrsnuti (=raniti)
iskopanik (smetalac javnoga mira)
pustolovina dobro, koje neće muško već žensko dijete po smrti uživati)
kršno (=slabo)
pridomazeti (pri+domazet iti živjeti u kučn djevojačku)
brekne (=zaviče)
prtlja (besputno zbori)
Začepica (=izìskivanje neprovedno)
pomaši (=rodi)

и другія.

А. Л.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Праздники (Рязанск. губ. Даньк. у.).

Егорьевъ день.

День «Егорья хорабраго» считается конскимъ праздникомъ. Въ этотъ день подъ вечеръ «дѣлаютъ коня». Для этого берутъ двѣ крѣпкія жерди. Четыре парня кладутъ ихъ на плечи. Одинъ изъ переднихъ держитъ на вилахъ конскую голову, или конскій черепъ, убранный бубенчиками и цвѣтными тряпицами. Сзади концы жердей связаны между собой веревкой, къ которой привязанъ хвостъ изъ мятаго мочёнца [1]). Жерди обмотаны сѣномъ и веретьями (грубая ткань изъ конопли, употребляемая для перевозки зерна въ телѣгахъ), на жерди сажаютъ верхомъ мальчика, обыкновенно пастуха, преимущественно хорошо играющаго на жалѣйкѣ [2]). Такимъ образомъ сдѣланный конь въ сопровожденіи народа обходитъ деревню, причемъ сидящій на немъ пастухъ играетъ на жалѣйкѣ. Затѣмъ конь направляется въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Завидѣвъ издали коня, въ той деревнѣ снаряжаютъ, какъ можно быстрѣе, своего коня. Оба коня сходятся на выгонѣ передъ деревней, причемъ происходитъ «бой» двухъ коней. Изображающіе коней, подражая лошадиному ржанью, бросаются другъ на друга пока одинъ конь не разрушитъ другаго. Въ старину послѣ этого водили круги (курагоды), причемъ одинъ изъ парней изображалъ собою коня. Отъ одной старухи намъ удалось достать только слѣдующій отрывокъ одной изъ «игравшихся» при этомъ пѣсенъ:

Около сыраго дуба,
Около молодаго,
Выростала чечевинка;
По той чечевинкѣ
Черныя кôны скачутъ:
Поскачь, поскачь кôна,
Поскачь молодая,
Кôна новая на сѣнѣ.
Выбирай себѣ подружку
Что любимую сестрўшку.
Выбрала себѣ подружку
Что любимую сеструшку.

Парень изображающій «кôну», т. е. коня, при пѣніи этой пѣсни входитъ въ кругъ; онъ скачетъ и прыгаетъ какъ можно выше и наконецъ выбираетъ себѣ «подружку, что-любимую сеструшку», т. е. дѣвушку, которую ему вздумается.

[1]) Мочёнцемъ называется вымоченная въ водѣ конопля.
[2]) Жалѣйка, мѣстный народный деревянный духовой инструментъ, дающій разомъ двѣ ноты. Названіе его происходитъ отъ глагола жалѣть, что по мѣстному значитъ любить.

Праздникъ Вознесенья.

Въ этотъ день пекутъ изъ ржаной муки грубыя подобія лѣсенокъ, т. е. продолговатые хлѣбцы, на которыхъ ножомъ сдѣланы зарубки, изображающія ступени. Взявъ съ собой эти лѣсенки и захвативъ блиновъ, яицъ, хлѣба и водки, отправлялись въ ржаное поле. Останавливались на чьей-нибудь полосѣ, выбирая, гдѣ рожь получше. На краю этой полосы у межи разстилали платокъ и ставили лѣсенки другъ на друга, поддерживая ихъ руками; поставивъ ихъ такимъ образомъ, сколько было возможно, отнимали руки. Лѣстницы разваливались, причемъ присутствующіе приговаривали: «Христосъ свалился съ неба». Послѣ этого принимались за трапезу, по окончаніи которой становились на колѣни, обращаясь лицомъ къ восходу, и молились слѣдующими словами: «Христе Боже нашъ, дай намъ, Боже, нынче много, а на лѣто [1]) еще больше». Затѣмъ лѣсенки разламывались на куски и вмѣстѣ съ остатками трапезы разбрасывались по полю. Послѣ этого всѣ присутствующіе валялись по ржи. Все это дѣлалось, по словамъ крестьянъ, чтобы хорошо родился хлѣбъ. По народному повѣрью та рожь, гдѣ ставили лѣсенки и валялись, бывала самая лучшая, и всякій желалъ, чтобы для этого обряда выбрали его полосу.

Обычай этотъ сохранился до настоящаго времени. Еще теперь пекутъ лѣстницы и разбрасываютъ куски ихъ по полю, но въ слѣдствіе обѣдненія мѣстнаго населенія закусокъ съ собой не берутъ, а съѣдаютъ небольшіе кусочки лѣсенокъ.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ существуетъ этотъ же обычай въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Такъ, лѣсенки тамъ не ставятся другъ на дружку, а просто прислоняются ко ржи каждая отдѣльно. Когда лѣсенки всѣхъ присутствующихъ уже поставлены, дѣвушки становятся на одномъ углу полосы и разбиваются на двѣ равныя части. По данному знаку обѣ стороны бросаются со всѣхъ ногъ бѣжать по межѣ кругомъ полосы другъ другу на встрѣчу. Дѣвушка, достигшая первою угла, съ котораго начался бѣгъ, считала себя самой счастливой, такъ какъ, по народному повѣрью, цѣлый годъ послѣ этого въ ея дворѣ царствовало довольство и на полосѣ ея семьи урожался самый лучшій хлѣбъ.

Троицынъ день.

Утромъ всѣ отправляются въ церковь съ пучками полевыхъ цвѣтовъ. Церковь убираютъ зелеными вѣтками, преимущественно березовыми. Послѣ обѣда собирается «улица» [2]). Завиваютъ вѣнки изъ березовыхъ вѣтокъ. Съ вѣнками на головахъ молодежь водитъ круги, играетъ пѣсни, пляшетъ. Подъ вечеръ заигрываютъ протяжную пѣсню:

Сильна̀, сильна чирёмушка,
Сильна развяла,
Честна хвальна бясѣдушка,
Гдѣ батюшка мой,
Онъ пить ня пьеть
Голубчикъ мой,
За мной младою шлеть,
А я млада, младешунька,
Замѣшкалася
За утками за гусями

---

[1]) *На лѣто* по здѣшнему значитъ на будущій годъ, а все лѣтнее время года здѣсь называютъ: «вясна́», причемъ нашей веснѣ отвѣчаетъ слово: «первясна́.» (Primavera-printemps пролетје въ Далмаціи).

[2]) Когда молодежь собирается вмѣстѣ, чтобъ играть пѣсни, водить круги и плясать, то это называется у насъ улицей. Зимой собранія молодежи въ избѣ называются посидками.

За лебидями
За вольною за пташкою
За журушкой.
Какъ журушка кругъ бережку
Похаживае,
Ковылъ травку
Шалковую
Пощипывае,
На правую старонушку
Поглядывае.
На правой на старонушкѣ
Чатыре двора.
Ва этихъ ва дворикахъ
Чатыре кумы.
Вы кумушки галубушки,
Подружки мои,
Пайдемте въ зелинъ садъ гулять,
Въ зиляномъ саду
Вянки завивать,
Завимши вянки—
За Дунай рѣку бросать.
Всѣ вянки пасверхъ воды
А мой потанулъ,
Всѣ мужья дамой пришли,
А мой не пришелъ.

Съ этой пѣсней идутъ къ рѣкѣ. На берегу дѣвушки и молодыя бабы умываются черезъ вѣнки. Тѣ, кто пожелаютъ, въ это время кумятся между собой, цѣлуясь черезъ вѣнки. Затѣмъ бросаютъ вѣнки въ воду, наблюдая за ними. Чей вѣнокъ уплыветъ впередъ, та дѣвушка раньше всѣхъ выйдетъ замужъ; чей вѣнокъ потонетъ, та умретъ въ этомъ году, чей вѣнокъ пристанетъ къ берегу,—та не будетъ любима своимъ мужемъ, или мужъ ея будетъ пьяницей.—Послѣ этого заигрываютъ плясовую:

Да всѣ кумушки дамой,
Всѣ галубушки дамой,
А я млада здѣсь буду,
Я здѣсь буду—пачую.
На мнѣ шуба чужая,
Рубашонка худая;
Пайду дамой пирмяню,
А новую надѣну.

Съ этой пѣсней всѣ возвращаются на деревню, гдѣ улица продолжается обыкновеннымъ образомъ и порядкомъ часто до поздней ночи.

Въ большомъ селѣ Мураевнѣ въ Троицынъ день кромѣ обыкновенной улицы бываютъ «рели». Релями называются перекидныя качели, устраиваемыя слѣдующимъ образомъ: на двухъ подпоркахъ устанавливается горизонтальная ось, къ которой прикрѣпляются параллельно другъ другу два толстые бруса. Разстояніе между ними приблизительно два аршина. Брусья эти вверху и внизу соединяются между собой перекладинами, къ которыхъ подвѣшены на веревкахъ доски, служащія качелями. Брусья эти вращаются вокругъ горизонтальной оси.

Рели строятся на коммерческихъ основаніяхъ мѣстными предпринимателями. три круга на реляхъ полагается 2 яица, причемъ можно платить и деньгами.

Рели привлекаютъ массу народа. Замѣчательно при этомъ, что дѣвушки и бабы каждой деревни составляютъ свой собственный кругъ и играютъ свои собственныя пѣсни, причемъ образуется невообразимый гамъ и шумъ.

Русальная недѣля.

Такъ называется недѣля отъ Троицы до за̀говѣнья Петрова поста. Въ теченіи ея каждый вечеръ водятся курагòды (круги). Нѣсколько самыхъ бойкихъ дѣвушекъ изображаютъ, всю эту недѣлю, русалокъ. Вечеромъ онѣ являются на улицѣ въ однѣхъ рубашкахъ съ распущенными и перекинутыми на лице волосами. Онѣ бродятъ то по улицѣ, то по задворкамъ, то прячутся въ коноплю, стараясь кого-нибудь испугать, преимущественно небольшихъ ребятъ. Если имъ удастся поймать ребенка, то онѣ трясутъ его.

Наканунѣ за̀говѣнья въ 12 часовъ ночи (до этого ча̀са русалки ходятъ всё время по деревнѣ то приближаясь къ курагòду, то держась нѣсколько поодаль), всѣ находящіеся на улицѣ вооружаются палками, коса̀ми, кнутами и съ крикомъ: «Гони русалокъ», звономъ въ косы и щелканьемъ кнутовъ бросаются на русалокъ, которыя утекаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю сосѣдней деревни (куда ихъ стараются не пустить), преслѣдованіе прекращается и всѣ возвращаются домой: «Ну теперь прогнали русалокъ».

Дѣтей очень часто пугаютъ русалками, въ слѣдствіе чего они ихъ очень боятся и твердо вѣрятъ, что русалка, поймавъ «дитю», можетъ затрясти и затоптать его до смерти. Обычай вы̀гона русалокъ исчезъ всего лѣтъ 10—12 тому назадъ, главнымъ образомъ благодаря вліянію духовенства.

Даньк. у. Муравьевская в., Гремячка. *О. П. Семенова.*

Ладвинскій или Масовскій языкъ.

Мнѣ удалось случайно познакомиться съ небольшимъ количествомъ оригинальныхъ словъ, употребляющихся въ одной изъ мѣстностей нашего Сѣвера. Записалъ ихъ нѣкто Juho Henrik Kála, студентъ Гельсингфорскаго университета, который вмѣстѣ съ извѣстнымъ здѣшнимъ ученымъ, докторомъ Emil Nestor Sétälä, путешествовалъ въ 1889 году по Олонецкой губерніи съ цѣлью изученія финскихъ говоровъ. Съ разрѣшенія г. Ка̀ла, я и хочу сообщить Вамъ эти слова, въ расчетѣ, что Вы, можетъ быть, отведете имъ полстранички въ «Живой Старинѣ». Можетъ быть, любопытно будетъ сопоставить нѣкоторыя изъ этихъ словъ съ словами, напр., «Катрушницкаго лемезня» (міꙗкрый, ярòхъ, ярỳха, ходỳла, гальмò). Какъ видите, рѣчь идетъ о такъ назыв. условномъ языкѣ. Этотъ условный языкъ принадлежитъ стекольщикамъ-ходебщикамъ изъ села Ладва (Петрозаводскаго уѣзда, на р. Ивинѣ, въ 50 верстахъ отъ Петрозаводска). Въ с. Шокшѣ (15 верстъ отъ Ладва) г. Ка̀ла встрѣтился съ однимъ мѣстнымъ «колдуномъ», Ѳедоромъ Гавриловичемъ Елисѣевымъ, который и познакомилъ его съ «ладвинскимъ» языкомъ (другое названіе этого языка: ма̀совскій). По словамъ колдуна, языкъ этотъ существуетъ изстари: уже прадѣдъ его зналъ этотъ языкъ; самъ Ѳедоръ Елисѣевъ выучился этому языку у своего отца, который былъ родомъ изъ Ладва. Г. Ка̀ла записалъ около 40 словъ. Привожу ихъ въ алфавитномъ порядкѣ:

алафѐйникъ=самоваръ,
беля̀ха=стекло,
булякѝ=глаза,
вòлить=понимать,
гелмò=молоко,
зѐхать=говорить,
злёнъ=человѣкъ, мужчина,
кича̀нъ=ножикъ,
комлю̀ха=шапка,
куба̀сья=жена, женщина,
леншовѝкъ=самоваръ,
леншỳха=вода,
лысый=дорогой,
марю̀шникъ=гривенникъ,
мащỳжить=работать?
мѝкрый=маленькій,

отзѣхать=перестать говорить,
паруха=баня,
пайшшукъ=мальчикъ (г. Кала сопоставляетъ это слово съ финскимъ (эстонскимъ): pois, множ. числ. poissid.),
пляханъ=рубль,
похазница=vulva,
салма=домъ,
стиверъ=деньги (г. Кала вспоминаетъ шведское styfver=маленькая монета, грошъ).
сумакъ=хлѣбъ,
теренить=обѣдать,
теренюха=обѣдъ,
тифукъ=penis,
фетёха=вѣникъ,
филка=пятачокъ,
хлебакъ=ложка,
хилый=дешевый,
ходакъ=нога,
хрустъ=рубль,
хявуга=дорога (г. Кала указываетъ на чудское kävun и финское: käyn=идти, шагать,
хяуканъ=собака (г. Кала сравниваетъ это слово съ финскимъ: haukkua=лаять и областнымъ корельскимъ: haukku=собака),
шифторья=дѣвушка,
юрья (jürja)=рука,
ярикъ=старикъ,
яруха=старуха.

Г-нъ Кала собирается еще разъ побывать въ Петрозаводскомъ уѣздѣ и обѣщаетъ со временемъ представить болѣе полную характеристику языка стекольщиковъ изъ с. Ладва.

Викторъ Семеновъ.

Гельсингфорсъ 7 Мая 1891.

Крестьянскія игры въ Минской губ.

Ниже я предлагаю описаніе нѣсколькихъ игръ, употребляемыхъ въ средѣ крестьянъ Минск. губ. Первыя семь изъ нихъ (№№ 1—7) наблюдаемы были въ Пинскомъ уѣздѣ, хотя, какъ мнѣ извѣстно, совершаются съ небольшими различіями и въ другихъ полѣсскихъ уѣздахъ этой губерніи. Запись словъ, употребляемыхъ въ нихъ, сдѣлана въ селѣ Доброславкѣ. Эти игры исполняются по преимуществу взрослыми парнями и дѣвушками, дѣти имъ только подражаютъ. Время игръ—весна и начало лѣта, особенно дни св. Троицы, Ивана Купала, св. Юрья, а также и Свѣтлая недѣля. Лѣтомъ игры наблюдать можно рѣдко, онѣ совершаются не съ такою торжественностью и важностью, какая замѣчается весною. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что игры въ весенніе праздники считаются какъ бы обязательными для молодежи и старики порицаютъ за пренебреженіе ими, переходъ къ новѣйшимъ танцамъ и т. п. Напротивъ, лѣтомъ праздничное препровожденіе времени молодежи сводится на хожденіе въ лѣсъ за грибами, по вечерамъ собираются въ опредѣленныхъ мѣстахъ на улицѣ, поютъ хоромъ пѣсни, парни играютъ на трубахъ изъ древесной коры, ухаживаютъ за своими милыми и т. п. Остальныя игры, описанныя подъ №№ 8—13, записаны въ Рѣчицкомъ у.; онѣ почти исключительно дѣтскія, играютъ въ нихъ мальчики.

Въ заключеніе прибавлю, что вопросъ объ играхъ почти не былъ затронутъ въ области бѣлорусской этнографіи, и потому я считаю умѣстнымъ подѣлиться съ интересующимися частью имѣющагося у меня по этому предмету матерьяла.

Можно указать только на вышедшій въ 1868 г. „Виленскій сборникъ“ Кулина, въ которомъ въ статьѣ Юліана Крачновскаго „Очерки быта западно-русскаго крестьянина“, на стр 123—200 предложено описаніе 11 дѣтскихъ игръ. Изъ нихъ только записанная на стр. 199 „игра въ кота“ представляетъ отдаленный варіантъ предлагаемой нами игры № 1 и также срав. варіантъ игры въ „цурки“ на стр. 195—6 ной нами въ № 8. Но игры эти записаны безъ указанія мѣста.

1. Крамнясь.

Эта игра состоитъ въ томъ, что играющіе становятся въ рядъ гуськомъ и держатъ другъ друга за поясъ. Передній изображаетъ «матку», кто либо другой, не становящійся въ рядъ,—«отчима». Послѣдній останавливается передъ маткой и копаетъ ямку. Мать говоритъ: «Добры день тоби!»—«Здорова!»—«Що ты робышь?»—«Ямочку копаю».—«Нащо ямочка?»—«Го́лочокъ шукаю» (иголокъ).—«Нащо го́лочки?»—«Каминчики класты».—«Нащо каминчики?»—«Твоимъ дитямъ зубы выбываты».—«За що?»—«Що попилы макъ и выдакъ» (?). Тогда всѣ со смѣхомъ и крикомъ берутъ по горсти земли и подбрасываютъ: «Тра було ге (?) городыты!» — «Хочь я й ге загородю, то твои диты перескочать!» Отчимъ гоняется и хочетъ кого нибудь поймать, дѣти убѣгаютъ и кричатъ: «Твои диты парщивыя, а нашія хорошія, дай удалыя, да крамнячся (?) хочу, жаба у болоти, а стерва пудъ плотомъ лежить». Бѣганье продолжается, пока отчимъ всѣхъ не переловитъ.

2. Золотое зерньятко.

Играющіе становятся въ кругъ попарно, пара отъ пары недалеко. Одинъ выходитъ изъ круга, подходитъ къ которой нибудь парѣ и говоритъ: «Добры день тоби».—«Що у тебе?»—«Золотее зерньятко».—«Що за ёго?»—Сто кепъ (копъ) и снепъ и гозеро воды, ёго Боже зароды". При этомъ стоявшіе въ парѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Спрашивавшій становится на ихъ мѣсто, между тѣмъ какъ тѣ, пробѣжавъ извѣстное пространство, прибѣгаютъ на свое мѣсто. Кто добѣжитъ первый, тотъ остается въ парѣ съ спрашивавшимъ, а опоздавшій отправляется спрашивать другую пару, и повторяется тоже.

3. Гуси—лебеди.

Играющіе раздѣляются на двѣ группы—«гусей» и «волковъ»; гуси стоятъ въ одной группѣ, «гусяча матка» идетъ подальше отъ нихъ и садится на заборѣ; волки становятся въ срединѣ между гусями и маткой. Мать зоветъ: «Гуски до дому!»—«А хто дома?»—«Воўкъ за горою».—«А що робыть?»—«Гусы давыть! сиры, билы, волохаты, текайте ўси до хаты»... Гуси бѣгутъ къ маткѣ, волки ихъ ловятъ. Пойманныя остаются съ волками, а убѣжавшіе идутъ на мѣсто. Игра продолжается въ томъ же порядкѣ, пока волки всѣхъ не переловятъ.

4. Просо.

Всѣ играющіе берутся за руки и становятся въ рядъ, кромѣ одного. Этотъ послѣдній подходитъ къ первому въ ряду съ словами: «Чи пуйдешь просо полоты?»—«Не пуйду!»—«А замужъ?»—«Полену!» Съ этимъ вопросомъ онъ обходитъ весь рядъ, обращаясь черезъ одного. Приведенныя слова онъ говоритъ быстро, стараясь, чтобы спрашиваемый ошибся въ отвѣтѣ. Въ послѣднемъ случаѣ спрашивающій занимаетъ мѣсто спрашиваемаго. Если ошибается первый въ вопросѣ, или спроситъ кого не въ очередь, то долженъ снова начинать съ перваго ряда.

5. Щеточка. (Обыкновенно дѣвичья игра).

Становятся въ кругъ, а одна ходитъ въ срединѣ и спрашиваетъ: «у кого щеточка?» Спрошенная указываетъ на слѣдующую и т. д. до одурѣнія, потомъ бьютъ приговаривая: «подъ землею, подъ зеленею гей!»

6. Дзѣнбалъ.

Двое изъ играющихъ отходятъ въ сторону, чтобы не слышать совѣщаній. Остальные становятся подъ заборомъ въ рядъ, и кто-либо даетъ играющимъ названія предметовъ, парнямъ мужескія, а дѣвушкамъ женскія. Когда названія всѣмъ даны, одинъ изъ бывшихъ въ сторонѣ приходитъ—«янголь»—и говоритъ: «Дзенбалъ!» —Хто тамъ?— «Янголъ изъ неба».—«Чого хочешъ?»—Онъ называетъ какой нибудь предметъ. Если съ такимъ названіемъ есть кто нибудь изъ играющихъ, то переходитъ на его сторону. А если нѣтъ, то его съ шумомъ и смѣхомъ отправляютъ назадъ. Наконецъ, дѣлаютъ и такъ, что назначавшій имена подводитъ играющихъ по-парно—парня и дѣвушку, называя ихъ, спрашиваетъ, кого желаетъ выбрать: «чи дуба, чи березу?»—«Янголь» кого нибудь выбираетъ и удаляется, а на его мѣсто приходитъ «чортъ» (другой изъ бывшихъ въ сторонѣ отъ совѣщаній) и также продолжаетъ выбирать, пока всѣ играющіе не раздѣлятся на двѣ половины. Тогда берутъ длинную палку; «янголь» берется за одинъ конецъ ея,—«чортъ» за другой. Палка изображаетъ собою вѣсы. Къ нимъ присоединяются и выбранные тѣмъ или другимъ. Каждая изъ сторонъ старается перетянуть палку на свою сторону. Перетянувшая идетъ «ў пекло», потому что у нее больше грѣховъ, «переважыла,» выпустившіе въ рай. Обѣ стороны разбѣгаются, одна къ одному опредѣленному мѣсту—«пеклу»; другая—«къ раю». Первые стараются перетянуть послѣднихъ «ў пекло» къ своему мѣсту, — стараясь поймать прежде, чѣмъ тѣ добѣгутъ до своего мѣста.

7. Воўкъ и овечка.

Одинъ изъ играющихъ выбирается «волкомъ», другой «маткою»; это бываютъ обыкновенно наиболѣе сильные и ловкіе парни, а иногда и дѣвушки... Остальные играющіе—«овечки». «Овечки» становятся гуськомъ за маткою, держа крѣпко другъ друга за поясъ. «Волкъ» становится передъ «маткою», скрежещетъ зубами и пр., выказывая тѣмъ свой аппетитъ.—«Хто тутъ», спрашиваетъ «матка»—«Воўкъ зъ лѣсу».— «А чого тоби треба?»—«Хочу твае дѣтки паесты».—«А трасцы! Мае дѣтки хорошіе, а ты воўкъ паршивый!» Обѣ стороны угощаютъ другъ друга нелестными эпитетами, а между тѣмъ «воўкъ» старается выхватить кого либо изъ среды овецъ; начинаетъ онъ обыкновенно съ послѣдняго въ ряду, такъ какъ его легче всего оторвать. При этомъ матка должна не перемѣнять мѣста, овечки же, держась другъ друга, убѣгаютъ то въ одну, то въ другую сторону, свертываются въ кружокъ; тотъ, на кого дѣлается нападеніе, старается подбѣжать къ маткѣ, которая имѣетъ право руками защищать своихъ дѣтенышей. Когда волкъ успѣетъ кого нибудь вырвать, то повторяется вышеприведенный разговоръ между нимъ и маткой. Игра продолжается, пока всѣхъ не успѣетъ волкъ перехватать; тогда всѣ они набрасываются на матку съ упреками и бранью, что она «дѣтокъ не уборонила; гоняются за нею, а иногда угощаютъ даже тумаками.

Всѣ вышеописанныя игры съ тѣми или другими варіантами употребительны въ различныхъ мѣстностяхъ Пинскаго уѣзда. Въ предлагаемомъ видѣ онѣ записаны въ с. Доброславкѣ, лежащей въ сѣверной части уѣзда.

Ниже я предлагаю описаніе нѣсколькихъ игръ, которая мнѣ пришлось не разъ наблюдать въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, въ селахъ подгородныхъ, въ Дерновической волости и пр. мѣстностяхъ. Нижеописанныя игры въ употребленіи только среди мальчиковъ, взрослые парни въ нихъ играютъ очень рѣдко.

8. Цурки.

Игры въ цурки—любимыя игры. Ихъ существуетъ нѣсколько варьянтовъ, но болѣе обыкновенный состоитъ въ слѣдующемъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, у каждой изъ которой есть «матка»—самый ловкій и умѣющій играть парень. Одна пар-

тія занимаетъ **городъ**, другая—**поле**. Горохомъ называется мѣсто, очерченное кругомъ или четыреугольникомъ, аршина въ два квадр., въ среди котораго выдавливается маленькая продольная ямка, такъ чтобы въ нее свободно входила палка; сверху этой палочки накладывается небольшая палочка въ $1^1/_2$—2 четв. арш., которая и называется собственно **цуркою**. Тогда другою палкой произвольной величины, вставленной въ эту ямочку, подбрасываютъ цурку такъ, чтобы она летѣла въ «поле», шаговъ на 50—100 впередъ.

Когда рѣчь заходитъ о томъ, какой сторонѣ идти въ поле и какой занимать городъ, то обыкновенно матки мѣряются. Берутъ палку, и оба мѣряющіеся сжимаютъ ее въ рукѣ; руки ихъ плотно пристаютъ одна къ другой, пока съ одного конца не дойдутъ до другаго; тотъ выигрываетъ, чья рука окажется на верху. Иногда сверху остается маленькій кончикъ; тогда тотъ, чья очередь была бы взять конецъ, можетъ, взявъ конецъ и не разжимая кулака, окружить палку около головы. Послѣ этого онъ считается выигравшимъ. Такой способъ жребьеванья употребляется не только въ этой игрѣ, но и во многихъ другихъ играхъ, гдѣ приходится, и даже практикуется въ житейскомъ обиходѣ. Замѣтимъ еще, что если матки не могутъ себѣ добровольно разобрать партію, то прибѣгаютъ къ выборамъ.

Играющіе раздѣляются на пары, даютъ условныя себѣ названія, подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ, напр.: «Чи дуба, чи хвою?» Происходитъ выборъ.

Когда все такимъ образомъ подготовлено, играющіе раздѣлились на партію **города** и **поля**, начинается игра. Первымъ начинаетъ бросать цурку матка. Преимущества ея состоятъ въ томъ, что она можетъ бросатъ цурку до тѣхъ поръ, пока «не спудлу ёі» до трехъ разъ, т. е. не ошибится. Ошибка можетъ состоять въ томъ, что цурка будетъ брошена не въ поле, по прямой или кривой, но въ сторону, подъ прямымъ угломъ, или назадъ, или же не дальше черты, называемой «мета», обозначенной шаговъ за 10—20 отъ города. Безъ извѣстнаго навыка одну изъ этихъ ошибокъ сдѣлать легко. Когда матка ошибается три раза (не подъ рядъ), то передаетъ кому либо изъ дѣтей. Эти послѣднія имѣютъ право бросать только три раза, при чемъ теряютъ свое право на бросанье, если произойдетъ одна изъ указанныхъ ошибокъ, хотя бы въ первый разъ. Иногда бросавшимъ три раза безъ ошибокъ, представляется право еще бросать, пока не ошибется. Право на бросанье теряется еще и независимо отъ умѣнья бросать. Дѣло въ томъ, что ушедшіе въ поле стараются или поймать цурку руками, или отбить назадъ ее на лету палкою; если же ни того ни другаго не успѣваютъ, то стараются бросить цурку въ городъ, т. е. въ средину извѣстной намъ черты. Искусство бросающаго состоитъ въ томъ, что онъ долженъ бросать какъ можно дальше, полетъ долженъ быть какъ можно сильнѣе, чтобы цурку труднѣе было ловить; наконецъ стараются попасть въ такое мѣсто поля, гдѣ бы ее не могли поймать или отбить, подъ угломъ, рикошетомъ и т. п. Съ своей стороны и стоящіе въ полѣ стараются или отбить цурку палкой такъ, чтобы она отлетѣла подальше въ сторону, или же схватить на лету. Если случается послѣднее, что весьма трудно, то полевые занимаютъ городъ. Игра ведется по счету. Если цурка отбита палкою, то тогда мѣряютъ сколько укладывается палокъ отъ мѣста паденія ея до города; каждую мѣру считаютъ обыкновенно въ десять; если цурка была не отбита, но брошена въ черту города, то считается больше, по условію, 50—60. Этими путями стоявшіе въ полѣ должны насчитать до извѣстнаго числа 300, 500—1.000 и т. п., (пулька—мы бы назвали)—и тогда берутъ городъ. Если же они не успѣютъ насчитать такимъ образомъ извѣстнаго числа до тѣхъ поръ, пока всѣ бывшіе въ городѣ не успѣютъ по очереди перебросить цурку, то городъ остается за послѣдними и счетъ начинается снова.

Игра эта варьируется, но отступленія небольшія; они касаются условій счета, права бросанія цурки и пр. Такъ какъ она требуетъ большой ловкости, то иногда ловкіе парни выходятъ въ одиночку противъ цѣлой партіи.

9.. Палочка.

Составляетъ почти тоже, что и общеизвѣстная игра въ прятки. Кто нибудь по жребію остается у палочки, остальные прячутся. Тогда онъ, ударяя ею по колодѣ или забору, кричитъ: «Палка идзе, никого не знайдзе, кого перваго знайдзе, той за палочкой пайдзе!»—и начинаетъ искать. Онъ долженъ найти кого нибудь, прибѣжать къ мѣсту, гдѣ лежитъ палка, и постучать, и тогда найденный остается искать. Если же послѣдній успѣетъ добѣжать и постучать раньше, то искать долженъ тотъ же. Тоже самое бываетъ и тогда, когда ищущій удаляется отъ палки, а кто нибудь успѣетъ постучать ею.

10. Шпень.

Играющіе становятся въ полукругъ, и каждый вырываетъ палкой себѣ ямку; внѣ полукруга на разстояніи отъ каждаго шаговъ на 20, ставится на опредѣленномъ мѣстѣ «круглачокъ»; т. е. деревянный цилиндръ вершка въ два-три высотою, столько же въ діаметрѣ. Одинъ по жребію стоитъ невдалекѣ отъ этого цилиндра. Остальные по порядку бросаютъ палками въ этотъ цилиндръ, чтобы его сбить. Если сбиваетъ, то бросается за своей палкой, а въ тоже время стоявшій отдѣльно долженъ его поднять, поставить на тоже мѣсто и бѣжать къ ямкѣ. Кто первый добѣжитъ, тотъ занимаетъ мѣсто. Если же бросившій палку не сбилъ, то остается на своемъ мѣстѣ, бросаетъ другой и т. д., пока кто нибудь не собьетъ; тогда всѣ бѣгутъ за палками.

11. Козелъ.

Играющіе становятся вкругъ, каждый выкапываетъ около себя ямку. Кто либо по жребію становится въ кругъ и палкою начинаетъ подкачивать мячъ къ кому либо изъ играющихъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что находящійся въ кругѣ старается вкатить мячикъ въ чью либо ямку, а этотъ старается откатить палкою. Подкачивающій мячикъ старается вставить въ ямку свою палку въ тотъ моментъ, когда кто нибудь вынетъ свою, чтобъ отбить мячикъ. Пропустившій долженъ идти за мячикомъ.

12. Палантъ.

Эта игра также съ мячомъ, и имѣетъ нѣкоторое сходство съ описанною игрою въ цурки. Играющіе также раздѣляются на двѣ партіи съ матками во главѣ. Одна остается въ городѣ, другая уходитъ въ поле. Городъ представляетъ опредѣленное мѣсто, не обведенное чертой. Передъ городомъ, шаговъ за 10—20, лежитъ черта—«мѣта». Игра состоитъ въ томъ, что играющій подбрасываетъ и ударяетъ мячикъ палкой, (которая и называется п а л а н т о м ъ) такъ, чтобы онъ летѣлъ въ поле. Матка начинаетъ и опять таки можетъ сдѣлать промахъ три раза, остальные играющіе могутъ бить по три раза, если не сдѣлаютъ промаха. Стоящіе въ полѣ стараются поймать мячъ, и если достигнутъ цѣли—берутъ «городъ». Въ противномъ случаѣ взять городъ могутъ еще такимъ образомъ. Занимающіе городъ должны «выкупаться», выкупъ состоитъ въ томъ, что ударившій въ мячъ долженъ бросить палантъ, бѣжать къ «мѣтѣ» и возвратиться раньше, чѣмъ его противники успѣютъ бросить мячъ обратно. Если мячъ обгонитъ бѣгущаго, онъ долженъ возвратиться и стоять на метѣ, пока слѣдующій не ударитъ и тѣмъ не дастъ ему возможности «выкупится», т. е. прибѣжать въ городъ. При выкупѣ строго соблюдается, чтобы бѣгущій къ метѣ не взялъ съ собою планта, въ этомъ случаѣ партія его теряетъ городъ и идетъ въ поле; иногда такая ошибка допускается нѣсколько разъ. Если полевые успѣютъ разъ или нѣсколько, по условію, попасть мячемъ въ тѣхъ, которые бѣгутъ къ метѣ, то также они занимаютъ городъ. Если же полевые не успѣютъ взять города указанными средствами, то у нихъ остается еще одно; они берутъ городъ, если всѣ пройдутъ свою очередь въ бросаніи мяча, кто либо не успѣетъ выкупиться.

13. «Што робишь».

Эта игра преимущественно дѣтская, особенно дѣвочекъ. Она состоитъ въ томъ, что одна назначаетъ работы всѣмъ играющимъ, сидящимъ въ кружкѣ. Одна «обѣдъ варицъ», другая «хлѣбъ пече»,—третья «овесъ жнё» и т. д. Тогда каждая выкапываетъ себѣ ямку, садится около нея, беретъ палочку и вертитъ ею въ ямкѣ. Одна ходитъ въ серединѣ круга и тоже вертитъ ею въ ямочкѣ. Эта послѣдняя задаетъ всѣмъ какую нибудь общую работу, напр., говорить: «печице ўсе хлѣбъ» или «спѣвайце пѣсню»,—и всѣ съ большимъ усердіемъ начинаютъ вертѣть палочками въ ямкѣ и громко повторять заданную работу: «хлѣбъ неку, хлѣбъ пеку» и т. д. Въ это время сидящая въ кругѣ неожиданно обращается съ вопросомъ къ кому нибудь: «Што ты робишь?» Спрошенная должна немедленно назвать назначенную ей работу; если же ошибется и назоветъ общую, или замнется, то мѣняются мѣстами.

М. Довнаръ-Запольскій.

Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Ярославской губерніи.

Съ самыхъ древнихъ временъ человѣческій умъ видѣлъ въ сновидѣніяхъ одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для того, чтобы приподнять таинственную завѣсу будущаго. Вѣра въ пророческое значеніе сновидѣній существуетъ, кажется, у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей степени культурнаго развитія, вѣра эта была несомнѣнно и у нашихъ предковъ Славянъ. Достаточно вспомнить вѣщій сонъ Святослава въ такихъ высоко поэтическихъ образахъ, воспѣтый творцомъ «Слова о плъку Игоревѣ». Во времена татарскаго ига существовали даже спеціальныя сочиненія, имѣвшія цѣлію своею толкованіе сновидѣній. Такъ въ молитвенникѣ митрополита Кипріана (XIV в.) въ числѣ запрещенныхъ книгъ между различными «громниками», «чаровниками», «путниками» упоминается и «сносудецъ», т. е. истолкователь сновъ. Неудивительно поэтому, что и въ настоящее время сонъ и сновидѣнія все еще служатъ предметомъ довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ народныхъ вѣрованій, знакомство съ которыми для многихъ можетъ показаться не безъинтереснымъ.

Постель свою простолюдинъ старается стлать по возможности такъ, чтобы изголовье ея приходилось по направленію къ переднему углу, гдѣ помѣщается «божница», т. е. полка съ иконами. Если представляется возможность, то постель стараются стлать поперегъ половицъ, а не вдоль: «вдоль пола кладутъ только однихъ покойниковъ», говорятъ крестьяне въ оправданіе даннаго обычая. Никогда не должно ложиться спать головою къ порогу, точно также какъ и на проходъ изъ одной комнаты въ другую. При несоблюденіи этого условія, спящему снятся страшные сны, и его давитъ кошмаръ.

Кошмаръ почти повсемѣстно считается дѣломъ домового или домовика, котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ «самъ», «онъ», «хозяинъ». Послѣднее названіе домовой получилъ за то, что по своему внѣшнему виду онъ представляетъ изъ себя чистый двойникъ дѣйствительнаго домохозяина. Любимое мѣстопребываніе домового порогъ и печь. Неудивительно, что и кошмаръ чаще всего бываетъ съ людьми, спящими у порога или на печи. Не всякій, поэтому, рѣшается спать ночью на печи, предпочитая въ случаѣ холода забраться на палати или на голубецъ [1]), чтобы не безпокоить домовика.

Сновидѣнія, производимыя дѣйствіемъ домового, хотя постоянно бываютъ страшны, тѣмъ не менѣе по содержанію своему никогда не имѣютъ въ себѣ ничего соблазни-

---

[1]) Голубецъ деревянная пристройка съ боку печи, въ ровень съ послѣднею. Съ боку его находятся ступеньки, по которымъ влѣзаютъ на голубецъ. Подъ голубцемъ находится входъ въ подъизбицу или подполье.

тельнаго или грѣховнаго. Спящему снится иногда, что на него падаетъ потолокъ, что его душатъ или давятъ разбойники, что онъ спасается бѣгствомъ отъ какой нибудь опасности, и ноги его отказываются ему служить, что его живого зарываютъ въ землю и т. д. и т. д. Совершенно инымъ характеромъ, по народнымъ вѣрованіямъ, отличаются сны, производимые дѣйствіемъ дьявола. Въ содержаніи такихъ сновъ постоянно есть что нибудь грѣховное, соблазнительное. Такъ, напр., старымъ людямъ снятся любовныя приключенія, бывшія съ ними въ молодости. Иногда въ такихъ сновидѣніяхъ являются и сами черти.

Всѣ такія сновидѣнія народъ объясняетъ тѣмъ, что спящій не помолился предъ сномъ Богу или помолился не усердно и тѣмъ далъ надъ собою власть дьяволу. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда не помогаетъ и молитва, такъ, напр., когда человѣкъ ложится спать во владѣніяхъ нечистаго (напр., у колдуна въ домѣ) или безъ шейнаго креста, или помянетъ на ночь черта. Для того, чтобы избѣжать козней нечистаго благочестивые простолюдины осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, нѣкоторые же, не довольствуясь этимъ, осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ свое изголовье и всѣ четыре страны свѣта.

Дѣйствіемъ нечистаго объясняются и тѣ вѣщіе сны, которые производятся искуственно съ цѣлію гаданія: поэтому то гадающіе, ложась спать, почти никогда не молятся Богу. Вѣщіе сны вызываются различными способами. Дѣвушка, ложась спать на новомъ необычномъ для нея мѣстѣ, можетъ увидѣть своего суженаго, для этого ей стоитъ произнести только (по нѣкоторымъ три раза): «ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись женихъ невѣстѣ». Если гадаетъ парень, то заклинательная формула произносится такъ: «ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись жениху невѣста».

Вѣщіе сны стараются вызывать чаще всего въ ночь на новый годъ. Въ однихъ мѣстахъ дѣвушка, желающая видѣть своего суженаго въ ночь на новый годъ откалываетъ отъ угла сосѣдскаго дома щепку и кладетъ ее въ изголовье своей постели со словами: «суженый ряженый явись ко мнѣ». Въ эту ночь гадающей непремѣнно приснится суженый. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто щепки кладется въ изголовье постели игла, рѣже игральная карта, или, наконецъ, съѣдается передъ сномъ наперстокъ соли. Гадаютъ иногда и такимъ образомъ: дѣвушка, желающая видѣть во снѣ своего суженаго, кладетъ въ изголовье постели гребень, поясъ и мыло, при чемъ произноситъ: «суженый-ряженый, умой меня, причеши меня, опояшь меня». Гадающая во снѣ увидитъ своего суженаго, причемъ проснувшись окажется умытою, причесанною и опоясанною. Нерѣдко голова гадающей дѣвушки оказывается по утру разцарапанною гребнемъ до крови. Всѣ вѣщіе сны при гаданіи народъ считаетъ, какъ мы уже сказали выше, дѣйствіемъ «нечистаго».

Дѣвушкѣ, по народному повѣрью, никогда не слѣдуетъ ложиться спать на животъ—навзничъ, такъ какъ это грѣхъ.

Обычное пожеланіе, какое можно услыхать, отправляясь на сонъ грядущій, это: «спокойной ночи, пріятнаго сна». Въ старину молодежь измѣняла это пожеланіе такимъ образомъ: «спокойной ночи, пріятнаго сна, гулять по саду, срывать жасминъ, цѣловать кто милъ». Въ настоящее время изъ устъ крестьянской молодежи можно нерѣдко слышать и такія шуточныя пожеланія: «покойной ночи, пріятнаго сна, цѣловать козла» или «покойной ночи, что приснится—намъ объяснится».

Ложиться спать, по народной примѣтѣ, слѣдуетъ по возможности на правомъ боку: сонъ на лѣвомъ боку или на спинѣ чаще всего сопровождается кошмаромъ и бредомъ. Если человѣкъ бредитъ во снѣ, то его легко заставить отвѣчать на всѣ предлагаемые ему вопросы: слѣдуетъ предлагать только эти вопросы, какъ можно чаще, такъ, чтобы теченіе рѣчи не прекращалось. Такимъ образомъ возможно узнать у человѣка сокровенныя его мысли. Для послѣдней цѣли въ старину употреблялись даже особенныя средства. Такъ въ одномъ народномъ цвѣтникѣ мы читаемъ: «трава ряска... и той травы положи женѣ въ головы и все про себя раскажетъ, что было» [1]).

---

[1]) Рукописный оригиналъ, находящійся у насъ, относится къ пятидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія.

Бредъ во снѣ считается болѣзнію, чтобы прекратить бредъ слѣдуетъ потрясти спящаго за носъ. Въ томъ же цвѣтникѣ мы читаемъ: «трава мышка (по описанію цвѣтника должно быть vicia sativa—мышиный горохъ).... и ту траву давать кто съ ума сойдетъ или во снѣ бредитъ».

Сонъ спящаго охраняется ангеломъ хранителемъ его. Если ребенокъ смѣется во снѣ, то это значитъ, что онъ видитъ своего ангела хранителя. Если ребенокъ спитъ съ открытыми глазами, то это значитъ, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Обыкновеннымъ снамъ народъ въ большинствѣ случаевъ придаетъ немного вѣры. «Ночь долга—наврется всякая всячина», говоритъ о такихъ сновидѣніяхъ народъ. Появленіе такихъ вздорныхъ сновидѣній народъ старается даже объяснить естественною причиною: по народной примѣтѣ снятся чаще всего тѣ предметы, о которыхъ накапунѣ человѣкъ думалъ или упоминалъ въ разговорѣ. Тѣмъ не менѣе есть много предметовъ, видѣть которые во снѣ что нибудь да означаетъ. Помѣщаемъ здѣсь перечень этихъ предметовъ, причемъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что, по вѣрованію народному, сонъ, приснившійся на праздникъ, долженъ исполниться въ этотъ самый праздникъ до обѣда. Поэтому то въ народѣ существуетъ и поговорка: «праздничный сонъ до обѣда».

Беременную женщину во снѣ видѣть предвѣщаетъ «сплетни».

Блины «къ письму».

Борода снится «къ прибыли», т. е въ семейство прибудетъ новый членъ, или будетъ прибыль въ домашнемъ скотѣ и т. д.

Бѣлье—«къ несчастью».

Вино во снѣ видѣть значитъ въ скоромъ времени предъ кѣмъ нибудь «виновату быть».

Вода чистая, прозрачная снится къ радости.

Вода грязная и мутная предвѣщаетъ несчастье и слезы.

Вши снятся къ богатству.

Грибы видѣть предвѣщаетъ непріятность.

Деньги мѣдныя и серебряныя снятся къ слезамъ.

Деньги бумажныя—къ выигрышу.

Дѣвица снится «къ диву».

Дѣвочку маленькую видѣть во снѣ предвѣщаетъ «убыль», т. е. изъ семьи выбудетъ одинъ членъ.

Женщина нагая—къ непріятнымъ вѣстямъ.

Зубъ выпавшимъ видѣть у себя предвѣщаетъ большое несчастіе.

Зубъ выпавшій съ кровью предвѣщаетъ близкаго покойника.

Звонъ церковный слышать во снѣ къ близкому покойнику.

Корова снится «къ рёву», т. е. къ слезамъ.

Кошка—къ несчастію.

Кровь видѣть во снѣ предвѣщаетъ свиданіе съ близкими родными.

Лошадь видѣть предвѣщаетъ свиданіе съ врагомъ. (Народная поговорка—«конь ворогъ»).

Мальчикъ снится къ прибыли, т. е. въ семьѣ прибудетъ новый членъ.

Медвѣдя видѣть во снѣ предвѣщаетъ женитьбу или замужество.

Милостину подавать во снѣ—къ родному покойнику.

Нагимъ себя видѣть во снѣ предвѣщаетъ позоръ.

Огонь въ печи видѣть—предвѣщаетъ бѣду.

Пироги снятся къ письму.

Печь—къ бѣдѣ.

Пиво—къ диву.

Покойники снятся зимой къ снѣгу, лѣтомъ къ дождю.

Попы—лѣтомъ къ дождю, зимой къ снѣгу.

Попы поютъ—значитъ придется слушать чьи нибудь пени, т. е. укоры.

Полотна видѣть во снѣ предвѣщаетъ непріятную дорогу.

Полотенце предвѣщаетъ дорогу.

Пожаръ—къ морозу,

Платокъ—къ письму.

Пчелы снятся къ богатству.

Пѣтухи снятся къ вѣстямъ. (По народному повѣрью пѣтухи громко и часто поютъ тоже къ вѣстямъ или теплу).

Падать во снѣ. Если ребенку снится, что онъ падаетъ, то это, по народному повѣрью, означаетъ, что въ данный моментъ онъ прибываетъ въ ростѣ.

Рожь снится «къ бѣдѣ».

Рѣка снится «къ рѣчамъ».

Рыба—къ непріятности и къ слезамъ.

Собаку видѣть во снѣ предвѣщаетъ свиданіе съ другомъ.

Солома снится «къ содому», т. е. къ шумной ссорѣ.

Трескъ дерева во снѣ слышать предвѣщаетъ покойника.

Утопленникъ снится «къ стужѣ».

Чай во снѣ пить предвѣщаетъ «нечаянность».

Цыплята снятся «къ народу».

Яйца—къ бѣдѣ.

Вотъ тѣ немногіе остатки, какіе уцѣлѣли въ народѣ отъ прежнихъ «сносудцевъ». Впрочемъ и этимъ остаткамъ народъ съ каждымъ днемъ придаетъ все меньше и меньше вѣры. Совершенно не такъ народъ относится къ снамъ вѣщимъ, бывающимъ человѣку рѣдко, но за то предсказывающимъ ему очень часто всю его дальнѣйшую судьбу или, по крайней мѣрѣ, важные перевороты въ его жизни. Такіе сны народъ никогда не смѣшиваетъ съ обыкновенными снами, которымъ онъ въ большинствѣ случаевъ придаетъ немного вѣры. Обыкновенные сны бываютъ, по народному воззрѣнію, неясны, никогда не повторяются и весьма быстро изглаживаются изъ памяти. Совершенно противуположнымъ характеромъ отличаются вѣщіе сны.

Сны эти отличаются своею рельефностію, нерѣдко повторяются съ буквальною точностію раза по два и даже по три и, наконецъ, никогда не забываются человѣкомъ до тѣхъ поръ, пока не сбудутся. Рѣдко удается истолковать такой сонъ, въ большинствѣ же случаевъ, тогда только человѣкъ и можетъ дать сну вполнѣ правильное объясненіе, когда этотъ сонъ исполнится.

Для характеристики вѣщихъ сновъ разскажемъ нѣсколько такихъ сновъ, разсказы эти намъ привелось слышать непосредственно отъ тѣхъ лицъ, которымъ снились эти сны.

«Парнемъ я жилъ на заработкахъ постоянно въ Ярославлѣ, разсказывалъ намъ одинъ пожилой крестьянинъ [1]), самъ я любимскій и никогда ни въ Пошехоньѣ, ни въ пошехонскомъ уѣздѣ не бывалъ, да и быть не думалъ... Однажды послѣ сильнаго похмѣлья я забрался на конюшню и уснулъ. Сплю, и снится мнѣ церковь, я стою посреди церкви, кругомъ свѣчи да лампады горятъ, а богомольцевъ ни души. Посмотрѣлъ я вверхъ—надо мной большущій вѣнецъ съ потолка спускается... Поглядѣлъ я на него немного, повернулся и пошелъ вонъ изъ церкви. Иду, а на меня со всѣхъ сторонъ собаки кидаются—кусать не кусаютъ, а одежу рвутъ. Я хотѣлъ было крикнуть о помощи и пробудился. Церковь и все убранство въ ней врѣзались мнѣ въ голову, какъ живые. Прошло десять слишкомъ лѣтъ и судьба привела мнѣ жениться, а невѣсту взять въ С—комъ приходѣ пошехонскаго уѣзда. Пріѣхавъ къ вѣнчанью, я вошелъ въ церковь, и церковь эта оказалась точь въ точь такая же, какую я видѣлъ во снѣ... Повѣнчался я тутъ и сталъ жить семьей и что-же? трехъ лѣтъ не прошло, какъ два задушевные мои пріятеля (собака—другъ, см. выше) чуть-чуть не пустили меня по міру. Такъ-то сонъ мой и оправдался, и до сихъ поръ мнѣ не забыть его»...

Другому крестьянину незадолго до его женитьбы приснилось, что онъ будто-бы то-

[1]) Передавая разсказъ по памяти, мы, конечно, не можемъ передать его съ буквальною точностію.

нетъ въ трясинѣ. Сонъ этотъ онъ принялъ за дурное предзнаменованіе, тѣмъ не менѣе женитьба его состоялась и оказалась въ послѣдствіи крайне неудачною: послѣдующая послѣ женитьбы жизнь крестьянина была цѣлымъ рядомъ ссоръ и непріятностей.

Разсказовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, существуетъ въ народѣ множество. Мы полагаемъ, что изъ двухъ приведенныхъ нами разсказовъ о вѣщихъ снахъ можно составить общее понятіе объ этихъ снахъ.

Что касается до причины вѣщихъ сновъ, то относительно этого пункта въ народѣ существуютъ весьма разнообразныя мнѣнія. По мнѣнію однихъ, вѣщіе сны дѣло рукъ Божьихъ, цѣль ихъ предостеречь человѣка отъ какого-нибудь рѣшительнаго шага въ жизни. По мнѣнію другихъ, эти сны есть простое слѣдствіе человѣческаго предчувствія: „знать душа чуяла“, говоритъ о такихъ снахъ народъ. Къ слову замѣтимъ, что вѣра въ предчувствіе повсемѣстно распространена въ народѣ. Благодаря этому предчувствію, передъ несчастіемъ человѣкъ чувствуетъ душевную тревогу, безпричинную тоску, безпокойство и т. д.

Предчувствіе у однихъ людей бываетъ болѣе развито, чѣмъ у другихъ: одни ощущаютъ безпричинную тоску даже предъ самыми незначительными огорченіями, другіе напротивъ, встрѣчаютъ спокойно самыя большія несчастія.

Въ тѣсной связи съ вѣщими снами стоятъ сны религіозные, происхожденіе которыхъ народъ единогласно приписываетъ Богу и святымъ Его. Для характеристики этихъ сновъ приведемъ нѣсколько разсказовъ-легендъ о подобныхъ снахъ.

Село Давыдовское Пошехонскаго уѣзда расположено въ низкой лощинѣ на берегу рѣчки Шиги и окружено со всѣхъ сторонъ довольно высокими холмами. Легенда гласитъ, что въ давнія времена первые насельники этой мѣстности хотѣли построить церковь во имя Св. Великомученика Георгія не близъ рѣчки Шиги, гдѣ стоитъ она въ настоящее время, а на довольно высокомъ песчаномъ холмѣ Софонихѣ, находящемся въ полуверстѣ отъ села. Закладка храма была сдѣлана, но въ слѣдующую же за закладкою ночь невѣдомою силою вся работа была разрушена и матеріалы, приготовленные для постройки, перенесены на берегъ рѣчки Шиги, на то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ село. Нѣсколько разъ возобновляли кладку, но постоянно все сдѣланное днемъ разрушалось невѣдомою силою ночью. Наконецъ, одному благочестивому старцу во снѣ явился св. Георгій Побѣдоносецъ и объявилъ, что ему неугодно сооруженіе храма на горѣ Софонихѣ, что мѣсто это для основанія селенія непригодно, такъ какъ на немъ невозможно будетъ достать ни капли воды и указалъ на новое мѣсто для сооруженія храма, на мѣсто близъ р. Шиги. Сонъ былъ переданъ старцемъ строителямъ храма, послѣ чего послѣдніе рѣшили воздвигнуть храмъ на указанномъ мѣстѣ, и храмъ былъ воздвигнутъ безъ всякихъ препятствій.

Вторая легенда пріурочена къ селу Ѳедоринскому, Пошехонскаго же уѣзда. Въ полуверстѣ отъ этого села въ небольшомъ перелѣскѣ находится часовня въ честь преп. Ѳеодоры, а саженяхъ въ 40 отъ часовни—довольно большой камень. На этомъ камнѣ находится углубленіе, имѣющее отдаленное сходство съ слѣдомъ человѣческой ноги. По народному преданію, однажды одинъ богобоязненный мужъ, проходя мимо этого мѣста (часовни тутъ тогда еще не было), сѣлъ близъ этого камня отдохнуть и уснулъ. Во снѣ явилась ему преподобная Ѳеодора стоящею на этомъ камнѣ, и приказала ему близъ этого мѣста воздвигнуть въ честь ея часовню. Проснувшись, богобоязненный мужъ замѣтилъ, что на гладкомъ прежде камнѣ явственно отпечатался слѣдъ отъ стопы преподобной Ѳеодоры. Сонъ былъ разсказанъ окрестнымъ жителямъ и черезъ нѣсколько времени на этомъ мѣстѣ была сооружена часовня. Существуетъ много такихъ разсказовъ о явленіи святыхъ во снѣ извѣстнымъ лицамъ. Иногда святые являются лицамъ тяжко больнымъ, причемъ указываютъ на тотъ или иной подвигъ, какой долженъ предпринять больной, чтобы заслужить помилованіе Божіе и исцѣленіе отъ болѣзни; иногда они напоминаютъ больнымъ объ исполненіи предсмертныхъ христіанскихъ обязанностей, иногда же, наконецъ, прямо указываютъ больному на скорую кончину его, причемъ нерѣдко означаютъ день и часъ ея. Вообще, видѣніе святыхъ во снѣ, есть, кажется, излюбленная форма русскихъ религіозныхъ видѣній, не-

даромъ и разсказу о страданіяхъ Господа Іисуса Христа въ одномъ апокрифѣ народъ придалъ форму сна. («Сонъ Пресвятой Богородицы») [1].

Особый циклъ сновидѣній представляютъ изъ себя такія сновидѣнія, въ которыхъ являются людямъ лица умершія, покойники.

Если во снѣ являются близкія умершія лица, то это значитъ, что мы забываемъ объ нихъ молиться и умершіе просятъ нашихъ молитвъ. Повѣрье это относится преимущественно къ умершимъ дѣтямъ. Особенно часто являются во снѣ умершіе насильственною смертію. Убитые, являясь почти ежедневно во снѣ своимъ убійцамъ, мучатъ ихъ своимъ появленіемъ и нерѣдко доводятъ до раскаянія. Сны эти, по народнымъ разсказамъ, отличаются необычайною рельефностію, убитые являются, какъ живые, и самый сонъ иногда бываетъ трудно отличить отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что, по народному вѣрованію, умершіе насильственною смертію являются своимъ убійцамъ не только во снѣ, но и на яву. Разсказовъ о такихъ сновидѣніяхъ и явленіяхъ существуетъ весьма много. Къ слову замѣтимъ, что народъ отличаетъ явленія умершихъ подъ вліяніемъ галлюцинацій въ слѣдствіе разстроеннаго воображенія отъ вышеупомянутыхъ нами явленій. Бываетъ, что человѣкъ видитъ умершаго съ страшнымъ, необычайно искаженнымъ въ предсмертной агоніи лицомъ—лицо это такъ отчетливо врѣзывается въ памяти видѣвшаго, что неотступно преслѣдуетъ его, и наконецъ случается, что страшный образъ является человѣку на яву, «примерещится», какъ говоритъ народъ. Народъ, какъ уже мы сказали, отличаетъ эти явленія и имѣетъ противъ нихъ даже свое специфическое лекарство. Человѣкъ, видѣвшій искаженное лицо умершаго, долженъ, придя домой, посмотрѣть нѣсколько времени въ ярко растопленную печь, и страшный образъ утратитъ въ воображеніи человѣка свою прежнюю отчетливость. Средство это было испытано нѣсколько разъ нами и всегда отличалось успѣхомъ: достаточно посмотрѣть нѣсколько минутъ въ огонь, какъ отчетливое прежде представленіе теряетъ окончательно свою рельефность и вскорѣ затѣмъ быстро изглаживается изъ памяти.

Лица умершія насильственною смертію, по народному вѣрованію, являются не только своимъ убійцамъ, но и лицамъ постороннимъ: послѣднее бываетъ чаще всего въ томъ случаѣ, когда убійцы неизвѣстны и не подверглись заслуженной карѣ, когда тѣло убитой жертвы бываетъ скрыто и лишено христіанскаго погребенія и т. д. Являясь въ данномъ случаѣ во снѣ, жертвы преступленія весьма обстоятельно даютъ иногда указанія относительно того, гдѣ спрятано ихъ тѣло, кто ихъ убійца, а иногда и подробности ихъ насильственной смерти. Разсказовъ о такихъ сновидѣніяхъ существуетъ въ народѣ множество, и приводить ихъ здѣсь мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ какъ разсказы эти довольно однообразны.

Вѣрованіе въ лунатизмъ сравнительно распространено въ народѣ гораздо менѣе, хотя и о лунатикахъ различныхъ разсказовъ существуетъ довольно. Всѣ эти разсказы сводятся къ тому, что причиной лунатизма служитъ спанье съ головою открытою дѣйствію яркихъ лунныхъ ночей, что лунатики легко взбираются на кровли и другіе малодоступные предметы, что явленія лунатизма замѣчаются чаще всего въ ясныя лунныя ночи, особенно во время полнолунія. Чтобы вывести человѣка изъ состоянія лунатизма, достаточно назвать этого человѣка по имени или стукнуть серебряной ложкой или другимъ серебрянымъ предметомъ, такъ чтобы лунатикъ услыхалъ стукъ серебра.

Заключимъ нашу краткую замѣтку о снахъ и сновидѣніяхъ въ народныхъ вѣрованіяхъ оригинальнымъ повѣрьемъ «о косточкѣ-бужаткѣ», повѣрьемъ, существующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи. По этому повѣрью, человѣкъ, желающій просыпаться въ такое время, когда ему нужно, долженъ носить на шеѣ «косточку-бужатку», т. е. дугообразную косточку изъ пѣтушинаго папоротка. Эта косточка всегда разбудитъ человѣка вб время.

А. Баловъ.

---

[1]) Легенды эти помѣщены были нами въ «Яр. Губ. Вѣд.», за 1889 г. № 1.

Народная дѣтская игра подъ названіемъ въ „Сѣно".

Въ прежнее время между крестьянскими дѣтьми была довольно распространена карточная игра въ «Сѣно»- Едва вешнее солнышко растопитъ снѣга на пригоркахъ, какъ полѣзетъ молодая травка и отмокнетъ старая ветошь, домохозяева уже спѣшатъ выгнать на проталины овецъ, а такъ какъ пастухи еще не наняты, то особняки стерегутъ мальчики, собираютъ каждодневную дань съ неимѣющихъ пастуховъ яйцами. Между прочими развлеченіями у пастушковъ бываетъ игра въ «Сѣно», если у кого изъ нихъ имѣется засаленная колода картъ. Игра эта состоитъ въ слѣдующемъ: карты по пяти сдаются по рукамъ, однородныя по двѣ сбрасываютъ, дополучая изъ колоды, а послѣдними по одной крапами къ верху обмѣниваются между играющими, приговаривая: шуры муры, шалды балды. У кого осталась на рукахъ послѣдняя карта тому вышедшій впередъ, собравъ и соединивъ колоду такъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ видѣнъ былъ крапъ, держа колоду по срединѣ, другой рукой передъ глазами проигравшаго, проводитъ по краю картъ, съ тѣмъ чтобы можно было видѣть по очкамъ всѣ карты, произноситъ: «пыль тѣ въ глаза, въ носъ танана! съ котораго боку какого просишъ туза»? Страдательный говоритъ, наприм., съ верхняго боку бубноваго, тогда карты выкладываются по одной, а проигравшагося съ двухъ сторонъ тянутъ за волосы, приговаривая: «сѣно, сѣно»... Когда дѣло доходитъ до фигуры, тогда внушенія видоизмѣняются: «холопъ (валетъ) за уши волокъ; краля за уши таскала; королю въ ножки, тузу клинъ!» (ударъ въ спину) впредь до указаннаго туза. Масти картъ назначаются: хрести, (крести), буби, черви, галки (вини, пики).

Ив. Мамакинъ.

З. Гор. Починки, Нижегор. г.

Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Какъ извѣстно, прошлымъ лѣтомъ въ Казани была научно-промышленная выставка. На этой выставкѣ, между прочимъ, былъ организованъ «Дѣтскій отдѣлъ»,— отдѣлъ, по сравненію съ другими, очень маленькій, не богатый ни по качеству, ни по количеству выставленныхъ въ немъ экспонатовъ, но тѣмъ не менѣе все таки довольно интересный. Особенно сильно заинтересовали меня въ этомъ отдѣльчикѣ игрушки деревенскихъ ребятъ. Правда, всѣ эти деревенскія куклы, топорики, сошки, мельницы, казачки, трещетки и пр.—никакъ не могли похвалиться своимъ изящнымъ видомъ; но эта безыскусственность деревенскихъ игрушекъ и дѣлаетъ ихъ цѣнными. Когда вы разсматриваете коллекцію игрушекъ «для благородныхъ», въ вашемъ умѣ не шевельнется никакой мысли, кромѣ развѣ мысли о ихъ стоимости—что вотъ эта, молъ, будетъ по карману для лица, сидящаго на 500-рублевомъ окладѣ, а та для сидящаго на 1000-мъ окладѣ. Игрушки «для благородныхъ» ничего вамъ не скажутъ о той средѣ, для которой онѣ предназначаются; онѣ не введутъ васъ въ мірокъ дѣтскихъ мыслей, желаній и пр. И понятіо—почему эти игрушки выдѣлываются фабричнымъ путемъ; въ дѣтскую среду онѣ приносятся извнѣ, а потому онѣ (игрушки) скорѣе характеризуютъ вкусы ихъ производителей, чѣмъ вкусы и наклонности дѣтей, для которыхъ пріобрѣтены чрезъ покупку. Совсѣмъ не то игрушки деревенскія. Деревенскій мальчуганъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ мастеритъ игрушку, слѣдовательно, послѣдняя является продуктомъ его, мальчугана, творческой дѣятельности. Если-же она и бываетъ сдѣлана взрослымъ, то бываетъ все таки сдѣлана по указанію и желанію мальчугана.—Тятька, сдѣлай мнѣ коня, говоритъ онъ, и тятька дѣлаетъ.

Отсюда ихъ значеніе.

Когда я на выставкѣ осматривалъ деревенскія игрушки, то предъ моими глазами, какъ живая, выросла деревня съ ея полями, лугами, съ ея затхлымъ прудомъ, съ ея Шашками, Митьками, Микольками.

Вотъ владѣлецъ этого суденышка, думалось мнѣ, несомнѣнно живетъ у рѣки, въ которой и пускаетъ свою посудину. Въ этой же рѣкѣ по лѣтамъ и купается онъ разъ по пятнадцати на день, къ крайнему огорченію своей матери. Еще потонетъ пострѣленокъ, думаетъ она, и чтобы отучить своего «дитю» отъ купанья, прибѣгаетъ къ энергическому средству, въ родѣ снятія «штановъ»; впрочемъ малецъ и безъ штановъ удеретъ.

Владѣлецъ этой деревянной пилы и рубанка несомнѣнно сынъ плотника; когда подростетъ, то, подобно своему отцу, съ топоромъ за поясомъ исходитъ не одну сотню верстъ; будетъ, въ видахъ заполученія выгодной работы, жадно прислушиваться къ слухамъ о произведенныхъ въ той или другой сторонѣ пожарами опустошеніяхъ.

Владѣлица этихъ куколъ въ длинныхъ «платьяхъ» и «пенжакахъ» съ часами въ карманѣ, безъ сомнѣнія, живетъ не вдалекѣ отъ города, въ мѣстности, сильно подверженной вліянію городской «цивилизаціи» и т. д. Словомъ—почти каждая игрушка о чемъ нибудь напоминала, воскрешала въ памяти какую либо сценку изъ деревенской жизни, разсказывала какую-либо исторію.

Таковы были мои мысли, вызванныя осмотромъ; «Дѣтскаго Отдѣла». Я очень пожалѣлъ о томъ, что кромѣ игрушекъ жизнь своеобразнаго мірка деревенскихъ ребятишекъ въ этомъ отдѣлѣ почти ничѣмъ не была представлена; въ чемъ, главнымъ образомъ, виноваты мы же, деревенскіе обыватели. Это натолкнуло меня на мысль поближе присмотрѣться къ жизни деревенскихъ малышей. Результатомъ такого наблюденія и является настоящая статейка, трактующая о ребячьихъ играхъ и пѣсенкахъ. Думаю, что въ виду скудости литературныхъ свѣдѣній о жизни деревенскихъ ребятъ, она будетъ представлять нѣкоторый интересъ.

I.

Я имѣю въ виду только игры, отличающіяся, такъ сказать, своею устойчивостью, отлившіяся въ опредѣленныя формы, имѣющія свои опредѣленные обряды. Кромѣ этихъ игръ существуетъ множество и другихъ, сочиняемыхъ ребятами подъ впечатлѣніемъ минуты, по личному вдохновенію. Нѣтъ такого явленія въ деревенской жизни, котораго бы не передразнили въ своихъ играхъ ребята. Увидятъ они, какъ «міръ» учитаетъ выборнаго, и вотъ готова игра «въ учетъ выборнаго». Играютъ «въ наемъ пастуха», «въ урядника», «въ мужика и барина», въ игру—«какъ тятька мамку учитъ» и т. д. Всѣ эти игры вносятъ много оживленія въ дѣтскую среду, довольно вѣрно копируютъ дѣйствительность, но въ каждой деревнѣ, сообразно съ ея мѣстными условіями, видоизмѣняются на свой образецъ.

Зима съ ея холодами мало способствуетъ дѣтскому общенію,—и зимнія уличныя дѣтскія игры не такъ многолюдны и не отличаются большимъ разнообразіемъ. Игра въ бабки, въ снѣжки, катанье на конькахъ и салазкахъ,—вотъ почти все, что приноситъ зима дѣтскому веселью. Но лишь вешнее солнце сгонитъ снѣгъ, и земля одѣнется травкой, какъ вся «челепига», не только владѣющая ногами, но и умѣющая только ползать, выбирается на улицу. Тутъ начало дѣтскому веселью, начало ихъ играмъ.

Я прежде всего укажу на игры, общія мальчикамъ и дѣвочкамъ. Но считаю нужнымъ добавить, что мальчуганы хотя иногда и играютъ вмѣстѣ съ дѣвченками, все-таки предпочитаютъ для игры составить свой *парнишечій* кругъ, а дѣвочки—дѣвичій.

По условіямъ многихъ игръ, изъ играющей публики должно быть избрано особое лицо, роль котораго въ игрѣ разнится отъ ролей прочихъ участвующихъ въ игрѣ лицъ. Избраніе это происходитъ такимъ образомъ. Всѣ желающіе принять въ игрѣ участіе садятся въ рядъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчугановъ считаетъ ихъ по г

ловамъ, произнося слова одного изъ присловій или пѣсенокъ, сложенныхъ спеціально для этого случая. На кого падетъ послѣднее слово или стихъ пѣсенки, тотъ становится въ ряды обыкновенной играющей публики. Мальчуганъ снова повторяетъ свой счетъ и т. д. Наконецъ остается только считающій и еще одно лицо. Повторивъ свой счетъ, считающій или принимаетъ на себя ту роль, которая отъ него требуется игрой, или становится въ ряды публики.

Вотъ эти присловья.

1.

Бревечко,
Другечко,
Покуста,
Понаста,
Полѣбена,
Капустина,
Свистина,
Костина,
Конки,
Лопатки,
Сизанки,
Бѣлянки,
Соколинки,

2.

Буби кони,
Нечѣмъ кони,
Полечить.
Трусь,
Нашъ,
Князь.

3.

Перводанъ,
Другоданъ,
На колодѣ угадалъ.
Пятьсотъ судья,
Пономарь лодья,
Катерина тетка,
Щебелева плетка.
Онъ самъ щебелекъ,
Шелковый поясокъ.
Шишелъ,
Вышелъ,
Дегтерь—вонъ!

4.

Полна пѣна
Не за моремъ.
Станемъ бить, колотить,
Наколачивать.
Какъ надъ нами,
Передъ нами,
Передъ нашими столбами,
Стульчикъ, мальчикъ
Самъ любезненькій
Король.

5.

Тараранъ,
Тараранъ,
Сѣла баба на баранъ,
Поѣхала по горамъ.
Трою—рою,
По мосту, мосту
Селезень голенистый,
Утка—квакъ;
Бѣлякъ,
Соколъ,
Колоколъ,
Шишелъ,
Вышелъ,
Вонъ пошелъ.

6

Стрѣлы горѣлы,
Осиново полѣно
За море летѣло.
За моремъ церковь,
Въ церкви икона.
Марья Бокова,
Жена Куликова.
Стукъ,
Громъ,
Стекла вонъ.

7.

Первички,
Другички,
Летали голубички
По Божьей росѣ,
По поповой полосѣ:
Тамъ чашки,
Орѣшки,
Медокъ,
Сахарокъ.
Поди вонъ, королекъ.

8.

Кокушечка,
Горюшечка
Плетень плела.
Дѣтей вела.
Кокъ

9.

Шуни.
Буни,
Шелкова нитка,
Хрестъ.

10.

Катитъ яблоко
По огороду,
Кто не схватитъ—
Того въ воду.

Перехожу къ самымъ играмъ. — Игра хрѣномъ состоитъ въ слѣдующемъ. Указаннымъ выше способомъ выбирается Матка и Хрѣнъ. Всѣ остальные участвующіе въ игрѣ—дѣти Матки. Одинъ изъ дѣтей обхватываетъ сзади Матку обѣими руками; этого въ свою очередь обхватываетъ другой дѣтенышъ и т д. Составившаяся такимъ образомъ цѣпь ребятъ кружится вокругъ хрѣна. При этомъ напѣвается пѣсенка:

Ужъ ты хрѣнъ-ли, мой хрѣнъ,
Садовой, яровой!
Еще кто тебя садилъ?
Еще кто поливалъ?
Поливала – саливала
Соліонова жена:
Все ухаживала,
Огораживала.

Когда пѣсенка спѣта, между Маткой и хрѣномъ происходитъ такой разговоръ.— Дома-ли хозяинъ?—спрашиваетъ Матка.—«Дома.»—Барыня съ печки упала—брюхомъ хрѣна захотѣла. — «Дерьгай, дерьгай, да не изъ корню»... Хрѣнъ становится къ плетню и ухватывается за колъ. Матка вмѣстѣ съ дѣтьми старается его оторвать. Ребячья цѣпь часто разрывается, и оторвавшіеся при общемъ смѣхѣ летятъ на землю. Оторвавшіеся теряютъ право на выдергиваніе Хрѣна. Если Хрѣнъ будетъ оторванъ отъ плетня, то на слѣдующую игру Хрѣномъ избирается новое лицо; въ противномъ случаѣ это право остается за старымъ Хрѣномъ.

Въ игрѣ Горшуномъ выбираются также два лица.—Матка и Горшунъ. Матка съ дѣтьми въ томъ же положеніи, какъ и при игрѣ «Хрѣномъ», кружатся вокругъ Горшуна, при пѣніи такой пѣсенки:

Вокругъ Горшуна хожу,
Жеребенка обдеру,
Жилетку сошью,
Отороченую,
Позолоченую.

Затѣмъ Матка спрашиваетъ Горшуна: — Горшунъ, Горшунъ, что дѣлаешь? — «Ямку рою»—Зачѣмъ тебѣ ямку?—«Иголку ищу».—Зачѣмъ тебѣ иголку?—«Мѣшокъ шить».—Зачѣмъ мѣшокъ?—«Камешки класть». —Зачѣмъ камешки?—«Въ твоихъ дѣтей шуркать-буркать». Съ этими словами Горшунъ кидается ловить маткиныхъ дѣтей. Когда всѣ дѣти будутъ переловлены, дѣтенышъ, стоящій первымъ послѣ Матки, отправляется топить для Горшуна баню. Истопивши, приглашаетъ Горшуна. Горшунъ упрямится.—Нѣтъ-ли тамъ мышей, лягушекъ?—говоритъ онъ. Золотые-ли тазы, шелковы-ли судомойки? и т. д. Горшуна завѣряютъ, что никакой нечисти въ бани нѣтъ, что все тамъ прекрасно. Тогда двое изъ дѣтей берутъ Горшуна на руки и несутъ въ баню,—подъ руки остальныхъ дѣтей, которыя къ этому времени раздѣляются на двѣ стороны и падаютъ одна сторона другой на руки. Когда Горшуна донесутъ до середины пути, всѣ кричатъ — мыши, мыши! Горшунъ пугается, соскакиваетъ съ рукъ и убѣгаетъ.

Игра воробьемъ производится такимъ образомъ. Всѣ играющіе становятся въ одинъ рядъ и берутся другъ другу за руки. Воробей (первый стоящій въ ряду)долженъ поднырнуть подъ руки у всѣхъ стоящихъ и стать на другомъ концѣ ряда. Одинъ изъ мальчиковъ гонится за нимъ съ прутомъ въ рукахъ, которымъ и под-

хлестываетъ Воробья, при чемъ постоянно повторяетъ—шишь, шишь, воробей!... Затѣмъ перебѣгаетъ съ одного конца ряда на другой слѣдующій мальчикъ и т. д.

Еще игра. — въ Бога и Черта [1]). Всѣ ребята садятся въ рядъ. Къ каждому изъ нихъ подходитъ «Богъ» и спрашиваетъ:—Раба, раба, гдѣ была?—«У попа».—Чего ѣла?—«Просвиру».—Чего пила?—«Сыту».—Это чего (показываетъ въ пространство)?—«Сторона».—А это чего?—«Земля». По пятамъ за Богомъ ходитъ и Чертъ, и пока Богъ разговоры разговариваетъ, Чертъ старается всячески разсмѣшить спрашиваемаго: тычетъ послѣднему пальцемъ въ носъ, строитъ хари и проч. Если спрашиваемый во время допроса не разсмѣется, то переходитъ на сторону Бога; иначе становится достояніемъ Черта, который всѣхъ доставшихся ему обращаетъ въ собакъ и, обративши, натравливаетъ ихъ на дѣтей Бога: Когда ребята достаточно повозятся между собою, Богъ спрашиваетъ Черта:—За что моихъ дѣтей затравилъ? — «Твои дѣтки, отвѣчаетъ онъ: у меня капусту съѣли.»—Что-же ты плохо городилъ?—«Плетень у меня высокій былъ.»—Какой высоты? — «Вотъ этакой (показываетъ выше себя).» Игра заканчивается тѣмъ, что всѣ глушатъ Бога, т. е., стараются какъ можно громче закричать ему что нибудь подъ ухо.

Всѣ участвующіе въ игрѣ дѣлятся попарно, впрочемъ такъ, чтобы одному изъ участвующихъ пары не было. Затѣмъ по одному человѣку изъ каждой пары садятся въ кругъ. Остальные стоятъ каждый у своей пары. Это будетъ игра—въ колышки. Тотъ, кто не имѣетъ пары, подходитъ, къ одному изъ стоящихъ и говоритъ:—Кума, кума! продай кола. Послѣ этого оба бѣгутъ въ противоположныя стороны. Обѣжавшій кругъ скорѣе занимаетъ мѣсто у «колышка»; опоздавшій — продолжаетъ покупать «колышки.» Всѣ ребята бѣгаютъ, безпрерывно повторяя одно и тоже: горохова мучка то и дѣло солодѣла. Одинъ ловитъ бѣгающихъ. Пойманные должны ловить не пойманныхъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ всѣ переловлены. Это—игра въ гороховую мучку. Сходны съ этой игрой игры сырой печенкой и въ волка. Вся разница первой изъ названной игръ заключается лишь въ томъ, что ребята, вмѣсто словъ—гороховая мучка и т. д., въ этой игрѣ поддразниваютъ ловящаго словами—сырая печенка. При игрѣ волками ребята подходятъ близко къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ Волкъ, и дѣлаютъ видъ, будто собираютъ ягоды; при этомъ распѣваютъ: беру-беру ягоды, вашему брату . . . . на лопату. Волкъ соскакиваетъ и ловитъ берущихъ ягоды; пойманные сами обращаются въ волковъ.

Игра зорей отправляется такимъ образомъ. Одинъ изъ играющихъ бѣгаетъ кругомъ усѣвшихся мальчиковъ, и старается къ кому либо изъ нихъ незамѣтнымъ образомъ подложить поясъ. Сидящіе шарятъ позади себя руками, но оглядываться назадъ не имѣютъ права. Во время игры напѣваютъ слова—ка (къ) бы кому, зорю не проспать. Обѣжавъ весь кругъ, прячущій выхватываетъ у прозѣвавшаго поясъ, и, подхлыстывая имъ, прогоняетъ прозѣвавшаго вокругъ сидящихъ три раза. Если-же поясъ будетъ найденъ, то нашедшій его бѣгаетъ за прячущимъ.

Еще двѣ игры—въ бабушку Пыхтѣиху и въ «безъ соли, съ солью». Сгорбленная «бабушка Пыхтѣиха» съ подожкомъ въ рукахъ куда-то бредетъ по улицѣ. Ребята обступаютъ ее и спрашиваютъ:—Бабушка Пыхтѣиха, куды пошла?—«Къ обѣдѣнкѣ».—Возьми насъ съ собой.—«Идите да не свистите.» Ребята нѣкоторое время идутъ позади бабушки смирно, но затѣмъ поднимаютъ свистъ, крикъ. Пыхтѣиха сердится и бросается ловить шалуновъ; поймавши тузитъ подогомъ. При игрѣ безъ соли, съ солью два мальчика или двѣ дѣвочки садятся невдалекѣ одинъ отъ другого. Сзади ихъ, на разстояніи 10—15 саженъ, помѣщается вся остальная толпа. Члены этой толпы поочередно проскакиваютъ въ пустое пространство, отдѣляющее сидящихъ другъ отъ друга. Если разбѣжавшійся, проскакивая, прокричитъ — «безъ соли,» то его задерживаютъ; если-же — «съ солью,» то стараются схватить за ноги.

Къ общимъ же играмъ принадлежатъ игры въ «колюкушки» или прятки и «въ слѣпые пѣтухи» (одному завязываются глаза), но я не останавливаюсь на нихъ, въ виду ихъ общеизвѣстности.

---

[1]) Или—Ангела и Бѣса.

II.

Указавъ на игры общія, въ которыя играютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки, перехожу къ играмъ, въ которыя играютъ или одни мальчики или однѣ дѣвочки. Начну съ послѣднихъ.

Избравъ Матку, дѣвочки становятся въ кругъ и распѣваютъ:

Кострома моя, Костромушка!
У Костромушки—кисель да блины,
Подъ головушкой—канунъ да свѣчи.
Ты гори, свѣча, при бѣдности!

Когда пѣсенка пропѣта, одна изъ дѣвушекъ становится въ кругъ, и затѣмъ ко всѣмъ, начиная съ Матки, обращается со словами:—Пустите ночевать; въ отвѣтъ на что ото всѣхъ слышитъ:—«Некого цѣловать. Кошка окотилась котятъ некуда дѣвать.» Получивъ отказъ въ ночлегѣ, Кострома (дѣвочка стоящая среди круга) бросается ловить играющихъ. Игра заканчивается глушеніемъ Матки. Послѣ «глушенія» Матка должна отвѣтить на вопросъ—какъ зовутъ ея жениха?

Игра улей. Уля—одна изъ дѣвочекъ—садится. Кругомъ нея кружатся остальныя дѣвочки, напѣвая:

Сидитъ Уля подъ кустичкомъ,
Подъ орѣшничкомъ.
Что тепло-ли тебѣ, Уля?
Студено-ли тебѣ, Уля?
Мнѣ не такъ тепло,
Мнѣ не такъ студено:
Пріодѣньте меня,
Пріокутайте меня,—
Со старой бабы онучку,
Съ молоденца—полотенце,
Съ красной дѣвицы вѣнокъ,
Съ (имя) поясокъ.

Поименованная въ пѣснѣ отдаетъ Улѣ свой поясъ. Пѣсенка поется до тѣхъ поръ, пока не будутъ отобраны пояса отъ всѣхъ играющихъ. Затѣмъ Улю ловятъ; поймавшимъ ее она возвращаетъ пояса.

При игрѣ медомъ и сахаромъ двѣ дѣвочки становятся другъ противъ друга и подаютъ одна другой руки. Другія дѣвочки становятся гуськомъ — «ти гагой»—и гуськомъ же подвигаютъ подъ руки стоящимъ. Стоящую въ ряду послѣдней спрашиваютъ,—къ кому желаешь,—къ Меду или къ Сахару? Дѣвочка переходитъ на чью либо сторону. Рядъ дѣвочекъ подныриваютъ подъ руки стоящихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія не распредѣлятся между Медомъ и Сахаромъ. Затѣмъ отыскиваютъ длинную палку и тянутся: на чьей сторонѣ силы больше,—на сторонѣ Меда или Сахара?

Игра краской. Дѣвочки избираютъ Матку, Ангела и Черта; сами становятся въ рядъ; въ концѣ ряда становится Матка. Всѣмъ играющимъ даются имена—названіе какой либо краски—красная краска, орѣховая и т. д. Ангелъ ходитъ съ одной стороны ряда, Чертъ съ другой. Ангелъ говоритъ:—Стукъ, стукъ подъ окномъ. Ему отвѣчаютъ: кто тутъ—«Пошто пришелъ?»—За краской.—«За какой?»—За бѣлой. Бѣлая краска выходитъ и становится на сторону Ангела. Чертъ съ своей стороны также стучится подъ окнами, и на вопросъ—кто тутъ?—отвѣчаетъ:—я чертъ съ рогами, съ горячими пирогами... Когда играющія раздѣлятся на двѣ стороны, то также «тянутся,» какъ и въ предыдущей игрѣ. Въ концѣ концевъ «глушатъ» Матку.

Играютъ еще дѣвочки «въ Мизинку». Для этой игры онѣ раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одна сторона, по жребію, зажмуриваетъ глаза; другая избираетъ изъ среды себя Мизинку и прячетъ ее, иногда гдѣ нибудь совсѣмъ на другомъ краю

села. Зажмурившіяся отправляются ее разыскивать; за ними слѣдуютъ и прятавшія. Когда подходятъ къ этому мѣсту, гдѣ спрятана Мизинка,—прятавшія ее кричатъ— Мизинъ! Мизинка выскакиваетъ и старается перебѣжать на сторону своихъ: если же на пути будетъ перехвачена ищущими, то право выбора и прятанія Мизинки со стороны прятавшихъ на слѣдующую игру переходитъ къ искавшимъ.

Что касается до спеціально ребячьихъ игръ, то многія изъ нихъ, кажется, общеизвѣстны. Таковы, напримѣръ, игры—«въ юлу,» «въ чижъ,» «въ чушки,» «въ бабки» или «козны,» «въ шаръ» или «дубинки,» «въ чехарду.» А потому описывать этихъ игръ я не буду. Менѣе извѣстна кажется игра «въ муху.» Состоитъ она въ слѣдующемъ. Въ землю вбивается колъ; на него вѣшается крючекъ—«муха.» Шагахъ въ двадцати отъ кола ребята вырываютъ рядъ ямокъ, по числу играющихъ, и каждый становится у своей ямки. Затѣмъ ребята имѣющимися у нихъ «свистами» стараются сшибить «муху» съ кола. У кола стоитъ караульщикъ, каждый долженъ всякій разъ, какъ «муха» бываетъ сбита, снова вѣшать ее на колъ. Когда послѣдній изъ мальчугановъ пробросить свой «свистъ,» всѣ бѣгутъ за ними. Кто, вернувшись, не успѣетъ занять ямки, тотъ становится караульщикомъ у «мухи.»

При игрѣ «въ бонки» также у всѣхъ играющихъ бываетъ по ямкѣ. Стоящіе у крайнихъ ямокъ катаютъ по нимъ мячикъ. Если мячикъ останавливается въ чьей либо ямкѣ, то стоящій у нея схватываетъ его, т. е. мячикъ, и кидаетъ имъ въ разбѣгающихся ребятъ. Тому, въ кого попадетъ мячикъ, зажимаютъ глаза; затѣмъ, постукивая по головѣ мячемъ, спрашиваютъ: кокъ, кокъ, въ чьей ямкѣ? Удары мячемъ по головѣ продолжаются до тихъ поръ, пока мальчуганъ не угадаетъ, въ чью ямку бываетъ положенъ мячикъ. Съ промахнувшимся поступаютъ такимъ-же образомъ.

Игра табакомъ производится такимъ образомъ. По пыльной дорогѣ ребята проводятъ излучистую полосу—около аршина ширины и саженъ пяти длины. На концахъ этой полосы начерчиваютъ по кругу. Въ одинъ изъ круговъ натаскиваютъ кучу пыли. Это и есть—табакъ. У табака становится продавецъ. Пока одинъ изъ мальчугановъ торгуетъ табакъ, остальные стараются его уворовать. Продавецъ гоняется за ворами, которые непремѣнно должны бѣжать по начерченной дорогѣ. Если поймаетъ, то отнимаетъ «табакъ» и снова ссыпаетъ его въ кучу. Удачно-же уворованный, ссыпается въ другомъ кругу. Когда изъ одного круга весь табакъ будетъ перенесенъ въ другой, тамъ избирается новый продавецъ. Отсюда «табакъ» снова перетаскивается въ старый кругъ и т. д.

Занятна ребячья игра чугунной... дальше не скажу: не благозвучно. Состоитъ она въ слѣдующемъ. Одного изъ мальчугановъ садятъ, и кладутъ ему на голову фуражку вверхъ донышкомъ. Ребята должны разбѣжаться и перескочить черезъ этого мальчугана такимъ образомъ, чтобы не сронить съ него фуражки. Когда же кто нибудь сронитъ,—то сронившаго, а равно и сидѣвшаго берутъ за ноги и за руки, каждаго по четыре человѣка; затѣмъ раскачиваютъ и бьютъ другъ о друга тѣми частями, изъ которыхъ растутъ ноги.

III.

Перехожу къ ребячьимъ пѣсенкамъ.—Нѣкоторыя изъ нихъ—игровыя—я уже привелъ при описаніи тѣхъ игръ, при которыхъ онѣ поются. Затѣмъ должно быть указано на пѣсенки, которыми ребята дразнятъ другъ друга. Вотъ сошлись два малыша; сошлись и повздорили. Чтобы выразить неудовольствіе на своего товарища, одинъ затягиваетъ:

Ѳедя—мѣдя
Съѣлъ медвѣдя,
Кошка драна,
Мышь погана.

Тотъ не остается въ долгу и съ своей стороны также отвѣчаетъ:

Егоръ—багоръ
Кишки дралъ,
По денежкѣ продавалъ.

— Ты што дразнишься? — вопрошаетъ первый. — «А ты што?» — отвѣчаетъ другой.—Я такъ.—«И я такъ.»—Ѳедя—мѣдя...—«Егоръ—багоръ»... Послѣ такого разговора ребята считаютъ себя вправѣ вцѣпиться другъ другу въ волоса.

Пѣсенокъ, которыми ребята дразнятъ другъ друга, довольно много. Привожу извѣстныя мнѣ.

Андреевъ дразнятъ:

Андрей—коклей!
Не клюй песокъ:
Пригодится носокъ.

Харитоновъ:

Хорь, хорь, хорьки,
Харитонъ борки,
Вилки,
Затылки,
Хрестъ на арканѣ,
Поясъ на гайтанѣ.

Иванамъ сложено двѣ пѣсенки. Первая:

Иванъ—болванъ
Молоко болталъ,
Въ печь поставилъ,
Намъ не оставилъ:
Жена крива
Молоко пролила.

Вторая:

Иванъ—дуракъ:
Попалъ въ оврагъ.
Тамъ его били
Въ четыре дубины,
Пята осина—
По бокамъ возила.

Еще три пѣсенки, посвященныя Николаю, Василью и Антону:

Миколинька, Микулай!
Сиди дома не гуляй.
Твоя жена прытка—
Напряла мотушку,
Одну-то украла,
Кота поклепала.
Котъ-отъ побожился,
Къ стѣнѣ приложился.

Васька, Васенокъ,
Худой поросенокъ!
Завязъ въ траву,
Кричитъ: мяу,
Не вылѣзу!

Антонъ-ежъ!
Куда ползешь?
Заползешь въ яму—
Не выползешь.

Двѣ пѣсенки, которыми дразнятъ дѣвченокъ:

Анна,
Банна,
Нога деревянна,
Трубна затычка,
Швейка,
Копѣйка,
Голова алтынъ.

Шима, Шима, Шимара [1]—
Укусила комара.
Комаръ пищитъ,
Шиму за ногу тащитъ.

Ребята очень не любятъ, когда ихъ дразнятъ—мальчиковъ невѣстой, а дѣвочекъ—женихомъ; такимъ поддразниваніемъ многихъ можно довести до слезъ. Такое поддразниваніе ребята учиняютъ иногда цѣлымъ хоромъ. Заставивъ плакать одного, принимаются за другого. Для таковой цѣли существуютъ особыя пѣсенки. Мнѣ извѣстны двѣ:

Мята, мята—
Вся она примята.
Во мятѣ-то елха,
Во елхѣ свѣтелка,
Во свѣтелкѣ любчикъ
(Имя) голубчикъ.
У него есть любка—
(Имя) голубка.

Вторая:

Овинъ горитъ
Со пшеницею,
(Имя) бѣжитъ
Со дѣвицею.
Со которою?
Со (имя).

Вообще у деревенскихъ ребятишекъ страсть дразниться и дразниться стишками. Такъ Татаръ они дразнятъ:

Татаръ—якши,
Хлебалъ лапши.

Увидятъ косого,—дразнятъ:

Косой заяцъ
Нанесъ яицъ,
Вывелъ дѣтей,
Косыхъ чертей.

---

[1]) Евфимія.

Огородниковъ, т. е. мальцевъ, любящихъ полакомиться деревенскими «фруктами»— морковью, лукомъ, огурцами и пр., на чужихъ огородахъ, дразнятъ:

Чёкъ, чекъ, мачекъ—
Огородни-чо̂къ.

Или:

Воръ, воръ!
Не ходи ко мнѣ на дворъ:
Тебя кони залягаютъ,
А коровы забодаютъ.

Ребята поддразниваютъ не только людей, но иногда даже и явленія природы. Такъ, если ребятамъ желательно, чтобы дождь шелъ посильнѣе, они напѣваютъ:

Дождикъ, дождикъ, посильнѣ!
Мы поѣдемъ на свиньѣ—
Богу молиться,
Царю поклониться.
Я у Бога сирота,
Отпираю ворота
Ключикомъ,
Замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ *).

Если же дождь надоѣдаетъ ребятамъ,—то начало пѣсенки измѣняется:

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду во Врестань и т. д.

Конецъ тотъ же, что и у предшествовавшей пѣсенки.

Есть еще цѣлый рядъ ребячьихъ пѣсенъ, не имѣющихъ никакого спеціальнаго назначенія. Многія изъ нихъ довольно характерны. Неожиданность перехода отъ одного предмета къ другому—вотъ отличительная черта почти всѣхъ пѣсенокъ этого разряда. Благодаря этому свойству ребячьихъ пѣсенъ, пересказать ихъ содержаніе представляется дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Чтобы познакомиться съ ними, необходимо прочесть ихъ въ подлинникѣ, потому что никакая характеристика, все благоъаря тому же ихъ свойству неописуемости, такого знакомства дать не можетъ.

Вотъ эти пѣсенки:

1.

Дѣвки-татарки!
Возьмите по палкѣ,
Убейте ворону,
Несите къ Мирону.
Миронъ-красота
Купилъ коня безъ хвоста,
Поѣхалъ жениться,
Привязалъ корытце.
Корытце хлопочетъ,
Жена-то хохочетъ.

2.

Каракуля, Маракуля!
Гдѣ были?
— Коней пасли.
А кони гдѣ?
— За ворота ушли.
А ворота гдѣ?
— Водой снесло.
А вода-то гдѣ?
— Быки выпили.
А быки-то гдѣ?

*) Или: Дождикъ, дождикъ, пуще!
Дадимъ тебѣ гущи.

— За горы ушли.
А горы-то гдѣ?
— Черви выточили.
А черви-то гдѣ?
— Гуси выклевали.
А гуси-то гдѣ?
— Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
— Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
— За мужья ушли.
А мужья-то гдѣ?
— На печкѣ сидятъ,
Калачи ѣдятъ.

3.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый подожекъ,
Куда стадо гонишь?
— Изъ моря въ море.
На роднинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова, моя теща,
Воробушки—братцы,
Пособите драться.
Васька, Васютка
На бумагѣ пишетъ,
На дѣвушку дышетъ *).
Красная дѣвица!
Сходи за водицей!
— Я боюсь росицы.
Роса—на болотѣ,
Медвѣдь на работѣ.

4.

А дуду-дуду-дуду—
Потерялъ мужикъ дугу.
Шарилъ, шарилъ—не нашелъ,
Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударыня Шима
Родила Максима.
Кума Пелагея!
Подай полотенце
Покрыть молоденца.
Бабушка Варвара
Упала съ амбара,
Быка задавила.
Быкъ прыснулъ
На пять верстъ,
На калиновый мостъ.
Бѣжитъ Сѣра безъ ушей (?).
Постой, Сѣра безъ ушей!
Подай мои пироги—
Съ лучкомъ,
Съ мачкомъ,
Съ бѣленькой капусткой,
Съ зеленой лягушкой.

5.

Мироновы дѣти
Сидятъ на повѣти,
Плетутъ лапоточки.
Кому лапоточки?
Барину толстому—
Мирону Краснову.

6.

Пичуга, пичуга!
Куды ты летала?
— На новы клѣти.
Чего ты видала?
— Попову дочку:
Попова дочка
Сидитъ на лоточкѣ,
Плететъ городочки.
Кому городочки?
— Васькѣ дьячкову.
Барину толстому.

7.

Тита-та, тита-та,
Пожалуйте рѣшета.
Мучки насѣйте—
Пирожки затѣйте.
Пирожки-то на дрожжахъ,
Ихъ не удержишь на возжахъ.
Положили гущи—
Они еще пуще;
Поставили на чело—
Ихъ не осталось ничего.

8.

Изъ Покровской изъ улицы
Ѣдетъ попъ на курицѣ,
Попадья пѣшкомъ,
Подпоясана мѣшкомъ,
Чешетъ косы гребешкомъ.
Подошла свинья,
.... да ушла.

*) Ребята не знаютъ цензуры, а потому въ ихъ пѣсенкахъ встрѣчаются нѣкоторыя вольности; подчеркнутыя слова нѣсколько смягчены противъ дѣйствительности.

9.

Донъ, донъ, донъ!..
Загорѣлся козій домъ.
Коза выскочила,
Глаза вытращила.
Побѣжала къ кабаку—
Нанюхалась табаку.
Побѣжала къ Митькѣ—
Насосалась титьки.
Побѣжала къ лавкѣ—
Прищемила лапки.

10.

Горшунъ, Горшунъ! Колесо
Твоихъ дѣтей унесло.
Плачутъ, кудачутъ,
Сѣры колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ.
Собака сбѣсилась—
Попа укусила.
Попъ подъ столъ,
Попадья на столъ.
Ударили въ доску,
Поѣхали къ мосту,—
Тамъ мостъ мостятъ,
Поросятъ крестятъ.

11.

Ты, Васенька мой!
Ты, миленькій мой!
Ты зачѣмъ журишь?
Ты зачѣмъ бранишь?
Али я тебѣ,
Али ты же мнѣ—
Сарафанъ купилъ,
Китайки дарилъ?..
Вотъ купили мнѣ,
Подарили мнѣ—
Сальники,
Мыльники,
Шильники,
Трубники,
Шиновалы,
Коновалы,
Полковнички,
Енералы.

12.

Ужъ ты, Катенька,
Толстенька!
Въ трубу лазила,
Груди мазала.
Я ударю по пятамъ
Будетъ шуба да кафтанъ,
Коротышка, сарафанъ.

13.

Мамошка! Бѣда:
Гармошка худа.
Надо денежку копить—
Гармошку купить—
Гармонь новый—
Сторублевый.

14.

Ужъ ты курочка ряба—
Переломлена нога!
Тебѣ кто переломилъ?
Иванова жена—
Конопли брала.
Конопли трещатъ,
Воробьи пищатъ.
Волки завыли,
Параню будили.
Параня, Параня!
Вставай-ко поранѣ:
Обдирай кобылу,
Покрывай могилу.

15.

Ужъ ты, дѣдушка Кутыръ,
Жеребеночка купилъ;
Привязалъ къ кусту,
За ременну узду.

16.

Оринушка бѣшена
По улочкѣ бѣгала,
Увидала барина:
Сидитъ баринъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу,
Трубу-ли новую.
У нашего господина
Разыгралась вся скотина:
Утки—въ дудки,
Сверчки—въ толчки,
Комары—въ топоры,
Тараканы—въ барабаны.
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Во льняномъ платкѣ,
Въ бѣлевомъ чулкѣ.
Ударили въ доску,
Поѣхали въ Москву.

Во Москвѣ-то вино
По три денежки ведро.
Хошь—пей,
Хошь—лей,
Хошь—окачивайся,
Поворачивайся.

17.

Такъ, такъ, такотокъ!
Что недѣля—то мотокъ!..
Мотовило—съ локотокъ.
Поставили красна—
Имъ девятая весна.
Коклюшки, подножки
Травой заросли;
На прошести-то насѣдка
Цыплятъ высидѣла:
Семьдесятъ молодокъ,
Пятьдесятъ пѣтуховъ.

18.

Шелъ мужикъ бѣдный,
Нашелъ чугунъ мѣдный.
На порогѣ,—три дороги,
На печи—три свѣчи,
На палатяхъ—кузнецы.
Кузнечиха молода,
На перинѣ проспала.

19.

Какъ у нашего попа
Нѣтъ ни печи, ни шестка,
Одна липова доска.
Сидитъ сѣренькій котокъ,
Разудаленькій лобокъ.
Взяли дѣвки по лутошкѣ,
Обломали коту ножки.

20.

Ужъ ты, бабушка Кожевница;
Дорогая рукодѣльница!
Топоромъ травы накашивала,
На собаченькѣ наваживала.
Собаченька по дороженькѣ бѣжитъ,
На дороженькѣ березонька стоитъ,
На березонькѣ колечко виситъ,
На колечкѣ домочекъ стоитъ.

Учитель Сабакаевскаго земскаго училища *Ив. Нечаевъ.*

Д. Сабакайка, Лашн. у. 1891.

Минусинскій Публичный Мѣстный Музей.

Отрадное и весьма поучительное явленіе представляетъ минувшее десятилѣтіе Минусинскаго Публичнаго Музея и нынѣшнее его отличное положеніе [1]).

По почину одного лица, правда, съ преданностью дѣлу и съ энергіею, Н. М. Мартьянова, изъ его небольшой коллекціи, нынѣ, черезъ 16 лѣтъ, возникъ въ Минусинскѣ (ок. 10 т. жит.) научно устроенный музей, насчитывающій въ своихъ отдѣлахъ до 33.255 номеровъ и 13.185 томовъ въ находящейся при немъ библіотекѣ. Полезная мысль — основать мѣстный музей на первыхъ же порахъ пріобрѣла большое сочувствіе среди мѣстнаго общества и за его предѣлами какъ предметными, такъ и денежными пожертвованіями. Уже черезъ годъ послѣ передачи Н. Мартьяновымъ своей коллекціи въ распоряженіе Минусинскаго приходскаго училища, въ 1876 году, количество предметовъ настолько увеличилось, что потребовалось отвести сначала одну, а потомъ и двѣ отдѣльныхъ комнаты. Въ 1879 году пришлось перевести его въ другое помѣщеніе, но и оно вскорѣ оказалось недостаточнымъ: явилась неотложная потребность въ особомъ зданіи для музея и его библіотеки. Въ теченіи трехъ лѣтъ были собраны изъ пожертвованій, размѣромъ отъ 20 к. до 9.000 рублей, необходимыя 23 тысячи рублей

---

[1]) «Десятилѣтіе Минусинскаго Публичнаго Мѣстнаго Музея (1877—1887). Составлено по порученію комитета Минусинскаго Музея. Томскъ 1887 г.».

«Отчетъ по постройкѣ зданія для Минусинскаго музея и библіотеки. Минусинскъ 1890 г.»

«Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и Общественной библіотекѣ за 1890 г. Минусинскъ 1891 г.»

«Краткое описаніе Минусинскаго музея,—перечень его коллекцій. Приложеніе къ отчету по Минусинскому мѣстному Музею за 1890 г. Красноярскъ. 1891 г.».

на покрытіе расходовъ по постройкѣ дома. Наконецъ въ 1890 году музей перенесенъ въ вполнѣ приспособленное помѣщеніе.

По отчету за 1890 годъ, Минусинскій Музей состоитъ изъ 9 отдѣловъ: I—естественно-историческій, раздѣленный на классы: 1) минералогія, геологія и геогнозія; 2) ботаника, 3) зоологія и зоотомія и 4) палеонтологія; II—антропологическій, изъ классовъ: 1) антропологія, 2) этнографія, 3) народная медицина и 4) предметы религіознаго культа инородцевъ; III—археологическій, съ раздѣленіемъ по матеріалу предметовъ; IV—промышленный, изъ 8 классовъ: 1) предметы добывающей промышленности, 2) заводская промышленность, 3) соляная, 4) золотопромышленность, 5) производство желѣза, чугуна и стали, 6) кустарные промыслы, ремесла и рукодѣлія, 7) промыслы охоты и 8) рыболовство; V—сельско-хозяйственый, изъ классовъ: 1) почвовѣдѣніе, 2) полеводство, 3) земледѣльческія орудія, 4) огородничество и бахчевничество, 5) садоводство, 6) скотоводство, 7) птицеводство, 8) пчеловодство, 9) лѣсоводство и лѣсные промыслы, 10) вредныя животныя и растенія, 11) молочное хозяйство и 12) техническія сельско-хозяйственныя производства; VI—нумизматическій, по группамъ: Востокъ, Россія, Западная Европа и Америка; VII — образовательный, изъ предметовъ не мѣстныхъ и не вошедшихъ въ другіе отдѣлы (товаровѣдѣніе и др.); VIII—педагогическій, изъ учебныхъ пособій, и IX—лабораторія и рабочій кабинетъ. Сверхъ того, при Музеѣ устроены метереологическая станція 2-го разряда и складъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, частью для осмотра, частью для продажи, и общественная библіотека.

Не всѣ эти отдѣлы образовались сразу, при началѣ Музея, и не всѣ одинаково богаты по своему составу. Наиболѣе значительныя коллекціи входятъ въ естественно-историческое отдѣленіе Музея, прежде другихъ имѣвшееся въ виду при его основаніи, особенно по царствамъ минеральному и растительному; слабѣе прочихъ антропологическій отдѣлъ, по этнографіи русскаго населенія, Финновъ, Мордвы, Бельтеровъ, Алтайцевъ и промышленный, напр., классъ рыболовства состоитъ—изъ 24 номеровъ,—цифра очень малая сравнительно съ значеніемъ этого промысла для края. Отдѣлъ археологическій, выдѣленный только въ 1885 году, въ настоящее время располагаетъ довольно хорошими собраніями, но, къ сожалѣнію, въ немъ весьма недостаточно памятниковъ недавней старины (съ XVII вѣка); большаго расширенія требуетъ также важный отдѣлъ сельско-хозяйственный.

Матеріальныя средства Минусинскаго Музея состоятъ изъ ежегоднаго пособія отъ Минусинской думы въ размѣрѣ 100 рублей и отъ Енисейскаго Губернатора также по 100 рублей въ годъ и изъ частныхъ пожертвованій, особенно отъ И. М. Сибирякова, И. П. Кузнецова и другихъ. Часть ихъ идетъ на расходы, необходимые для храненія музея, а другая на улучшеніе и пріобрѣтеніе коллекцій и спеціальныхъ изданій, на переписку, на содержаніе метереологической станціи и др. По отчету за 1890 г., на приходѣ у распорядительнаго комитета по дѣламъ музея, было 520 р. 10 к., а въ расходѣ 577 р. 39 к.., по библіотекѣ же—523 р. 5 к. при приходѣ въ 387 р.—такимъ образомъ дефицитъ въ общей сложности въ 193 р. 9 к.

Съ каждымъ годомъ музей растетъ и пополняетъ свои пробѣлы благодаря содѣйствію многихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, доставляющихъ Музею разнообразные матеріалы для коллекцій.

Таково положеніе Минусинскаго Публичнаго Мѣстнаго Музея,—этого чрезвычайно полезнаго учрежденія, весьма желательнаго для каждой извѣстной мѣстности.

Дѣятельность Н. М. Мартьянова, давшаго начало музею и понынѣ продолжающаго руководить его направленіемъ, справедливо заслуживаетъ глубокаго уваженія не одного Минусинска и его области. Вотъ по истинѣ прекрасный образецъ для тѣхъ, кто, желая принести благо своему краю, останавливается передъ трудностями!

Н. В.

Когда будутъ во многихъ, если не въ большей части нашихъ уѣздныхъ городовъ подобные музеи, только тогда будемъ мы вправѣ считать наше отечество вполнѣ просвѣ-

щенным и благоустроенным. Только убивающей душу умственной сонливости, пустотѣ и праздности такое дѣло устройства маленьких музеев въ нашихъ уѣздныхъ городахъ можетъ казаться пустяками съ одной и непреодолимою трудностью—съ другой стороны. Честь и слава Минусинску, что онъ и его почтенные дѣятели во-очію показали, что дѣло это высокопочтенное вполнѣ у насъ исполнимо. Ред.

Филологическая замѣтка.

Откуда слово скипидаръ? Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ только русскій знаетъ это слово. На всѣхъ другихъ означаемое имъ вещество называется иностраннымъ словомъ terpentin (отъ греч. τερέβινθος). Какимъ же образомъ произошло, что Русскіе наименовали эту смолистую жидкость чужеязычнымъ словомъ, неизвѣстнымъ на другихъ европейскихъ языкахъ? Объясненіемъ названія скипидаръ до сихъ поръ никто еще не занимался; Миклошичъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не коснулся его; Матценауэръ вовсе объ немъ не упоминаетъ; только въ Этимологическомъ словарѣ Рейфа сдѣлана попытка объяснить это слово, именно: возлѣ него поставлено въ скобкахъ: pers. sipidâr, peuplier blanc [1]). Но какъ могло чужеземное названіе дерева, не имѣющаго ничего общаго со свойствами жидкости, называемой скипидаромъ, послужить къ означенію ея на русскомъ языкѣ? Я совѣтовался объ этомъ съ оріенталистами, и по ихъ мнѣнію, звуковое сходство нашего названія терпентина съ персидскимъ словомъ должно быть признано случайностью. Въ извѣстномъ сочиненіи покойнаго Гена (Hehn) «Kulturpflanzen und Hausthiere» (Berlin 1887, 5-е изд.). которое по справедливости считается цѣннымъ матеріаломъ для рѣшенія между прочимъ лингвистическихъ вопросовъ въ обнимаемой имъ области вѣдѣнія, цѣлая, довольно обширная, статья посвящена терпентину, но къ удивленію моему, я не нашелъ въ ней ни малѣйшаго намека на слово скипидаръ, хотя въ другихъ случаяхъ авторъ не забываетъ приводить, съ надлежащими объясненіями, русскія названія растеній и животныхъ.

Обратившись по этому поводу къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, я натолкнулся въ нихъ на одно слово, которое очень распространено на всемъ славянскомъ западѣ, у насъ же вовсе неизвѣстно, а между тѣмъ также означаетъ сильно пахучее, душистое растеніе и звуками своими близко подходитъ къ слову скипидаръ. Въ книгѣ Матценауэра «Cizí slova ve slovanských řečech», меня поразило въ этомъ отношеніи (стр. 310) польское Spikanarda и рядомъ съ нимъ почти одинаково звучащія: чешское, словенское, нѣмецкое, итальянское и англійское, всѣ взятыя съ латинскаго spica nardi, но уже не въ первоначальномъ смыслѣ этого названія, а въ значеніи lavendula spica (у насъ лаванда). Посредствомъ обыкновенной при заимствованіяхъ словъ перестановки и передѣлки звуковъ, spik легко могло превратиться въ скип, а nard въ дар. При общности нѣкоторыхъ свойствъ спиканарды съ терпентиномъ (именно пахучести и цѣлебности) названіе одного вещества могло перейти на другое.

Именемъ nardus или nardum (греч. νάρδος, отъ инд. naladâ душистое) древніе означали драгоцѣнное благовонное масло (миро), которое добывалось изъ корня и нижнихъ частей стебля растенія, принадлежащаго къ семейству valerianeae и растущаго на горахъ сѣверной Остъ-Индіи. Прибавленное къ названію этого масла слово spica объясняется формою корня самаго растенія, который оканчивается отростками, похожими на колосья (spica). Это-то миро и разумѣетъ евангелистъ Маркъ (14, 3), когда онъ говоритъ о женщинѣ ἔχουσα ἀλάβαστρον μύρου νάρδου, что въ вульгатѣ такъ передано: habens alabastrum unguenti nardi. Въ послѣдствіи названіемъ spica nardi, перешедшимъ въ нѣсколько измѣненной формѣ во всѣ западно-европейскіе языки, кромѣ французскаго, стали отмѣчать, какъ выше показано, другое

---

[1]) Собственно: бѣлое дерево (сипид дор).

растеніе; а такъ какъ съ одной стороны лаванда, а съ другой терпентинъ были издавна очень распространены въ торговлѣ, то немудрено, что терпентинъ у Русскихъ могъ быть названъ спиканардомъ или, въ передѣлкѣ, скипидаромъ: это названіе, на западѣ произвольно данное лавандѣ, было для насъ также непонятно, какъ и слово «terpentin».

Я. Гротъ.

Изъ вновь открытаго древне-русскаго поученія до-монгольской эпохи. (Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1888 г., стр. 106).

Мнози же отъ человѣкъ се творять по злоумію своему. Въ святый великій четвертокъ повѣдають мертвымъ мясá и млеко и яица, и мыльница (бани) топять, и на печь льють (для пара), и пепелъ посредѣ сыплють слѣда ради, и глаголють: «мыйтеся!» и чехлы вѣшають и убрусы, и велять ся терти (утираться). Бѣси же смѣются злоумію ихъ, и влѣзши моются и порплются въ попелѣ томъ, яко и куры, слѣдъ свой показають на попелѣ на прельщеніе имъ, и трутся чехлы и убрусы тѣми. И приходять топившіи мовници (бани), и глядають на попелѣ слѣда; и егда видять на попелѣ слѣдъ, и глаголють: «приходили къ намъ навья (покойники) мыться». Егда то слышать бѣсы, и смѣются имъ... Но и паки проклятіе творять, еже та мяса приповѣдають мертвымъ въ четвертокъ и паки скверное то приповѣданіе въ Воскресеніе Христово ѣдять сами, ихъ же не достояло и псомъ ясти...

Изъ житія св. Адріана Пошехонскаго (по сп. М. Публ. М., Унд. № 1308).

Въ лѣто 7120 (1612) въ Пошехонскомъ уѣздѣ Шигарскія волости села Тужева церковный діакъ Иванъ Прокопіевъ хожаше по вся лѣта къ Иліѣ пророку на пустошъ на рѣку Ухру на усть рѣки Ушломы къ рябинѣ на ильинскую пятницу. И изо окрестныхъ весей священники прихожаху на той день и съ собою приношаху икону мученицы Парасковіи нареченной Пятницы и поюще молебны. А изо окрестныхъ волостей и изъ градовъ многи торговые и пахотные люди вѣру держаху мученицѣ Христовѣ Парасковѣ, нареченной Пятницѣ, на той день прихожаху, и молящеся мученицѣ Христовѣ Пятницѣ, и у рябины сквозѣ сучіе пронимаху дѣти малые и юнаты. А иніи людіе и въ совершенномъ возрастѣ пронимахуся. Прежде реченному же дьяку Иванну Прокопіеву разсуждаху людемъ симъ, яко «не подобаетъ тако творити вамъ православнымъ христіаномъ, яко же вы содѣваете. По правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, древо, на немъ же нѣсть образа Спасова и его святыхъ богоугодниковъ, да не поклоняемся таковому древу, яко неистово есть и неподобно тако творити христіяномъ. Аще ли у васъ есть вѣра теплая на семъ пустомъ мѣсте молитися, и вы устройте себѣ на семъ мѣстѣ церковь во имя св. пророка Иліи и мученицы Христовы Парасковіи, нареченныя Пятницы, и вы себѣ отъ Бога сугубу мзду пріимете, а отъ окрестныхъ христолюбивыхъ христіянъ честь и славу»... (слѣдуетъ разсказъ объ обрѣтеніи подъ рябиною мощей св. Адріана и о построеніи на ея мѣстѣ церкви).

Сообщилъ *А. Соболевскій.*

Некрологъ.

24 сентября 1891 года окончилъ свою труженическую жизнь въ Краковѣ профессоръ мѣстнаго университета и членъ Академіи наукъ Исидоръ Коперницкій. Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся польскихъ антропологовъ; работалъ онъ также въ области доисторической археологіи и этнографіи. Родился въ селѣ Чижовкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ. 16 апрѣля 1825 года и по окончаніи медицинскаго факультета въ университетѣ св. Владиміра въ 1849 году со степенью лекаря, Копер-

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

второй годъ свой начнетъ съ января 1892 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ (въ январѣ, мартѣ, маѣ и октябрѣ) книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ.

Подписная цѣна за **четыре** выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—**5 р.**, въ другіе города Имперіи—**5 р. 50 к.** и за границу—**6 р.**

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, въ редакціи „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ (СПБ. у Чернышева моста) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ), Стасюлевича, Девріэна, Березовскаго и Глазунова.

Желающіе разсрочки благоволятъ на первый разъ выслать въ Геогр. Общ. на редакцію «Живой Старины» 2 р., для второй книжки—1 р., для третьей—1 р. 50 к. и для четвертой—1 р.

Редакторъ «Живой Старины» Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

В. И. Ламанскій (Звенигородская, 32).

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

DATE DUE			